

БЛАГОВЕЩЕНСК. Из века в век

Валентина Кобзарь

**165 ИСТОРИЙ БЛАГОВЕЩЕНСКА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Документально-

повествование

публицистическое

Благовещенск-на-Амуре, 2021

ББК 63.3(2Рос-4Аму-2Бла)
К553

Кобзарь Валентина Петровна.

165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX вв.). Документально-публицистическое повествование / Валентина Кобзарь; [отв. ред. Т.Н. Телюк]. — Благовещенск-на-Амуре, 2021. — 428 с. — (Благовещенск. Из века в век). — Библиогр.: в тексте, 420-422 с. ISBN: 978-5-903972-28-9

Редакционная коллегия:

к. и. н. *Пастухова Е.И., Праскова О.С.,* к. филос. н. *Т.Н. Телюк* (ответственный редактор)

Книга написана на основе множества самых разных источников: это публикации газет и журналов, издававшихся в Благовещенске, документы, хранящиеся в дальневосточных и центральных архивах, краеведческие книги, вышедшие в свет в наше время. Основная задача состояла в том, чтобы сделать достоянием широкой общественности информацию об истории города, содержащуюся в периодических изданиях конца XIX – начала XX веков. В книге разворачиваются запоминающиеся картины разносторонней жизни Благовещенска, выпукло показываются его насущные проблемы и участие в их решении, как отдельных личностей, так и многочисленных сообществ горожан. Материал издания подтверждает достоверность различных исторических событий и позиций, предоставляет неизвестные ранее факты из жизни многих благовещенцев, позволяет современным потомкам жителей нашего города уточнить и расширить историю своего рода.

«165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX вв.)» – книга, адресованная всем, кому интересен Благовещенск, всем любознательным читателям, идущим вслед за автором по страницам истории родного города.

ISBN: 978-5-903972-28-9

© Кобзарь В.П., 2021

© АО «Амурская ярмарка» – издание, оформление, 2021

© АО «Амурская ярмарка» – серия «Благовещенск. Из века в век», 2021

ОТ АВТОРА

Все начинается с любви. И эта книга – тоже. Люблю Благовещенск и газеты.

Сначала про город. Я выросла в Находке Приморского края. Там всюду были лагеря заключенных, так что историческая застройка города – это деревянные бараки и карцеры из дикого камня. А ещё сопки загораживают горизонт, солнечных месяцев в году три – август, сентябрь и октябрь, в остальное время морось, ливни, тайфуны.

Попав в Благовещенск (по распределению, после Дальневосточного государственного университета, в редакцию газеты «Амурская правда»), ахнула: небо ясное и высокое, солнце яркое, радуги огромные, горизонт – в дальней дали, улицы широкие, дома такие разные (а бараки бывают только типовые).

В «Амурской правде» тогда работали легендарные Леопольд Феликсович Сарапас, Николай Петрович Мулгачёв, Алексей Ильич Самборский, совсем молодые Адам Погарский, Венадий Токарев, Николай Белый, Валерий Черкесов. Меня определили в отдел информации. Отделом заведовал Абрам Григорьевич Ривлин. Он писал музыку и театральные рецензии, прекрасно разбирался в футболе, любил анекдоты, шахматы и кофе, а отдел информации под его руководством регулярно выходил победителем социалистического соревнования (не только каменщики и доярки соревновались, и журналисты – тоже, и Доска почёта в редакции была). Абрама Григорьевича знал весь город. Когда в 1979 году его хоронили, проститься с ним пришло так много людей, что на время перекрыли улицу Ленина (редакция тогда размещалась на углу Ленина–Калинина).

В отделе информации было больше свободы в выборе тем, чем, например, в отделе сельского хозяйства или промышленности. Когда я предложила рубрику «Пешком по городу», чтобы рассказывать о старом Благовещенске, Абрам Григорьевич идею одобрил. Домики в деревянных кружевах, кирпичные брандмауэры, ажурные дымники, бывшие дворцы-магазины – всё невероятно интересовало, а информации было мало. Какие-то моменты прошлого вообще звучали мифически: «Левашовская дача», «Шадринский собор», «Архиерейское подворье»...

Прошло много лет. В Благовещенске восстановили кафедральный собор, Триумфальную арку, Шадринский собор перестал быть только легендой, кандидаты философских наук Анатолий Васильевич и Татьяна Николаевна Телюк (издательская группа акционерного общества «Амурская ярмарка») начали издавать краеведческие серии книг «Приамурье. Из века в век», «Благовещенск. Из века в век».

Наконец, появилась возможность читать дореволюционную периодику. Мне удалось проштудировать подшивки нескольких журналов

и газет («Камчатские епархиальные ведомости», «Благовещенские епархиальные ведомости», «Амурская газета», «Эхо», «Амурское эхо», «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Амурский земледелец», «Записки любителя», «Дятел, беспартийный»), а также отдельные номера других периодических изданий, выходящих в свет с 1894 по 1924 год в Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Харбине, Чите.

Результатом поисков и чтений стала книга о путешествии А.П. Чехова на Дальний Восток («Благовещенск. До востребования»..., 2017); очерк о поэте Фёдоре Чудакове в книге «Благовещенск. Март 1918» (2018); больше шестидесяти публикаций в периодических изданиях; больше пятидесяти устных выступлений (в том числе доклады на научно-практических конференциях) в библиотеках, музеях, учебных заведениях Благовещенска, Владивостока, Южно-Сахалинска, городов и районов Амурской области; участие в подготовке трёх выпусков квеста «Самый-самый Благовещенск» (2017, 2018, 2019); больше десяти экскурсионных маршрутов по областному центру и материал для книги «165 историй Благовещенска». Надеюсь, читать её будет так же интересно, как интересно было над ней работать.

«165 историй...» – определение условное. В книге двадцать две главы, в каждой главе от двух до десяти-двенадцати частей, в каждой части – три, пять, десять историй. Среди них есть взятые из прессы целиком, как о скандале с семейством Мандрыка или драме, что разыгралась во «Французской» гостинице. Но большинство историй составлены из массы заметок, которые в благовещенских газетах публиковались на протяжении нескольких лет, например, о работе городской думы, судьбе пианистки М.Ф. Кнауф-Каминской, системе народного здоровья...

Сама книга, как фристайл¹ по страницам газет. Свободный творческий поиск позволил мне найти и высветить главную тему – человека (благовещенца с его эмоциями, мнениями и оценками) и окружающий мир (пространство города с его контрастами, фактами и событиями). Вматриваясь в кажущийся, на первый взгляд, сумбур и хаотичность жизни, отраженной в газетах (там ведь все рядом: и сообщения о землетрясении, и реклама модных шляпок!), вдруг обнаруживаю её целостность, соединенность, подчинение единой композиции. Так и на страницах книги «165 историй...» – в пестрой, эклектичной мозаике газетных материалов разворачивается,

---

¹Фристайл — (англ. freestyle — свободный стиль).

структурируется многогранная жизнь Благовещенска в течение трёх десятилетий.

Мои соавторы – журналисты, работавшие в Благовещенске на рубеже веков: Е.А. Александров, Г.В. Артюхов, А.Н. Бибергаль, А.М. Бродовиков, Н.Ф. Губанов, А.В. Кирхнер, А.И. Комов, Ф.Ф. Коротаев, К.К. Куртеев, В.М. Константинов, Г.И. Клитчоглу, А.И. Матюшенский, Е.А. Михайлова, В.Г. Петров, Э.А. Плосский, М.Ф. Поздняков, А.В. Прибылёв, А.П. Прибылёва-Корба, В.Р. Раевский, П.И. Спицын, С.С. Синегуб, Н.И. Сажин, О.И. Типцов, А.И. Хворов, Ф.Т. Харитонов, Ф.И. Чудаков² и другие, менее известные и неизвестные вовсе, что подписывались псевдонимами. Своими заметками, корреспонденциями, очерками, фельетонами, отчётами, репортажами, стихами они создали живой, неофициальный облик Благовещенска, каким он был сто с лишним лет назад. С благодарностью к коллегам, представляю на суд читателей наш общий труд.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПРЕССА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ (Вместо предисловия)

Начинать рассказ о городе с рассказа о газетах нелогично, ведь первые периодические издания появились через сорок лет после основания Благовещенска. Но большая часть сведений, которые вошли в книгу, почерпнута как раз из газет, и они заслуживают отдельной главы «на открытие», как говорят в редакциях, то есть в самом начале.

---

²В дальнейшем инициалы будут указываться не всегда, так как не все они известны.

*Курсивом в тексте книги выделены дополнения и пояснения «от автора».

Газета – уникальная вещь. В первую очередь источник информации, она может быть скатертью, мухобойкой, веером, туалетной бумагой, упаковкой, утеплителем... Главное её достоинство – газета хранится столетиями и читать её можно хоть при лучине, в отличие от электронных СМИ.

В Благовещенске периодическая печать появилась в конце XIX века. Первыми были «Камчатские епархиальные ведомости». Тут необходимо пояснение.

Камчатская, Курильская и Алеутская епархия была создана в 1840 году. Возглавил её епископ Иннокентий (Вениаминов), впоследствии митрополит Московский и Коломенский – один из основателей Благовещенска. Сначала кафедра епископа находилась в Русской Америке – в Новоархангельске на острове Баранова. Потом, по усмотрению правящего архиерея Иннокентия (Вениаминова), она размещалась в Аянске и Якутске, а с 21 декабря 1858 года – в Благовещенске. Здесь с 1894 года стали издаваться «Камчатские епархиальные ведомости». После разделения Камчатской епархии на Благовещенскую и Владивостокскую, с мая 1899 года, издание сменило название на «Благовещенские епархиальные ведомости».

В официальном отделе «Ведомостей» печатались высочайшие манифесты, определения и указы Синода, обер-прокурора, распоряжения епархиального начальства, объявления от правления Благовещенской духовной семинарии и другие официальные документы. Отдел неофициальный заполнялся проповедями местного духовенства, оригинальными и заимствованными статьями, письмами читателей, описанием событий из жизни епархии и – иногда – из жизни Благовещенска. Так, в апрельском номере за 1912 год был напечатан подробный отчёт о том, как горожане провожали в последний путь известную благотворительницу Ольгу Мартыновну Левашеву.

«Благовещенские епархиальные ведомости» перестали выходить в свет в 1918 году.

Первый номер «Амурской газеты» – первого светского издания Благовещенска – вышел в свет 1 июля 1895 года. Судьба редактора и издателя этой газеты А.В. Кирхнера типична для многих амурских журналистов того времени: недоучившийся студент Московского технического училища, террорист-народоволец, ссыльный, после окончания срока наказания – служащий Ниманской золотопромышленной компании в Амурской области, затем – владелец типографии и газеты в Благовещенске.

Буквально в каждом номере газеты Александр Валерьянович публиковал едкие заметки о деятельности Благовещенской городской думы, городской управы, отдельных представителей самоуправления, аналитические статьи и обзоры текущих событий. Оче-

видец и активный участник русско-китайского военного конфликта 1900 года, А.В. Кирхнер написал и издал документальную книгу «Осада Благовещенска и взятие Айгуна».

Он был очень популярным и авторитетным журналистом. Умер в 43 года. Амурский губернатор Д.В. Путята прислал на похороны военную музыку и сам шел за гробом. Исключительный случай в истории амурской журналистики.

Одним из самых популярных благовещенских изданий была ежедневная газета «Эхо» (выходила с 3 сентября 1908 года). По литературному и содержательному уровню она не уступала ведущим газетам России, имела множество «народных» корреспондентов в Приамурье (о самых разных событиях писали в редакцию служащие, мещане, крестьяне, учителя, инженеры, врачи), имела специальных корреспондентов в Петербурге, Москве, Париже, Риме, Маниле, Сахалине. Шуточное издание, которое время от времени печаталось на внутренних полосах «Эхо» и называлось «Балаболка», имело соборов «на Луне, Марсе, Полярной звезде, на Северном и Южном полюсах, на дне Цусимского пролива, в ресторане «Гранд-отель», в «Аквариуме» и т. д.» Не скучное было издание, но серьёзное и весьма, весьма осведомлённое, в начале своего существования – прогрессивное. Распоряжением генерал-губернатора Амурской области 3 февраля 1915 года выпуск газеты был приостановлен «на время военных действий» (шла Первая мировая война), а практически закрыто. С 3 ноября 1916 года газета стала выходить вновь под названием «Амурское эхо». В обращении к читателям издатели заявили, что «газета по мере сил будет по-прежнему стремиться к возможно полному освещению местной, областной, а также общерусской жизни». Слово сдержали: и сегодня газета читается с большим интересом.

17 марта 1918 года (в Благовещенске на время установилась власть Советов) постановлением облисполкома издание газеты «Амурское эхо» было окончательно прекращено «ввиду контрреволюционной деятельности». Чудом сохранились до наших дней подшивки газет «Эхо» и «Амурское эхо» за несколько лет.

В разные годы в Благовещенске кроме уже названных изданий выходили газеты «Амурский летописец», «Амурский пионер», «Амурская жизнь», «Амурская речь», «Амурское слово», «Амурский коммерческий посредник», «Благовещенск», «Благовещенское утро», «Голос окраины», «Голос приказчика», «Голос труда», «Амурские отголоски», журналы «Колбочки», «Зея» и другие.

Главным источником доходов периодических изданий была реклама. Рекламодатели, а их в Благовещенске было предостаточно, платили за строку петита по 20 копеек, если объявление размеща-

лось «перед текстом» – на первой полосе, рядом с названием газеты, выше официальных сообщений, и 10 копеек – «после текста», то есть на двух последних страницах. Для рекламных объявлений, которые поступали из Европейской России и из-за границы, цена была выше – 30 и 15 копеек за строку петита соответственно.

Самыми активными рекламодателями были торговые фирмы (некоторые выкупали целые страницы), пароходовладельцы, частно-практикующие врачи, кинотеатры и разного рода гастролёры: театральные труппы, оркестры, циркачи, спортсмены.

Распространялись издания по подписке (за ежедневную газету платили 8-10 рублей в год) и в розницу (один номер газеты стоил 5-8 копеек). У каждой редакции были свои «газетчики» – в основном мальчишки, которые продавали свежие номера на улицах города.

Первый газетный киоск появился в Благовещенске в 1911 году. В феврале в городскую думу обратился некто Земплинер с просьбой отвести ему несколько квадратных саженей земли на участке бывшей Алексеевской женской гимназии (деревянное здание на Чуринской площади), чтобы поставить там торговую точку. «Такого рода киоски, в других городах составляющие обыденное явление, у нас будет новшеством», – писал репортёр газеты «Эхо». В сентябре 1911 года просителю выделили 1,5 сажени на углу Торговой и Большой. Арендная плата – 450 рублей в год. Было ли предприятие по торговле газетами и книгами успешным, и как долго работал киоск, неизвестно.

О чём можно было прочитать в благовещенских газетах? Издания публиковали распоряжения и объявления органов власти и местного самоуправления; отчёты с заседаний городской думы, съездов золотопромышленников, пароходовладельцев, врачей; новости из Европейской России, заграничные и Приамурья (их получали по телеграфу или перепечатывали из иногородних газет, которые доставляла почта); сообщения о спортивных соревнованиях, гуляниях, бегах и скачках, спектаклях профессиональных актёров и любительских коллективов; литературные произведения современных авторов, в том числе местных, например, «коллективный роман «Амурские волки»; письма читателей, справочную информацию и многое другое.

В каждом номере обязательно размещалась «Местная хроника»: десять–двадцать небольших заметок о самых разных событиях. Например, таких: «Две дохлые крысы валяются на Чуринской площади между иллюзионом и лавочками. Если вообще следует тщательно убирать с улиц всякую падаль, то крыс тем более»; «По поводу предполагаемого прохождения Земли через хвост кометы Галлея редакция обратилась по телеграфу в Пулковскую обсерваторию (Санкт-Петербург) с просьбой сообщить, когда можно будет наблюдать это явление. Ответ – около полуночи благовещенского времени».

Газеты печатали самые разные новости. Важнейшими для жителей Благовещенска были сообщения с Шилки и Амура: весной – о движении льда (чем раньше он двинется, тем быстрее начнётся навигация), летом – об уровне воды в реках (если высокий, значит, не будет задержек с доставкой грузов и пассажиров, если низкий, значит, подсчитывай убытки), осенью – о шуге: она предвещала окончание навигации.

Из прессы горожане узнавали о движении пароходов, расценках на перевозку грузов и потребностях в самих перевозках по огромному Амурскому бассейну, а это Шилка, Амур, Зея, Томь, Селемджа, Буряя, Сунгари, Уссури и озеро Ханка. Газеты публиковали списки пассажиров, которые занимали на пароходах каюты первого класса: «Прибыл из Сретенска доктор Гуревич с семьей»; «Из Австралии проследовал германский консул Гек, который направляется на родину». Иногда сообщали и адреса, по которым останавливались гости Благовещенска: «Прибыл из СПб помощник присяжного поверенного Шмидт, остановился в «Гранд-отеле» в №5»; «Из Владивостока приехал коммивояжер «Резиновой мануфактуры» Юргенс. «Гранд-отель», №10»; «Из Иркутска торговец пушниной Николай Михайлович Бережнов остановился в гостинице «Россия», №25»; «Уполномоченный Ярославско-Костромского банка И.А. Стратонович прибыл на пароходе «Джон Коккериль», остановился в «России».

Регулярно публиковались сообщения о недоставленных телеграммах. Их разносили по адресам, и, если телеграфный чиновник вас дома не застал, ищите свою фамилию в газете («Недоставленные телеграммы: Иванову – из Петербурга, Сидорову – из Цицикара») и отправляйтесь за посланием сами.

В марте 1912 года газета «Эхо» опубликовала любопытный отчет о телеграммах, которые благовещенская почтово-телеграфная контора в течение года по разным причинам не смогла доставить адресатам: «267 – не проживание адресата, 12 – искаженный адрес, 729 – неполный адрес, 452 – выбытие адресата, 3 – необозначение фамилии, 69 – за отказом от приёма телеграммы, 371 – другие причины. Всего не доставлено 1903 телеграммы». Конечно, во много раз больше телеграмм нашли адресатов.

В каждом номере газеты обязательно размещались «Письма в редакцию». Это были сообщения читателей – благодарности, жалобы, вопросы. Вот, к примеру: «Имеющиеся в настоящее время списки телефонных абонентов устарели, что представляет значительные неудобства. Когда будут подготовлены новые списки?»

Через газеты жители города выясняли отношения друг с другом. Если в какой-то публикации кто-то кого-то в чём-то обвинял, критиковал, предъявлял претензии, по тогдашним правилам хорошего тона оппоненту следовало отвечать именно через газету. В 1909 году серьёзная полемика между двумя докторами растянулась на полгода: на страницах газеты «Эхо» они спорили друг с другом по поводу диагноза своей пациентки – жительницы Благовещенска, чьё имя называлось в каждом письме. Спорили со всеми медицинскими подробностями. Оба врача – гинекологи!

Пресса в то время работала в условиях цензуры: господин полицмейстер Благовещенска просматривал свежие номера и, если находил что-то, по его мнению, крамольное, приказывал составить акт и передать его в суд. Суд выписывал штрафы в 100-200 и больше рублей. По усмотрению судьи денежный штраф иногда можно было заменить на тюремное заключение, и многие соглашались на такой вариант.

Чаще других проблемы с законом возникали у редактора газет «Благовещенское утро», «Амурский пионер» Александра Ивановича Матюшенского. Особенно в 1912 году. Вот небольшая хроника его конфликтов с законом.

Февраль: «Административное взыскание, наложенное на редактора «Амурского пионера», вступило в силу. За отказ внести штраф Матюшенский подвергнут аресту».

Май: «Редактор газеты «Амурский пионер» заявил администрации, что вместо уплаты штрафа в 200 р., наложенного на него за статью «Московские миллионеры и Коковин», он готов сидеть в тюрьме. Срок заключения – шесть дней».

Июнь: «7 июня у мирового судьи первого участка рассматривается дело по обвинению епархиальным наблюдателем священником Овчинниковым редактора «Амурского пионера» Матюшенского за оскорбление в печати. Приговор Матюшенскому: штраф 20 р. с заменой при несостоятельности на четыре дня ареста».

«11 июня в заседании окружного суда при закрытых дверях разбиралось дело по обвинению редактора газеты «Амурский пионер» Матюшенского по 1034 ст. Уголовного уложения, возбуждённое вице-губернатором камер-юнкером Чаплинским. Суд вынес следующий приговор: редактора Матюшенского подвергнуть заключению в тюрьму на четыре месяца».

«14 июня очередной номер «Амурского пионера», выпущенный вечером 12 июня, по распоряжению администрации был конфискован. Городовые ходили по улицам и отбирали газету, вследствие чего номера, случайно сохранившиеся у газетных продавцов, котировались, как мы слышали, от 2 до 5 р. за экземпляр. Арест газеты начал-

ся в типографии, где взята была почти вся наличность, а также арестован набор второй и третьей страниц. В редакции полиция захватила только три номера, так как розница была уже выдана разносчикам. Причина конфискации в отчёте о состоявшемся 11 июня судебном разбирательстве дела Матюшенского).

«15 июня издание «Амурского пионера» приостановлено за статью «Суд над редактором».

Распроставшись с «Амурским пионером», та же компания (А.И. Матюшенский, Н.В. Бурдина, Е.А. Михайлова и коллеги) в том же июне 1912 года «возбудила ходатайство о разрешении издавать газету «Благовещенское утро». Разрешение было получено и, по сути, прежнее издание под новым названием выходило в свет вплоть до 1917 года.

За разные сочинения крамольного характера часто наведывались «на горку» Г.И. Клитчоглу (редактор газет «Амурский край», «Амурская жизнь»), Д.В. Дулетов (редактор-издатель газеты «Амурская речь»), Ф.И. Чудаков (ответственный секретарь газет «Эхо», «Амурское эхо»), К.К. Константинов (редактор-издатель газеты «Торгово-промышленный листок объявлений»), К.К. Куртеев (редактор-издатель газеты «Благовещенск») и другие. При нарушениях особо серьезных с точки зрения полицмейстера, редакторам выписывали огромные штрафы «без замены на арест». И это было в порядке вещей – по закону.

Журналисты тех времен были дотошными и всезнающими, от них доставалось и чиновникам, и миллионерам, и обывателям. Двум газетчикам – А.В. Кирхнеру и Ф.И. Чудакову – горожане планировали установить памятники. Не сложилось.

БЛАГОВЕЩЕНСК

*Усть-Зейский пост – Усть-Зейская станица – Станица
Благовещенская – Город Благовещенск – Местные и пришлые*

История Благовещенска и, собственно, Амурской области начинается с приказа, который генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев дал своему офицеру по особым поручениям М.С. Корсакову

(впоследствии генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири) об организации пяти военных постов на левом берегу Амура для обеспечения продовольствием войск, возвращавшихся с низовьев Амура после окончания Крымской войны.

Усть-Зейский пост – Усть-Зейская станица – Станица Благовещенская – Город Благовещенск

14 мая 1856 года Корсаков докладывает об основании Усть-Зейского поста. С сентября того же года здесь обосновались казаки Забайкальского казачьего войска под командованием сотника М.Г. Травина.

В 1857 году на Амур прибыли 583 семьи казаков и два линейных батальона регулярных войск. Усть-Зейский пост был преобразован в Усть-Зейскую станицу. В ней разместились оба батальона. В тот год на Амуре было основано 15 казачьих станиц.

В мае 1858 года, после подписания Айгунского договора и закладки храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, Н.Н. Муравьев принимает решение переименовать Усть-Зейскую станицу в Благовещенскую и преобразовать её в город.

5 июля 1858 года последовал императорский указ об учреждении у слияния Амура и Зеи города Благовещенска, а 8 декабря – об образовании Амурской области с административным центром в Благовещенске. Первым военным губернатором Амурской области был назначен генерал-майор Н.В. Буссе.

Локомотивом развития нового края стало золото: с 1865 года, когда в Приамурье была разрешена его добыча частным лицам, один за другим стали открываться прииски (в 1890 году их было больше 30).

«Мегаполис Восточной Сибири», «Сибирская столица», «Амурский Париж» – так называли наш город путешественники того времени. И они не преувеличивали. В первые 60 лет существования Благовещенск – самый крупный и самый богатый город Дальнего Востока. Он имеет важное военно-политическое и экономическое значение для всего региона. В разные годы здесь были расквартированы 1-й Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьёва-Амурского полк, 21-й Сибирский стрелковый Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полк (до 1910 – Восточно-Сибирский), батарея 2-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В городе размещались разного рода административные учреждения: областное по крестьянским делам присутствие, окружное полицейское управление, управление 1-го акцизного округа Амурской и Приморской областей, уездное казначейство и т.п. Все крупные золотодобывающие компании, в их числе Верхне-Амурская, Верхне-Зейская, Джалонская, Ниманская, Ельцова и Левашева имели представительства в Благовещенске. Здесь разместилось управление Амурского водного бассейна, одно из крупнейших в Приамурье переселенческих управлений, управление строительства средней части Амурской железной дороги. Размах благовещенской торговли поражал воображение и, по меркам Дальнего Востока, здесь была хорошо развитая промышленность: действовали чугунолитейный, машиностроительный, пивоваренные, кирпичные, кожевенные заводы, спичечная фабрика, мощные паровые мельницы. Благовещенск – город безграничных возможностей для людей отчаянных и предприимчивых, город рухнувших надежд для тех, кому не судьба разбогатеть или хотя бы найти «занятие за скромную плату».

Местные и пришлые

Что из себя представляло благовещенское общество? Как в любом другом городе, стоящем «на перекрёстке путей и дорог», обитателей Благовещенска можно было поделить на две группы: первая – те, кто живёт здесь постоянно, вторая – пришлые (их называли навозными, с ударением на «ы», то есть привезёнными). «Коренные» – это мещане, крестьяне, купцы, приказчики, фабриканты, рабочие и т. д., имевшие в городе недвижимость, собственное «дело», работу и приработок в виде извоза, охоты, заготовки леса, содержания квартирантов... Пришлые – это разного рода коммивояжеры, оказавшиеся в городе по делам; сезонные работники, занятые на строительстве

Амурской железной дороги, приисках, речном флоте, в сельском хозяйстве; переселенцы и просто проезжающие (пароходы приходилось ждать иногда неделями). Кроме того, масса иностранцев: европейцев, китайцев, монголов, японцев, корейцев, американцев.

В первые пятьдесят лет истории города пришлых людей иногда было больше, чем постоянных жителей. К примеру, в 1886 году в Благовещенске числилось 710 иностранцев, 3841 разночинец, 1914 отставных солдат и казаков, 1081 ссыльнопоселенец. Всего 7546 душ. А «коренных горожан» обоего пола всего 3872 человека: 21 почетный гражданин, 338 купцов, 3463 мещанина.

На рубеже веков городское население росло постепенно, прибавляясь в среднем по 2000 человек в год, и в 1905 году составило 39 629 душ. После Русско-японской войны в Благовещенске осело большое количество беженцев, и в 1907 году в городе проживало уже 56 414 человек. Вскоре после той войны началось сооружение Амурской железной дороги, на «стройке века» были заняты тысячи специалистов и сотни тысяч рабочих, количество жителей областного центра с 1908 по 1911 увеличилось почти на 13 000 человек – с 57 340 до 70 145. Начиная с 1912 года, когда основные работы на строительстве Амурской железной дороги заканчивались, грузопоток с Амура постепенно перемещался на «железку», что негативно влияло на экономическое положение города, его население стало уменьшаться: в 1914 году в Благовещенске проживало 56 436 человек.

Обычно особенно бурной городская жизнь была по осени, когда заканчивался сезон добычи золота, приисковые рабочие получали расчёт и «отдыхали» в Благовещенске в ожидании пароходов. Пёстрая и денежная публика тратилась в лавках и магазинах, широко гуляла в ресторанах, трактирах, буфетах, распивочных и «весёлых» домах. «Капризная судьба выбирает двух-трёх счастливиц (из приисковых) и дарит им богатства, которые, по прибытии владельца в Благовещенск, в большинстве случаев самым бесшабашным образом прожигаются, причём, происходят сцены, не лишённые комизма. Например, покажется такому гуляке, что ему неприлично ходить по грязи, и он скупает ситец и стелет его по земле для своего прохода, или, например, вместо водки начинает пить одеколон, считая это почетнее», – вспоминал архитектор и путешественник А.И. Середин-Сабатин, побывавший в Благовещенске в конце XIX века.³

Да, временами жизнь в Благовещенске была отчаянно бурной. Но только разгульным весельем она не исчерпывалась. Для примера – отрывок из дневника казака Д.Н. Пешкова о том, как степенно и душевно провожали его из Благовещенска в Петербург 7 ноября 1889 года. В 6 часов утра, отслужив молебен в Никольской церкви, Дмитрий Николаевич отправился к настоятелю церкви протоиерею

Александр (Сизому) за благословением, а от него к своему командиру полковнику Г.В. Винникову проститься. Прощание было самым тёплым и искренним. «День был ясный, дул небольшой ветер при температуре градусов в 20, – записал в своем дневнике Дмитрий Николаевич. – Ровно в 12 час. и 20 мин. пополудни, перекрестившись, я сел на коня и тронулся в путь в сопровождении до городской черты в экипажах супругов Аргуновых, г-ж Д.Л. Кристензен, А.И. и М.И. Львовых и японского доктора Ино с переводчиком; затем верхами: китайца Василия Васильевича, товарищей А.С. Добротворского, Н.Л. Караулова, А.А. Зарудного, И.Н. Зыкова, А.Д. Ожигова, И.Н. Золотовского, Б.Ф. Кузьмицкого, А.Б. Карпова. Впереди выехали квартиргеры товарищи офицеры: В.Н. Лютиков и Б.А. Соколов с целью приготовить в станице Игнатьевской ночлег.

Подъезжая к станице, кавалькаду нагнал Н.К. Кононович. По приезде в Игнатьево, после закуски все отправились на вечеринку к казаку Епифанцеву, выдававшему в этот день свою дочь замуж. Пробыв часа полтора на вечеринке, некоторые вернулись в Благовещенск, а некоторые остались ночевать. Проснувшись очень рано и осмотрев коня, выехал в 7 час. утра из станицы Игнатьевой».

По этому эпизоду можно представить, что жизнь «коренных» благовещенцев была относительно спокойной, вполне размеренной, в окружении близких и знакомых, проходила она в трудах и заботах и, как правило, без диких выходов, которыми отличались «пришлые».

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Сухопутный маршрут – По Амуру – В Приамурье – «Целинники»

Почти сто семьдесят лет назад правительство Российской империи организовало переселение крестьян в Приамурье. Наши предки решили стать участниками этого грандиозного проекта. Благовещенск был одним из опорных (в первые годы – основным) пунктов

---

³История Благовещенска. 1856-1917. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2009. Т.2. С. 149-151.

переселенческого дела в Приамурье. Переселенцы составляли значительную, хотя и «транзитную», часть населения города.

Сухопутный маршрут

«Переселенцы, отправляющиеся на Амур, имеют очень смутные понятия об этом далёком крае. Иные из них идут по слухам, надеясь найти на Амуре рай и жить без забот на вольной земле. Другие идут по письмам своих родных и односельчан, доверяясь обещаниям, будто здесь всё достаётся без труда и хлопот. На деле никаким обещаниям и слухам верить нельзя». Это цитата из «Справочной книжки Амурской области для переселенцев» за 1899 год. Составил её чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе по переселенческим делам А.А. Тарновский. В ней он пишет: «Нелегко добраться до Амура, а ещё труднее здесь устроиться. Жизнь дорогая, хозяйство ведётся не так, как в России, обработка земли тяжёлая, климат другой, дороги плохие, селения редки, храмов Божиих мало...» Но, надеясь на удачу, на восток, за землей и лучшей долей тянулись жители Астраханской, Полтавской, Таврической, Самарской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Енисейской и других губерний России.

Первыми отправлялись ходоки. Их посылали отдельные семьи или целые сёла. Ходоки были настоящими разведчиками: осматривали новые земли, выбирали участки, оформляли документы, писали письма-«отчёты» или возвращались на запад, чтобы лично рассказать об увиденном тем, кто их посылал в дальнюю даль. Уже после этого покидали родные места собственно переселенцы. Их считали – семьями: приехало 15 семей – 180 душ, прибыло 30 семей – 320 душ.

Дорога в Приамурье – это 8000-10 000 км. Переселенцы ехали в повозках, где была возможность – по воде, много шли пешком. По мере строительства Транссибирской железнодорожной магистрали их стали перевозить в поездах.

По Амuru

До 1910 года «железка» заканчивалась в Сретенске: там и сейчас рельсы упираются в скалу (Амурскую железную дорогу от станции Куэнга в Забайкалье до Ха-

баровска полностью ввели в эксплуатацию в 1916 году). От Сретенска до Благовещенска по Шилке и Амуру переселенцы добирались на плотках, казенных или частных пароходах и баржах. Некоторые везли через всю страну лодки и сплавливались на них. Вот, например, что писала газета «Торгово-промышленный листок объявлений» в июле 1909 года: «На берегу Амура расположились переселенцы из Бессарабии. По Амуру они шли на лодках, которые привезли по железной дороге, заплатив за них, как за телеги».

Выгоднее всего было сплавливаться на плотках: не надо платить за проезд, места хватает людям, животным, телегам, в Благовещенске брёвна можно продать или уже на месте построить из них жильё.

Цены за проезд на частных пароходах не были постоянными и зависели от «аппетитов» владельцев. В 1909 году газета «Эхо» писала: «Перевозка переселенцев в этом году будет производиться на пароходах наследников В.М. Лукина. Плата от Сретенска до Благовещенска с каждого взрослого 2 р. 50 к. (в прошлом году Амурское общество пароходства и торговли брало по 3 р. 50 к.), с малолетнего – 1 р. 25 к. (в прошлом году 1 р. 75 к.), с лошади и рогатого скота – 4 р. (в прошлом году 7 р.), телята и жеребята провозятся бесплатно (в прошлом году – по 3 р. 5 к.), груз – 15 к. с пуда (в прошлом году 20 к.), телега – 1 р. 75 к. (в прошлом году – 3 р. 50 к.)».

Плыть по реке легче, чем идти по суше, но достаточно опасно: пароходы налетали на камни и тонули, случалось, горели, но чаще они застревали на мелях или налетали на камни и «сидели». Иногда – с музыкой.

Летом 1890 года по пути на Сахалин на пароходе «Ермак» прошёл по Амуру А.П. Чехов. У станицы Покровской на Верхнем Амуре пароход, налетев на камень, получил пробоину и остановился для починки. Чехов написал об этом родным: «К станице подходит встречный пароход «Вестник» с массою публики. «Вестнику» тоже нельзя идти дальше, и оба парохода сидят сиднем. На «Вестнике» военный оркестр. В результате целое торжество. Вчера весь день у нас на палубе играла музыка, развлекавшая капитана и матросов и, стало быть, мешавшая починять пароход. Женская половина пассажира совсем повеселела: музыка, офицеры, моряки... ах! Вечером гуляли по станице, где играла по найму казаков всё та же музыка».⁴

Не всем так везло – «Ермак» просидел на мели только сутки, а, бывало, путешественники неделями не могли двинуться дальше: провизия кончается, деньги и время тратятся напрасно, а на новом месте надо успеть устроиться до холодов. Иногда пассажиры бунтовали и даже дрались с командой, но смирялись, потому что другой возможности добраться до новых земель не было.

В Приамурье

Множество опасностей подстерегало переселенцев в трудном далёком пути. А в Благовещенске их поджидали разного рода мошенники и проходимцы. Особенно отличались перекупщики коней. «Берут за лошадь втридорога, а сбывают никуда не годящую дрянь, – писал корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Тут вы встретите и слепую, и хромую, а то и совершенно безногую, напоённую водой, которая выглядит очень бойкой и кажется молодой. Переселенец, платя хорошие деньги, бывает наделён никуда не годной клячей».

Случалось и хуже. «Возле Анновки шестью неизвестными ограблено 79 переселенцев. Двое бандитов стреляли вверх, остальные обирали. Забрали 1500 рублей, двух лошадей, разное имущество», – сообщалось в криминальной хронике газеты «Эхо». Почему переселенцы не сопротивлялись? Может быть, от неожиданности, может быть, на всём пути до Амура такого с ними не случилось? К чести местных сыщиков, через несколько дней подозреваемых в ограблении переселенцев, с неопровержимыми уликами, арестовали на постоялом дворе Мостового, за Амуром, в Сахаляне.

Добрых людей всегда больше, чем бандитов, и амурчане, которые обосновались на новых землях раньше, помогали новосёлам самыми разными способами. В 1898 году в Благовещенске было организовано Общество вспомоществования нуждающимся переселенцам, но и до этого частные лица по своей инициативе делились с прибывающими продовольствием и транспортом, помогали в строительстве жилья, покупке скота, при болезнях, наводнениях, пожарах и т.д. Когда в 1885 году случился на Амуре недород, купец первой гильдии И.Ф. Голдобин пожертвовал для бесплатной раздачи нуждающимся переселенцам 1000 пудов муки. В июле 1909 года из-за мелководья на Зее застряло несколько барж с переселенцами. Моторный катер управления водных путей доставил им 80 пудов белого хлеба, который испекли в «Киевской булочной» Благовещенска. Хлеб доставляли несколько раз, пока переселенцы не добрались до места назначения. Подобных примеров помощи «новым амурчанам» было немало.

Благовещенск был перевалочным пунктом: сюда переселенцы прибывали по Амуру, здесь получали документы, пособия, другую помощь, отсюда следовали на заранее определенные участки. Фёдор Чудаков в 1910 году напечатал в газете «Эхо» прочувствованное стихотворение, посвящённое переселенцам, «На берегу».

Сыны чарующей Украины,

Страны, где воздух так здоров,
Где все толсты необычайно,
Где кормят крышами коров,
Где мёд и брага – в каждой хате,
Где степи вольные вокруг,
Где держат куриц на канате,
Чтоб не топтали панский луг, –
Сыны Украины незабвенной,
Скажите, други, откровенно,
Какой вас клад сюда влечёт
Из года в год, из года в год?
Простись, хохол, с янтарной вишней,
И от далекого пути
Ты на годов десяток лишний
Свой век печальный сократи.
Конечно, плохо, если с лапоть
Объёмом вся твоя земля,
Но ведь и здесь ты будешь капать
Кровавым потом на поля.
Конечно, нету здесь урядниц,
Что девок розгами секут,
И также не с мужичьих з---ц
Мирскую подать здесь берут.
Но все ж о землях чигиринских
С отрадой будешь вспоминать,
Когда чиновников Огинских
Тебе придётся повидать.

Во многих источниках можно прочитать о том, что на восток переселялись бедные люди. Это не так. Нужна была лошадь сильная, телега крепкая, деньги на проезд, еду, ночлег, обустройство на новом месте. Казна обеспечивала льготный проезд, выдавала денежные ссуды, лес для постройки дома и того, что нужно для хозяйства, продавала сельхозтехнику со скидкой, оборудовала дороги, устраивала колодцы, но и собственных денег переселенцам нужно было немало.

Газета «Амурский край» в мае 1910 года напечатала такую заметку: «Прибыла первая партия переселенцев. Они из Екатеринослава, Херсона, Харькова, Воронежской губернии. По-видимому, народ зажиточный: везут с собой всевозможный домашний скарб, много плугов, почти все имеют дышловые телеги на железных ходах». «Из Благовещенска в Зею двигался обоз переселенцев не менее 150-ти подвод», – сообщила газета «Эхо» в июне 1910 года.

---

⁴ В письме А.П. Чехова родным 23-26 июня 1890 г. От Покровской до Благовещенска.

«Целинники»

Сколько их было, новосёлов? Сотни тысяч. В 1907 году через Благовещенск прошло 15 000, в 1908 году – 9000, в 1909 году – 21 000, в 1910 году ожидалось 35 000 переселенцев.

«Целинники» добирались до отведённых им участков и там, в лесу или чистом поле, начинали обживать. Сергеевку основали молокане из Тамбовской губернии, Натальино – старообрядцы из Забайкалья, Астрахановку – сектанты (прыгуны) из Таврической губернии, Егорьевку – сибирские, Новотроицкое – енисейские православные, Загорную Селитьбу – саратовские староверы... Можно сказать, что переселенцы спроецировали на карту Амурской области карту почти всей Европейской России.

На новом месте всё надо было делать одновременно: строить жильё, корчевать лес, пахать и засеивать землю. Укорениться могли только самые сильные, выносливые, работящие; семьи, которые имели много рабочих рук и достаточно денег. Освоившись, переселенцы начинали заниматься промыслами, которыми владели, и для которых были определённые условия. В районах, где рос лес, например, в Зейской волости, они наладили производство колёс, телег, саней, деревянной посуды, гнали дёготь из сосны и берёзы (до 2000 пудов в год поставляли для золотопромышленных компаний и на склады Благовещенска), заготавливали и сплавляли лес. Там же нашлись подходящие породы камня для выделки мельничных жерновов. Переселенцы, поселившиеся по берегам Буреи, зарабатывали заготовкой сена для приисков, сплавом леса, заготовкой и продажей дров. По Амуру казачье население перевозило грузы, занималось «рыбным и звериным промыслом». Самый большой доход – совокупно до 155 000 рублей в год – давало содержание почтовых станций, которые казаки брали в аренду.

«Земля здесь богата лесами, зверем, рыбой, запасами недр, – писал в книжке для переселенцев А.А. Тарновский. – Не было примера, чтобы человек трудящийся, трезвый и хорошо работающий после трёх-четырёх лет не сделался бы зажиточным хозяином».

Осенью 1908 года были опубликованы результаты обследования почти 5000 крестьянских хозяйств (26 человек из состава комиссии шталмейстера Н.Л. Гондатти, присланной из Петербурга, в течение лета проводили опросы на территории нынешнего Тамбовского и Ивановского районов; некоторые сведения из этого отчёта опубликовали благовещенские газеты). Руководитель работ С.П. Швецов был в шоке от результатов обследования: «Такого обилия хлеба мне ещё видеть не приходилось. Средний доход хозяйства амурского старожильца 3283 рублей! Цифры неслыханные для Европейской России».

Поражает обилие машин. На 5000 хозяйств плугов 6400, косилок 161, молотилок 730, веялок 1100, сеялок 3270, жаток больше 1500, сноповязалок больше 1500, усовершенствованных борон – 300, сох – ни одной! (*бесполезная вещь, когда обработать надо сотни квадратных десятин земли*). Машина, хранимая как зеница ока российским крестьянином, здесь трактуется, как самая малоценная вещь. Приходилось видеть, как машины, ещё новые, валялись под дождём в грязи, как негодное старье! Когда я указал на это хозяину, услышал: «Ничего, она себя оправдала, можно новую купить».

Сельхозтехника была одним из самых ходовых товаров в Благовещенске. Только за 1908 год было продано около 12 000 машин и частей к ним почти на 850 000 рублей (*городской бюджет в то время составлял около миллиона рублей!*). «За последнее время наша деревня предъявляет громадный спрос на земледельческие машины и орудия, – пишет корреспондент газеты «Эхо». – Это резко бросается в глаза при наблюдении, например, за складом Отто Тимм, откуда крестьяне ежедневно увозят разных сельхозмашин на 20-40 подвод! И это изо дня в день продолжается уже не первый месяц».

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

О нуждах города – Самоуправление – Праздники – Думские хроники

«Благовещенск носит совершенно своеобразную физиономию и не похож ни на один из русских городов», – написал в 1908 году автор «Географического, этнографического и экономического очерка Амурской области» В.П. Врадий.⁵

О нуждах города

В начале XX века Благовещенск энергично развивался. В 1908 году в городе проживало около 50 000 человек, жилых строений – 4744, нежилых – 3887, тракторов и гостиниц – 34, постоянных дворов – 19, съестных лавок – 50, фабрик и заводов – 26. Через год население – около 52 000 человек, жилых строений – 5652, нежилых – 3943, тракторов и гостиниц – 30, постоянных дворов – 24, съестных лавок – 62, фабрик, заводов, мастерских – 30, паровых мельниц – 9.

В сентябре 1910 года в городской думе обсуждали доклад «О нуждах города» для Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (подробности заседания опубликовала газета «Эхо»). Написали, как есть, и все нужды города уместились в восемь пунктов: мужскую гимназию принять на средства казны; из казны выдать пособие на выполнение плана всеобщего начального образования; выдать из школьного строительного фонда средства на постройку и расширение школьных зданий; реальному училищу придать права правительственного училища; ввести в пользу города попутный сбор за ввози-

мые и вывозимые товары; содержать психиатрическое отделение городской больницы за счёт земских средств; возместить 7400 рублей, которые город потратил на призрение семейств запасных нижних чинов в 1905 году; дать отсрочку платежей по правительственным ссудам.

Участовавший в обсуждении доклада священник Николай Вознесенский сделал очень существенное замечание: «Доклад в Петербурге будут читать люди, не знакомые со здешней жизнью. Сравнительно большой рост города и небольшой его долг (*в сравнении с задолженностями городов в Европейской России*) может иметь неблагоприятное впечатление». Отец Николай предложил составить комиссию для написания нового, не столь «оптимистичного» доклада, с чем члены думы согласились.

Хорошо, что не поручили писать доклад язвительному Фёдору Чудакову. В 1909 году он опубликовал стихотворение, живописующее тогдашний город, под названием «Поэзия и проза в Благовещенске. Контрасты».

Экая ночка прекрасная.
Звёздочки ясно горят.
(Вонь по кварталам ужасная.
Что санитары глядят?)
Жизнь приутихла кипучая.
Город спокойно уснул.
(Ах ты, макака вонючая!
В морду его! Караул!)
Всюду горит электричество.
Кто-то под скрипку поёт.
(Пьяных большое количество
На четвереньках ползёт).
Тихо рыдает мелодия
В ясной полуночной мгле.
(«Он меня, выше скобродие,
Сам стебанул по скуле»)
Звуки полны поэтичности,
Будят желанья они.
(Две подозрительных личности
Держатся вместе в тени).
Хочется чистого, сельского

Воздуха, света, тепла.
(Нынче в театре Кумельского
Штучка пикантная шла).
Хочется гнаться за славою
Или молиться в ночи...
(Над городской управою
Тихо летают сычи).

(Кумельский – театральный антрепренёр).

Самоуправление

Городское общественное управление было введено в Благовещенске в 1864 году, а «Городовое положение» (от 1870 г.) – с 1 января 1876 года. Уже осенью 1875 года состоялись выборы в благовещенскую городскую думу. Строительство двухэтажного здания городской управы на Большой улице завершилось в 1891 году. «Над нашим городом, очевидно, висит какое-то проклятие: почти нет ни одного городского здания, которое соответствовало бы тем минимальным требованиям, которые к нему предъявляются, – писал неизвестный благовещенский обыватель в 1908 году. – В городской управе нет кабинета для главы, комнаты для секретаря и бухгалтера, где они могли бы хранить документы, зато есть огромная комната для питья чая».

Через три года, когда городская библиотека переехала в бывший пансионат Алексеевской женской гимназии, помещение, которое она занимала, приспособили под зал думских заседаний. В южном конце был оборудован небольшой помост, где установили особый стол для членов городской управы и городского секретаря. Перед помостом в два ряда разместили столы для гласных, ещё два поставили для представителей местной печати. Часть зала отгородили барьером: это место отвели для публики.

«Почему публика не посещает думские заседания? – задаётся вопросом корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Вход разрешен всем без исключения. Нам кажется, присутствие публики в думской зале полезно и необходимо».

Как именно проходили заседания, живописал Фёдор Чудаков в апреле 1910 года на страницах газеты «Эхо» в стихотворении «В новой Думе».

У решетки дамы в шляпах

---

⁵История Благовещенска. 1856-1917. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2009. Т.2. С. 179-182.

И мужчины в бородах.
Душный воздух, крепкий запах
(Зал Куртеевым пропах).
Над избранниками люстра
(Сила света – 200 свеч),
И Дулетов очень шустро
Произносит речь.
Этой речи златоуста
Я не в силах передать,
Потому что (будь ей пусто)
Я не мог её понять.
«Я, ты, он, они, мы сами,
Самый, каждый, всё и всех
(У Попова под усами
Притаился смех) –
Только старая управа
Пусть уходит от греха».
(Кто-то бойко крикнул «Браво!»)
Кто-то бухнул «Ха-ха-ха!»).
Речь текла легко, как масло
Из бутылки, – буль-буль-буль.
Люстра злилась, млела, гасла...
Но в итоге... нуль!

(Д.В. Дулетов – юрист, К.К. Куртеев – журналист, С.П. Попов – гласный городской думы).

Напрасно публика неохотно посещала заседания городской думы: довольно часто заседания проходили бурно, даже скандально – было на что посмотреть, а потом – обсудить.

Вот 16 мая 1909 года Ружицкий и И.А. Койо отказались от звания членов управы. Гласный С.П. Попов пожелал им счастливого пути. Публика зааплодировала. Председатель заседания публику удалил. Некто Бабин при этом упорствовал, его пришлось вывести силой.

Иногда заседания думы бывали закрытыми, как 20 октября 1911 года, о котором рассказал корреспондент газеты «Эхо».

«В думе обсуждался вопрос о введении в городе института ночных сторожей. Городской голова объявил, что вопрос будет рассматриваться при закрытых дверях. Часть публики и гласных стали протестовать, но безрезультатно. Публике и газетным сотрудникам пришлось покинуть зал заседаний.

В перерыве сотрудники газет спросили гласных о причине. Те ответили, что причин к закрытому заседанию, на их взгляд, нет. Тогда сотрудники газет решили выразить свой протест устно. «В виду того, что закрытые думские заседания всё учащаются, мы, представители местной прессы, протестуем против тенденции городского головы скрыть работу городского самоуправления от взоров городского населения. Мы против закрытых дверей при рассмотрении вопроса о введении ночных сторожей, так как он затрагивает интересы широких слоёв населения».

Едва один из журналистов начал произносить это заявление (двери ещё были открыты), как городской голова его остановил и заявил: «Если кому-то решение не нравится, могут подавать жалобу начальнику области». После этого в знак протеста сотрудники газет покинули зал заседаний!».

Время от времени происходили подобные эксцессы, но думцы и пресса всегда находили компромиссы, в том числе, чтобы оповещать жителей о таких важных событиях, как, например, обсуждение городского бюджета. 4 апреля 1908 года «Торгово-промышленный листок объявлений» опубликовал подробный отчёт с заседания городской думы, посвящённого этому вопросу. «Экономический кризис, полный застой в делах и безденежье привели городское самоуправление в пиковое положение. Городские недоимки растут и к настоящему времени составляют около 60 000 рублей. Многие гласные во время заседания раздражаются гневными филиппиками, обвиняя управу в мотовстве и нерасчётливости.

Гласный Е.И. Ефимов: «Рассорили городские деньги! Около 10 000 рублей растратили!»

Гласные, хором: «Это голословно! Ничего подобного!»

Гласный Е.И. Ефимов: «На непредвиденные расходы голове 1000 рублей, доктору Чердынцеву на лечение – 1200, на поездку городского головы в Петербург – 5000 (*ездил хлопотать о соединении Благовещенска с Амурской железной дорогой*), И.В. Ельцову – 1200 рублей за что?»

Представитель управы: «Нужно ещё до 25 000 рублей, а в кассе только 5000. Нечем платить жалование служащим».

Гласный И.О. Мокин: «А кто поручится, что деньги не будут выброшены, как на «кузнецкую канаву», колодцы, городские каменные ряды, которые теперь никуда не годятся – стены сложены без извести и грозят рухнуть?»

Гласный Э.И. Шефер: «Откуда знает Мокин, что ряды рухнут? А если так, почему раньше не говорил?»

Настроение у гласных повышенное, все спорят, никто никого не слушает. Чувствуется сильный недостаток в энергичном председателе.

ле. Требуяют позвать городского архитектора. Он не хочет оправдываться, а просит назначить комиссию, которая осмотрит каменные лавки и сделает доклад».

О том, как формировался бюджет города на 1911 год, читатели местных газет информировались самым подробным образом. Первоначально цифры были такими: доход 960 440 рублей, расход – 1 481 802 рубля, дефицит – 520 362 рубля. Дефицит был огромным. Чтобы как-то свести концы с концами, финансовая комиссия два месяца перекраивала бюджет, урезая, что можно. 28 марта 1911 года дума вновь обсуждала варианты бюджета. По ходу заседания гласный А.М. Клосс призвал не паниковать: «Доходы от электростанции, городских лавок и другие с лихвой покрывают расходы по займам. Надо не сокращать расходы, а искать возможность повысить доходы»; гласный Соколов заявил, что «надо экономить, резать и жить по средствам».

В итоге решили повысить доходы, а для этого:

- стоимость промысловых свидетельств увеличить с 7000 до 8000 рублей;

- процент сбора с лиц, состоящих на службе в предприятиях, «обязанных публичной отчётности», повысить с 5000 до 8000 рублей;

- сбор с патентов заведений по продаже «питей» увеличить с 7000 до 8400 рублей;

- сбор с перевозного промысла через Зею и Амур определить в 17 214 рубля;

- сбор с велосипедов и автоматических экипажей увеличить до 5000 рублей плюс собирать по 25 копеек с каждого велосипедиста, задержанного без номера;

- усилить надзор за деятельностью аукционного зала, так как дохода от него мало;

- за землю под крыльцом брать с домовладельца вместо 1000 рублей – 1300 рублей;

- плату с палаток у зейского перевоза поднять с 2000 до 2500 рублей, с хлебных столиков на Гостинодворском базаре – с 6000 до 8000 рублей, с киосков – с 4000 до 4500 рублей;

- стоимость бечевника (*места для пароходных пристаней на Амуре в черте города*) увеличить на 2500 рублей;

- доход городской библиотеки запланировать в 700 рублей.

Расходы урезали, где могли:

- канцелярские и хозяйственные нужды управы (11 000 рублей) уменьшили на 800 рублей,

- содержание канцелярии думы и городской управы (32 710 рублей) – на 360 рублей,

– содержание торговых deputаций и полиции (5610 рублей) – на 900 рублей,

– содержание помещения городского общественного управления (5254 рубля) – на 1255 рублей 28 копеек,

– содержание ночлежного дома (2055 рублей) урезали на 455 рублей,

– содержание богадельни (6000 рублей) уменьшили на 1580 рублей с условием, чтобы тех, кто не принадлежит к составу местного населения, отправлять на родину;

– статистическое бюро упразднили вовсе.

Расходы на личный состав управы (15 600 рублей) пришлось увеличить на 2400 рублей, так как к трём членам городской управы добавился ещё один сотрудник. Размер остальных статей расхода остался без изменений:

– содержание областного по городским делам присутствия – 960 рублей,

– содержание судебных учреждений – 900 рублей,

– содержание сиротского суда – 35 400 рублей,

– содержание почтово-телеграфной конторы в Призейском районе (*восточная часть города, примыкающая к Зее*) – 500 рублей,

– оплата городского архитектора, техников, десятников и др. – 12 000 рублей,

– оплата городского врача – 1500 рублей,

– ассигнование Обществу попечения о подкинутых детях – 2060 рублей,

– ассигнование Обществу трезвости – 1150 рублей,

– ассигнование Обществу сестёр милосердия – 600 рублей,

– ассигнование городской больнице – 100 595 рублей 65 копеек плюс 1000 рублей на выписку препарата «606» (*этим новейшим препаратом лечили сифилис*),

– ассигнование городским амбулаториям – 7522 рубля,

– ассигнование родильному покою – 12 380 рублей,

– на пособие едущим в Пастеровскую станцию во Владивосток – 500 рублей (*туда отправляли горожан, покусанных бешеными собаками*),

– на содержание санитарного надзора – 8160 рублей,

– на содержание ветеринарного надзора – 3360 рублей,

– на восемь общественных ретирад (*уборных*) – 2100 рублей,

– на микроскопическую станцию – 4358 рублей,

– на городские свалки нечистот – 1700 рублей,

– на расходы по прекращению эпидемических заболеваний – 1310 рублей,

– на мероприятия по борьбе с чумой – 10 000 рублей,

- на расходы по борьбе с эпизоотиями – 11 000 рублей,
- на содержание скотского кладбища – 800 рублей.

Только в конце апреля была утверждена городская смета на 1911 год: доход 907 548 рублей 63 копейки, расход 1 368 462 рубля 37 копеек, дефицит 46 0913 рубля 74 копейки. Расходы увеличились из-за борьбы с чумой (1910) и долгов прошлых лет. Все признавали, что «текущий год окажется, вероятно, одним из самых тяжёлых». Интересно, что бюджет Благовещенска за предыдущие пять лет увеличился на 238%, то есть почти в три с половиной раза. За это же время бюджет Владивостока вырос на 111%, Хабаровска – на 121%, Томска – на 85%, Иркутска – на 65%, Красноярска – на 147%.

Главной статьёй доходов были городские сборы. Сведения о них тоже можно узнать из местных газет. В январе 1910 года газета «Амурский край» опубликовала аналитическую заметку о налогах. «Штат служащих управы увеличился и сбор налогов стал эффективнее. За клеймение весов сбор вырос почти в 20 раз – с 54 до 955 р. Ранее одни торговцы платили за клеймение мер и весов, другие не платили, теперь платить стали все. Содержатели трактиров и постоянных дворов постоянно жалуются на налоги и постоянно открываются новые трактиры и дворы. Сбор с них увеличился с 8791 до 20 990 р. Заведений стало больше и собирать трактирный сбор стали лучше. Со скотобойни в четыре раза больше собирается, мясо при этом подешевело, а ведь раньше побойка производилась на стороне и совсем избегала налога.

Главный сбор недоимок – с недвижимого имущества. Общая сумма оценочного сбора в 1905 году – 11 658 р., в 1908 году – 140 194 р. Строят много. После японской войны население увеличилось: из Манчжурии наплыв населения был очень велик. Квартиры в цене так повысились, что управа оказалась вынуждена отвести под застройку несколько новых кварталов в Забурхановской слободе, а затем ещё целую новую слободу. Эти районы быстро застроились и увеличили общую сумму оценочного сбора. Изменилась система налогообложения. Раньше за строение по материальной стоимости платили, а оно, может, и не приносило дохода. Решили оценивать по количеству земли. Эта мера ввела некоторую уравнительность. Город разбит на районы. Земля оценена по-разному – от одного до 10 р. за квадратную сажень».

Некоторые сборы, которые платили в те времена благовещенцы, выглядят экзотично. Например, плата за устройство крыльца. Каждый раз, когда хозяева какого-нибудь строения желали соорудить «крылечный выступ на улицу», они обязаны были подавать прошение в думу. Размер платы за землю под крыльцом высчитывался индивидуально. В апреле 1909 года содержатель гостиницы «Гранд-

отель» запросил разрешение на строительство двух боковых веранд перед домом. Дума отправила представителя, тот всё измерил и постройку разрешили на площади восемь квадратных саженей с платой по 10 рублей за квадратную сажень. Дополнительный вход в дом Алексеева по Благовещенской улице, между Зейской и Амурской, разрешили устроить по цене пять рублей за квадратную сажень.

11 декабря 1909 года городская дума постановила обложить сбором в пользу города вывески, перекинутые через улицы и тротуары. По Большой улице, от Офицерской до Станичной, и по улицам, обращенным к городским базарным площадям, следовало платить по три рубля за квадратный аршин вывески в год, по остальным улицам – один рубль с квадратного аршина в год...

Одной из существенных статей расходов были суммы на содержание канцелярии думы и городской управы. Но, надо сказать, что жалование (так тогда называли зарплату) городских служащих было вполне адекватным. В Государственном архиве Амурской области хранится «Книга выдачи жалования служащим городской управы за 1892 г.». Против каждой фамилии проставлена сумма и расписка в получении.

Январь 1892 года.

Городской голова Ефимов – 200 рублей.

Члены управы Павлов П.Я., Попов П.П., Осколов Н.Г. – по 100 рублей.

Секретарь и бухгалтер – по 125 рублей.

Служащие в канцелярии городской управы Каюков А.И. – 60 рублей, Файнберг В.Д., Абальзамов Н.И., чертёжник и эконом – по 50 рублей, Кудреватых – 40 рублей.

Базарный староста Кувшинов, городские объездчики Громылин и Панков – по 20 рублей.

Сторож при монументе (*в честь подписания Айгунского договора*) Николай Денисов – 8 рублей.

Сторожа и рассыльные городской управы: Козырев Степан – 35 рублей, Солохин Иван – 30 рублей, Решетников Александр – 25 рублей.

Учителя первой народной школы Карелкин Ил. Ив. и Никитин С.И. – по 25 рублей.

Сторож первой народной школы и сторож второй народной школы Мурзин – по 25 рублей.

Ветеринарный врач – 50 рублей, ветеринарный фельдшер – 45 рублей.

Смотритель бойни М. Швецов – 45 рублей, сторож при бойне – 15 рублей.

Береговой надзиратель Кровецкий – 35 рублей.

Городской врач – 125 рублей, городской фельдшер С. Авраменко – 25 рублей.

Брандмейстер Гесс – 60 рублей.

Библиотекарь – 30 рублей.

Члены сиротского суда Павлов П.Я. и Подмогаев В.М. – по 25 рублей, секретарь сиротского суда – 60 рублей.

Пенсия семейству умершего секретаря Лебедева – 10 рублей.

Содержание кладбищенской церкви: жалование трём смотрителям – 45 рублей, квартирные священнику – 25 рублей, квартирные дьякону – 15 рублей, двум псаломщикам – по 20 рублей.

Сторож при павильоне – 15 рублей (*какой именно павильон имелся в виду, неизвестно – ред.*).

В марте библиотекарю Калюжному А.А. увеличили оклад до 50 рублей, а пенсию семье Лебедева уже не платили. Вольнонаемным служащим городской управы к Пасхальным праздникам выдали наградные: Каюкову А.И. и бухгалтеру Голубеву И.О. – по 40 рублей, Файнбергу В.Д., эконому Прудаеву И.А., брандмейстеру Гессу С.К. – по 25 рублей, чертёжнику Антуфьеву К.А. и библиотекарю Калюжному А.А. – по 20 рублей.

Следующие наградные служащим канцелярии городской управы были выданы к празднику Рождества Христова: Каюкову и бухгалтеру – по 45 рублей, Файнбергу и Абальзамову – по 35 рублей, фельдшеру Авраменко, ветеринарному фельдшеру, чертёжнику Назарову И.И., эконому Будаеву, брандмейстеру Гессу, библиотекарю – по 25 рублей, береговому надзирателю – 60 рублей.

Странно, но городскому голове и членам управы наградных не платили. Во всяком случае, в «Книге выдачи жалования...» никаких записей об этом нет.

В октябре 1912 года всезнающая газета «Эхо» поместила заметку на тему жалования: «Товарищеские отношения служащих городской управы грозят испортиться. Дело в том, что пяти служащим управы сделана прибавка к жалованию, а остальные остались на прежних окладах. Счастливыми оказались А.А. Нилов, П.Н. Зарубин, Н.И. Пирожников. Им сделана прибавка по 25 рублей в месяц, Н.Н. Выюнову и В.Г. Бондаренко – по 10 рублей. Остальные служащие таким предпочтением, конечно, остались крайне недовольны и подают коллективное заявление в думу с просьбой прибавки всем служащим, раз управа нашла возможность сделать прибавку некоторым, работающим не больше других».

В ходе думских заседаний обсуждались не только глобальные вопросы городской жизни, но и частные прошения о пособиях, выплатах разным лицам по разным поводам. Однажды кассир управы

Ефремов просил отпуск по болезни на четыре месяца, с сохранением содержания.

Гласный Власов: «Ефремов служил продолжительный срок и служба его сложная».

Разные голоса гласных: «Он состоит в артели и получает жалование там»; «Управа – не богадельня»; «Пора отучить служащих от выдачи вспомошествования».

Гласный Коротаяев: «Мои служащие получают меньше жалования и живут припеваючи, позволяя себе выпивки и гулянки. Служащие должны делать сбережения и рассчитывать на себя».

Отпуск кассиру Ефремову дали, но без содержания.

Просьбу фельдшера городской больницы Г.М. Калашникова о выдаче ему ссуды в размере 150 р. на воспитание детей дума «разрешила в благоприятном смысле».

Вдова рабочего Власова, умершего во время работы на электрической станции, просила выдать единовременное пособие в 2000 рублей. В прошении было отказано, так как «страховое общество будет платить пособие вдове до смерти или до замужества, а детям – до 18 лет».

В.П. Соколов просил добавить по пять копеек за пуд сена, которое он поставляет для городского обоза. При рассмотрении просьбы выяснилось, что «Соколов был не совсем чистосердечен». Уверял, что из 16 000 пудов не доставил только 2000, на самом же деле – 9000. В просьбе Соколову отказано.

Бывшему рассыльному городской управы Сюткину решено выдать 500 р. пособия за его 35-летнюю службу.

Сторожу городской управы Петру Кобзарёву дума разрешила двухмесячный отпуск с сохранением содержания и выдала ссуду в 100 рублей.

Более шести лет городским базарным старостой проработал И.М. Гостев. После его смерти вдове, которая осталась с двумя детьми, управа выдала на похороны пособие в 100 рублей.

Летом 1910 года в управу обратилась заведующая Ольгинской школой Ю.Ф. Мицеловская с прошением предоставить ей отпуск на год и выплатить пособие в 900 рублей. Ничего особенного в этом прошении не было: некоторые городские служащие получали отпуска с сохранением жалования сроком даже на два года. Управа постановила пособие Мицеловской выдать.

Решение пошло по инстанции – в Амурское областное по городским делам присутствие. Там вопрос рассмотрели довольно оперативно, но обратили внимание на особое мнение гласного благовещенской думы Г.К. Новосёлова. Что это было за мнение, установить не удалось, но именно из-за него в присутствии пришли к заключе-

нию, что выдача пособия Мицеловской является замаскированным пособием политическому ссыльному!

Дело в том, что муж просительницы – С.Ф. Мицеловский, служащий Благовещенской почтово-телеграфной конторы, был председателем стачечного комитета почтово-телеграфных служащих в дни революции 1905 года. Его осудили на шесть лет каторжных работ, потом сослали в Якутию. Юлия Францевна последовала за мужем в добровольную ссылку. Для этого она и просила отпуск и пособие.

В Амурском областном по городским делам присутствии постановление Благовещенской думы признали не соответствующим «общим городским пользам» и решили передать прошение дальше, в министерство внутренних дел империи.

Какое решение стало окончательным, неизвестно. С.Ф. Мицеловский, отбыв ссылку, вернулся в Благовещенск и служил в местном отделении Сибирского банка. Юлия Францевна служила начальницей Ольгинского училища и в 1912 году.

Праздники

...В дореволюционной России было множество праздников. В календарях они отмечались как неприсутственные дни: Новый год, Крещение Господне, Дни страстной седмицы и другие православные праздники; даты, знаменательные для Царствующего дома, – дни рождения, коронования, тезоименитства; кавалерские праздники – общие праздники кавалеров того или иного ордена. Кроме официальных всероссийских, были и местные праздники. В Благовещенске это день Албазинской иконы Божией Матери (9 марта), день преподобного Алексия, человека Божьего – войсковой праздник Амурского казачьего войска (17 марта), день избавления от осады Благовещенска в 1900 году (20 июля) и другие.

Из местных праздников до нас «дожили» только два – день Албазинской иконы Божией Матери и день рождения Благовещенска.

День города. В 1908 году город отмечал полувековой юбилей (со дня подписания императорского Указа). 15 мая гласные думы обсуждали устройство праздника.

Первым делом вспомнили, что уже несколько лет город ходатайствовал о перенесении останков графа Н.Н. Муравьева-Амурского в Благовещенск с тем, чтобы поместить их в часовне, которую специально для этого планировалось выстроить на Никольской улице или на Чуринской площади. Ходатайство не было удовлетворено, так что часовню сооружать не было необходимости. Другие предложения по поводу празднования полувекового юбилея города были не очень оригинальными.

Гласный В.А. Бородин: «Молебствие провести и привлечь войска» (*чтобы прошли парадом*).

Гласный С.П. Попов: «Устроить бесплатный обед для бедных».

Гласный Ю.Г. Свидерский: «Провести торжественное заседание думы, прочитать лекцию об истории Приамурья, послать приветственные телеграммы сподвижникам Николая Николаевича Муравьёва-Амурского Якову Парфентьевичу Шишмарёву и Петру Алексеевичу Кропоткину».

Решили: 21 мая провести заупокойную панихиду и молебен в Никольской церкви, торжественное заседание думы – в Общественном собрании, там же устроить торжественный обед с почётными гостями; отправить телеграммы сподвижникам Н.Н. Муравьёва-Амурского; учредить стипендию «путём ежегодного взноса 500 рублей сложения недоимок»; организовать катание учащихся на пароходах.

Празднование прошло, как и задумали. После заупокойной панихиды и торжественного богослужения в Никольской церкви в её ограде заложили часовню (возможно, речь идёт о часовне, которую предлагалось построить на Чуринской площади, уточнить пока не удалось). Затем – торжественное заседание, во время которого вся дума заседала на сцене театра Общественного собрания, украшенной флагами и портретами Н.Н. Муравьёва-Амурского. Обед для приглашенных лиц накрыли в саду Общественного собрания. Во время обеда провозглашали тосты и говорили речи.

Присяжный поверенный А.А. Баяв в своём выступлении указал на отсутствие на обеде военных и духовенства (странно, что их не было в числе почётных гостей): «Край завоёван не мечом и не религией, так что отсутствие этих начал здесь не особенно заметно».

Владелец гостиницы и пивоваренного завода «Россия» К.И. Августовский поднял вопрос об учащейся молодёжи и во время обеда собрал 400 рублей в пользу Амурско-Приморского землячества студентов.

Доверенный торгового дома «Кунст и Альберс» К.И. Клосс поднял бокал за тех лиц, которые в 1900 году грудью встали на защиту родины.

По окончании обеда участники снялись на фото в общей группе.

По случаю праздника в саду Общественного собрания было довольно много публики. Играл оркестр казачьей музыки. Над городом летал на воздушном шаре воздухоплаватель Густав Глеклер.

В тот же день в Париже, на кладбище Монмартр явились два делегата от Благовещенской городской думы. Одним из них был золотопромышленник П.И. Пахолков. Он лично знал графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, путешествовал вместе с ним в конце 1850-х годов

по Приамурью, совсем дикому тогда краю. Другой делегат – компаньон-распорядитель торгового дома «И.Я. Чурин и Ко» А.В. Касьянов. К могиле графа Н.Н. Муравьёва-Амурского делегатов сопровождали несколько членов русской колонии, представители некоторых русских газет, притч русской церкви с хором. Отслужили панихиду. Великолепное пение хора собрало вокруг немало французских посетителей кладбища.

П.И. Пахолков и А.В. Касьянов возложили на роскошно украшенную цветами могилу графа два венка: серебряный на бархатной доске с надписью на ленте «Основателю Благовещенска – благодарные граждане», бронзовый венок на бронзовой доске – от жителей Хабаровска, Владивостока и Никольска-Уссурийского. А.В. Касьянов выразил пожелание, чтобы «прах покойного был перевезён с чужбины в тот край, который обязан ему своим существованием».

Со стороны кажется, что празднование прошло достойно, а редактору-издателю газеты «Амурские отголоски» И.О. Мокину что-то не понравилось. Что именно, узнать не получается – «Амурские отголоски» не сохранились, а вот о последствиях выступления Мокина известно. «Торгово-промышленный листок объявлений» рассказал об этом 6 июня 1908 года: «Постановлением Приамурского генерал-губернатора за статью «50-летний юбилей Благовещенска» и за фельетон «Напевы» редактор-издатель газеты «Амурские отголоски» И.О. Мокин оштрафован на 500 рублей с заменой в случае несостоятельности арестом на три месяца». Иван Осипович был богат и, наверное, не пошел в тюрьму, а заплатил штраф.

В дни празднования благовещенского юбилея в Хабаровске кто-то облил памятник графу Н.Н. Муравьёву-Амурскому разьедающей жидкостью. Злоумышленника не нашли, причин его поступка не выяснили, а камень пришлось отмывать и полировать. Реставрацию выполнили итальянские мастера и взяли за работу 500 рублей.

50 лет освобождения крестьян. В 1911 году по всей стране широко праздновали 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости. Благовещенская городская дума утвердила план торжеств в таком виде: открыть школу имени Царя-освободителя; ассигновать ежегодно 400 рублей на стипендию для продолжения образования лучших учеников начальных училищ из беднейших крестьян и мещан; открыть подписку на образование второй такой же стипендии; отпустить бесплатно электроэнергию иллюзионам для специальных сеансов для учеников.

100-летие Отечественной войны 1812 года. Накануне празднования знаменательной даты было принято предложение управы назвать в память войны одно из районных городских училищ; заложить в день Бородинской битвы, 26 августа, новое здание районного

училища по Иркутской, между Безымянной и Артиллерийской (его потом и назовут в честь победы в Отечественной войне 1812 года); иллюминировать и украсить город флагами. Предложение управы об учреждении двух стипендий отклонено большинством гласных: 20 против 14.

300-летие царствования Дома Романовых. На бывшей Корсаковской улице Благовещенска стоит красивое здание бывшего городского училища «В память 300-летия царствования Дома Романовых». За три года до юбилея Фёдор Чудаков напечатал в газете «Эхо» заметку «Лучший памятник», а в ней изложил свои соображения.

«По поручению городской думы городская управа должна была заняться разработкой вопроса «О чествовании 300-летнего юбилея воцарения Дома Романовых». Само собой разумеется, что вопрос о чествовании уже решенный вопрос и нас главным образом интересует способ чествования, который выберут управа, а затем и дума. Вне всякого сомнения, конечно, что на это чествование будет ассигнована соответствующая сумма. Заранее можно сказать и то, что сумма эта будет порядочная.

На какие же цели уйдёт эта сумма? Что сделает дума, чтобы отпраздновать юбилей Царственного Дома?

Будет ли это пышный трескучий фейерверк, мимолётный, красивый, но бесполезный?

Будет ли это именинный обед с шампанским и прочими возлияниями, сытный, весёлый, торжественный, но бесплодный?

Или же дума сделает что-то другое – прочное, долговечное, полезное?

Мы этого не знаем.

Но мы знаем, что у нас есть право, чтобы городские деньги служили нуждам города.

У нас есть право требовать, чтобы во всяком национальном торжестве, празднуемом на наши деньги, участвовали все плательщики.

И так как это наши права, в частности, моё право, то, да позволено мне будет предложить вниманию городского самоуправления следующий способ чествования названного юбилея: на ассигнованные для торжества деньги должна быть выстроена хорошая школа!

Это будет лучшим памятником, лучшим употреблением юбилейных денег.

Для увековечения случая, послужившего поводом и основанием такой школы, можно было бы назвать её в честь Царственного Дома – «Романовскою».

Это будет если не вечный, то долговечный памятник, достойный нации, вступившей на путь культурного развития».

Очень хочется думать, что именно благодаря этой заметке появился «лучший памятник». 17 июля 1911 года прошла церемония закладки училища «В память 300-летия царствования Дома Романовых». При этом торжестве присутствовали генерал-губернатор Приамурья шталмейстер Н.Л. Гондатти, военный губернатор Амурской области А.М. Валуев, вице-губернатор А.Г. Чаплинский, городской голова П.П. Попов и много членов военного и гражданских ведомств. Первых учеников в новое училище стали записывать 28 августа 1912 года, а 1 сентября начались занятия.

Школы, пожалуй, лучшие из памятников: никому в голову не придёт их сносить, как в лихие годы по всему миру сносят скульптуры, монументы, снимают мемориальные доски.

Прибытие цесаревича. Одним из местных городских праздников был день посещения Благовещенска цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 году.

4 июня 1891 года к почтовой пристани причалил пароход «Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский». С него сошел цесаревич Николай Александрович, поднялся по лестнице и прошел под Триумфальной аркой. Через три года он станет императором России. В 26 лет!

Здесь необходимо пояснение. В 1890 году наследник российского престола Николай Александрович окончил обучение по программам двух университетских факультетов – юридического и экономического, и по программе Академии генерального штаба. По традиции цесаревичи, начиная с Павла I, завершив курс наук, отправлялись в путешествие по России и Европе. Император Александр III отправил сына Николая на Восток. Это была не прогулка, а важнейшая государственная миссия. Таким образом Россия заявляла о своих интересах в Юго-Восточной Азии и демонстрировала военную мощь: цесаревич путешествовал на одном из самых современных кораблей того времени – крейсере «Память «Азова». Путешествие началось 23 октября 1890 года. Цесаревич посетил Египет, Индию, Таиланд, Китай, Японию. 11 мая 1891 года он прибыл во Владивосток. Началось трёхмесячное путешествие на запад, до Петербурга.

Всего на пути цесаревича по России было около пятидесяти остановок. Всё необходимое для путешественника на местах готовили за пять месяцев. Расходы оплачивало министерство императорского двора. Авансом.

Что требовалось от местных властей, в том числе от благовещенских? Обеспечить безопасность, нанять пароходы для передвижения по рекам и озеру Байкал, нанять рессорные коляски для передвижения по суше, организовать ночлег в местах остановок, наладить снабжение продуктами. Оговаривалось, кстати, что для завтраков цесаревича и его свиты (в свите князя Э.Э. Ухтомский, В.С. Ко-

чубей, Н.Д. Оболенский, В.А. Барятинский, адмирал В.Г. Басаргин) достаточно иметь чёрный хлеб, яйца, молоко и квас.

В каждом городе или селении к приезду цесаревича приурочивали значимые события. Во Владивостоке Николай Александрович участвовал в закладке крупнейшего сухого дока для ремонта кораблей и восточного участка Транссибирской магистрали (от Владивостока до Хабаровска, который тогда, хоть и в статусе города, назывался, как деревня – Хабаровка). В Хабаровке цесаревич открыл памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому (деньги на памятник собирали всем миром, почти половину суммы дал Благовещенск, но хабаровчане уже тогда были более амбициозными и добились того, что памятник установили у них).

Программы встреч цесаревича в разных местностях были разными, но два момента всюду были одинаковыми: в его честь сооружались триумфальные арки и дорожному гостю подносили хлеб-соль. Блюда для караванов после возвращения цесаревича выставляли в Эрмитаже: были среди них фарфоровое, кленовое, ореховое, яшмовое, большинство – серебряные. В Благовещенске от городской управы, от земства, от Амурского казачьего войска цесаревичу подносили хлеб-соль на серебряных блюдах, а от Верхне-Амурской и Зейской золотопромышленных компаний – на золотом: единственное такое на всём путешествии по России.

Цесаревич на подарки тоже не скупился. В книге князя Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича» описывается один из таких эпизодов: «10-летний казачонок станицы Поярковой Влас Тюменцев очень ловко джигитовал, стоя на голове в седле. Цесаревичу понравилось. Он одарил Власа». Как пишет князь Ухтомский, у мальчика «рученьки были полные серебряными рублями, сколько смог взять».

Царские подарки – это крупные денежные суммы частным лицам «за усердие», пожертвования на храмы, монастыри, учебные заведения, библиотеки, музеи, это золотые с бриллиантами перстни, часы, заколки – мужчинам, серьги и броши – дамам, наперстные кресты и панагии – священнослужителям. Невероятное количество невероятно дорогих подарков.

Как заказывали блюда для подношения хлеба-соли цесаревичу, так и триумфальные арки на пути его следования строили не по указанию сверху – по собственной инициативе. Во Владивостоке арку выстроили в русском стиле. В Никольске-Уссурийском до 1930-х годов стояла грандиозная арка-часовня. В Хабаровке соорудили три арки: на берегу Амура, на главной городской площади и в корейской деревне. Все – деревянные.

Благовещенская арка – классическая триумфальная. Строили её по проекту и под контролем областного архитектора И.И. Буковецкого. Поставили арку на том месте, где генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев вышел на берег, привезя Айгунский договор. Это было в 1858 году. Его встречали горожане и архиепископ Иннокентий (Вениаминов).

4 июня 1891 года цесаревича встречала толпа в тридцать тысяч человек! Он прибыл в час дня: дата и время были запланированы за полгода до приезда; график выполнялся по минутам: в час пятнадцать Николай Александрович был уже в кафедральном соборе.

В Благовещенске цесаревич побывал в нескольких храмах, мужской и женской гимназиях, духовной семинарии. Вечером в Общественном собрании (здание построено в 1889 году) он присутствовал на концерте и пил чай. Ночевал цесаревич в доме генерал-губернатора. На следующий день он побывал в расположении войск Благовещенского гарнизона. Уезжая из города, Николай Александрович вновь прошел через Триумфальную арку.

«При залпе батарей, звоне колоколов, громком «Ура!» пароход «Вестник», на котором отбыл высокий гость, прошел вдоль берега малым ходом, – описывает очевидец прощание горожан с цесаревичем. – «Вестник» сопровождали десять роскошно украшенных пароходов, полных народа. Массы китайцев облепили противоположный берег. Пароходы провожали «Вестник» до Марково, где цесаревич вышел на берег, чтобы посетить открывшуюся ремесленную школу». Встречу в Марково описывает князь Э.Э. Ухтомский: «Вся масса бывших на пароходах соединилась на берегу, всё слилось в одно целое, всё было проникнуто одним желанием: увидеть цесаревича поближе – в последний раз!»

...До установления советской власти дни пребывания наследника в городах и сёлах России отмечались, как местные праздники. Во Владивостоке их было два: 11 мая – день приезда цесаревича и 21 мая – день его отъезда.

В Благовещенске каждый год 4 июня частные дома и учреждения украшали государственными флагами. На Соборной площади служили молебны. После молебна проходили парадом войска. Вечером устраивали иллюминацию: сначала факелами и плашками, с 1908 года – электрическими лампами. У Триумфальной арки в этот день выставлялся военный караул.

В 1900 году, в дни бомбардировки Благовещенска со стороны Китая, четыре снаряда попали в арку, но вреда они не нанесли.

Верхне-Амурская и Зейская золотопромышленные компании к приезду цесаревича в специально построенном павильоне устроили выставку. Царственному гостю показывали модели оборудования,

работающего на приисках, образцы минералов, самородки и золотые слитки. Позже владельцы приисков подарили городскому самоуправлению экспонаты выставки (кроме золота). Эти модели и образцы положили начало Амурскому областному краеведческому музею. Красивый, будто из сказки, павильон одно время стоял на городском бульваре. В нём торговали пивом.

Так всегда бывает – после праздников наступают будни. В документах городской думы Триумфальную арку называли просто – каменные ворота. В будни вокруг неё текла обычная жизнь. «Не имеющие пристанища нашли себе укромный уголок для жилья под лестницей против Триумфальной арки», – писала газета «Эхо» в 1908 году. А вот как описывал благовещенскую идиллию «Торгово-промышленный листок объявлений» в 1909 году: «Под Триумфальной аркой играют в орлянку, а блюститель порядка сидит на перилах набережной, бесстрастно вылущивает семечки и слушает граммофон с «Авроры».

В 1928 году на Амуре было такое мощное наводнение, что лодки плавали по Американскому переулку, арка погрузилась в воду метра на полтора. Но устояла, не разрушилась!

В 1936 году арку снесли, как сносили в те времена всё, что напоминало о Российской империи.

...Вопрос о восстановлении Триумфальной арки депутаты Благовещенского горсовета впервые подняли в 1991 году. Инициатором и двигателем восстановления стал А.В. Телюк, тогда – депутат горсовета. Многие посчитали идею несвоевременной: предприятия закрыты, работы нет, денег нет, выживали за счёт народной торговли с Хэйхе и Благовещенск называли Адидасовском.

Вновь к этому вопросу вернулись в 2003 году и вновь по призыву А.В. Телюка. Времена были уже другие: появились предприятия и организации, которые вполне эффективно действовали, появились предприниматели, готовые жертвовать на благое дело очень крупные суммы. Много денег на восстановление арки собрали рядовые горожане. Архиепископ Благовещенский и Тындинский Гавриил благословил начинание и стал душой стройки.

Проект Триумфальной арки разработал архитектор В.Я. Сикерин. В его распоряжении не было никаких чертежей, только фотографии. По ним он восстановил параметры арки и детали декора, а затем создал проект.

Начальник «Мостоотряда-64» А.В. Шишкин предложил за счёт предприятия сделать фундамент, а это самая дорогая часть работ. Когда мостовики бурили шурфы, они попали точно в старый фундамент, и новая арка стоит там же, где стояла прежняя.

Строительные, монтажные и отделочные работы вела крупнейшая в то время фирма города – «Россия». Её генеральным директором был М.В. Корнеев.

Иконы для арки решили делать керамическими, чтобы на века, и установить на северной стороне икону Благовещения Пресвятой Богородицы (такая же стояла в 1891 году), а на южной – икону царя-мученика Николая II (в 1891 году на арке была икона Николая Чудотворца). Изготовил иконы благовещенский художник-керамист П.Г. Зайцев.

Гербы России, венчающие два шатра, – потрясающе тонкая работа: каждое перо крыльев двуглавых орлов, каждый рубин на коронах сделаны так, будто их будут разглядывать вблизи, хотя они установлены на высоте восемнадцать метров. Изготовили гербы чеканщик Ю.А. Чубенко, кузнец С.П. Козлов, столяр А.В. Рой.

Торжественное открытие восстановленной арки состоялось 4 ноября 2005 года, когда в первый раз в России отмечали День народного единства. Это был уникальный случай в новейшей истории Благовещенска: на площади собрались горожане (не по разнарядке – по доброй воле), присутствовали городские власти, духовенство, военные. Это был действительно момент искреннего единения...

Прошло несколько лет, и благовещенская Триумфальная арка стала одним из символов не только Приамурья, но и всего Дальнего Востока. Рассказ о ней я хочу завершить прекрасным стихотворением, которое написал благовещенский доктор, художник и поэт Н.Р. Левченко.

Город выгнут дугою от парка до парка,
А над городом гордо – Триумфальная арка.
Чтобы каждый, пришедший сюда, поднял голову выше,
Чтобы, голову подняв, увидел, услышал:
Не страна дураков, не народ недоумков.
Мы – Народ, тот, кто выстрадал столько триумфов!
И такую ценой, что никто не изведал.
Но с триумфом шагнувший на площадь Победы!

Думские хроники

(по материалам газет «Амурский листок», «Амурская газета», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)
1902 год. «8 мая экстренное заседание думы. Вопрос один: о принятии мер против затопления города. Возможно, будет, как в 1872 году, когда по базарной площади свободно ходили маленькие пароходы. На базарную площадь против Чурина через водосточную трубу уже заплывает рыба (довольно порядочные сомы) и приказчи-

ки её ловят. Говорят, залиты многие посёлки по Амуру, снесены дрова для пароходов».

1905 год. «20 ноября в городской управе сбор чиновников всех ведомств для выяснения правовых отношений к акту 17 октября и решения профессиональных вопросов. Желательны доклады. Особых приглашений не будет»; «Городская управа просит чиновников прийти не к 11, а в три часа дня, так как в 10 часов помещение предоставлено Союзу рабочих».

1908 год. «26 октября военный губернатор Амурской области утвердил обязательное постановление, согласно которому при разного рода объявлениях, вывесках, извещениях, написанных на иностранных языках, рядом с иностранным текстом надлежит непременно иметь точный русский перевод»; «Думский зал залит электричеством, а у подъезда управы и на дворе продолжают уныло мерцать керосиновые фонари. Сразу видно, что горят не для света, сколько по традиции: забыли написать надлежащее отношение, вот и горят»; «Постановлением городской думы 22 августа переулку, заключённому между первым и вторым новыми кварталами, с одной стороны, и улицами Кузнечной и Театральной – с другой, присвоено наименование Технического переуллка»; «Городовые 2-го полицейского участка с их семьями находятся в самых скверных квартирных условиях. В одной половине живёт лишь старший городской, в другой – пять городских с семьями, 25 человек. Площадь одинаковая. Ночью детишки спят на полу, кровати стоят так тесно, что не пройти. Дума ответила, что кредита на увеличение помещения для семейных городских не имеется».

1909 год. «Арендаторы рыболовного участка на Амуре против Бурхановской улицы просят управу о возвращении платы за аренду: им мешают ловить рыбу и контрабандисты, массами переходящие здесь Амур, и таможенные стражники, с которыми постоянно возникают недоразумения».

1910 год. «17 декабря в думе прозвучал вопрос: на каком основании возле Троицкой церкви устраивается кладбище? Говорят, что двое уже похоронены»; «Гласный думы, доверенный страхового общества «Саламандра» И.А. Койо после месячного отсутствия по делам вернулся в Благовещенск. В Москве, Петербурге, Берлине, Гельсингфорсе, Гамбурге он знакомился с устройством водопровода, канализации, электрического освещения и трамваев. В Москве и Гамбурге им были осмотрены скотобойни».

1911 год. «В связи со вступлением в должность городского главы П.П. Попова В.В. Лукин сложил с себя полномочия гласного

и отказался от участия в городских комиссиях»; «Государь Император, согласно ходатайству Благовещенской городской думы, выразил согласие на присвоение бывшему Приамурскому генерал-губернатору, члену Госсовета, сенатору, инженеру-генералу П.Ф. Унтербергеру звания Почетного гражданина города Благовещенска»; «На заседании думы рассматривался вопрос о бесплатном отпуске электроэнергии трехклассному училищу и женской гимназии. Руководствуясь тем, что при бесплатном отпуске электрической энергии её не берегут, было решено для городского училища отпускать электричества на 36 р. в год, ходатайство гимназии отклонить»; «Благовещенская городская управа доводит до сведения жителей города, что порубка деревьев и кустарников на городских дачах строго воспрещается».

1912 год. «Благовещенск прославился. Батумская городская управа, получив отчёт об исполнении сметы города Благовещенска, поражена образцово поставленным счетоводством. Желая поставить дело так же, как у нас, эта управа обратилась с просьбой к городскому голове выслать ей инструкции по счетоводству, формы книг и всё, что положено в основу бухгалтерского дела. Расходы, вызванные этой посылкой, Батумская управа принимает на себя»; «Городской управой решено заменить существующие уличные надписи эмалированными. С этой целью управление заказало торговому дому «Небель и Ко» 1102 таких надписей».

1916 год. «На последнем заседании городской думы разъяснено, что домовладельцы Большой улицы – от Станичной до Офицерской – обязаны устроить палисадники. Устройство палисадников в других частях города признано только желательным»; «Магометанское общество просит городскую думу взять на содержание их школу. Членов общества 127. Из 3300 рублей, необходимых на содержание школы, они платят 2400 рублей. Детей в школе 40».

Гласные городской думы нередко слишком много времени тратили на пустые прения, лоббировали интересы миллионщиков (сами же ими и были), бывало, нерационально расходовали городской бюджет... Но в экстремальной обстановке революции и Гражданской войны 1917-1922 гг. члены городского самоуправления (среди них было немало вчерашних думцев) показали себя с самой лучшей стороны. В начале 1918 года они создали в Сахалине (так тогда назывался Хэйхе), по сути, «самоуправление в изгнании», взвалив на себя заботы об устройстве жизни бежавших за Амур благовещенцев. А затем – после возвращения из-за Амура, до бегства японских интервентов – руководили хозяйством Благовещенска. Что мешало им в неразберихе тех лет поделить городскую казну и скрыться в неизвестном направлении? Ответ: честь, чувство долга и ответственности, надежда на возрождение Родины.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

*Пыль, лужи, навоз – Шоссировка улиц и мосты – Ассенизация –
Водопровод – Новые кварталы – Пожарный обоз и пожары –
Пожар в Сахаляне – Пожарные хроники*

Благовещенск в начале двадцатого века – это четыре улицы вдоль Амура и 22 улицы, расположенные перпендикулярно реке. Границы города с севера, востока и юга – это Зея, Амур и Бурхановка, на западе он заканчивался «возле гор». Крайней городской улицей на севере была Иркутская. Дальше простирался район, который называли Новые кварталы.

Проблемами благоустройства городское правление занималось с переменным успехом, но систематически и именно в пределах города (*Новые кварталы жили несколько обособленно*). Проблем в городском хозяйстве было множество.

Пыль, лужи, навоз

От пыли Благовещенск страдал в бесснежные зимы и особенно – засушливым летом. «Торгово-промышленный листок объявлений» 10 июня 1909 года в который раз указывал: «Пыль ужасная. Вечером, когда пригоняют стадо, дышать и смотреть вдаль невозможно». В 1911 году дума решила «провести опыт поливки улиц, чтобы выяснить стоимость полива» и в мае ассигновала на эти цели очень большую сумму – 1000 рублей. Городская строительная комиссия, изучив вопрос, пришла к выводу, что улицы лучше поливать не из шланга, а «посредством бочек», с помощью особого приспособления.

Специально организованная думская комиссия по поливке улиц решила поливать из десяти бочек на специально нанятых лошадях центральные улицы, воду брать из Амура, из колодца при электростанции, из бака на Амурском базаре. Первые итоги подвели в июне. Оказалось, поливать назначенный район десятью бочками «положительно не по силам». Нужно больше 20 бочек. В июле уже никто ничего не поливал и вот как отреагировал на это корреспондент газеты «Эхо»: «Постановление городской думы о поливке улиц совершенно игнорируется. Улицы предоставлены заботам одного неба и по-прежнему душат прохожих пылью».

Горожане страдали не только от пыли. «Влияние дождя на жизнь таких неблагоустроенных городов, как Благовещенск, очень

велико», – отметил анонимный наблюдатель в 1908 году. Действительно, «Бурхановка залила площадь перед молитвенным домом, какой-то проезжающий оступился и чуть не утопил коня в Бурхановке. Только с помощью прохожих удалось его спасти»; «Притч Вознесенской церкви обратился в управу с просьбой о проведении стока с Вознесенской площади. Разлив воды кругом школы и притчовых домов прекращает возможность продолжать учение в школе почему и распушаются три группы, и даже служение в церкви, так как члены притча и часть прихода отрезаны от церкви целым озером»; «Попасть на базар на Чуринской площади нелегко – жидкая грязь затопила со всех сторон, грязь и возле самих лавок. Часто ящики с овощами виновато выглядывают из грязи»; «18 июля после дождя на углу Амурской и Офицерской затоплена улица, а в ней яма глубокая. Мальчик лет 10 попал в яму с головой, через некоторое время туда же попала женщина»; «В апреле Офицерскую улицу заровняли, но сейчас она представляет сплошное болото. 3 мая пролётка перевернулась, женщина и возница искупались в большой луже. Развозчик хлеба опрокинул ларь с булками, на следующий день здесь же опрокинулся ящик ассенизатора»; «На Офицерской–Зейской каждый день проваливаются две-три телеги» (*эта лужа была такой громадной и непротыкаемой, что горожане называли её Чёрным морем*).

А вот анекдотичная заметка из одной благовещенской газеты. «На днях на первой Забурхановской, между Графской и кладбищем, можно было наблюдать настоящую охоту за утками. Какой-то рьяный Невмрод (*искаженное Нимрод – персонаж восточных легенд, охотник*), заметив, что в дождевой луже плавают утки, открыл по ним стрельбу дуплетами, невзирая на то, что по берегу лужи бежали ребяташки, ходили телята, свиньи, куры. По счастливой случайности никто, включая уток, не пострадал».

По Коммерческой улице протекал ручей – левый приток Бурхановки. Не доходя до речки пару кварталов, он превращался в озеро и топил огороды жителей Горбылёвки. В июле 1910 года местные домовладельцы подали в городскую управу прошение осушить это озеро. К 23 августа часть работ была закончена. Как написано в газете «Эхо», «канавка в 60 метров от заимки Курилова направляется в р. Чигири. Назначение канавки – забрать воду левого притока р. Бурхановки». В сентябре воду из озера начали спускать. Казалось, проблема будет решена, но... работы отложили, чтобы «просчитать и подготовить проект для лучшего ознакомления и подготовки сметы».

Просчитав смету, стали обсуждать варианты: отвести воду из озера в Зею или, как предложил гласный Соколов, отвести саму Бурхановку «выше города мимо городской больницы в Амур». Остановились на первом варианте, провели «нивелировку» профиля мест-

ности стоимостью 25 000 рублей. В итоге осушку озера по Коммерческой решили провести частями в течение двух лет.

Прошло почти 120 лет. Озеро на бывшей Коммерческой до сих пор «функционирует» и по-прежнему топит округу.

Обыватели жаловались и на огромные лужи, требуя их осушить, и на канавы, которые управа устраивала для стока воды. Канавы были широки, глубоки и постоянно требовали ремонта: чтобы они не обваливались, по бокам набивали колья, заплетали хворостом и засыпали... навозом. Этого добра было немерено.

Утилизация навоза на рубеже веков была проблемой мирового масштаба. В Благовещенске она решалась примитивно: навоз сваливали в реки, свозили в специальные места, определенные управой, сбрасывали во все канавы, овраги и... на берег Амура даже в самом центре города!

«Параллельно бульвару, находящемуся на Большой, между Чигиринской и Садовой, тянется падь шириною семь и длиною 110 сажень, а всего занимающая площадь приблизительно 770 кв сажень, – пишет корреспондент газеты «Эхо» в 1909 году. – Падь эта сплошь прокрыта навозом и другими нечистотами. Чего-чего здесь нет! И человеческие экскременты, и гниющее тряпье, и жестяная посуда, и свежий, сочный, только что наваленный навоз. Есть тут и лужа с грязной вонючей жидкостью, а посередине лужи, как островок в море, гордо возвышается недоступный ретирад. Китайцы-тряпичники роются в нечистотах, доставая оттуда разные лоскутки, рядом с ними копошатся поросята, тут же рабочие сваливают с телеги привезённый навоз. Всё это среди бела дня, перед фланирующей по бульвару публикой.

Уж сколько раз твердили городской управе, что устраивать место для свалки навоза и разных нечистот около кафедрального собора и рядом с одним из бульваров не совсем удобно. Водное управление Амурского бассейна, помещающееся рядом со свалочным местом и нюхавшее в продолжение нескольких лет аромат хлебов и конюшен, наконец, взмолилось. 13 марта начальником управления послана в управу «челобитная», в которой он слёзно просит отцов города принять меры к оздоровлению местности и устранению зловония. Ввиду развития в крае эпидемических заболеваний нахождение в центре города места, от которого несёт страшным зловонием, является весьма опасным в санитарном отношении, благодаря зловонию нельзя совсем открыть окна дома управления для проветривания комнат». Борьба с навозом напоминала Сизифов труд.

Шоссировка улиц и мосты

В конце 1909 года городское самоуправление решило заняться шоссировкой городских улиц (*шоссировать – значит устраивать шоссе, убивать камнем дорогу*). «Торгово-промышленный листок объявлений» поспешил сообщить 13 февраля 1910 года, что акционерное общество «Артур Коппель» (Германия), ссылаясь на личные переговоры уполномоченного представителя Форжерона с городским головой Благовещенска, предлагает выписать паровой каток (сила давления 10 тонн) завода «Клейтон и Шутловорт» в Англии вместе с паровой машиной в 20 лошадиных сил. В прошлом году такой каток выписал Владивосток. Хабаровск тоже сделал заказ. Благовещенск пошел своим путём и через торговый дом «Кунст и Альберс» выписал паровой каток «Компаунд» (сила давления 8 тонн). Стоимость катка – 5000 рублей. До города каток – морским путем – добрался только летом 1911 года.

На шоссировку улиц было выделено в общей сложности 32 000 рублей. Пользуясь «убылью Амура», гальку брали на берегу, у пристани, убивая таким образом трёх зайцев: вывозка камня дешёвая, сам камень достаётся бесплатно, углубляется пристань для пароходов. Планировалось капитально отремонтировать только городские улицы, хотя некоторые отцы города на думских заседаниях не раз высказывались, что пора обратить внимание на Новые кварталы, откуда «всё время несутся вопли...».

Денег и сил было потрачено немало, но, как писала летом 1912 года газета «Эхо», результат оказался плачевным. «Улицы в незавидном состоянии. Толстый слой песка и пыли вперемешку с галькой тормозит движение экипажей, портит ноги лошадям и безжалостно рвёт шины экипажей, автомобилей и велосипедов. Не избежала этой

участи даже Большая улица. Не мешало бы нашей управе присмотреться к жизни: средства передвижения быстро прогрессируют, на улицах появились дорогостоящие экипажи, автомобили и рысаки, а наши дороги по-прежнему не только не чистят, а, наоборот, заваливают галькой и даже не ремонтируют».

16 октября 1909 года в думе обсуждали проект правил «о мерах по поощрению посадки древонасаждений на улицах». Проект обязательного постановления о содержании в чистоте города был составлен ещё в июне, два раза перерабатывался и всё-таки пришлось многим не по вкусу, особенно пункты, которые касались обязанностей домовладельцев содержать в чистоте и порядке улицы и канавы перед домами. После разъяснения, что во всех городах улицы чистят сами домовладельцы, каждый – против своего участка, гласные приняли этот пункт с оговоркой очищать улицы от мусора. На очистку канав большинство из них никак не соглашалось. После часового прения решили содержание канав в исправности возложить на город.

Бурхановка – естественная граница Благовещенска. К 1910 году через неё было перекинуто несколько каменных и деревянных мостов. Можно предположить, что одним из первых был построен мост по Садовой – эта улица вела к городским «свалочным местам» (*на месте бывшей свалки построен железнодорожный вокзал*). В 1909 году началось строительство моста на каменном фундаменте по улице Кузнечной, через год ещё одного – по Мастерской.

Первые богачи Благовещенска – мельники Буяновы, Алексеев, Кувшинов, заводчики Чепурин, Саяпин, Матвеевко в июне 1910 года возбудили ходатайство перед городской управой о постройке мостов через Бурхановку по Невельской и Казачьей улицам.

«Пути сообщения в некоторых местах находятся в плачевном состоянии, – писала летом 1912 года газета «Эхо». – Мосты, ведущие к Зее, в полуразрушенном виде, по некоторым из них невозможно проехать без риска сломать экипаж, другие, как ведущие по Невельской к мельнице Кувшинова, утратили даже видимость мостов». О каких мостах, ведущих к Зее, идёт речь, установить не удалось, а рельеф местности с тех времён очень сильно изменился, и не угадаешь, через ручьи или овраги были перекинуты те малопригодные для эксплуатации сооружения.

Ассенизация

Одной из важнейших городских проблем была ассенизация и, если о необходимости устроить водопровод благовещенские врачи говорили постоянно, то о необходимости канализации не заикались – это было слишком дорого. Ассенизация проводилась примитивным

образом: нечистоты скапливались в выгребных ямах и специальных ящиках, установленных в ретирадах, а после вывозились на «свалочные места» за городской чертой.

До 1911 года, когда в Благовещенске был организован городской ассенизационный обоз, удалением нечистот занимались исключительно частники. Каждый такой возчик раз в год должен был (*за определённую плату*) получать в управе номер. Этот номер был разрешением на занятие ассенизационным извозом. Тот, кто работал сам на себя, выкупал один номер, тот, кто имел наёмных работников, выбирал по несколько номеров. Среди первых были в основном китайцы, среди вторых – в основном русские.

Будучи монополистами, золотари (*не путать с золотопромышленниками*) вели себя соответствующим образом. «Наши ассенизаторы, – писала «Амурская газета» в 1902 году, – вызывают постоянные нарекания за беспорядочную очистку, небрежное и грубое обращение, за невозможно высокие цены. Вот несколько фактов, характеризующих их отношение к обязанностям. Ассенизаторы вывозят нечистоты ночью, когда никого нет, разливают их по улицам, площадям, а за городом выливают, куда вздумается: в кустах, под горкой, в канаву. Один китаец был пойман, когда выливал свою бочку в Бурхановку. Убежал. Ассенизатор Кочетов был уличён в том, что выливал бочку в кусты вблизи города. Мировой судья приговорил Кочетова на 10 суток ареста. А вскоре его вновь застали за тем, что он по полю разбрасывал нечистоты».

Чтобы контролировать ассенизаторов, городская управа нанимала специальных конных объездчиков. Работа у них была, прямо сказать, опасная: ассенизаторы буйно реагировали на проверяющих, жестоко сопротивлялись при задержании, а иногда и сами нападали, так что объездчики не выезжали на свои участки иначе как вдвоём-втроём.

Горожане очень часто жаловались на пренебрежительное отношение ассенизаторов к правилам гигиены: «Они не моют свои бочки и ящики, ставят их там же, где живут, они воняют!»; «Пусть бы назначили за городом особый пункт, где бы ассенизаторы оставляли на день орудия своего производства»; «На углу Вознесенской и Никольской постоянно целые обозы ассенизаторов, направляющиеся к местам свалки. Жители жалуются, что окон открыть невозможно. 3 мая обоз из десяти подвод тянулся на сто шагов по Никольской. Ароматы были так сильны, что встречающая публика спасалась в боковых кварталах».

Безнаказанность золотарей доходила до того, что они шантажировали и буквально терроризировали тех, кого нанимались обслуживать. Взяв, к примеру, плату за год (!) вперёд (*а на других условиях отказывались обслуживать вообще*), через некоторое время требо-

вали прибавки. Несогласных по-своему «наказывали». «У домовладельца Ш. выдвигной ящик клозета вынули и бросили посреди двора, – сообщала «Амурская газета» летом 1902 года и добавляла «красок». – В продолжение последних дней на Большой, между Бурхановской и Корсаковской, стоял выброшенный на улицу ящик из ретирада со всем его содержимым. Такие же ящики, распространявшие страшное зловоние, можно было наблюдать недавно на площади нового базара и в некоторых других местах города. Подобные вещи лучше всего доказывают, как поставлено у нас санитарное дело и вопрос об ассенизации. Следовало бы председателю городской санитарной комиссии самолично приняться за дело, а не откладывать его в долгий ящик. Ведь не для почету же одного он избран на пост руководителя санитарно-исполнительной комиссии! Как слышно, возникла мысль избрать из этой комиссии подкомиссию для изучения ассенизационного вопроса. Будем ждать, к какому результату приведут её исследования, а пока будем наслаждаться благоуханиями расставленных по улицам ретирадных ящиков. Многочисленные жалобы на золотарей в достаточной мере убеждают в необходимости организовать городской ассенизационный обоз, хотя бы только для того, чтобы конкуренцией заставить частных предпринимателей улучшить своё дело».

Вопрос о городском ассенизационном обозе поднимался и обсуждался не раз, но конкретные шаги были предприняты только летом 1902 года, в разгар эпидемии холеры. 28 июня 1902 на специальном заседании в городской управе были приглашены все подрядчики, занимающиеся очисткой клозетов, выгребных ям и прочих нечистот, чтобы «с помощью специалистов своего дела установить какую-нибудь норму для определения вознаграждения за очистку. Издаются же таксы для ломовых и легковых извозчиков, для мясников и проч. Почему же ассенизаторы поставлены в привилегированное положение и никого знать не хотят?»

«Валовой» показатель ассенизаторской службы был известен. За 1901 год было вывезено на свалочные места 1600 ящиков мусора, у частных лиц выгребли 4750 ящиков нечистот, из городских учреждений – 8250 ящиков того же. Ассенизаторы уплатили почти 13 000 рублей налогов (для сравнения – аренда амурского перевоза дала всего 10 000 рублей). А вопрос о какой-то фиксированной оплате очистных работ оказался непростым: члены управы никак не могли определиться, что взять за единицу отсчёта? Предлагали брать плату с каждого дома, но дома не одинаковы; с каждой ямы, но неизвестно, кто сколько чего в ту яму выбросил; по специальностям жителей: с купцов, к примеру, брать одну плату, с кожевников – другую и т. д. Сколько ни толковали, прийти к соглашению не смогли.

Заседание 28 июня 1902 года было все же не бесполезным. На нём приняли решение уравнивать расстояния от разных частей города до свалочных мест («С первого и второго участков будут вывозить в одно старое место, с третьего – на новое, левее завода Шадрина»); ассенизаторам предложили самим разделить город между собой «сообразно своей силе», то есть количеству бочек и лошадей. Кроме того, им пообещали выплатить единовременное пособие, если они будут производить вывозку нечистот на необременительных для жителей условиях; выделили ссуду на «устройство» новых ассенизационных телег; пригрозили (!) созданием городского обоза.

Но, собравшись в очередной раз для обсуждения ассенизационного вопроса, члены санитарно-исполнительной комиссии были вынуждены признать: «С чистильщиками невозможно сговориться, они не желают сдерживать цен и менять своих привычек». Тогда решили, во-первых, усилить состав комиссии, включив в неё двух врачей и всех полицейских приставов, во-вторых, собрать на совещание всех санитарных попечителей (представители общественности, призванные следить за санитарным состоянием закреплённых за каждым кварталов).

В 1902 году санитарным попечителям поручили собрать сведения, необходимые для создания городского санитарного обоза. Они обходили домовладения своих участков и в особые бланки, подготовленные городской управой, заносили число проживающих в каждом дворе, количество выгребных ям и ватерклозетов, стоимость очистки дворов и «кто её производит», согласны ли домовладельцы передать очистку дворов городскому ассенизационному обозу и по какой цене.

В сентябре того же года дума Благовещенска решила ходатайствовать перед правительством о разрешении организовать на городские средства ассенизационный обоз и предоставить ему монопольное право очистки для устранения конкуренции. По закону, для удовлетворения такого ходатайства было необходимо согласие большинства жителей. К тому времени жители 60-ти городских кварталов уже подтвердили, что готовы очищать свои дворы при помощи городского обоза с платой «по 30 копеек с души (не моложе 10 лет) в год».

Почему городской ассенизационный обоз, для организации которого было уже так много сделано, так и не заработал в 1902 году, установить не удалось. Не было этого обоза ни в 1909, ни в 1910 году, когда проблема вновь стала суперактуальной из-за страшной эпидемии чумы, которая свирепствовала в Маньчжурии.

Больше всего опасений в отношении санитарии вызывал китайский квартал Благовещенска. Он занимал небольшую площадь на западной окраине Благовещенска (между улицами Загородной и Ар-

тиллерийской). В мае 1910 года члены городской санитарной комиссии провели проверку китайского квартала и обнаружили полное отсутствие отхожих мест, ужасающую грязь, всюду – органические отбросы: в одних дворах гнили кишки, в других стояли ассенизаторские ящики, тут же продавалось свежее свиное мясо. Антисанитария была такой вопиющей, что члены санитарной комиссии решили привлечь к ответственности через суд разом всех здешних домовладельцев и составили протокол на всех обитателей китайского квартала!

Обычно зимой китайские ассенизаторы увозили нечистоты из благовещенских ретирад в Сахалин и продавали их там с аукциона: огородники из «заграничного сырья» делали удобрение. Извозчики получали по 4-6 копеек за пуд нечистот. Увозя за раз 40-50 пудов и съездив в Сахалин три-четыре раза, они зарабатывали шесть-семь рублей за день. Очень хороший доход.

В начале зимы 1910 года один из китайцев-ассенизаторов обратился к чжи-фу (городской голова) Сахалина с просьбой разрешить и ему, как другим, вывозить в Сахалин содержимое благовещенских уборных. Чжи-фу не решился выдать официальную бумагу, но сказал, что можно «возить потихоньку, кому какое дело».

Подрядчик так и делал. А когда в феврале 1911 года из-за эпидемии чумы в Маньчжурии границу закрыли, начал хвастать, будто его запрет не коснётся, и он будет возить свои ящики по-прежнему. Сахалинские китайцы возмутились: «Нам через границу нельзя ни ходить, ни ездить, а ему можно?! Что, мы хуже русского г--на?» К чжи-фу поступил донос, он принял меры. В результате было задержано пять возов «контрабанды». Всё задержанное «добро»... продали с аукциона.

В феврале 1911 года, наконец, появился городской ассенизаторский обоз в 50 подвод – дума ассигновала на его организацию 15 000 рублей, а на содержание – ещё 8600 рублей. Уже в апреле того же года городской обоз увеличили, чтобы он мог обслуживать не только «казённые» учреждения, но и частные дома.

Централизованная канализационная система появилась в Благовещенске с началом массового строительства многоквартирных домов в 60-е годы XX века.

Водопровод

Первый на Дальнем Востоке водопровод появился в 1907 году в Хабаровске. Примерно в то же время начали обсуждать его устройство и в Благовещенске.

«Благовещенск – город малокультурный в гигиеническом отношении, так как в нём нет водопровода и канализации», – вот такой

«приговор» вынесли самому большому городу Дальнего Востока члены местного Общества изучения Сибири и улучшения её быта в отчете за 1909 год.

Журналист одной из городских газет дополнил неприятную и очень вредную для здоровья картину своей заметкой: «Городские жители, как и всегда весной, принуждены употреблять вместо воды какой-то навозный настой, так как весь берег Амура завален толстым слоем навоза. Особенно много его выше мола, у купальни». А водовозы «заправлялись» ниже по течению!

Когда Зея и Амур были достаточно полноводны, проблема качества воды обострялась только весной и осенью – во время ледохода и ледостава. Но в мелководье горожане страдали и от дефицита, и от невозможных «кондиций» воды. Конечно же, «навозный настой» становился источником заразных заболеваний, и тогда санитарная комиссия городской управы в очередной раз предлагала организовать снабжение питьевой водой «не только посредством водовозов».

Летом 1910 года, например, обсуждалась идея устроить четыре «электромоторных водоразборных колодца» на Иркутской улице и десять помп в наиболее населённых местах, поставить бак на 2000 вёдер с фильтром на Амуре, провести химический анализ воды в родниках на Набережной – около Графской улицы и около военного лазарета – для возможного их использования. Это были необходимые, но временные меры. Городу нужен был «правильный», как тогда выражались, водопровод.

По разъяснению Сената (высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи), «постройка городского водопровода, как сооружения, неправильность которого может угрожать общественной безопасности», возможна была только после утверждения проекта губернским начальством.

Прежде чем приступить к проектированию, отцы города провели подготовительную работу. Гласный И.А. Койо, ознакомившись с устройством водопроводов в городах Западной Европы, подготовил специальный доклад и выступил с ним в думе. По поручению управы заведующий бактериологической станцией В.А. Смолич провёл анализ зейской воды в районе устья речки Чигири. «При исследовании оказалось, что в одном кубическом сантиметре содержится до 100 обыкновенных водных микробов, – докладывал Владимир Алексеевич. – Такая вода считается очень высокого качества». В итоге решили тянуть водопровод от Зеи.

Инженер В.И. Шимановский сделал предварительный расчёт стоимости сооружения и условий эксплуатации будущего благовещенского водопровода. Отцы города размахнулись: вся сеть должна была

протянуться на 109 вёрст, основные чугунные трубы предполагалось уложить на 30 верстах (в Хабаровске только 20, в Рыбинске – одном из первых в России городов с правильным водопроводом – 15 верст). Минимальная стоимость сооружения составила 503 460 рубля.

Что ещё, кроме труб, включал проект? Десять будок для разбора воды: пять каменных и пять деревянных (в Рыбинске было только семь будок), водонапорную башню с фильтровальной станцией и баком ёмкостью около 35 000 вёдер (в Хабаровске – 22 000 вёдер). Башню планировали построить на Семинарской горе, так как она «на три сажени выше средней отметки города». 150 000 вёдер в сутки предполагалось продавать всем желающим по 30 копеек за 100 ведер (в Хабаровске – 35 копеек), а 50 000 вёдер в сутки отпускать бесплатно на общественные нужды – тушение пожаров, поливку улиц и т. д. Суточный валовой доход планировался в размере 450, а годовой – 164 250 рублей.

В пояснительной записке к проекту В.И. Шимановский писал: «Первые год-два количество вёдер платной воды будет меньше вследствие консервативности населения ко всем нововведениям, но, если судить по примеру других городов, население быстро усваивает полезность фильтрованной воды, и количество абонентов будет быстро расти».

Водная проблема много раз обсуждалась на заседаниях городской думы. Газета «Эхо» сохранила для нас подробный отчёт об одном из таких совещаний.

Гласный Коротаяев: «Водопровод обойдётся не в 550 тысяч, как по проекту, а – минимум – в полтора миллиона рублей. Доходность его не покроет процентов займа, и городу грозят новые налоги».

Гласный Дулетов: «Если водопровод будет оздоравливать жителей, на этом нельзя экономить, мы должны застраховать своих детей и детей ближних».

Гласный Кондрашов: «У меня десять детей и все живы, хоть и без водопровода! Отцы наши пили воду с Амура, и нам не надо водопровода!»

Гласный Селезнёв: «Бедным электричество в городе даёт только убытки: они им не пользуются, а за охрану фонарей платят. То же будет и с водопроводом, ведь он пройдёт только по центральным улицам!».

Гласный Алексинский: «Предлагаю создать специальную комиссию по проработке вопроса водопровода, а ей на расходы выделены 5000 рублей».

Дебаты были бурными, гласные разделились на два лагеря: одни были за сооружение водопровода, другие – против. Последних называли «антиводопроводчиками».

Председателем водопроводной комиссии стал Н.П. Алексинский (через год он сбежит из города с деньгами переселенческого управления, управления Красного Креста и Общества спасания на водах).

Летом 1910 года дело ограничилось анализами воды и предварительными расчётами. Летом 1911 года пришло время расширять электростанцию: желающих заменить керосиновые лампы на электрические становилось всё больше. Решили заодно провести и водопровод. Не полный, в 109 вёрст, а частичный, длиной в 1750 саженей: по улице Большой – от Офицерской до Станичной; установить на этом участке три водоразборные будки и 20 противопожарных кранов. Стоимость сооружения – 52 000 рублей – существенная, но не заоблачная.

Управа обратилась к инженерам-технологам Е.В. Степаненко и В.И. Шимановскому с предложением составить по общему водопроводу эскиз проекта с точными расценками, по временному – детальный проект со сметной частью. Инженеры заверили, что первый проект сделают за четыре месяца, второй – за два с половиной месяца, а ещё, где нужно, сами проведут нивелировку. За свою работу они назначили оплату в 6000 рублей и выполнили её в срок, но...

«Правильный водопровод» появился в Благовещенске только в 1951 году. И тогда он не сразу добрался до Новых кварталов. Настало время рассказать о них.

Новые кварталы

Северные «кварталы» делились на Забурхановскую слободу (от Садовой на запад) и Горбылёвку (от Садовой до Зеи). Некоторые дореволюционные названия улиц в этом районе сохранились до нашего времени: Высокая, Свободная, Конная, Литейная, Рабочая.

Одна из улиц в Новых кварталах изначально называлась Горбылёвкой. Жителям название не нравилось. В 1908 году они обратились в городскую думу с прошением её переименовать. Думцы очень веселились, когда услышали название, которое придумали сами «горбылёвцы», но одобрили его, и стала улица Коммерческой. Название слободы – Горбылёвка – осталось прежним.

Землю за Бурхановкой можно было выкупать (по 4 рубля за квадратную сажень), брать в аренду (в 1910 году на правах аренды было застроено 413 участков). Некоторые поселенцы занимали участки «без контракта», формальности утрясали позже. Одно время управа грозилась отбирать такие захваченные участки, а потом передумала.

За Бурхановкой селились рабочие, ремесленники, мелкие лавочники, те, кто нанимался в городе прислугой, здесь находили приют бездомные. Поэт и журналист Фёдор Чудаков, когда появился в городе

в 1908 году, поначалу страшно бедствовал. Вот как описывает он своё пристанище того времени: «Я находился без работы и, не располагая достаточным запасом «свободной наличности», вынужден был поселиться в одной очень грязной, зато доступной по цене харчевне, какими изобилуют захолустные улицы Благовещенска. Я спал на грязном полу возле стойки, прикрываясь своими лохмотьями...».

Для таких бедолаг городское самоуправление содержало ночлежку. Когда она была организована и где находилась изначально, неизвестно. В 1909 году тюремное ведомство обратилось в думу с неожиданной просьбой: уступить ей ночлежный дом, чтобы разместить в нём заключенных (местная тюрьма была чрезвычайно переполнена). Поначалу думцы отказались: еженощно ночлежку посещало несколько сот человек, куда их девать? Потом решили отдать помещение в аренду тюремному ведомству за 2500 рублей в год (в бывшей ночлежке организовали филиал тюрьмы), купили «у Чурина» за 10 000 рублей дом за Бурхановкой, отремонтировали и приспособили под ночлежку.

Новый ночлежный дом открылся осенью 1910 года на 4-й Забурхановской улице: каменное здание, внутри нары в два ряда и в два яруса, вентиляция, кухня с медным кубом для воды, помещение для надзирателя. Дума отменила плату за ночлег в новом пристанище! Это был гуманный поступок: бомжей в те времена было огромное количество. По данным городской управы, только за 15 сентября 1910 года (вскоре после открытия) приют принял 533 (!) ночлежника. Летом обычно их было не больше 300. Население забурхановского предместья каждую ночь прирастало за счёт бездомных, но и само по себе росло стремительно. В 1909 году здесь проживало около 2000 человек. По итогам переписи, которую в октябре 1910 года провёл 4-й полицейский участок, за Бурхановкой проживало уже 4963 человека: русских – 1386 мужчин и 1317 женщин, 2192 детей, китайцев – 58.

Жили бурхановцы совсем рядом с городом, но добраться до него было проблематично из-за недостатка мостов и разливов речки. В апреле 1910 года в газете «Эхо» Фёдор Чудаков описывал, как мужик по имени Клим собирается в Общественное собрание на торжественный обед по случаю праздника основания Благовещенска, куда его, естественно, никто не звал, но помечтать-то можно. «...Сама его манера собираться в путь доказывала, что он коренной бурхановец: Клим стал раздеваться. Стянул с себя старые бродни (*высокие сапоги*), потом штаны, завязал это всё мочалкой, поднял подол рубахи до подбородка, сапоги со штанами взял под мышку и вышел. На дворе вода доходила только до колена, но на улице с первых же шагов пришлось погрузиться до пупа, а потом ещё выше».

Конечно, сатирик Чудаков (одно время он сам снимал угол в домике на берегу Бурхановки) утрирует, но совсем немного. Время от времени речка разливалась аж до Амурской улицы. Летом 1910 года случилось мощное наводнение. Зeya подпёрла Бурхановку, речка вышла из берегов, прорвала дамбу, затопила площадь на углу Театральной и Иркутской, по Семинарской дошла до Амурской, затопила двор третьей пожарной части. Прорыв на дамбе заделывала команда пожарных и несколько вольнонаёмных рабочих. Работами руководили городской голова И.Д. Прищепенко и член управы Щёголев.

В 1908 году благовещенская дума приняла решение ввести в Благовещенске всеобщее начальное образование. Разработали программу, рассчитанную на десять лет, и очень рьяно взялись за её реализацию. В течение первого года за Бурхановкой открылись три школы! Их назвали именами Толстого, Тургенева и Ломоносова. В 1911 году Тургеневская школа сгорела. Надо отдать должное отцам города: в короткие сроки они нашли деньги на строительство нового здания. Реализация программы всеобщего начального образования шла довольно успешно. И всё же, как тогда выражались, «за бортом школы» оставались тысячи детей.

Кабаков за Бурхановкой было значительно больше, чем школ. Каждый год городская дума составляла «расписание числа мест раздробительной продажи крепких напитков», то есть разного рода питейных заведений. В 1909 году, например, торговля крепкими напитками воспрещалась вообще «на всём протяжении улиц Артиллерийской, Безымянной, набережной реки Зеи» и т.д. На Новые кварталы этот запрет не распространялся: здесь было множество кабаков. «Насколько велико потребление спиртных напитков в Забурхановке и Горбылёвке, показывают следующие официальные цифры, – писала газета «Эхо» в декабре 1912 года. – В 1911 году эти два предместья дали 30 000 рублей акцизного налога. В текущем году – 46 000 рублей».

Где пьянка, там и буйство. 12 сентября 1910 года в доме Г.М. Лысака (4-я Бурхановская) была вечеринка. «На неё явились бурхановцы, около 20 человек, – писал корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Пришли незваные и вытеснили званых. Хозяин попросил уйти, один из пришедших выстрелил в потолок. Лампа погасла. Стали стрелять и в доме, и во дворе. Двоих убили».

Стрельба и убийства были обычным делом для Благовещенска и особенно – для его окраин. А «бурхановец» было тогда синонимом слова «хулиган». В 1908 году на нескольких улицах Новых кварталов установили электрические фонари. Через пару месяцев их уже не было – местные жители перебили. В 1909 году они разобрали на дро-

ва ограду участка, на котором планировалось построить техническое училище. Одно время бурхановские шалили на городском кладбище и в недостроенном соборе, который несколько лет стоял заброшенным. Много грехов водилось за ними.

Новые кварталы можно было назвать одной из промзон Благовещенска. На Коммерческой лице размещался огромный кожевенный завод торгового дома «Чурин и Ко» – он занимал больше четырёх кварталов. От него до Зеи располагалось ещё несколько предприятий по выработке кож и кожаных изделий. Улица, естественно, называлась Кожевенной. Рядом с этим малоприятным производством размещались ещё менее приятные мыловаренные заводы. Дальше на север – кирпичные заводы, за ними – городские «свалочные места».

Здесь не было магазинов – только мелкие лавочки. Сколько ни ходатайствовали забурхановцы, дума так и не разрешила им устраивать на своей территории базарные дни (просили проводить раз в неделю), много лет «украшал» район недостроенный собор. Но были у жителей северной городской окраины и некоторые преимущества.

Например, ипподром. Его содержало Амурское общество поощрения коннозаводства. Бега и скачки проводились регулярно и были любимым развлечением горожан. Обитателям центральной части Благовещенска добраться до ипподрома было целой проблемой, а для забурхановцев и горбылёвцев – нет. И скачки, и показательные полёты самолётов, которые устраивали гастролирующие пилоты, местные могли наблюдать бесплатно: с крыш домов, с деревьев, через дыры в заборе. Правда, иногда это было чревато. «Во время полётов авиатора Седова, – писала газета «Эхо» в 1911 году, – конная полиция, отгоняя тех, кто смотрел сквозь щели забора, пустила в ход без основательного повода нагайки. За избиваемых вступился проходивший мимо со взводом матросов офицер Амурской флотилии».

Пожарный обоз

Сколько ни обращались в думу жители Новых кварталов, в предместье так и не появилась своя пожарная часть. А в самом городе в начале XX века имелся пожарный обоз, в который входили три пожарные части. Первая и самая старая из них размещалась рядом с полицейским управлением (на пересечении Иркутской и Благовещенской улиц), вторая – во дворе городской управы на Большой улице, третья – на Амурской, между Семинарской и Ремесленной.

Ещё не было окончено строительство третьей части, когда в ней... случился пожар. 21 октября 1909 года в 9 часов утра от вылетевшей из трубы искры загорелась крыша конюшни. Пожар был прекращён через час. Крыша сгорела совсем. Убытки оказались большими.

Торжественное открытие третьей пожарной части состоялось 6 декабря 1909 года. После молебна присутствовавшим было предложено угощение. Затем «была сделана тревога». Пожарные запрягли лошадей в одну минуту 10 секунд. Наверное, волновались в присутствии высоких гостей, потому что несколькими днями раньше они провели перепряжку всего за 58 секунд!

Первые пять лет третья пожарная часть стояла без каланчи. Построили её только в 1914 году после настоятельных напоминаний господина городского полицмейстера. Он же неоднократно говорил о необходимости приобрести для пожарного обоза механическую лестницу, и брандмейстер был с ним солидарен.

В смету 1912 года управа внесла ассигнование в 1500 рублей на приобретение для пожарного обоза механической лестницы, но члены думы ассигнование это вычеркнули. Эта экономия чуть не привела к серьёзной беде. Ночью 27 апреля загорелась почтово-телеграфная контора (рядом с городским парком). Пожар начался с чердака, где хранился архив, и был прекращён только благодаря тому, что «пожарная команда была слишком быстро оповещена о нём сторожем магазина Керкадзе». По отзывам очевидцев, опоздай команда на пять минут, ей пришлось бы только наблюдать пожар, так как попасть на чердак без механической лестницы было невозможно. Брандмейстер вновь напомнил о покупке лестницы, управа пообещала.

Да, депутаты городской думы постоянно в целях экономии перекраивали смету расходов, но деньги на оснащение пожарного обоза выделяли регулярно. В начале 1912 года через склад императорского Российского пожарного общества из Англии выписали паровую пожарную машину конной тяги на двухколёсном ходу. Машина системы «Вальянт» стоимостью 2874 рубля пришла в Благовещенск в конце сентября. Подавала машина больше 30 вёдер в минуту: в два раза больше, чем большие ручные машины пожарного обоза. Машина пришла в разобранном виде. Месяц ушел на сборку, обкатку и испытания. В первых числах октября её передали в пожарный обоз.

Вместе с пожарной машиной был доставлен и дыхательный аппарат Кенига №1 со спиральным рукавом в два аршина длиной для работы пожарных в дыму! Кроме того, ожидали ещё и высланные со склада Российского пожарного общества разные принадлежности для пожарного обоза на 2800 рублей.

Большой проблемой при тушении пожаров была... вода, точнее, её отсутствие, что удивительно при двух реках. А всё потому, что баков для запаса воды в городе было очень мало, в некоторых районах, как в Горбылёвке, они вообще отсутствовали: там в случае пожара приходилось возить воду за две-три версты. Городской брандмейстер Бориско предложил управе войти в соглашение с содержателями торго-

вых бань, чтобы те во время пожаров давали воду из своих запасов (при банях были баки). Владельцы 16-ти бань согласились помогать пожарным безвозмездно, если «город устроит краны со шлангами» от их баков. Только П.В. Аристархов, баня которого размещалась на Амурской, между Графской и Никольской, потребовал за отпуск воды бесплатного отпуска электрической энергии на весь год.

«Отсутствие пожарных колодцев в Призейском районе дало себя знать при пожаре на Корсаковской улице, – писал очевидец 19 апреля 1912 года. – Пожарным пришлось ездить за водой на Зею, и подача воды была, конечно, медленной». Чтобы подобного не повторялось, некоторые гласные предложили прорезать через Сад туристов проулок к Амуру и брать воду из реки. Дума не согласилась.

«Насколько экстренно у нас могут пожарные подвезти воду в случае надобности, свидетельствует следующий случай, – сообщал в письме в газету «Эхо» один из горожан. – Из 2-й пожарной части на паре здоровых лошадей приехал на Амур пожарный с бочкой №17. Когда он налил бочку, лошади не повезли её, а толклись на одном месте. Пожарный промучился с ними два часа (!), вылил из бочки почти всю воду, только после этого лошади её повезли». С характером оказались скотины, или возчик неопытный был.

В январе 1910 года газета «Эхо» опубликовала статистику пожаров за пять лет. Оказалось, что с 1904 по 1909 год в Благовещенске случилось 119 пожаров. Больше всего пожаров – 33 – было в 1908 году, самая большая сумма убытка зафиксирована в 1907 году – 439 800 рублей. Вот несколько историй из хроникальных заметок благовещенских газет – о том, как горели и тушили.

Дома Калюжиной. В ночь с 8 на 9 января 1902 года сгорели два дома, принадлежавших Калюжиной, – каменный и деревянный. Началось в каменном, где магазин обуви Пешехонова. В верхних этажах находились дети Хлебникова. В начале пожара кухарка с мальчиком выбежали, позвали квартиранта (хозяева были в театре). А.И. Скородумов, квартирант, проник в горящее здание уже полное удушливого дыма от горящих галош и стал искать детей. Испуганные девочки спрятались, Скородумов услышал плачь, бросился в ту сторону и нашел девочку, которую вынес. Другую найти было труднее, она уже задыхалась от дыма. Спасённые девочки были унесены к Эмери и спокойно уснули.

Воды не доставало и потушить пожар не удалось. Деревянное здание с магазином обуви сгорело дотла, как и всё имущество на втором этаже. Товар был застрахован на 50 000 рублей в обществе «Надежда», а здания Калюжиной – в Петербургском страховом обществе. Всего убытку не меньше 100 000 рублей. «Можно опасаться,

что теперь обуви на сезон не хватит. Не преминут торговцы поднять цены», – предсказывали обыватели.

P.S. Во время пожара в соседний двор проникли два вора и съели на кухне варёное мясо.

Дом Потомкина, дом Камынина. Сразу два значительных пожара случились в Благовещенске 21 февраля 1903 года. Сначала загорелся дом Потомкина на Большой улице, ближе к Зее. Завидя дым, толпы народа стали сбегаться к месту пожара, но по пути остановились у дома Камынина на углу Большой и Садовой, который тоже горел!

На второй пожар прибыли вице-губернатор С.Н. Таскин и военный губернатор области Д.В. Путята. Таскин остановил махальщика (пожарный-сигнальщик), чтобы спросить, все ли пожарные приехали с первого пожара на второй. «В это время на него наскочила пара с пожарной бочкой и опрокинула господина вице-губернатора, – пишет корреспондент «Амурской газеты». – Колесом, проехавшим по руке, был напрочь оторван рукав мундира, а с ноги сорван штиблет. Благодаря какой-то необыкновенной случайности кости не были раздроблены, и сам вице-губернатор остался жив. Рука вся опухла и посинела, а в ноге чувствуется сильнейшая боль».

Дальше корреспондент пишет, что у благовещенской пожарной команды есть и повозки, и бочки, и прислуга, и лошади, нет только сигнальных рожков. Несутся во весь опор и вопят благим матом: «Берегись вправо!», «Берегись влево!». Но криков их никто не слышит. «Пожары в Благовещенске вообще бывают очень редко, и ещё реже случается два пожара сразу, чем и объясняется, что в эту сторону вопроса не было никем отражено внимание», – завершил корреспондент свой отчёт о ЧП с участием вице-губернатора.

Магазин Бутрякова и другие. Этот разрушительный пожар случился в Благовещенске 22 февраля 1910 года. Он начался в подвале книжного магазина Бутрякова, быстро распространился на соседние здания, а в них располагались богатейшие магазины и фирмы Благовещенска. В том пожаре сгорели кондитерское заведение Афонина, гостиница «Манжини», магазин Бутряковых с товаром, ювелирный магазин Архимовича (товар спасён), магазин фирмы «Коковин и Басов», квартира электротехника Кравчинского (через несколько месяцев горожане читали рекламу: «Лучшая гарантия от пожара – это электрический насос. Его должен иметь каждый домовладелец. Можно видеть в действии в специальном электрическом магазине Кравчинского»). При тушении пожара были порваны телефонные провода. В результате 110 абонентов в течение трёх дней «оставались без сообщений». Общий убыток – 267 000 рублей.

В связи с пожаром торгового дома «Коковин и Басов» (кяхтинские купцы-чаоторговцы с миллионными оборотами) в Благовещенск прибыл главный инспектор страхового общества «Россия» К.А. Мальчёнкин. Это страховое общество выплатило Коковину и Басову 150 000 рублей и оставило торговому дому всё спасенное имущество и товары.

Баня Гаврилова и Поповой. В ночь на 31 июля 1911 года на Казачьей улице загорелась баня, принадлежавшая Гаврилову и Анне Поповой. В бане спали китайцы. Они не пострадали. Дознание установило, что стены бани были облиты маслом снаружи, загорелось сразу в девяти местах. Баня застрахована в обществе «Россия». В поджоге подозревался муж Анны Поповой. Участок, на котором построена баня, наполовину принадлежал Гаврилову, наполовину – Поповой. Срок аренды земли под частью бани истек в сентябре. На продление аренды Гаврилов не соглашался. Попову пришлось бы или продать баню всего за 700 рублей, или ломать. Поджечь, выходит, было выгоднее. Чем закончилось разбирательство, газеты не сообщили.

Сено Буяновых. В октябре 1911 года товарищество братьев Буяновых отправило двух рабочих на казённую дачу⁶ в десяти верстах от Астрахановки, чтобы «в целях предотвращения палов» опалить принадлежащие им стога. Рабочие с огнём не справились, и он сжег 3925 копён чужого сена. В. Горелкин потерял 250 копён, Павел Долгов – 400, Ив. Долгов – 180, А. Лепехин – 35, Вас. Долгов – 180, И. Резанов – 300, М. Шабанов – 160, М. Шабанов – 40, И. Лепёхин – 10, И. Шабанов – 500. Владельцы сгоревшего сена оценили убыток в 10 000 рублей и предъявили иск торговому дому братьев Буяновых.

Вознесенская школа. 13 января 1912 года сторож Вознесенской школы Мишин заметил дым: около печи горел полочник. Попытки залить огонь оказались безуспешными. Живший на втором этаже учитель вызвал по телефону пожарных. Им не удалось прекратить огонь, так как воду приходилось возить за несколько кварталов. Здание вместе с имуществом учителя и сторожа сгорело дотла. Убытков 12 600 рублей. Здание застраховано в «Русском страховом обществе» на 10 000 рублей. При тушении упавшей печной трубы ранило двух пожарных – Захара Сигулу и Антона Хаманца. Пострадавших доставили в городскую больницу.

Конюшня Кузнецова. В ночь на 21 апреля 1912 года во дворе Кузнецова по Мастерской, между Амурской и Иркутской, от брошенной папиросы сгорела дотла цинковая конюшня с сеновалом, а также пятьдесят саней и сорок возов сена. Убыток около 4000 рублей. От Кузнецова пожар перешел во двор к соседу Азанову, у которого сгорело 60 плах и 15 возов сена.

Сеновал Косицына и вокруг. Днём 11 мая 1912 года при очень сильном южном порывистом ветре загорелся сеновал на участке Ко-

сицына на Благовещенской улице, между Большой и Зейской. Хотя пожар был замечен в самом начале, остановить его домашними средствами оказалось невозможно. Пока вызывали по телефону пожарные части, огонь охватил весь сеновал и перекинулся на соседние дворы – Козлова и Лебедева. Начавшись с сараев и других мелких строений в этих дворах, пожар перешел на дома, отстоять которые не удалось. Дальнейшему распространению огня на соседние участки помешал брандмауэр – с одной, каменная лавка – с другой и Зейская улица – с третьей стороны. Искры от пожарища занесло в соседний квартал, где загорелся сеновал на участке Стёпина. С сеновала огонь перекинулся на дом и уничтожил его. От этих строений загорелась на соседнем участке каменная баня Кононенко. Благодаря усилиям пожарных частей и публики дальше огонь не пошел, а мог бы выкосить несколько кварталов.

Итоги пожара такие. У Л.И. Косицына уничтожены сарай, сеновал, коровник, конюшня, два амбара, каретник и поднавес, убытки – 3500 рублей; у Козлова – дом, амбар, прачечная, убытки – 1200 рублей; у Лебедева – дом и сарай, убытки – 3000 рублей, у П.Ф. Стёпиной – дом и сарай с дровами, убытки – 1800 рублей, у Кононенко обгорели чердак, забор, повреждены двери, окна, крыша дома. Убыток – 600 рублей.

Не всегда огнеборцам удавалось взять верх над стихией, но выучку они показывали хорошую. Летним вечером 1902 года господин военный губернатор области Д.В. Путята, прогуливаясь пешком по городу, зашел в полицию. Там же помещался главный пожарный городской обод. «Желая испытать исправность пожарной команды, Его превосходительство велели ударить тревогу, – сообщила «Амурская газета». – В одну минуту пожарный двор пришел в движение. Опытными руками пожарные бросились запрягать лошадей, им помогали, чем могли, по обыкновению, и женщины – жены пожарных. Привычные лошади сами становились в оглобли. Ровно через три минуты машина была совершенно готова к отъезду, бочки – через четыре минуты. Команда была в полном порядке. Его превосходительство остались очень довольны».

Семьи пожарных обитали там же, в частях. Будете проходить мимо третьей пожарной части, на Амурской, обратите внимание: на первом этаже размещались лошади, на втором – семьи пожарных. На нарах, разгороженных занавесками.

Пожар в Сахалине

Однажды благовещенским пожарным пришлось бороться с огнём на правом берегу Амура.

11 сентября 1912 года в Сахалине начался праздник огней, а на четвёртый день веселья случился пожар. Вот как описывает это бедствие репортёр газеты «Эхо», очевидно, переправившийся за Амур вместе с пожарными. «Вчера (14 сентября) около часу ночи яркое зарево охватило Амур. С отдалённых от набережной улиц Благовещенска казалось, что горят или склады Амурского общества (*пароходства и торговли*) или интендантские. Но пожарные каланчи молчали. Горел на китайском берегу Сахалин. Известно, в каком рискованном положении в отношении пожаров находится Сахалин – деревянные скученные строения, узенькие азиатские улицы, отсутствие противопожарных средств. В течение семи часов Сахалин пылал костром на протяжении половины своего протяжения. Картина пожара по своей грандиозности напоминала печальной памяти пожар 1900 года.

Как бы весь пропитанный спиртом, имеющий в изобилии запасы керосина, бобового масла и других горючих веществ, Сахалин, несмотря на отсутствие ветра, казалось, выгорит дотла. Оглушительные взрывы десятков бочек со спиртом, раздававшиеся почти беспрерывно, чёрные массы клубившегося дыма, доносившийся гул отчаянных криков людей, зловеще освещенная поверхность реки – всё это представляло с нашего берега мрачную картину. Рисовались ужасы огненного бедствия и паника сахалинского населения – китайского и русского.

В два часа ночи к таможенному посту около перевоза прибыли военный губернатор Валуев, комендант города, городской голова Попов, полицмейстер ротмистр Хуциев, наряды полиции, вызвана была пожарная команда. В три часа Попов с пожарными отплыл на ту сторону. Нашей пожарной команде при въезде в Сахалин представилось целое море огня, охватившего широкую и длинную полосу к западу от главной поперечной улицы, и уже готового перекинуться в восточную часть.

Всюду полная беспомощность и растерянность. На заваленных скарбом и разными товарами улицах бестолково суетятся китайцы – торговцы, кули, солдаты, офицеры. Треск горящих зданий, крики людей и почти непрерывные взрывы банок со спиртом сливаются в один сплошной гул. Несколько банок с водой, одеяла и кое-где листы волнистого железа – вот всё, что Сахалин имел возможность противопоставить разбушевавшейся огненной стихии.

Появление нашей пожарной команды встречается большим энтузиазмом с верой в близкое спасение от огня. Ей спешат очистить дорогу, оказывают всяческую помощь.

Каменное здание нашего вице-консульства, хотя и охвачено тесным полукольцом горящих и догорающих построек, но находится

в относительной безопасности, и потому пожарная команда направляет своё внимание туда, где прежде всего необходимо поставить преграду огню. Врезавшись в восточную часть полосы пожарища, команда, располагавшая сначала всего одной машиной, энергично начинает свою работу и останавливает здесь распространение огня.

Через некоторое время с нашего берега подспевает вторая машина и предпринимает борьбу с огнём на западной стороне, где в это время загорается находящийся на набережной водочный завод, железные бочки со спиртом из которого удаётся вовремя выкатить и бросить под берег, частью – в воду. Завод сгорает, зато соседние постройки, в том числе склад керосина и громадный пакгауз, битком набитый разными товарами, отстаивается, чему много помогает присоединившаяся ко второй первая машина.

Кстати, энтузиазм китайцев быстро остыл и через час-полтора качать пожарные машины почти некому. Китайская полиция выбилась из сил, чтобы принудительно собрать у машин, даже с помощью подзатыльников, десять-двенадцать качальщиков.

К семи утра к Сахалину подходит министерский (*путей сообщения*) пароход с третьей машиной и со своей командой. К этому времени опасность, угрожавшая всему Сахалину, устранена, хотя ряд построек ещё продолжал пылать в разных частях пожарища. В общем, услуга, оказанная Благовещенском Сахалину, громадна, так как, не прибудь на пожар наша помощь, если не весь Сахалин, то большая его часть превратилась бы в груды углей и обломков. Выгорела значительная площадь с рядом магазинов, лавочек и товарных складов. Убытки должны быть громадные».

Через несколько дней та же газета опубликовала подробности грандиозного пожара. «Он начался в одном из домов, расположенных в узком переулке вблизи театра и, встречая повсюду хороший горючий материал, быстро начал распространяться во все стороны. Китайская пожарная команда, располагавшая неважной пожарной машиной, оказалась не в состоянии преградить путь огню. Пожарная команда японского общества, не раз успешно боровшаяся с пожарами до этого времени, на этот раз оказалась бессильной. Уничтожено, по китайским данным, до 600 домов, убыток исчисляется миллионами. Погорело очень много товаров, заготовленных по случаю приближения конца навигации на целую зиму. Осталась без приюта масса китайцев, разместившихся теперь по оставшимся домам, палаткам, шалашам, просто под открытым небом.

В пожаре очень пострадала японская колония. Из 24 домов, занимаемых японцами, осталось только пять, остальные сгорели, и не удалось спасти ничего из имущества. Люди выбегали в одном белье. Мужчины-японцы, принимавшие участие в тушении пожара, заня-

тые делом, не заметили, как погибло всё их имущество. Среди японцев, проживающих в Благовещенске, организован сбор пожертвованных в пользу соотечественников.

Китайское коммерческое общество 16 сентября обратилось по телеграфу в Пекин, в министерство торговли и промышленности. «Случившимся пожаром уничтожено около 600 домов, убытку 8 млн. таэлей, порядок нарушен. Для восстановления требуется помощь правительства. Если помощь оказана не будет, населению и администрации грозит опасность со стороны бесприютных китайцев».

Накануне пожара местный чжи-фу (городской голова) выехал по делам в Айгун, туда же уехал и его помощник, в городе из администрации оставался один полицмейстер. На следующий день в Айгун посыпались телеграммы с просьбами о приезде чжи-фу, и китайцев сильно волновало, что он до 16 сентября не появлялся в Сахалияне.

Циркулирует слух, хотя маловероятный, что пожар возник на политической почве: предположения основываются на том, что в одно и то же время случился пожар и в Фуданцзяне возле Харбина.

Больше всех пострадала транспортная контора Кун-Зи-Зан, в сгоревших пакгаузах которой была масса товаров, привезенных из Харбина. У фирмы Фун-Тай огнём уничтожено чуть не на сто тысяч рублей шелку, бакалейных, мануфактурных и других товаров. При тушении пожара кроме русской пожарной команды редкую деятельность проявили чины управления водных путей и японское вольное пожарное общество во главе с местным доктором Миязаки».

Одновременно с подробностями пожара газета опубликовала и обращение к читателям с призывом помочь погорельцам Сахалияна: «В результате пожара масса людей с детишками лишена крова и всего, что необходимо для жизни. Наступают уже холода. Жутко становится, как подумаешь об этих несчастных, оборванных, голодных и озябших китайских детишках. Осмеливаемся думать, что найдутся добрые люди, которые окажут материальную поддержку погорельцам, не считаясь с вопросом национальности».

Как это бывало и в других случаях, когда собирали деньги в помощь бедным, или пострадавшим от стихийных бедствий, или семьям, оставшимся без кормильцев, пожертвования принимали в редакции газеты «Эхо», а на её страницах регулярно печатались отчёты. Устроители маскарада в театре Роганова передали в пользу погоревших сахалинцев один из призов; военный губернатор Валуев пожертвовал 25 рублей; от пятидесяти копеек до нескольких сотен рублей приносили в редакцию газеты горожане. В общей сложности в короткие сроки жители Благовещенска собрали для погорельцев больше 4000 рублей.

С 17 по 19 сентября военного губернатора области, пограничного комиссара и городского голову Благовещенска посетило всё руководство Сахалина. Дао-тай (глава уезда) Яо-Фу-Шень лично принёс от себя и населения Сахалина глубокую благодарность за оказанную помощь и просил раздать между бывшими на пожаре пожарными в качестве награды 200 рублей.

20 сентября Благовещенский пограничный комиссар передал дао-таю Яо-Фу-Шень письмо: «На днях я получил от вас письмо и в нём 200 рублей, которые вы просили раздать нижним чинам пожарной команды, участвовавшей в тушении пожара. Пожарная команда, зная, что сгорело больше 400 домов, что много семейств осталось без крова, благодарит почтенного дао-тая за присланные деньги, возвращает их обратно и просит вас передать их бедным погорельцам».

И ещё одно письмо, опубликованное в те же дни: «Позвольте через посредство вашей газеты выразить искреннюю благодарность сахалинского населения лицам, принимавшим участие в тушении сахалинского пожара: благовещенскому городскому голове П.П. Попову, брандмейстеру благовещенской пожарной команды Бориско, пограничному комиссару Троицкому, инженеру Порохову, переводчику китайского языка Берковичу, приставу 3-го участка города Благовещенска Зубрицкому и всем вообще лицам, помогшим ликвидировать пожар. Представитель сахалинского населения Кин-Да-Чин».

Пожарные хроники

(по материалам газет «Амурская газета», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

1909 год. «22 октября состоялся годовой праздник пожарных служителей, к которому приурочено открытие пристройки во втором пожарном обозе. На торжестве присутствовали городской голова, гласные думы, некоторые почетные гости».

1910 год. «Брандмейстер 1-го и 2-го участков Д.Г. Сигулин награждён золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее. Помощник брандмейстера 2-й пожарной части господин Божко в недалёком будущем будет представлен к награде».

1911 год. «Торговым домом «И.Я. Чурин и Ко» для раздачи пожарным за дружную работу на пожаре склада фирмы прислано в городскую управу 300 р. для брандмайора. Последний оставил себе

---

⁶Казённая (государственная) дача - часть угодий, подчинённая единому хозяйственно-техническому плану и прикреплённая к какому-либо владельцу.

55 р., трём своим помощникам – по 15 р., остальные 200 р. разделены между нижними чинами».

1911 год. «Около трёх часов дня 11 марта горожане увидели огромный столб дыма. Он поднимался у тюремного замка. Дым заметили и дежурные на городских каланчах. Немедленно к тюрьме выехали пожарные команды. Оказалось, горела солома, заготовленная для матрацев. Пудов около пятидесяти. Ко времени прибытия пожарных солома сгорела вся. Осталось только залить пепелище водой – на всякий случай».

1911 год. «В полдень 25 мая с каланчи заметили большой столб дыма на Графской, между Соборной и Вознесенской. Полагая, что это пожар, туда выехали 1-я и 2-я части. Оказалось, что на площади сжигали огромную кучу старых веников».

1912 год. «В июне было три пожара, в июле – ни одного. Пожарные были заняты поливкой улиц».

1912 год. «Для надобностей пожарного обоза городская управа купила несколько бочек из-под спирта. Осматривая приобретение, брендмейстер Бориско слишком близко поднёс зажженную спичку к отверстию одной из бочек, получился взрыв газов, пламенем ему сильно опалило голову. По счастью, глаза не пострадали».

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Телеграф – Телефон – Телефонные хроники – Электричество – «Электрические» хроники – Трамвай – Автотранспорт

Конец XIX – начало XX веков – время невероятного прогресса буквально во всех отраслях экономики, культуры, науки, техники, медицины. Несмотря на своё окраинное положение, Благовещенск не был чужд технического прогресса, а по некоторым показателям (производство муки, численность и тоннаж речного флота, количество велосипедистов) даже выходил на первые позиции в масштабах Российской империи.

Телеграф

В 1890 году по пути на Сахалин в Благовещенске останавливался великий русский писатель и драматург А.П. Чехов. Можно с уверенностью утверждать, что первым делом он отправился в почтово-телеграфную контору в надежде получить от кого-нибудь весточку.

Он любил телеграф – это чудо техники XIX века! Однажды написал из Мелихова издателю А.С. Суворину, с которым был дружен: «Телеграфируйте мне о чём-нибудь. Я так люблю получать телеграммы».

Может быть, любовь эта объясняется тем, что телеграфисты безбожно перевирали передаваемые сообщения, и телеграммы были неиссякаемым источником сюжетов для ранней – сатирической – чеховской прозы? Чего стоит, например, телеграмма, которая нашла Чехова 7 июня 1890 года в Иркутске. Он пишет родным: «Получил сейчас от Суворина такую телеграмму: «Не хвались до стенли далеко приветствует золотая и медные бедные дом прекрасный жалеем что Вас нет хмурые люди второе издание всем на зависть вы бедный хороший мы вас любим студента Казанцева ныне скучно когда вас принесет обратно. Суворин». Мудрый Эдип, разреши!» «Ваши телеграммы, – писал Чехов Суворину по возвращении с Сахалина в Москву в декабре 1891 года, – получал я в невозможном виде. Все перевраны».

Конечно, Чехов ценил это новейшее средство связи и за удобство: телеграф обеспечивал невероятную скорость общения и значительно упрощал жизнь. «Желающим ехать на одном из первых пароходов в мае или начале июня, – сообщал томский «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России», – советуем запасаться билетами заблаговременно, ибо в первые рейсы все пароходы буквально переполнены пассажирами. Пароходные конторы, обыкновенно, оставляют билеты по письменным или телеграфным требованиям».

Остановившись в Екатеринбурге, Антон Павлович послал запрос в Тюмень и оповестил об этом родных: «...жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал я так: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда идёт пассажирский пароход Томск» и т.д. От ответа зависит, поеду ли я на пароходе или же поскачу 1½ тысячи вёрст на лошадях, по распутице». Через несколько дней Антон Павлович получил ответную телеграмму из Тюмени: «Первый пароход в Томск пойдёт 18 мая». «Это значило, что мне нужно было, хочешь – не хочешь, скакать на лошадях. Так и сделал», – сообщил он родным.

Первая почтово-телеграфная контора на Амуре была открыта в 1862 году, в Николаевске. Вскоре было принято решение о строительстве Амурской телеграфной линии от Сретенска до Хабаровки. Прорубали просеки, устанавливали столбы, тянули провода забайкальские и амурские казаки. В 1870 году амурский телеграф соединился с сибирским, а затем и с телеграфом Европейской России. В том же 1870 году была открыта телеграфная контора в Благове-

щенске. Она размещалась в трёх деревянных домах, арендованных у купчихи Е. Флеркевич (дома стояли в Проезжем переулке, теперь это часть городского парка).

Остров Сахалин с материком соединял подводный телеграфный кабель. На осуществление этого проекта Государственный совет Российской империи в феврале 1881 года выделил 250 тысяч рублей. В июле (!) того же года работы по прокладке кабеля были завершены. Среди сахалинских каторжан ходили слухи о том, что по этому кабелю – его представляли в виде большой трубы – можно добраться до материка...

В 1890 году благовещенская почтово-телеграфная контора имела семь аппаратов и статус международной (отсюда можно было отправить телеграмму хоть в Париж, хоть в Сан-Франциско), работала круглосуточно, в ней числилось 28 служащих. Начальником был коллежский ассессор К.И. Адамсон. В числе сотрудников было четверо датских подданных и – большая редкость по тем временам – женщина-телеграфистка Э.И. Паульсен.

В благовещенской почтово-телеграфной конторе (здесь телеграфисты были, видимо, более профессиональными и более ответственными, чем в Иркутске) Антон Павлович получил 26 июня 1890 года вполне «читабельную» телеграмму от Суворина. Алексей Сергеевич сообщал, что у родных Чехова всё хорошо и предлагал ему возвращаться в Европейскую Россию через Америку. Антон Павлович в ответ написал: «Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдётся». Если бы решился, Чехов первым из русских писателей совершил бы сухопутно-морское кругосветное путешествие.

Телеграммы были дорогим удовольствием. Отправители платили по пять копеек за каждое слово в Европейской или Азиатской России. Если телеграмма отправлялась «за Урал» или в обратном направлении, стоимость слова удваивалась, плюс пятнадцать копеек нужно было заплатить отдельно за саму телеграмму. По доходам в XIX веке телеграф уступал только винной монополии.

В начале XX века благовещенская пресса довольно часто писала о местном телеграфе, главным образом, когда с ним что-то случалось. В начале 1903 года, к примеру, на Зее проходила операция «по отысканию телеграфного кабеля» линии Благовещенск – Хабаровск (современное название Хабаровки было утверждено в 1880 году): он был проложен по дну реки. Надо было найти спайку, «благодаря которой кабель действует не совсем исправно». Искали больше месяца. На песчаной косе вырыли канаву длиной около 120 метров и полтора мет-

ра глубиной. Местные чиновники уже хотели махнуть рукой, рассчитали рабочих и решили, что и так сойдёт. Но окружное телеграфное управление потребовало продолжить поиск и работы возобновились.

Нарушали бесперебойную работу телеграфа не только технические неполадки: «На перегоне Благовещенск – Буссе при осмотре телеграфной линии оказалась масса разбитых изоляторов. Начальник телеграфно-почтового округа винит в этом явлении местных жителей, бьющих изоляторы ради развлечения»; «На днях прекратилось телеграфное общение с Хабаровском. Причиной прекращения служит обрыв проводов через речку Архара. Пароход «Кондор», проходя по Архаре, задел трубой за провода, подвешенные над рекой, и оборвал их».

Мешали сообщению сильные грозы и ветер, пожары и наводнения. При авариях на прямой линии Сретенск – Благовещенск телеграммы в Европейскую Россию и Сибирь отправляли «в обход»: из Благовещенска – во Владивосток, оттуда по проводам, идущим вдоль Китайско-Восточной железной дороги, – в Забайкалье и дальше – на запад. Ответные сообщения передавались в обратном порядке. Телеграммы приходили адресатам с задержкой на несколько дней.

В 1910 году в Петропавловске-Камчатском строилась радиостанция – одна из самых мощных по тем временам. На следующий год между Благовещенском и Камчаткой было налажено радиотелеграфное сообщение.

1911 год стал прорывным для амурского телеграфа. В сентябре начала работать линия Благовещенск – Красноярово – Ивановское – Мазановская. В том же месяце в Амурском управлении водных путей сообщения при участии представителей пароходчиков, горнопромышленников, переселенческого управления, управления строительства средней части Амурской железной дороги и биржевого комитета состоялось совещание. Поводом для него стала просьба начальника почтово-телеграфного округа «сообщить сведения, необходимые для изыскания устройства новых телеграфных линий, а именно, на каких пунктах желательнее установить телеграфные станции». Участники совещания дали ответ очень оперативно, назвав требуемые пункты, снабдив выбор пояснениями.

Овсянка на Зее. Отсюда начинается зимняя дорога в золотопромышленные районы, а летом здесь располагаются склады.

Кухтерин Луг на Зее – один из центров переселенческого движения, крупный торговый центр, здесь выход на Амурскую железную дорогу.

Ивер на Зее. В районе села казённые каменоломни, залежи мрамора, известковые заводы, золотые прииски, на реке – перекаты, опасные для судоходства.

Новопокровка на Амуре. Это крупный «заселённый» центр. Вверх и вниз от Новопокровки перекаты, на которых пароходы часто налетают на камни, садятся на мель. В случае аварии парохода очень нужна связь.

«Помимо этого, желательнее было установить телеграфные станции в Белогорье, Новоандреевке, Суражевке, Красноярово», – решили участники совещания, и подсказали телеграфному руководству: лучшее время для изысканий – май-июнь, для строительства – июль-середина октября.

В том же году в благовещенской почтово-телеграфной конторе был установлен новейший аппарат «Дуплекс» системы «Уинстон» для связи с Иркутском и Владивостоком. На этих аппаратах можно было одновременно принимать и отправлять телеграммы. Увы, работать на них было некому. В 1909 году Благовещенская почтово-телеграфная контора была переведена из второго разряда в первый, имела право увеличить штат на 20 человек, но местных телеграфистов не было, из Европейской России специалисты не ехали по разным причинам, в том числе и потому, что им не платили подъемные. «18 сентября Владивосток прекратил работать с Благовещенском, заявив, что у них нет винстонистов (так называли тех, кто работал на аппаратах «Уинстон»), – сообщила газета «Эхо» 22 сентября 1911 года. – Мы думали, что у нас нет кадров, оказывается, это явление хроническое».

Летом 1912 года начальник края Н.Л. Гондатти, побывав в Благовещенске, посетил почтово-телеграфную контору и обратил внимание на «сравнительно малочисленный состав служащих-телеграфистов в силу чего некоторые аппараты бездействовали». Он затребовал направить из Европейской России двадцать почтово-телеграфных чиновников специально для благовещенской конторы.

В 1908 году сам редактор газеты «Торгово-промышленный листок объявлений» А.А. Константинов побывал в почтово-телеграфной конторе и описал условия, в которых работали тамошние чиновники: «Дежурят сутки через двое. Ночью отдыхают 4-5 часов. Комната на 6-7 человек, а диван только один. Где они отдыхают? Рядом с аппаратной – уборная. В ней освещение плохое, нет вентиляции. Мне случалось бывать в квартире, занимаемой начальником почтово-телеграфной конторы, и я нахожу, что она устроена весьма комфортно и снабжена всеми удобствами настолько же, насколько помещение почты и телеграфа их не имеют».

Начальник почтово-телеграфной конторы В.Е. Раздеришин посчитал обвинения несправедливыми и ответил через газету: «В аппаратной кожаный диван один, а в конторе их девять! Есть где отдыхать. Константинов легким балетным пируэтом обходит неудобные

для него места и замечает только то, что хочет». Об уборной, которая отравляла атмосферу миазмами, – ни слова.

Телефон

Первые в Благовещенске телефоны установили в своих магазинах фирмы «Чурин и Ко» и «Эмери Инок и Ко» – для служебного пользования. Было это в 1890 году.

Упоминание об оборудовании городской телефонной сети в Благовещенске удалось обнаружить в «Амурской газете» от 23 июня 1896 года. Заметка в одну строку: «Устройство телефонной сети в городе быстро продвигается вперёд под личным наблюдением электротехника Успенского» (*Василий Степанович работал техником Благовещенской почтово-телеграфной конторы, преподавал арифметику в Алексеевской женской гимназии*).

На организацию телефонной связи требовалось 22 000 рублей, с горожан собрали 10 000 рублей, остальные средства поступали в виде предварительной абонентской платы. Кассиром этого предприятия выбрали С.С. Шадрина.

Телефонная связь в Благовещенске начала действовать 1 декабря 1896 года. Сначала станция располагалась в деревянном здании на том месте, где сейчас стоит гостиница «Зея».

В «Обзоре Амурской области за 1908 год» приводятся данные о деятельности городской телефонной станции. На 1 января 1909 года в Благовещенске насчитывалось 367 абонентов первой категории (такой абонент располагался не дальше двух вёрст от центральной станции, годовая плата – 75 рублей), 103 абонента второй категории (абонент располагался от центральной станции дальше, чем две версты; годовая плата 75 рублей плюс за каждые 100 сажений свыше двух вёрст – ещё по три рубля), служебных телефонов – пять, общее число аппаратов – 503. «Протяжение голых проводов на воздушных линиях» – 983 сажени 360 аршин. Число переговоров за год (оказывается, их тоже считали!) – 1 798 430. Сумма поступлений за 12 месяцев – 38 024. В штате телефонной станции состоял 21 сотрудник, в том числе 12 телефонисток.

В 1914 году для телефонной станции построили каменное здание на пересечении Иркутской и Торговой. Архитектор – военный инженер Э.И. Шефер.

Жители города активно пользовались услугами телефонной сети.

Вызывали врачей... Когда в ресторане «Македония» посетитель выстрелил в себя из револьвера, начали по телефону вызывать врача. Но врачи (дело было накануне нового, 1909 года) были, кто в клубе, кто в театре, кто в гостях. Наконец, дозвонились до доктора Хоммера. Он приехал, «подал» первую помощь, отправил пострадавшего

в Красный Крест. Не будь телефона, на поиски доктора потратили бы полночи.

Отправляли важные сообщения... В августе 1911 года министр путей сообщения С.В. Рухлов инспектировал ход строительства Амурской железной дороги и 13 августа прибывал по Зее в Благовещенск. Корреспондент газеты «Эхо» подробно описал это знаменательное событие: «Задолго до появления парохода «Амур» к министерской пристани начали съезжаться начальственные лица, представители города и духовенства. В начале 1-го часа дня пристань получила телефоначу (позже сообщения, переданные по телефону, стали называть телефонограммами) из Астрахановки от командующего судходного старшины о том, что пароход с министром проследовал Астрахановку.

При подходе парохода к министерской пристани министр стоял на верхней палубе, откуда раскланивался с публикой (*обязательная церемония встречи: городской голова приветствует, городская депутация преподносит хлеб-соль*). Министр сказал: «Строительство Амурской железной дороги идёт успешно, через год-два в Благовещенске услышат свисток паровоза» (*регулярное железнодорожное сообщение из Благовещенска началось в 1913 году*).

Менее важные, чем
абоненты телефонной
как, например, в сентябре

приезд министра, сообще-
станции игнорировали,
1909 года. «Корабельная

контора иногда вызывает со стороны пароходовладельцев справедливые нарекания за проволочки в оформлении документов, – пишет рассерженный читатель газеты «Эхо». – Так, 16 сентября, пароходы «Мария» и «Александр» должны были выйти из Благовещенска в 7 часов утра, вышли около 10 часов дня. Задержка произошла из-за того, что дежурный чиновник Добжинский вместо 7 утра, когда должна открываться контора, явился около 10 часов несмотря на то, что собравшиеся в конторе пароходные служащие четыре раза по телефону напоминали о себе в таможенную заставу!»

Собирали нужные сведения... До появления телефонов врачи сообщали о случаях заразных заболеваний (почти постоянно в городе регистрировали скарлатину, дифтерит, оспу, тиф, дизентерию и т.д.) городскому врачу и в городскую управу по почте. На это уходило не меньше, чем два-три дня. По телефону сведения можно было передать в несколько минут. 13 ноября 1911 года попечительский совет городских лечебных заведений обратился с просьбой к врачебному управлению (действовал такой порядок) обязать всех практикующих в городе врачей извещать о заразных заболеваниях городского врача, на обязанности которого лежит дезинфекция помещений, – по почте, а городскую управу – по телефону. Предложение попечительского совета было одобрено.

Делали заказы... Ещё в 1899 году «Амурская газета» из номера в номер публиковала объявление: «Сим довожу, что с 4 декабря открыта мясная торговля по Амурской, между Торговой и Мастерской, в доме Буянова, ежедневно, с 6 утра до 7 вечера. Для удобства публички заказы принимаются по телефону №252 с доставкой на дом». Да, ничто не ново под Луной.

Возможность иметь оперативную связь стоила дорого. «Телефон такие изрядные барыши получает, что не мешало бы об удобствах абонентов подумать», – возмущались обыватели, недовольные качеством услуг, и приводили в своих письмах в газеты подробности: «В последнее время телефоны соединяются, разъединяются, звонят без всякого участия со стороны абонентов. Чтобы поговорить с кем-то, требуется больше усилий, чем если бы пользовались услугами извозчика»; «Телефон в Благовещенске создан исключительно для мучений публики. На микроскопической станции кроме «Не слышу, повторите!» нельзя добиться ничего»; «Из первого полицейского участка вызывали центральную телефонную станцию около часа. Соединение дали на полминуты, потом снова пришлось полчаса дозваниваться. Но не получилось – с кем бы ни просили соединить, всё время отвечали от Курилова» (*контора Курилова занималась отловом бесхозных, уборкой и утилизацией околелживших животных*).

А ещё из-за телефонов происходили разные непонятные, неприятные, а то и опасные явления. Однажды заведующий бактериологической станцией В.А. Смолич, разговаривая по телефону, ...упал в обморок. Придя в себя, написал и отправил письмо в газету «Эхо»: «Милостивые господа редакторы! Через посредство вашей уважаемой газеты обращаюсь к господам электротехникам за разъяснением одного весьма интересного случая, который, однако, мог окончиться для меня очень печально.

21 числа в 4 часа вечера ко мне обратились по телефону (живу я в бактериологической станции, в пяти верстах от города). Отвечая пригласившему, я плотно прижал трубку к уху, так как с трудом мог расслышать слова, но в это время почувствовал звон в ушах и в глубоком обмороке я упал, ударившись лицом о стоявший подле меня стул. Очнувшись от обморока, я увидел возле себя лужу крови и, как ни был слаб, но первой мыслью было остановить сильное кровотечение из носа, явившееся следствием моего падения и довольно серьёзных ушибов, что и удалось сделать при помощи имевшихся под рукой средств и подоспевшего на помощь фельдшера городской бойни.

Обморок произошёл с такой быстротой, что я положительно не могу отдать себе отчёта, как всё это случилось, а равно не могу объяснить причины такого небывалого со мной явления, тем более, что я вполне здоров и в тот день чувствовал себя хорошо. Мой партнёр говорит, что и он почувствовал, как бы удар (не от падения ли брошенной мной трубки?), что заставило его на время отнять трубку от уха.

Не отрицая возможности самостоятельного обморока, я желал бы знать от компетентных лиц, возможно ли по техническим условиям устройства телефона передача путём этого последнего настолько сильного электрического тока, который мог бы обусловить обморок человека?» Чуть позже Владимир Алексеевич получил от электротехников разъяснения (то, что они ему сообщили, сегодня изучают в седьмом классе средней школы).

В другой раз во время грозы в конторе управления Амурской железной дороги «дважды произошла разрядка электричества, причем, был испорчен телефон, у которого сожжен предохранитель». Рядом с телефоном чиновники видели шаровую молнию, ещё они слышали звук наподобие револьверного выстрела. В общем, страху натерпелись.

Гроза в тот день была, видимо, сильнейшая: на набережной Амура против арки разрядами «изорвано на части несколько проводов».

Очень быстро присмотрелись к телефонам воры и грабители. Время от времени местные газеты под заголовком «К сведению обворованных» помещали списки краденых вещей. Вот полный перечень добра, похищенного у обывателей Благовещенска в июне 1912

года. «В сыском отделении находятся следующие краденые вещи, отобранные у разных лиц: тесак казённого образца, серебряный портсигар с двумя золотыми монограммами, портсигар кавказского серебра, разные карманные часы, новый ручной фотографический аппарат, новая голубоватого цвета скатерть с плюшевой отделкой, совершенно новые вилки, ножи и ложки «фраже» (*изделия варшавской фирмы французских ювелиров из посеребренной меди*), два совершенно новых будильника, столовые часы орехового дерева, два золотых обручальных кольца, три перстня, золотая двубортная тонкая цепь, золотой суперик (*тоненькое колечко с камнем*), железная дорожная складная кровать, золотая брошь, совершенно новая телефонная трубка со шнуром, телефонный аппарат».

Из криминальной хроники 1 августа 1912 года: «В ночь на 31 июля из мастерской Рунгайна по Графской, в доме Скрыбина, неизвестными, пробравшимися в мастерскую через окно, украдено три велосипеда, пять револьверов, ружьё системы «Монтекристо» и один телефонный аппарат. Велосипеды найдены брошенными недалеко от мастерской, телефонный аппарат – под мостом на Рёлочном переулке, против дома Лукина».

Идя на грабёж, злодеи теперь первым делом обрывали телефонные провода. В апреле 1908 года восемь человек ограбили контору Х.П. Тетюкова. Очевидец описал происшествие так: «Наставили револьверы и ружья, двери закрыли, телефон оборвали. Пограбили 10 000 рублей».

А вот анекдотичный случай. Владелец магазина Симонишвили спал в торговом зале на прилавке, когда в два часа ночи к нему забралась вора. Они набрали вещей на 80 рублей, уходя, уронили бутылку с вином. Звук разбитого стекла разбудил хозяина. Он проснулся, побежал за ворами, но догнать никого не смог. Сообщить о происшествии в полицию тоже не получилось: злодеи обрезали телефонный провод.

Телефонные хроники

(по материалам газет «Амурская газета», «Амурский листок», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

«После убийства Дубровских Дмитриев явился в контору инженера Эмери как самое ближайшее место, где есть телефон, чтобы сообщить в сыское отделение. Швейцар, ссылаясь на распоряжение хозяев, не позволил ему передать сообщение. Дмитриев смог позвонить только когда швейцар ушел спрашивать разрешения. Назавтра Дмитриеву понадобилось вновь сообщить, но швейцар отказал: «Мне за вчерашнее досталось» и выпроводил его. В таких экстренных случаях едва ли есть основания для отказа».

«Переводчики китайцы Ван-Жи и Сун-Фа-Фу держат подпольную игру и опекурильню, принуждают китайцев ходить туда. Не получая содержания (*зарплаты*), они арендуют громадные квартиры, имеют китайскую прислугу и телефоны! Конечно, их ежедневный доход 50-100 рублей».

«Торговый дом «Алексеев с С-ми» и другие заинтересованные коммерсанты на свои средства устроили корабельную контору на Зее. На их же средства установлен телефон».

«Заведующий телефонной станцией обратился в городскую управу с просьбой убрать киоск на углу Торговой и Амурской – он мешает телефонным проводам. Управа отказала, так как киоск сдан в аренду, срок аренды ещё не закончился, снести не можем».

«В видах большой и более своевременной осведомлённости мы, не останавливаясь перед большими затратами, вошли в соглашение с собственными корреспондентами во всех сколько-нибудь значительных пунктах земного шара и междупланетного пространства и все сообщения оттуда с настоящего времени будем получать по беспроводному телефону, который недавно установили у себя» (шутка газетчиков редакции «Эхо» 16 ноября 1909 года).

Электричество

Первые частные электростанции в конце XIX века устроили торговые дома «Кунст и Альберс», «Чурин и Ко», «Коковин и Басов», винокуренный завод Лукина. Они использовали электричество для снабжения энергией своих предприятий и домов, а также продавали киловатты ближайшим состоятельным соседям.

Когда в 1908 году в Благовещенске начала действовать городская электростанция, управа потребовала от частных электростанций «убрать в недельный срок проходящие через улицу провода». То есть никаких сторонних абонентов у частных электростанций быть не должно, вырабатывать электроэнергию они могли только для собственных нужд. Может, и напрасны были эти строгости: из-за больших накладных расходов тарифы частников были значительно выше и постепенно они сами ликвидировали свои электростанции. Так, летом 1910 года на освещение от городской электростанции перешел винокуренный завод наследников В. Лукина, потому что собственная станция требовала расходов на 900 рублей в месяц.

«Электрическое дело» было новым и неизведанным. Наверное, поэтому у городской думы ушло аж два года на разработку правил пользования электрической энергией: утвердили их только в конце 1910 года. Согласно правилам, каждый горожанин, пожелавший иметь в доме электричество, подавал прошение в контору станции, при этом подписывал «обязательства с условиями поставки и опла-

ты». За присоединение к сети платили 10 рублей. Если же надо было устанавливать дополнительные столбы, ещё по 10 рублей за каждый новый столб. Установка одной лампочки обходилась тоже в 10 рублей (в 1910 году в домах благовещенских абонентов было уже 10 000 лампочек). За свет платили ежемесячно – в течение семи дней с момента получения извещения. При несвоевременной уплате поставка электроэнергии прекращалась.

Тарифы на электроэнергию утверждались постановлениями местных органов самоуправления, поэтому по всей России стоимость «кило-уатта» (так в то время писали привычное нам слово «киловатт») была разной. В декабре 1909 года одна из благовещенских газет напечатала заметку на эту тему: «В Уфе и Полтаве один кило-уатт стоит 40, в Кременчуге и Тифлисе – 35, Оренбурге – 36, Москве – 50 копеек. Следовательно, наша плата 40 копеек за кило-уатт довольно дешева в сравнении с указанными городами». Поразительно, но благовещенский тариф на электроэнергию в то время не повышался, а понижался: с 1 января 1911 года частные абоненты платили за «кило-уатт» 30 копеек (а во Владивостоке – 28 копеек).

В октябре 1909 года в городе работало 28 электромоторов общей мощностью 85 лошадиных сил. Новейшие двигатели были задействованы в мастерских, банях, типографиях, на водокачках. Одной из первых была оснащена мотором колбасная фабрика Ортнера. Пивоваренные заводы «Амур» и «Кобоско» поставили сразу по три мотора. На краскотёрочном заводе Н.Г. Шелудякова работал мотор в пять лошадиных сил! К слову, «промышленный» тариф, был значительно ниже, чем «бытовой»: 24 копейки за «кило-уатт».

На 1 апреля 1911 года в Благовещенске освещалось электричеством 652 квартиры, 25 городских зданий, 43 абонента получали энергию для электрических моторов; за абонентами числилось около 14 000 рублей недоимок.

Электромонтёры начала XX века были на передовой прогресса, а назывались они установщиками: «Артель установщиков электрического освещения принимает всевозможные электрические работы, обеспечивает дежурство»; «Получены лампы Тантала, дающие экономию в расходе 55% энергии. Установка электроосвещения в домах, магазинах и т. д. в рассрочку платежа на целый год. Исполняет М.С. Кравчинский».

Услуги электромонтеров оценивались очень дорого. Вот пример. В феврале 1909 года в Общественном собрании устраивали бал в пользу Благовещенской общины сестёр милосердия. В числе прочих расходов такие: «За ужин музыкантов (*целый оркестр*) – 20 рублей, за электрические эффекты монтеру – 35 рублей».

Счётчики (их, как и другое электрическое оборудование, выписывали из Германии), которые устанавливали в домах абонентов, были собственностью электростанции. Конечно, потребители с недоверием относились к чужим агрегатам и по любому поводу жаловались. В том числе на то, что счётчики «вращаются не только от прохождения по ним тока, но и от сотрясения дома, производимого открыванием и закрыванием дверей. При такой их старательности придётся платить за каждый вход и выход из дома». Техники электростанции по каждой жалобе проверяли работу счётчиков и советовали хозяевам придерживать двери, а не хлопать ими.

С появлением собственной электростанции городское самоуправление первым делом решило заменить газовые уличные фонари на более экономичные и эффективные электрические. Для этого утвердили специальный тариф: 22 копейки за «кило-ватт» (уличное освещение оплачивали из городского бюджета). «Электрическая станция получила 30 дуговых фонарей из Гамбурга, – сообщает газета «Эхо» в феврале 1910 года. – Фонари были выписаны давно, но в августе 1909 года пароход «Ева», который их вёз, погиб в Средиземном море». Пришедшие с большим опозданием фонари установили не только в городе (на набережной Амура и улице Большой – на каждом квартале, на остальных – по фонарю на два квартала), но и в Забурхановской слободе. Правда, очень скоро за Бурхановкой снова стало по ночам темно – местные «ребята» все фонари перебили.

Первые уличные фонари выключались и включались вручную: рубильники стояли на каждом столбе, любой прохожий имел к ним доступ. Прекрасное развлечение для хулиганов: они зажигали и гасили фонари, когда вздумается. Горожане жаловались. Чтобы навести порядок, электростанция поставила рубильники особой системы, ими могли пользоваться только монтеры. Так безобразники разбили рубильники! Несколько раз электростанция меняла выключатели, пока шпана не успокоилась.

Это в центре города. А на окраинах – свои проблемы. Для всех фонарей в западном конце города установили общий выключатель – на одном из столбов. Распоряжаться зажиганием и тушением фонарей поручили полицейскому. Жители окрестностей возмущались, что подолгу не видят ни полицейского, ни уличного освещения.

Не стоит преувеличивать размах электрификации Благовещенска: в 1909-1910 годы электроэнергией для освещения домов пользовалось меньше 10% горожан – только богатые и очень зажиточные. Малоимущие обыватели по-прежнему жили при керосиновых лампах, свечах, а то и при лучинах.

Электрические хроники

(по материалам газет «Амурский листок», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» 1908-1912 гг.)

«Вечером неизвестно кем из помещения народной читальни была отвернута и унесена электрическая лампочка».

«К рабочему электростанции, снимавшему разбитые фонари на Садовой улице, подошли несколько человек и спросили, почему не горит электричество, после произвели ряд выстрелов в фонарь. Перепуганный рабочий поспешил скрыться».

«Всеобщая компания электричества выслала 6000 саженей изолированного провода для замены голого провода в тех местах, где телеграфные провода пересекаются с электрическими».

«Монтёр Грачёв ранил в голову монтёра Холодова молотком. Причина – личные счёты».

«В Горбылёвке, против Никольской аптеки, оборвало провода уличного фонаря. Около 6 утра там проезжал на паре лошадей работник Косицына. Лошадь наступила на провод. Током она былашиблена с ног и оглушена. Только через четверть часа пристяжка встала на ноги и смогла двигаться».

«В доме Романова обнаружен провод от лампы, присоединенный выше счётчика, поэтому счётчик не регистрирует ток, чем наносится ущерб городским интересам».

«За ноябрь (1910 год) выручка станции составила около 20 000 рублей: 63 000 кило-уатт отпущено для абонентов, 6500 – для уличных фонарей. Расход на дрова (электростанция работала на дровах) – 3000 рублей».

«Благовещенский мещанин К.Ф. Хрипушин подал прошение в городскую управу об аренде участка в пять квадратных саженей на Чуринской площади, чтобы устроить световой экран объявлений, а именно, деревянную будку и полотняный экран. С помощью электрического фонаря световую рекламу планировал показывать с 10 до 11 часов вечера» (сентябрь 1915 года, первая световая реклама!).

Трамвай

С появлением городского электричества в Благовещенске задумались о «постройке трамвая». Списывались по этому вопросу с иностранными компаниями, давали объявления в столичных газетах, приглашая к сотрудничеству лиц, «могущих взять на себя оборудование и эксплуатацию трамвая».

Первый на Дальнем Востоке трамвай пустили в 1912 году во Владивостоке: пять вагонов, пять вёрст. Благовещенская дума планы составляла с размахом. По первому варианту (1908 год) рельсы должны были пройти по Большой и Амурской (от Артиллерийской

до Невельской) и по Садовой до будущего железнодорожного вокзала (он только проектировался). Общая протяженность трамвайных линий – 19 верст, а на них – девять двухмоторных вагонов, в каждом по 30 мест «в салоне» и на открытой площадке – ещё 16.

В 1912 году управа подготовила план «замощения» улиц и новый проект устройства трамвайного движения. Рельсы должны были пройти по Большой улице – от Офицерской до Корсаковской; по Офицерской – от пристани на Амуре до Иркутской улицы; от Набережной Амура до вокзала (строительство здания уже завершалось) – по Благовещенской улице (с переходом по Соборной на Садовую).

Дальнейшие расчёты показали, что трамвай, скорее всего, принесёт убытки, а не прибыль, и от идеи его «строительства» отказались.

Автотранспорт

Когда появился в Благовещенске первый автомобиль, пока установить не удалось, но точно можно сказать, что в 1911 году их было уже больше двадцати – частных и ведомственных. Только в распоряжении управления строительства средней части Амурской железной дороги было 15 авто. Управление водных путей Амурского бассейна «в целях более скорого сообщения, как начальствующим лиц, так и служащих», установило автомобильные рейсы между управлением (угол Мастерской и Набережной) и министерским затоном на Зее. Реклама 1911 года предлагала покупать автомобили для городской езды, грузовики (грузоподъёмностью до 500 пудов), фургоны для товаров в акционерном обществе «Адлер» (Большая, угол Чигиринской, дом Родионовой).

Летом 1911 года представитель АО «Адлер» Маленков подал в городскую управу заявление о том, что он «совместно с несколькими лицами» с 1 июля устраивает грузопассажирское движение по улицам Благовещенска и просит сообщить, будут ли препятствия, а именно: «Будут ли какие-то сборы и какие суммы с каждого мотора? Не найдёт ли управа возможность разрешить монопольное право эксплуатации движения на 10 лет? Не пожелает ли управа принять участие в названном предприятии в виде бесплатного отвода городской земли под гаражи, ремонта улиц и так далее?»

Одновременно с Маленковым подал заявление А.М. Соколовский. Его проект организации городского автомобильного движения был на два пункта длиннее, чем у конкурентов: «1. На Большой, Зейской, Садовой, Амурской, Торговой устроить омнибусное движение – конное и автомобильное. Омнибусы и автомобили в зимнее время будут крытые, рессорные, типа лёгких вагонов. 2. Вначале, в виде опыта, по Большой будут ходить две пары конных омнибусов и одна пара автомобилей с империадом (*империад в данном случае – второй этаж, на котором тоже размещались пассажиры*). Если будет прибыльно, можно будет

увеличить число омнибусов. 3. Будут заведены четырёх-, шести- и 12-местные автомобили для городского и загородного движения. 4. В учебное время, перед началом занятий и к их окончанию, к мужской и женской гимназиям будут подаваться автомобили специально для учащихся, по абонементным билетам. 5. Отходить от конечных пунктов автомобили будут через каждые пять минут.

А.М. Соколовский сам предложил вариант налогообложения. В первый год просил от налогов освободить, со второго года был согласен платить по 30, с пятого – по 50 рублей в год с каждого автомобиля. Плату за езду на городских маршрутах он определил такую: на автомобилях – 15 копеек (на империялах – 10 копеек), в конных омнибусах «за конец» – 5 копеек (всего предполагалось три «конца»: Загородная – Торговая, Торговая – Театральная, Театральная – Невельская). По абонементным билетам предполагалась скидка: учащимся 25%, прочим – 20%.

Следом за Маленковым и Соколовским о желании организовать автодвижение заявила местная биржевая артель.

В декабре 1911 года дума обсуждала вопрос «О разрешении грузового и пассажирского движения на улицах города». Городская управа высказалась за разрешение только пассажирского движения, полагая, что городские улицы не выдержат грузового транспорта. Дума с мнением управы не согласилась и, признав в принципе желательность автомобильного движения, как пассажирского, так и грузового, поручила управе «выработать кондиции на сдачу движения и назначить конкуренцию (*конкурс*) на него».

Прошло полгода. А.М. Соколовский, который выиграл «конкуренцию», готовился начать дело. Накануне открытия автодвижения по городским улицам по актуальному вопросу высказался невероятно активный общественник Г.И. Клитчоглу. Своё пространное письмо он разместил в газете «Эхо».

«Проект движения нуждается в некоторых исправлениях, которые спешу указать».

По Большой улице остановка предложена на Театральной, где скопления публики не бывает, и нет остановки на Бусевской, где в учебное время всегда будет много желающих воспользоваться услугами экипажа. По Иркутской улице нет остановки на углу Мастерской, у женской гимназии. Как на Бусевской, так и на Мастерской остановки будут неизбежны, поэтому не будет ли практичнее предусмотреть их заранее?

Плата от Загородной до Невельской 15 копеек. За всякое промежуточное расстояние плата такая же. Ввиду этого при малых расстояниях для малоимущего населения автомобиль станет недоступным.

Да и имущие классы при малых расстояниях предпочтут извозчика, который довезёт за 20 копеек к самому подъезду.

Особенно неудобна плата за всю линию для учащихся, которым за 6-8 кварталов приходится платить по 7,5 копеек. Это доступно далеко не всякому. Было бы практичнее для предпринимателя и обычного разбить линии Иркутскую и Большую по крайней мере на два участка: Загородная – Буссевская и Буссевская – Невельская, взимая за каждый участок по 8 копеек, а с учащихся – по 4 копейки. Плата 15 копеек неудобна для учащихся: при 50%-й скидке им всегда придётся иметь в запасе полукопейку – монету, имеющую очень небольшое хождение. Плата по Садовой тоже очень высока. Её можно ограничить до 12 копеек и тоже разбить на два участка.

В заключение скажу: автомобильное движение должно обслуживать главным образом малоимущее население, только тогда оно будет выгодно».

29 июня 1912 года можно считать местным автопраздником: в этот день открылось пробное пассажирское автомобильное движение (плата за проезд – 20 копеек с человека «в конец»; прислушались – таки к Клитчоглу, округлили цену, но отнюдь не уменьшили её).

Для начала запустили один автомобиль. Весь день он курсировал по Большой улице от сада при Общественном собрании (его называли ещё городским и общественным) до Сада туристов. Остановок сделали шесть: Общественный сад, Чуринская площадь, улица Благовещенская, улица Станичная, у Шадринского собора, у Сада туристов. Движение началось в час дня, закончилось в 12 ночи.

Всего автомобиль сделал одиннадцать рейсов и перевёз около 700 человек! Газетный репортёр отмечал в отчёте: «Многие из проезжавших жалуются на сильную тряску, которая происходит из-за того, что рессоры автомобиля рассчитаны на груз в 400 пудов, публика же, находящаяся на автомобиле, весит значительно меньше».

На следующий день, в воскресенье, запустили несколько авто и работали они уже до двух ночи.

По традиции городскую сенсацию прокомментировал в стихах один из местных поэтов, подписавшийся «Родион Павлов». Своё творение он назвал «Автомобиль и извозчик».

По улицам плавно машина бежит
И шоффер⁷ ей правит умело,
В вагонах двух публики много сидит,
И слышится «Это вот дело!»
На лицах восторг! Умиление в сердцах.
Теснят и толкают друг друга.
Лишь изредка вырвется дамское «Ах!»

От радости – не от испуга.
Один лишь извозчик уныло стоит,
О днях золотых вспоминая.
И злыми глазами на чудо глядит,
Проклятья ему посылая.
«Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью машина грозила!
Недаром же верят все в нашей семье,
Что это нечистая сила.

...В июле 1912 года среди гласных городской думы появилось мнение, что «в осуществлении проекта (какое современное звучание!) автомобильного движения приходится сильно сомневаться». Оказалось, победивший соперников господин Соколовский почему-то не спешил с заключением договора с городским самоуправлением. Чтобы выяснить, в каком положении находится дело, городская управа по поручению думы обратилась 20 июля к Соколовскому с запросом, желает ли он заключить договор, и, если желает, каким образом он предполагает осуществить предприятие?

В августе того же года стало известно, что организуется Амурское автомобильное товарищество, которое планирует установить автомобильное движение в местах, где это окажется выгодным, то есть не только в столице Приамурья. Начать свою деятельность организаторы товарищества хотели бы с Благовещенска, но не на выработанных думой условиях (к сожалению, неизвестно, какими они были). «Эти условия, – заявили организаторы товарищества, – неприемлемы для какого угодно предпринимателя».

Для начала члены товарищества хотели бы поставить в городе четыре автобуса и несколько легковых автомобилей (последние будут подаваться по заказам, то есть как такси – сегодня). Автомобили будут ходить по Большой улице, которая делится по длине на три участка: от Загородной до Торговой, от Торговой до Кузнечной, от Кузнечной до набережной Зеи. За проезд каждого участка плата устанавливается 10 копеек. Дети до пятилетнего возраста от платы освобождаются. Ученики платят по 7 копеек. Первые четыре автомобиля придут в Благовещенск к 1 сентября. Если дело пойдёт, число автомобилей будет увеличено. А ещё новое товарищество просило... убрать с улиц автомобили конкурентов. Если же их условия не примут, они «изберут для своей деятельности другой пункт области».

И тут объявился господин Соколовский, которому чуть не два месяца назад городская дума сдала в концессию автомобильное движение по улицам Благовещенска. Объявился своеобразно. Не объясняя своего молчания, не извиняясь за задержку с оформлением согла-

шения, он подал в управу заявление и просил внести изменения в выработанные ранее городом условия. Он предложил, во-первых, запретить движение обозов с грузом по Большой улице. Во-вторых, ... обещал начать регулярное движение только с июня будущего года (!). До этого времени пусть перевозят пассажиров автомобили других предпринимателей, милостиво разрешал Соколовский, а когда поедут его машины, за каждый посторонний автомобиль, работающий с разрешения городского управления, город должен будет уплачивать ему, Соколовскому, по 50 рублей в сутки. Такой вот ультиматум.

Дума отреагировала очень быстро. В заседании 31 августа депутаты обсудили предложения А.М. Соколовского и разрешили ему открыть движение с 15 июля 1913 года; установили, что движение в холодное время года будет начинаться с половины восьмого утра, в тёплое – на час раньше, а заканчиваться в девять вечера (круглый год); согласились, чтобы 1 января, в Страстную субботу, в первый день Пасхи, в Сочельник и в первый день Рождества Христова движение автомобилей считалось необязательным. От предложения отвечать за движение чужих автомобилей ещё и платить за них Соколовскому дума отказалась, как и от запрета на грузоперевозки по Большой улице.

Ходатайство городских легковых извозчиков, которые наивно лелеяли надежду препятствовать прогрессу и подали в думу прошение «не разрешать автомобильного движения до весны 1913 года», было отклонено.

В том же заседании думы было решено удовлетворить ходатайство Амурского автомобильного товарищества и разрешить ему открыть движение в первых числах сентября. Товарищество будет платить в городскую казну «по три рубля с каждой силы двигателя».

Автомобильное товарищество в сентябре ничего не сделало потому, что автомобили добрались до Благовещенска только в начале октября. Двадцатого числа начались испытания. По Большой пустили два крытых авто на 12 и 15 мест, по Амурской – один, грузовой, «приспособленный на 18 пассажиров».

Открылось регулярное движение только 1 декабря 1912 года и, похоже, тут же закрылось, потому что 2 декабря на углу Большой и Буссевской сгорел гараж, а в нём... все автомобили Амурского автомобильного товарищества! Убытку на 25 800 рублей. «Причина пожара не выяснена, – писала газета. – Предполагают неосторожное обращение с огнём». Других сообщений об Амурском товариществе до конца года в печати больше не было...

Разнообразная, в основном сельскохозяйственная, техника (сеялки, веялки, молотилки, локомобили, моторы и т. д.) поступала в Амурскую область из Европейской России и из-за границы с мо-

мента начала массового переселения крестьян. В 1912 году обнаружился спрос на выпуск автомобилей. Как сообщала газета «Эхо», «за последнее время в местную таможенную является много лиц за справкой о сумме пошлины на автомобили, привозимые из-за границы. 12 сентября посетил таможенную один из крупных коммерсантов, который выписывает из Харбина шесть автомобилей. Пошлина взимается в следующем размере: за четырех- и более местный автомобиль – 220 рублей, за менее местный – 140 рублей».

Первый на Дальнем Востоке и один из первых в России автомобиль был построен в Благовещенске, на заводе И.П. Чепурина. Было это в 1914 году. Задумал и реализовал проект К.И. Чепурин. Он окончил Иркутское промышленное училище и политехнический институт в Бельгии, работал главным инженером принадлежавшего отцу завода.

Производство автомобилей в России только-только начиналось, было, по сути, нулевым. Как пишет современный журнал «Русский техник», шасси и кузов в те времена жили как бы отдельной жизнью. Как правило, на раму со всеми агрегатами и подвеской навешивался кузов совершенно произвольной конструкции, поэтому изделие Чепурина трудно идентифицировать. Эксперты «Русского техника» полагают, что это была копия немецкого автомобиля Miele. Таких машин было выпущено не больше 140, они поставлялись и в Россию.

Амурская копия европейской легковушки по улицам Благовещенска двигалась, как тогда говорили, «с кинематографической скоростью».

За чудеса прогресса приходится платить. С появлением значительного количества авто жизнь горожан стала несколько опаснее. Если раньше они страдали от бешеной скачки всадников, неаккуратной езды разного рода гужевого транспорта и велосипедов, теперь к ним добавились автомобильные лихачи. В хронике газеты «Эхо» попало несколько дорожно-транспортных происшествий 1912 года.

«Около 4 часов вечера легковой извозчик – рабочий биржесодержателя Лазарева, привез седоков к дому Грядасовой на углу Большой и Ремесленной улиц. Едва седоки успели сойти с экипажа, как из-за угла Ремесленной улицы вывернул на быстром ходу автомобиль начальника постройки средней части Амурской железной дороги инженера Трегубова и направился к месту остановки извозчика. Лошадь последнего испугалась, бросилась в противоположную от автомобиля сторону, перевернула на крутом повороте экипаж и понесла, волоча за собой запутавшегося в вожжах извозчика, который, не заметив вовремя автомобиля, не успел ничего предпринять, чтобы предотвратить несчастье. По словам очевидцев, выезжая из-за угла, автомобиль не подавал гудков и сделал это только тогда, когда находился сажень в десяти перед мордой лошади. К счастью извозчика, к нему вскоре подоспела помощь, и он высвободился, отделав-

шись только испугом и незначительными ушибами. Пролётка разбита вдребезги, уцелели от неё только колеса и задние шины. Владелец выезда, заявивший убытка 400 рублей, обращался к господину Трегубову с просьбой о возмещении убытка, но получил отказ и намерен обратиться в суд».

«5 августа приблизительно около двух часов дня по Зейской улице два автомобиля устроили состязание. Развивая значительную скорость и, не давая обычных сигналов, они неслись от Зеи по направлению к центру города. Около Ремесленной улицы один из автомобилей, оставив своего соперника в двух саженях позади, видимо, желая показать своё превосходство, начал лавировать из стороны в сторону, занимая таким образом всё уличное пространство. Само собой разумеется, все проезжающие и проходящие должны были очищать уличное пространство, спасаясь за канавами. В одном автомобиле сидел шоффер. Позади него стоял какой-то человек, наклонившийся к шофферу и, вероятно, приказывавший развивать скорость. В другом автомобиле был лишь шоффер. Автомобили эти, говорят, принадлежат управлению Амурской железной дороги».

«Вечером 6 сентября, мчавшийся по Большой автомобиль, на углу Корсаковской наскочил на выехавшего из-за угла корейца. Кореец, видя неизбежность столкновения, успел соскочить с телеги, телега же оказалась разбитой. Установить, чей это был автомобиль, не удалось».

«22 декабря, около трёх часов дня, автомобиль, кажется, начальника работ по постройке железной дороги, задел переходившего против реального училища мальчика и порвал ему шубу. Мальчик, по видимому, не ушиблен, так как убежал сам. Виновником случая является, несомненно, мальчик, но раз такие случаи возможны, не мешало бы шофферам ездить с большей осторожностью, особенно в наиболее людных местах».

«Крестьянин Амурской губернии Рябицкий заявил, что на него наскочил автомобиль, разбил кошевку, стоящую 30 рублей, зашиб лошадь, стоящую 300 рублей».

Правила дорожного движения появились в Благовещенске в ноябре 1912 года: дума утвердила «Обязательное постановление о порядке езды по городу на велосипедах и других автоматических экипажах» (в России первые такие правила были приняты в 1896 году). Постановление регламентировало возраст (езда на велосипедах разрешалась с 12, управление автомобилем – с 18 лет), скорость (езда на автомобиле по городу не должна превышать 15 вёрст в час), «озвучку» (велосипеды должны быть снабжены звонками, автомобили – рожками). Посчитали, что на первое время достаточно.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Всеобщее начальное – Алексеевская женская гимназия – Вторая женская гимназия – Мужская гимназия – Реальное училище – Ремесленное училище – Городские начальные училища – Церковно-приходские школы – Благотворители – Стипендии – Школьные экскурсии – Хроники школьных экскурсий – Народные учителя – Курсы для взрослых – Библиотеки

В ноябре 1907 года третья Государственная дума предложила для рассмотрения законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». В нём, в частности, говорилось, что «всем детям обоего пола по достижении школьного возраста должна быть предоставлена возможность пройти полный курс обучения в правильно организованной школе». Согласно проекту, содержать эти учебные заведения должно было местное самоуправление; продолжительность обучения в начальной школе – 4 года, число детей на одного учителя – 50, район, который должна обслуживать одна школа, – местность с радиусом в три версты. Пять последующих лет законопроект обсуждался, дорабатывался, заслушивался, в итоге так и не был принят, но... самоуправление Благовещенска решило ввести в городе всеобщее начальное обучение!

Всеобщее начальное

В 1908 году Амурская область была лидером Российской империи в области народного просвещения, потому что на каждую тысячу жителей приходилось 84,4 учащихся. В Москве этот показатель составлял 81,0, в Петербурге (столичный город) – 77,1 и так далее. Сенсационный для нас факт был опубликован в статистическом ежегоднике «Россия в цифрах» за 1909 год.

Секрет рекорда в том, что жителей в области было мало, а школ и училищ довольно много. В 1908 году в Благовещенске действовали мужская и женская гимназии, частная гимназия М.С. Генерозовой, духовная семинария, духовное училище при ней, епархиальное училище, реальное училище, образцовая школа при семинарии, 3-х классное городское училище, ремесленное училище, речное училище, 17 городских народных училищ для мальчиков и девочек, 6 церковно-приходских школ, молоканская, еврейская, магометанская. Всего 38 учебных заведений, в них 219 учителей, 3497 учеников и 2278 учениц (в казачьих станицах, крестьянских селениях, на золотых приисках и в городе Зeya-Пристань действовало 155 школ).⁸

В сентябре 1908 года в городской думе составили программу перехода на всеобщее начальное обучение. Расчёт был прост, как

арифметическая задачка для первого класса: в 1908 году в школы не попало около 2000 детей, значит, понадобится десять школ по 200 человек в каждой и 40 учителей. Городская дума возбудила ходатайство перед Министерством народного просвещения об отпуске из общегосударственного школьного строительного фонда пособия и беспроцентной ссуды на осуществление в городе программы всеобщего обучения, чтобы полностью выполнить её к 1922 году. Бывший тогда Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергер на это ходатайство дал неблагоприятный отзыв, сославшись на то, что жизнь дальневосточных городов пока не установилась настолько, чтобы можно было правильно представить прирост населения за такой короткий срок. Проект положили под сукно.

Каждый год в конце августа местные газеты сообщали о том, как проходит набор учащихся, и сколько учеников остаётся, как тогда говорили, «за бортом школы». 1 сентября 1910 года газета «Эхо» пишет: «Значительное число детей не попадает в школу. В училище имени барона А.Н. Корфа подано 100 прошений, принято 36 человек, в училище имени Н.А. Некрасова подано 200 прошений, принято 35 человек, в училище имени И.А. Крылова подано 100 прошений, принято 45 человек» (в этом перечне – начальные школы, их называли и училищами).

В училищной комиссии городской управы в сентябре 1910 года отчаянно спорили, что делать: одни предлагали организовать «дополнительные занятия в послеобеденные часы» (вторую смену), другие считали такой порядок неприемлемым, третьи высказались за открытие новой начальной школы. В конце концов, решили организовать в нескольких школах две смены: первая – с 8 до 12 часов, вторая – с 13 до 17. В октябре дополнительные занятия начались в училищах имени Наследника Цесаревича Николая Александровича и имени А.В. Суворова.

Училищная комиссия городского самоуправления дополнительно организовала и подготовку кадров: в сентябре 1910 года при благовещенском трехклассном городском училище открылись двухгодичные педагогические курсы. Обучение было бесплатным.

Ещё одним поводом для жарких споров членов местного самоуправления в тот год стала нехватка мест в мужской гимназии: в подготовительный класс не попали сорок человек. Родители обратились в городскую управу с просьбой ассигновать 750 рублей на открытие дополнительного класса. Вопрос обсуждался на одном из заседаний думы.

Гласный Е.А. Власов предложил родителям несостоявшихся гимназистов (среди них было много людей состоятельных) «деньги найти самим, а 750 рублей истратить на начальные школы». Дума

Власова не поддержала и просимую сумму выделила на открытие дополнительных мест в подготовительном классе гимназии.

А могли бы открыть новую начальную школу. Тем более, что Г.П. Ларин предложил городской думе (при условии открытия дополнительной школы) годовое содержание для двух учителей. Газета «Эхо» 22 сентября 1910 года поместила об этом заметку: «Известный благотворитель города Г.П. Ларин, узнав из газет о громадном количестве детей, не принятых в начальные школы за неимением там свободных мест, и о затруднительном положении городского самоуправления в средствах для открытия новых школ, поручил своему доверенному Ф.И. Тузову проверить это газетное сообщение и, если оно окажется верным, предложить городской думе 1200 рублей на жалование двум учителям, считая с 1 октября по 15 мая по 80 рублей в месяц, при условии открытия дополнительной школы».

В ноябре 1911 года начальник края Н.Л. Гондатти предложил возобновить ходатайство о всеобщем начальном образовании, подкрепив его цифрами, и дума Благовещенска организовала однодневную «школьную» перепись. Переписчиками пригласили всех желающих (всего – 100 человек) с оплатой «по 5 рублей за два квартала».

В начале декабря объявили итоги проделанной работы. Общее число детей до 12 лет – 15 552, в средних учебных заведениях учатся 1795, в низших – 4397 человек. «За бортом» оказалось 9360 детей, хотя кто-то был на домашнем обучении, а кто-то в 10-11 лет уже работал.

По результатам переписи дума разработала новую программу: до 1924 года запланировали открыть 14 школ на 150 учеников каждая. Интересно, что несколько школ «собирались» под одной крышей: в рамках программы «1912-1924» должны были построить семь новых зданий на три школы каждое и три здания на две школы каждое.

Мебель для учебных заведений заказывали на местах. Например, к сентябрю 1910 года благовещенским городским училищам требовалось к уже имеющимся 285 новых парт, девять столов, четыре классные доски, 40 венских стульев, один умывальник. Торги на изготовление мебели тогда выиграл владелец столярной мастерской, что на улице Мастерской, И.М. Чернокутов: он запросил за готовую парту восемь, за стол – шесть рублей.

Новое ходатайство с новым планом школьного строительства в Благовещенске было отправлено по инстанции в декабре 1911 года. Уже в феврале 1912 года депутат Государственной думы Ф.Н. Чиликин телеграфировал городскому голове П.П. Попову (телеграмму опубликовала газета «Эхо»): «Министром народного просвещения утверждён проект школьной сети и плана школьного строительства города Благовещенска. Отпуск средств начинается в декабре 1912 года. Также отпускаются деньги на школьное строительство по сме-

те 1912 года. Высылаю почтой текст. Вопрос об обязательствах города необходимо провести через постановление городской думы».

И теперь, для сравнения с 1908-м годом, показатели «школьного строительства» в Благовещенске 1914 года, опубликованные в «Отчёте Амурской области»: мужская и женская гимназии, вторая женская гимназия, реальное училище, духовная семинария, духовное училище при ней, епархиальное училище, образцовая школа при епархиальном училище, 3-хклассное городское училище, ремесленное училище, речное училище, два высших начальных училища, 27 городских народных одно- и двухклассных училищ), 8 церковно-приходских школ, две частные подготовительные школы, счетоводные курсы, вечерние курсы для взрослых. Всего 54 учебных заведения, в них 345 учителей, 4125 учеников и 3856 учениц. Всего в области было уже 382 учебных заведения.⁹

Алексеевская женская гимназия

Среднее учебное заведение для девочек началось в Благовещенске как двухклассная школа в 1874 году. В 1879 она стала четырехклассной, с 1888 года это была полная семиклассная гимназия.

В мае 1902 года было получено официальное извещение о том, что правительство ассигновало 200 000 рублей на строительство нового здания женской гимназии. План и смета были готовы. Оставался вопрос: где строить?

Рассматривали варианты: на Сенной или Торговой площадях, на городском бульваре. Гласные в то время голосовали, вставая с места. Так вот, когда перечислялись варианты размещения нового здания женской гимназии, «гласные хладнокровно сидели», – отметил дошный репортёр, то есть никто не поддержал предложений, потому что «базаров и так не хватает, с базаров город будет получать арендную плату». На Торговой планировалось создать главный городской базар и торговать там лошаадьми, скотом, сеном, дровами, овощами. Сенная площадь – место центральное, но окружено торговыми банями, питейными заведениями, слишком близко от Бурхановки, вдоль которой ютились всякого рода приискатели, мастеровые и прочие: по вечерам в округе небезопасно; вокруг болота и низины, в них много нечистот; в районе деревянные мелкие постройки – здание, которое будет одним из лучших в городе, на их фоне затеряется.

С местом строительства определились к сентябрю: на Иркутской, между Мастерской и Торговой. Первоначальную закладку жен-

---

⁹Шоффер – это не ошибка, а слово «шофёр», написанное по грамматическим правилам начала XX в.

ской гимназии решили приурочить к приезду генерал-губернатора. На организацию этого мероприятия дума выделила 1800 рублей.

Торжество состоялось 27 сентября и началось с молебна. Проводивший его священник сказал речь, завершив её словами: «Чтобы здесь всегда пребывал Дух Божий». После богослужения произвели закладку камней на всех четырёх углах будущего здания. Первые камни положили архипастырь преосвященный Никодим, генерал-губернатор Приамурья Н.И. Гродеков, военный губернатор Амурской области А.М. Валуев и его супруга. В юго-восточный угол заложили серебряную доску с соответствующей надписью. В других углах камни заложили вице-губернатор, городской голова, начальница гимназии.

Сразу после окончания церемонии генерал-губернатор телеграфировал в Петербург Его Императорскому Высочеству Великому Князю Алексею Александровичу: «Сегодня в присутствии моём совершена закладка каменного здания Благовещенской имени Вашего Императорского Высочества женской гимназии. Счастлив довести до сведения Вашего Высочества об этом знаменательном событии в истории основанной и покровительствуемой вами, Ваше Императорское Высочество, гимназии. Гродеков».

В городской управе был торжественный обед в честь приезда генерал-губернатора и закладки нового здания. Было провозглашено много тостов. После обеда все направились на торжественный акт в гимназию (актом называлась церемония по окончании учебного года, когда ученицы или ученики переходили в следующий класс).

Гостей встречали начальница женской гимназии М.Д. Малярова и председатель попечительского совета гимназии В.В. Лукин. Хор учениц исполнил «Боже, Царя храни» и «Слава на небе солнцу высокому». Малярова прочитала адрес в изящной папке. Воспитанница Попова прочитала другой адрес – от учениц. Он был украшен акварелью. Генерал-губернатору поднесли хлеб-соль на полотенце с вышитым гербом Амурской области. Генерал-губернатор поздравил учениц с окончанием учебного года. Отличившиеся ученицы получили из его рук похвальные листы.

До окончания строительства нового функционировало старое, деревянное здание гимназии, что на Чуринской площади.

...Одно время в средних учебных заведениях России действовали родительские комитеты. Они имели очень большие полномочия, которые касались успеваемости, дисциплины, учебной нагрузки, хозяйственных дел, бюджета учебного заведения и так далее. Благодаря публикациям в прессе можно довольно подробно рассказать о деятельности родительского комитета Алексеевской женской гимназии в течение 1908-1909 учебного года.

В октябре 1908 года прошли «поклассные» (от каждого класса по три человека) выборы. В состав комитета вошли 24 родителя. Сохранился список «комитетчиков»: Пржеждемирский, Губанов, Гусев (от приготовительного класса), Барышев, Родионов, Буянов (от 1 класса), Казанов, Дьячковский, Иванов (от 2 класса), Самсонов, Ельцов, Катков (от 3 класса), Волковойнов, Скрибанович, Граф (от 4 класса), Барышев, Разсохин, Ломоносов (от 5 класса), Молосова, Кампер, Константинова (от 6 класса), Сафонов, Таранов, Власов (от 7 класса), в 8 классе выборы почему-то не проводили. Председателем родительского комитета стал Сафонов, заместителем – Губанов. Разсохин, Ломоносов, Тарасов и Губанов были выбраны представителями в комитет по постройке нового здания гимназии.

Первым делом родительскому комитету предстояло решить, кого из учениц можно освободить от платы за учёбу «по материальному положению» и по другим причинам (плата – 25 рублей за полугодие). В 1908 году было подано 80 прошений на 47 бесплатных мест (такие места ежегодно выделял попечительский совет гимназии; дети учителей освобождались от платы за учебу в обязательном порядке).

Члены комитета составили три списка: «особо нуждающиеся», «менее нуждающиеся» и те, чьё освобождение от платы «не вызывается действительной необходимостью». Обсуждалась каждая кандидатура, и в короткий срок решение было принято.

Далее – неполный перечень вопросов, которые по мере поступления решал родительский комитет.

О приглашении педагогического персонала на заседания родительского комитета. Решили приглашать.

Об успеваемости учениц. В январе 1909 года обсуждали результаты успеваемости за вторую четверть: «Внимание комитета остановилось на успешности 7 класса, где оказался большой процент неуспевающих по математике. Постановили пригласить на следующее заседание преподавателя математики для совместного с ним выяснения, как причин неуспешности, так и мер к её устранению, рекомендовать неуспевающим групповые занятия, организацию которых поручить Сафонову».

О мерах борьбы с заразными заболеваниями среди учащихся. Подготовили и раздали родителям памятку о том, сколько дней, при какой заразной болезни (скарлатине, кори, краснухе, оспе, ветрянке, коклюше, свинке, дифтерите) ребёнок должен находиться на карантине. Обратились к родителям, чтобы после каждого заболевания проводили в доме дезинфекцию. Обратились к врачебному инспектору с просьбой сообщать в газетах о заболевших (действительно, в газетах печатали адреса, фамилии, имена заболевших и их диагнозы).

О повышении нравственности среди учащихся. Выработали перечень мер, в их числе: за пределами дома носить форму и гербы гимназии; не посещать вечера для взрослых, кинематограф, маскарады и т. п.; «разрешить вечернее посещение театра только ученицам, имеющим за неделю удовлетворительные баллы под условием обязательности посещения уроков назавтра и не ходить в театре за кулисы»... Сами составители этих мер признавали, что выполнять и контролировать их будет очень трудно, если вообще возможно.

Об устройстве полезных развлечений для учащихся. Здесь родительский комитет показал недюжинные организаторские способности. По договоренности с антрепренёром профессиональной труппы, которая в тот сезон выступала на сцене Общественного собрания, для учащихся раз в месяц стали давать дневные спектакли. Они оказались настолько популярны, что через короткое время билеты запросили буквально все учебные заведения города. Учителя на дневные спектакли проходили бесплатно, но «без отдельного места»: они занимали среднюю ложу бельэтажа.

В начале нового, 1909-го года родительский комитет женской гимназии решил устроить для учениц «летнюю дачу». Обратились к В.В. Лукину: у него пустовали помещения бывшего винокуренного завода. Владимир Владимирович не отказал, выделил всё необходимое для ремонта помещений и никакой платы за аренду не назначил. Деньги на устройство дачи собирали разными способами. Самым эффективным был «театральный»: ученицы гимназии своими силами поставили платный спектакль, вырученные деньги пошли «в пользу летней колонии».

Члены родительского комитета рассматривали самые разные вопросы: о выписке для учителей журналов и книг, о неудобном расписании занятий, о том, что «количество уроков бывает не под силу ученицам». Так как последний из вопросов «особенно серьёзный и требует осторожности и тщательной проверки», для его изучения избрали специальную комиссию.

Больше года родительский комитет работал весьма эффективно, но постепенно его активность сошла на нет: всё меньше и меньше членов собиралось на заседания. В феврале 1909 года в одной из газет даже появилась реплика: «Родительскому комитету женской гимназии, кажется, угрожает обычная для большинства российских обществ участь медленного умирания на почве полнейшего равнодушия членов к общественным делам». А в марте того же года Совет министров предоставил Министерству народного просвещения право «закрывать совещания и комитеты, несовместимые с правильным ходом учебной жизни». Родительские комитеты стали ликвидироваться «сверху».

Обучение в гимназии было платным, но учились здесь не только богатые и состоятельные. Были бесплатные места, были благотворители, которые брали на себя расходы, было Общество вспомоществования «недостаточным», то есть бедным, ученицам. Его организовала в 1901 году начальница гимназии М.Д. Малярова. Она же внесла первый взнос – собственным трудом заработанные 100 рублей. В 1909 году в Обществе состояло 259 членов, а в кассе было членских взносов 720 рублей 18 копеек, пожертвований – 568 рублей 27 копеек, вырученных от спектаклей и увеселений – 3410 рублей 60 копеек, пособие от городского самоуправления – 100 рублей и т. д. Всего 13 670 рублей 82 копейки. Расходы за год были следующими: пособия неимущим деньгами – 2475 рублей, вещами – 421 рубль 28 копеек, отчисление на увеличение капитала, устройство увеселений, уплата долгов и прочее – 1500 рублей 35 копеек. Всего 4396 рублей. Помощью Общества в тот год пользовались 172 ученицы: денежной – 57, вещами и продуктами – 25, «приисканием работы» – 1, медицинской помощью – 13, содействием в обучении – 76. Общество вносило плату за некоторых учениц (в 1908 году таких было 68, это 12% всех учащихся). Некоторые выпускницы получали за счёт Общества высшее образование – им выплачивались стипендии.

Ежегодно в пользу недостаточных учениц силами гимназии ставилось два спектакля. В декабре 1908 года с большим успехом прошёл спектакль «Золушка» (для него было приготовлено почти 50 новых костюмов!). Спектакль «Доходное место», по Островскому, поставили в апреле 1909 года. «Успех спектакля превзошёл все ожидания, – отзывались о постановке зрители. – Свободных мест было немного. Играли дружно и гладко, не раз аплодировали. Общее впечатление отчасти портилось отсутствием духового оркестра, достать который, к сожалению, не удалось. Чистой прибыли до 750 рублей».

Кроме спектаклей устраивались и более масштабные мероприятия – гуляния, например, как летом 1909 года. Объявления печатались в газетах: «Правление Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Алексеевской женской гимназии 6 августа в саду Общественного собрания проводит гуляния с лотереей-аллегри, базаром рукоделий, танцами. Приглашены три военных оркестра, будет кинематограф. Входная плата обыкновенная. Пожертвования принимаются с благодарностью».

Гуляния прошли оживлённо. Публики было очень много. Входных билетов было продано на 561 рубль 20 копеек, лотерейные билеты разошлись все – на 984 рубля 88 копеек. Вместе с продажей цветов, мороженого, кофе, чая, пожертвованиями было выручено 2173 рубля.

Не часто, но бывали у гимназии и «представительские» расходы. «В честь храмового праздника гимназии 21 ноября 1909 года гимназисткам раздали угощения. Для приглашенных лиц предложили обед. Праздник обошелся в 500 рублей. Это двадцать полугодовых взносов за учение. А публика ещё жалуется на безденежье», – отметил журналист газеты «Эхо».

...Строительство нового здания Алексеевской женской гимназии сопровождалось массой неожиданных препятствий весь 1909 год. Хроника их составлена по публикациям в газете «Эхо».

Март. «Новому зданию женской гимназии не везёт. Строится, строится, а когда построится – неизвестно. Правда, все работы по отделке сданы с подрядов, но при выполнении этих подрядов происходят всякие осложнения. Дело в том, что из оставшегося ещё неиспользованного кредита на постройку (103 000 рублей) на текущий год отпущено только 50 000, да и те выдаются по 8333 рубля 33 копейки в месяц в течение строительного периода. Расчёты с подрядчиками поэтому затрудняются. Строительным комитетом через находящегося в Петербурге Приамурского генерал-губернатора возбуждено ходатайство о одновременном отпуске, а не частями, следуемых на этот год 50 000 рублей, и доассигнования оставшихся 53 000 рублей в этом же году».

Апрель. «Случился пожар в Хабаровской контрольной палате. В числе других бумаг было уничтожено и мотивирующее ходатайство о дополнительном ассигновании на постройку гимназии. Ходатайство пришлось возбуждать вновь, а строительный сезон приближается».

Май. «Здание новой женской гимназии не будет в этом году приспособлено к началу учебного года. Невозможно его окончить, так как инженер Станкевич не предоставил планов лестниц. В смету, между прочим, входит 40 000 рублей, которые, как предполагали, поступят в виде пожертвования. Предположения не оправдались. Сверх сметы израсходовано 13 000 рублей. Общий перерасход 53 000 рублей».

Июль. «В октябре 1908 года пришел груз с физическими приборами для Алексеевской гимназии. Оказалось, необходимо заплатить за его хранение 246 рублей».

Несмотря на то, что весной 1910 года на достройку требовалось ещё 25-30 000 рублей, к осени здание было готово. 28 сентября начался переезд, а в первых числах октября газета «Эхо» напечатала заметку: «В таком долго строившемся и таком дорогом новом здании

женской гимназии полы в некоторых помещениях оказались выше полов того же этажа. Есть, говорят, и другие промахи, исправление которых вызвало бы новые расходы, и значительные».

Ликвидацию огрехов оставили до лучших времён, потому что потребовались расходы на покупку наглядных пособий и открытие дополнительного класса (женская гимназия была рассчитана на 600 учениц, в 1910 году их было на 154 больше). Вопросы об этих дополнительных ассигнованиях гимназии обсуждали на одном из заседаний думы. Гласные завели старую песню, мол, гимназия обслуживает интересы не только города, но и области, а область ничего не платит.

«Находите же средства на другие расходы, на полив улиц находите, а когда нужно всего 2000 на образование детей, вы жалеетесь! – возмутился гласный Левашев. – Я даю 1000 рублей. Надеюсь, остальное найдёте».

Обрадованные гласные, не поблагодарив Василия Андреевича, приняли помощь. Ассигнование гимназии не стали уменьшать, выдали, как и в прошлом году, 14 000 рублей. «10 мая В.А. Левашев пообещал 1000 рублей, на седьмой параллельный класс Алексеевской гимназии. 11 мая от него был получен чек», – сообщило «Эхо».

В июне 1912 года в женской гимназии состоялся очередной акт. Сохранились имена отличниц. Окончили 7-й класс 42 ученицы, из них четыре – с золотой медалью: Т. Розанова, Л. Русакова, З. Хаева, М. Гарф; с серебряной медалью – Н. Волковойнова, О. Кампер, Л. Шалаева, А. Топоркова. Из пяти экстернов выдержала экзамены только одна. 8-й класс окончили 34 ученицы, из них 24 получили звания учительниц и 10 – домашних наставниц.

Вторая женская гимназия

С началом строительства Амурской железной дороги население области каждый год пополнялось десятками тысяч человек, в том числе семейных, озабоченных образованием для своих детей. Учебные заведения Благовещенска были переполнены, а женская гимназия так перегружена, что вообще не принимала новых учениц.

«В области наступил настоящий школьный голод, – телеграфировал военный губернатор Амурской области В.А. Толмачёв министрам народного просвещения, финансов, путей сообщения, внутренних дел (*копию телеграммы направили в редакцию «Нового времени»*). – Это явление грозит принять характер общественного бедствия. Большинство детей, оставшихся за бортом школы, принадлежит семьям желез-

---

⁸Обзор Амурской области за 1908 год.

нодорожных служащих и лиц, причастных к постройке дороги. Лица эти вынуждены отправлять свои семьи в Европейскую Россию, тяготеют туда и неохотно остаются на стройке. Требуется немедленно энергичные меры. Необходимо открыть вторую гимназию. Город даёт здание (*здание бесплатно предоставил А.В. Касьянов, компаньон-распорядитель ТД «И.Я. Чурин и Ко»*) и 5000 р. ежегодной субсидии».

Телеграмма была отправлена в июле 1912 года, а уже в августе начался приём учениц во вторую женскую гимназию.

Заявления о желании вступить в состав персонала гимназии подали Н.Е. Ершова, окончившая парижский университет Сорбонна, Н.В. Махотина, Е.Н. Русанова, М.Е. Шимановская, окончившая высшие женские курсы в Санкт-Петербурге, Е.Н. Николаева. Между ними распределили общеобразовательные предметы. Специальные предметы вызвались вести Миронова (рукоделие), Наличников (рисование), Добровольский (пение).

На содержание новой гимназии (пять основных и один приготовительный классы) требовалось 25 000 рублей. Город выделял одновременно 2000 рублей, а потом ежегодно по 5000 рублей; А.В. Касьянов (с 1901 года жил в Москве, но был в курсе всех городских проблем) в течение двух лет жертвовал по 5000 рублей. Остальное планировалось «покрывать сбором платы за учение при комплекте учащихся в приготовительном, 1 и 2 классах по 40 учениц, в 3-5 классах – по 30 учениц».

Одновременно со второй городской открылась и частная женская гимназия (начальница – М.Н. Белокопытова). Министерство народного просвещения согласилось отпускать пособие этой гимназии по 500 рублей на каждый класс и предполагало возбудить ходатайство о 50%-й прибавке к содержанию учащихся (*учителей*) гимназии. А.В. Касьянов по телеграфу уведомил городского голову, что, сочувствуя открытию частной гимназии, жертвует на её содержание по 2500 рублей в год в течение двух лет.

29 августа была утверждена форма для учениц частной женской гимназии: платье тёмно-синего цвета, передники белые – в праздник, чёрные – по будням. Покрой платья такой же, как в Алексеевской гимназии.

Мужская гимназия

Мужская классическая прогимназия открылась в Благовещенске в 1877 году, в 1891 году была преобразована в полную мужскую гимназию с восьмилетним обучением.

Выпускники женской гимназии выходили за порог учебного заведения школьными учительницами или домашними наставницами. У окончивших мужскую гимназию выбор дальнейшего пути ограничивался только личным желанием и финансовыми возможностями.

21 июля 1902 года «Амурская газета» опубликовала список выпускников Благовещенской мужской гимназии. Это был 10-й выпуск. «В настоящее время определилось, кто из окончивших в этом году местную мужскую гимназию предполагает продолжить образование и где, – сообщала редакция. – Готский поступает в Добровольный флот во Владивостоке, Зарембо – в Сибирскую военную академию, Кандинский и Назаров – в Сибирский институт восточных языков, Никитин – в парижский Сорбоннский университет, Пьянков и Селезнёв – в Томский технологический, Пуцилов – в Нежинский историко-филологический, Ротт, Яковлев, Смыкалов – в Томский университет, Сципион и Шефер – в Петербургский университет на математический, Финогенов получил место в Благовещенском госбанке. Всего 14 человек, из них двое экстернов». Некоторые из выпускников 1902 года после учёбы вернулись в Благовещенск.

В 1912 году аттестаты зрелости получили 29 гимназистов. А. Доставалов окончил курс с золотой медалью, Н. Зайцев, А. Желтоногов, С. Королёв, А. Кулагин, Н. Миролюбов, А. Райцын, В. Роменский, А. Скрибанович, М. Славин – с серебряными медалями. О том, кто, где планировал учиться или служить, в газете ничего не говорилось.

8 августа 1908 года был опубликован закон об отпуске из средств Государственного казначейства 280 842 рублей 36 копеек на строительство нового здания Благовещенской мужской гимназии. Деньги были выделены с условием, что земля, которую город отведёт под гимназию, перейдёт в полную собственность казны.

Приказом Приамурского генерал-губернатора 9 сентября 1908 года для производства работ по постройке мужской гимназии был учреждён строительный комитет. Председателем комитета стал военный губернатор Амурской области генерал-майор А.В. Сычевский, заместителем – директор гимназии Ф.И. Васильев. Членами комиссии были определены: исполняющий обязанности инспектора гимназии Г.К. Войницкий, преподаватели А.В. Данилов, С.С. Знаменский, Б.Н. Камбек, Г.Г. Алексеев, И.И. Корсак, заместитель председателя родительского комитета И.М. Хоммер, городской голова И.Д. Прищепенко, директор городского банка П.П. Попов, благовещенский купец С.С. Шадрин, врач гимназии А.Е. Поздеев, производитель работ военный инженер Э.И. Шефер, делопроизводитель и бухгалтер И.С. Зубакин.

В последних числах сентября 1908 года была создана комиссия по выбору места для мужской гимназии. В состав комиссии вошли:

---

⁹Обзор Амурской области за 1914 год.

И.А. Койо (председатель), Буянов, И.Е. Молоденков, А.Д. Никольский, Ю.Г. Свидерский, Ружицкий, Власов, Соколов, Э.И. Шефер, Курносков, от гимназии – Ф.И. Васильев, Г.К. Войницкий, Б.Н. Камбек, И.С. Зубакин.

Рассматривалось три варианта размещения нового здания: на пересечении Буссеvской и Большой, на углу Торговой и Иркутской или за Народным домом. Первоначально голосовали за третий вариант.

4 октября вопрос бурно обсуждался на заседании городской думы. Гласный В.А. Левашев: «Великолепное здание, его нельзя прятать на задворки».

Гласный В.М. Лукин: «Почему его надо прятать на край города?»

Голоса: «Там будет вокзал центром города!»

Преподаватель мужской гимназии Н.Л. Никольский: «К вокзалу тяготеют только кабаки!»

Г.К. Войницкий: «Расположение рядом мужской и женской гимназий крайне неудобно в вопросе нравственном».

Гласный Э.И. Шефер: «Я строил на углу Иркутской и Торговой здание телефонной станции. Местность сырая, фундамент пришлось опускать на шесть аршин и там куски дерева, ил, тальник. Это была протока. Для осушения территории понадобится 20 000 рублей».

Из зала: «Неудачное расположение – рядом с Народным домом!»

Городской голова П.П. Попов: «Прошу не смешивать Народный дом с ночлежным!»

Решили включить в комиссию ещё В.А. Левашева, С.П. Попова и выбрать место вновь.

В середине октября комиссия осмотрела все три предложенных ранее варианта. По окончании осмотра, на бульваре, на открытом воздухе, такой же открытой баллотировкой (*голосованием*) сделали окончательный выбор: пересечение Буссеvской и Большой.

А ещё члены комиссии высказывали мысль поручить строительство дорогого, лучшего в городе здания частному архитектору. «В высшей степени было бы полезно для дела, если бы инженер А.Р. Станкевич (*областной инженер в 1897-1910 годы*) отказался от постройки. Этим можно было бы предупредить те дефекты, которые не успели предупредить при строительстве женской гимназии». Вот такой приговор деятельности областного архитектора вынесли гласные городской думы. Постройкой мужской гимназии поручили заниматься инженеру-полковнику Э.И. Шеферу.

10 декабря 1908 года было обнародовано (через благовещенские газеты) количество камня и извести, необходимых для строительства гимназии. Все, желавшие взять подряд на поставку материала, до 15 декабря должны были подать директору мужской гимназии заяв-

ки: в запечатанном конверте, с обозначением крайних цен. Подряд можно было взять целиком или по частям.

С середины февраля до мая 1909 года в канцелярии военного губернатора Амурской области проходили торги и переторжки на поставку бутового камня гранитных пород (417 куб. саженей), каменного щебня (48 куб. саженей), извести (от 80 000 до 87 000 пудов), чистого песка (100 пудов), строевого кирпича (2 900 000 штук), на каменные, столярные и плотницкие работы. Участники торгов представляли образцы извести и кирпича, каждый оплачивал (наличными или процентными бумагами) 10% от сметной суммы стоимости работ.

В результате нам известны имена строителей мужской гимназии: кирпичные и плотницкие работы остались за Гальцовым, каменные – за Перминым, столярные – за Шауфусом (китайские подрядчики отказались от участия в торгах сразу, сославшись на дешевизну подряда).

23 августа 1909 года состоялась торжественная закладка здания мужской гимназии.

В апреле 1912 года директор гимназии сообщил, что отведённого под гимназию участка недостаточно – нет места для прогулок, хозяйственных построек, склада дров – и обратился в городскую думу с просьбой расширить площадь двора отводом свободной земли до берега Амура. Землю отвели.

27 июля 1912 года в час дня прошла церемония освящения здания мужской гимназии. Молебен служил епископ Евгений (Зернов). На торжестве присутствовали господа начальник края, военный губернатор и вице-губернатор области, начальствующие лица, преподаватели, учащиеся гимназии. По окончании молебна приглашенным был предложен завтрак.

Некоторое время в мужской гимназии, как и в Алексеевской женской, действовал родительский комитет. В октябре 1910 года члены комитета как «единственное звено, связывающее семьи и школу, в виду интереса, который может дать учащимся и родителям», решили публиковать в местных газетах отчёты о своих заседаниях. И вот что члены комитета обсуждали, например, 23 октября: «О значительном числе занятий, которые пропускают некоторые преподаватели и о замене этих преподавателей другими; о воспрещении гимназистам, которые уже собрались на уроки, вновь выходить на улицу; о желательности иметь врезанные в парты металлические чернильницы, чтобы избавить учеников от необходимости носить свои чернильницы, которыми они нередко портят книги, тетради и платье; о том, чтобы иметь умывальник для рук; о необходимости таксировать (*утвердить*) плату за чай и хлеб, продаваемые ученикам

сторожами гимназии: один стакан чая и два куска сахара – 3 копейки, без сахара – 2 копейки, одна свежая булка – 5 копеек; о желательности более частого подметания коридора (сырыми опилками) для устранения приносимой ногами пыли».

Кроме того, председатель родительского комитета доложил об успеваемости. Члены комитета обратили внимание на большую «неуспешность»: около 50% по отношению к общему числу учащихся. Для борьбы с «малоуспешностью» решили обратиться к гимназическому начальству с просьбой об усилении надзора, введении дневников во всех классах кроме восьмого, увеличении числа наглядных пособий.

В Алексеевской женской гимназии родительский комитет решал, кого из учениц по тем или иным причинам можно освободить от платы за обучение. В мужской гимназии порядок был, видимо, иным, во всяком случае, в январе 1911 года родительский комитет «обсуждал вопрос о желательности участия в рассмотрении списка учеников, назначенных к освобождению от платы за учение».

В сентябре 1911 года вышел новый циркуляр Министерства народного просвещения, который регламентировал деятельность родительских комитетов учебных заведений. Если раньше для образования родительского комитета достаточно было присутствия пятой части всех постоянно живущих в городе родителей или опекунов, то теперь требовалось присутствие двух третей. «Если на общем собрании нужного числа не наберётся, выборы не состоятся и родительского комитета в предстоящем году не будет», – сообщил через газету один из родителей. Так и случилось. В мужской гимназии числилось 470 учащихся, значит, на собрании должны были присутствовать 314 родителей и опекунов. 4 сентября пришло только 72 человека и собрание не состоялось. 17 сентября не пришел никто.

С большим трудом комитет избрали только в декабре 1911 года. А в январе комитетчики разослали всем родителям учеников анкету. Цель опроса – выяснить условия домашней обстановки учащихся, чтобы повысить их успеваемость.

Вопросов было около пятидесяти. Например, когда ребёнок встаёт, завтракает ли дома или в гимназии, когда возвращается, сколько времени тратит на приготовление уроков, ходит ли в гимназию или на чём-либо ездит, чем занимается квартирохозяин и как его зовут, сколько платят репетитору, какие развлечения предпочитает ученик, любит ли спорт и какой именно, любит ли читать, имеет ли карманные деньги от родителей и сколько, на что тратит деньги и т.д.

«Анкету можно только приветствовать, – высказался один из родителей, – но она именная, с адресом и фамилией ученика. Таким образом, отвечая на вопросы, родители сообщат комитету интимные

сведения о себе и детях. Надеяться на откровенность со стороны родителей нет ни малейших оснований».

Кроме этого, неудачного, анкетирования, на рождественских каникулах произошел конфликт, в результате которого воспитанники старших классов отказались от участия в гимназическом вечере. Претензии были предъявлены членам родительского комитета. 23 января 1912 года комитет мужской гимназии добровольно сложил полномочия.

При мужской гимназии, так же, как и при женской, действовало Общество вспомоществования нуждающимся ученикам, организованное в 1898 году. К 1 января 1911 года в Обществе состояло три почётных, 42 пожизненных, 237 действующих членов (горожан – 126, иногородних – 156). Капитала на 1 января того же года было 825 рублей расходного, 475 рублей – неприкосновенного. С 1 января по 1 октября 1911 года поступило 1385 рублей 14 копеек по подписным листам, от лотереи, спектакля, а также членские взносы. Расход: внесение платы за 63 ученика – 1870 рублей, выдача денежных пособий деньгами – 130 рублей, выдача книгами и одеждой – 307 рублей 15 копеек, на другие расходы – 61 рубль 25 копеек.

Были периоды, когда сама гимназия оказывалась «несостоятельной». Так, при составлении приходно-расходной сметы на 1911-1912 учебный год выяснилось, что расходов представляется на 5325 рублей больше, чем доходов. Перекрыть этот дефицит можно было бы путем увеличения платы за право учения с 60 до 100 рублей в год, но «так как это поставит в затруднительное положение менее состоятельных родителей учащих», директор гимназии Н.П. Покровский обратился к городской думе с просьбой о покрытии дефицита из городских сумм. Наверное, думцы пошли навстречу, как и в других подобных ситуациях.

...Гимназисты, как и положено в этом возрасте, «бузуйничали». Даже стреляли китайскими ракетами из окон гимназии! А о том, как они вели себя в Сахалине, даже писал в стихах Фёдор Чудаков. Отрывок из стихотворения «В Сахалине зимой» называется «В харчевне на дальней улице».

Вот в харчевне шум-содом.
Гимназисты за столом.
Губы кривят, водку пьют
И навеселе орут:
«Наш удался, парни, план,
Что пришли мы в Сахалин.
Здесь опеки нашей нет.
Сахалину шлём привет!»
Напротив шумят гурьбой

Реалистики толпой.
Спорят, вздорят, говорят,
Как грачи весной галдят.
Гимназистки с ними две,
Как гвоздики на траве.
Раскраснелись, тоже пьют,
Слабым голосом поют:
«Мы довольны, господа,
Что «кутить» пришли сюда.
Пей, ребята, тра-ля-лям,
Здесь сегодня праздник нам.

...

Мой совет отцам такой:
Не мешало бы порой
В Сахаляне побывать,
Пьяных «деток» повидать».

«Детки» не только пили, они ещё и хулиганили. В августе 1908 года «несколько воспитанников старших классов гимназии, стоя за столом китайского ресторана, открыли стрельбу по собаке из револьвера, – сообщал «Торгово-промышленный листок объявлений». – После 6-7 выстрелов они её добились, несмотря на просьбы китайцев не стрелять».

Родители, видно, не могли ничего поделать с отпрысками, так что директор гимназии обратился с официальным письмом к управляющему таможней с просьбой не пропускать гимназистов в Сахалин, даже в сопровождении родителей, без особого разрешения своего учительского начальства.

Реальное училище

Реальное училище – это среднее учебное заведение без преподавания древних языков, с преобладанием в учебном плане математики и естественных наук. Курс обучения 6-7 лет. В старших классах преподавались механика, химия, а также технологические и коммерческие дисциплины. Выпускники таких училищ могли поступать в технические, промышленные и торговые вузы, но не в университеты. В 1888 году реальные училища были реформированы в общеобразовательные учебные заведения. В начале XX века под давлением общественного мнения реалистам было предоставлено право поступать в университеты на физико-математические и медицинские факультеты с условием дополнительной сдачи экзамена по латинскому языку.

В Благовещенске реальное училище было открыто в 1907 году (угол Большой и Графской). В 1908 году во всех его классах занималось 155 учеников.

Очень может быть, что одним из инициаторов открытия реального училища в Благовещенске был Г.П. Ларин. Во всяком случае, именно этому учебному заведению он ежегодно жертвовал 2000 рублей и систематически оказывал очень щедрую помощь: в 1908 году подарил 25 000 рублей «без условий»; в 1909-м предложил оборудовать физический кабинет на свои средства (стоимость – несколько тысяч рублей), выписать книг и пособий на 500 рублей (прислал каталог с просьбой указать, что именно необходимо училищу); в 1910-м передал 25 000 рублей «в видах устойчивой жизни училища» и прислал «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона».¹⁰

В январе 1909 года директор реального училища Г.Т. Рудиков послал Г.П. Ларину телеграмму о том, что училищу предоставлены права правительственных училищ. Глеб Петрович, находясь в Ялте, прислал телеграмму: «Поздравляю вас, как главу и руководителя училища, сотрудников, учащихся и их родителей с полученными училищем правами. Шлю моё искреннее пожелание процветания училища и успехов ученикам. Прошу принять на нужды училища 10 000 рублей».

Между мужской гимназией и реальным училищем постоянно шло негласное соперничество. В 1911 году впереди были реалисты: по отзывам директора мужской гимназии Ф.И. Васильева, экзамены в реальном училище дали лучшие результаты, чем в гимназии.

А на следующий год «результаты испытаний оказались плачевными». Это были переводные экзамены в 3-, 4- и 5-м классах. «Из 114 экзаменующихся выдержали испытание только 30 человек, остальные выказали поразительно слабую подготовку, – писал корреспондент газеты «Эхо». – Письменные работы некоторых дышат поразительной безграмотностью. После первого же экзамена пришлось отказать 16-ти ученикам от дальнейшего экзаменования. Исключение составили ученики подготовительного класса. Из 32 человек этого класса выдержали испытания 14 учеников, то есть почти 50%. Всем, не выдержавшим, осенью будет предложен новый экзамен, причём, четвёрки и пятёрки будут зачтены. Приняты в училище будут те из выдержавших, у которых сумма баллов будет большей».

Бюджет реального училища иногда публиковался в благовещенских газетах.

29 ноября 1909 года. «В городскую управу представлена смета расходов и доходов реального училища. Приход: плата за обучение 17 000 рублей, пособие от города – 5000 рублей, от Г.П. Ларина – 2000 рублей, квартирная плата – 600 рублей (в 1908 году при учили-

ще был открыт пансион на 15 мест с платой 40 рублей за полугодие). Итого приход 24 600 рублей. Расход: за преподавание уроков – 14 700 рублей, остальное – 9495 рублей. Всего 25 195 рублей. Пере-расход в 595 рублей предполагается покрыть пожертвованиями, устройством спектаклей, концертов и лекций».

3 декабря 1911 года. «Смета на 1912 год. Приход: плата за право учения – 20 450 рублей, квартирная плата с лиц, живущих при училище, – 350 рублей, процент с капитала, пожертвованного Г.П. Лариным, – 2000 рублей, субсидия от города – 3800 рублей. Всего 26 600 рублей. Расход больше, чем в 1911 году, на 3942 рублей вызван открытием 4-го класса, учреждением должности 2-го надзирателя и ассигнованием на переплетение книг училищной библиотеки».

В реальном училище тоже действовал родительский комитет. Недолго, но эффективно. В 1909 году по его инициативе родители воспитанников сложились по 10 рублей с семьи и закупили учебники с книжного склада. «Массовая выписка учебников и пособий очень выгодна: на складе они продаются по номинальной стоимости, – писал репортёр газеты «Эхо». – Приобретено много новых учебников и пособий, не похожих на наши дореформенные манускрипты. Совет училища планирует приобрести кинематограф, уже приобрели стереоскоп. Школьную гимнастику будут преподавать по системе Лесгафта». Родительский комитет реалистов организовал «ученическую дачу». В 1909 году она располагалась в районе бывшей заимки Биршерта в Белогорье, а в 1916 году «дача-колония реального училища» переехала в город, на улицу Ремесленную, между Вознесенской и Соборной. Вот и всё, что нашлось в печати о деятельности этого комитета.

В числе преподавателей реального училища в разные годы были: статский советник И.Г. Гордиенко, надворный советник Г.Т. Рудиков, архитектор, генерал-майор Э.И. Шефер, коллежский секретарь, доктор Г.А. Прошьянц, скульптор В.Ю. Роман, потомственный дворянин, учитель рисования и чистописания П.П. Готфрид.

Как и в других учебных заведениях того времени, даже в некоторых низших, в реальном училище преподавали рисование, но кроме того в 1909 году здесь была скульптурная мастерская. К юбилею Н.В. Гоголя, который отмечался очень широко по всей России, под руководством скульптора В.Ю. Романа ученики готовили бюсты Гоголя, барельефы гоголевских типов. Мастерская получила тогда несколько заказов от частных лиц и школ.

Года два ученики реального училища под руководством учителя лепки работали над рельефной картой Европы. Был в училище свой «хор балалаечников», то есть большой ансамбль.

Время от времени в помещении училища проводились выставки. Одну такую выставку планировал организовать в 1910 году А.А. Са-

харов – автор картины «Оборона Благовещенска в 1900 году». Объявление-приглашение звучало так: «На Пасхальной неделе в здании реального училища предполагается художественная выставка. Демонстрироваться будут следующие отделы: живописный, скульптурный и фотографический. Желающих выставить свои произведения просят обращаться в реальное училище». Участвовать в выставке мог любой желающий со своими или с приобретёнными работами других художников. Информация о том, состоялась ли выставка, найти не удалось.

С 1908 по 1914 год директором реального училища был Г.Т. Рудиков. Григорий Тимофеевич окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Преподавал греческий язык, церковную и библейскую историю, историю русской церкви, пение в Благовещенской духовной семинарии, гражданскую историю – в епархиальном училище, с 1910 по 1916 год был гласным городской думы.

Имя Г.Т. Рудикова довольно часто мелькало в газетах. Как директор училища, он предоставлял помещение для благотворительных мероприятий, откликался на самые разные просьбы, например, в январе 1912 года предоставил ёлку с украшениями для больных психиатрического отделения городской больницы, а балалаечники реального училища участвовали в концертах в этом отделении; в мае того же года приютил учеников Марковского двухклассного училища, которые приехали в город на экскурсию.

Однажды Григорий Тимофеевич попал в криминальную историю. 8 февраля 1909 года, проходя около 12 часов ночи мимо реального училища, Рудиков и Готфрид увидели около крыльца крытый экипаж и трёх людей. Окна училища были взломаны. Вооружившись револьверами, директор и преподаватель пошли осмотреть двор. Они разошлись, чтобы осмотреть всё с разных сторон, и тут кто-то ударил Рудикова по голове. Через некоторое время Готфрид услышал стоны из выгребной ямы. Злодеи оглушили и сбросили туда Рудикова. Готфрид помог ему выбраться, в Красном Кресте пострадавшему оказали медицинскую помощь. «У Рудикова тяжёлая рана в голове и сильно порезано лицо стеклом при падении в яму», – поделился подробностями криминальный репортёр газеты «Эхо». Но в итоге всё обошлось благополучно.

И ещё – неожиданная информация из газеты «Благовещенское утро» за 23 июня 1916 года: «Ученики реального училища не остались пассивными зрителями переживаемых тяжёлых времен. Ими организована дружина из двенадцати человек для уборки сена солдаткам» *(второй год идет война, многие мужчины призваны на фронт)*.

В гимназиях и реальных училищах существовала суровая, но эффективная система наказаний нерадивых учеников. Она начиналась с «одиночного сидения ученика в классе» и шла по нарастающей: выговор классного наставника перед классом; назначение дополнительных занятий на дом; выговор инспектора перед классом; «отделение от общества товарищей без лишения свободы»; выговор инспектора перед классом; заключение в карцер до 4 часов с назначением письменной работы; выговор директора перед классом; заключение в карцер до 8 часов с назначением письменной работы и содержанием на чёрном хлебе; заключение в карцер свыше 8 часов, но не больше, чем на сутки; выговор от имени педагогического совета; исключение – с правом поступать в другие учебные заведения, без права поступать в другие учебные заведения этого же города, без права поступать в какое-либо учебное заведение вообще, то есть с «волчьим билетом». Такой многоступенчатый порядок наказаний давал возможность учащемуся много раз подумать и остановиться, не доходя до крайней черты.

Ремесленное училище

Первые ремесленные училища в России стали открываться с 1865 года на деньги частных лиц и местного самоуправления. В 1884 году Министерство народного просвещения разработало основные положения общего нормального промышленного образования в России; они были высочайше утверждены в 1888 году. Система задумывалась так, чтобы средние технические училища готовили техников, помогающих инженерам в производстве производством. Низшие технические училища выпускали мастеров для фабрик и заводов, а ремесленные училища – высококвалифицированных рабочих. После окончания любого из учебных заведений можно было переходить на следующую ступень промышленного образования вплоть до высших технических училищ и технических институтов. Для поступления в ремесленное училище не было никаких сословных и религиозных ограничений. Сюда могли отдавать своих детей и крестьяне, и рабочие, кроме самых бедных, не способных заплатить за форму, обучение и учебники.

В Благовещенске ремесленное училище имени графа Н.Н. Муравьёва-Амурского было открыто 1 ноября 1896 года. В 1908 году в нём числилось 86 учеников, в 1911 году – 96, в 1914 – 110.

Вот как описал обстановку в этом училище корреспондент газеты «Эхо» в июне 1911 года: «Те, кто не может дать детям дорогостоящего образования, отправляют их в школу прикладных знаний. Мастерские ремесленного училища оборудованы крайне скудно. На инструменты расходуется 6 рублей в год на ученика, когда один набор

(пилы, угольник, зубило, дорожник) стоит больше. В училище нет музея образцовых ученических работ. Теоретические предметы поставлены плохо. Инспектор училища одновременно ведёт физику во 2-м, черчение в 3-м классе во вторник и субботу, в понедельник – физику в 3-м, черчение во 2-м классе. Ясно, что на одном из двух занятий преподаватель отсутствует. По уставу инспектор должен быть занят не более 6 часов в неделю уроками, а у него 15 часов уроков в неделю и ещё 22 часа практики, и всё это оплачивается. Учитель рисования не имеет специальной подготовки, сам окончил только ремесленное училище. В программу были введены уроки музыки, куплены инструменты, но сейчас занятий нет. Окурки, плевки, куски хлеба и тухлой рыбы – всё это валяется на полу классной комнаты во время уроков. Редкий учитель мог бы заниматься в подобной обстановке, а здесь это в порядке вещей».

Примерно через месяц инспектор ремесленного училища Г.Ф. Орлов в той же газете ответил на критику, сообщив, в частности, что «по высочайше утвержденному штату на училище ремесленное при 100 учениках должно быть 18 станков, а в Благовещенском училище их 38 (7 винторезных, 4 строгальных по металлу, 13 ножных токарных по металлу, 9 токарных по дереву и т.д.); в смету нынешнего года внесено 3400 рублей на приобретение трёх токарных винторезных станков новейшей системы, одного фрезерного по металлу, одного американского поперечно-строгального; станки малоизвестны здесь, выписаны из Гамбурга». О собственной занятости преподаванием, уроках музыки и антисанитарном состоянии классов инспектор ремесленного училища ни словом не упомянул.

Городские начальные училища

Общеобразовательные заведения для бедной части городского населения появились в России в начале 1870-х годов. Городские училища (их называли и училищами, и школами) были одно-, двух-, трёх- и четырёхклассными. Вначале в этих школах действовала классная система преподавания, т. е. каждый штатный учитель преподавал во вверенном ему классе все предметы, кроме Закона Божия, пения и гимнастики. С 1884 года перешли на предметную систему, которая используется в школах по сей день. В городских училищах преподавали Закон Божий и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, чтение, письмо, арифметику, геометрию, географию, историю, естествознание, черчение, рисование, пение, гимнастику, с 1880 года – краткий курс популярной медицины.

Городские училища содержались «вскладчину»: 55,25% средств поступало из государственного казначейства, 16,65% – от городских обществ, 13,2% составляла плата за учение (в зависимости от мест-

ности от 8 до 18 рублей в год за одного ученика), 14,9% – из других источников (земские суммы, пожертвования, завещания и прочее).

Первое начальное народное училище на средства казны было открыто в Благовещенске в 1866 году. В начале XX века народные училища открывались одно за другим.

В 1902 году Корфовская (имени барона А.Н. Корфа) начальная школа была преобразована в двухклассное училище при трёх штатных учителях. Идею реорганизации подал один из старейших учителей города И.И. Михайличенко, а деньги на перестройку и ремонт – 3000 рублей – пожертвовал почётный попечитель школы В.А. Левашев. В школе занималось 170 учеников.

В тот же год женское двухклассное училище разместилось в частном наёмном помещении на Зейской–Казачьей (до этого занятия проходили в «соколовской мельнице, где летом была холерная больница»). Мест в училище не хватало катастрофически. «По мнению доктора Поздеева, без вреда для здоровья в помещении может разместиться до 100 человек, – писала одна из местных газет. – Но только старых учениц 160, и ещё в первое отделение записалось около 100 девочек. Конечно, примут не всех, многие останутся за бортом».

В 1908 году городское самоуправление наняло за 900 рублей в год дом Чепурина за Бурхановкой и открыло в нём новое училище на два отделения – для мальчиков и для девочек. Через год открыли ещё одну школу за Бурхановкой, на этот раз – в Горбылёвке.

Время от времени начальные школы открывали частные лица. Предприятие не очень прибыльное, но востребованное. Бывший учитель станичной школы Н.А. Уваровский открыл в 1902 году собственную школу на Офицерской. В ней занималось 40 детей обоего пола. Плата – 2 рубля в месяц. «Здесь, между Офицерской и Зейской, проживает около 4,5 тысяч человек и нет ни одной школы поблизости, – писал репортёр «Амурской газеты». – Сейчас, когда с этой улицы удалены все «весёлые дома», появилась возможность открыть здесь начальную школу». В 1909 году с разрешения инспектора народных училищ школу для начального обучения грамоте детей открыла Екатерина Петровна Зубакина. Плата – пять рублей в месяц. Школа разместилась «в доме Голтвяницы, по Иркутской улице».

Церковно-приходские школы

Первая церковно-приходская школа в Благовещенске открылась при Михаило-Архангельской церкви в 1893 году. В 1911 году в городе действовало семь, в 1914 – восемь церковно-приходских школ. Город выделял пособие на все церковно-приходские школы – 3500 рублей в год. Это меньше, чем расходовалось на одно городское училище. «Церковно-приходские школы не могут развить свою деятель-

ность, – писал журналист газеты «Эхо». – Они ограничивают приём и каждый новый учебный год принимают только сто детей, а могли бы 150 набрать». В школах при церквях учились дети из бедных семей, но всё же способных платить за обучение и одевать-обувать школяров в «чистое», то есть не в рваное. В ноябре 1911 года попечительский совет церковно-приходских школ обратился в городскую управу с просьбой взять на себя часть расходов и выделить хотя бы 400 рублей на увеличение жалования учителям. Дума проголосовала так: 11 гласных высказались «за», 24 – «против».

Можно было бы подумать, что пуста городская казна, но буквально на следующий день после обсуждения вопроса о дотации «хотя бы 400 рублей», состоялось экстренное заседание думы, на котором по предложению городского головы было ассигновано 500 рублей на покупку... портьер для думского зала. «Мы изумлены по поводу такой щедрости, ведь, отвоёвывая себе думские кресла, наши гласные кричали о необходимости бережного обращения с городскими деньгами, и вдруг такая крупная сумма на совершенно бесполезную вещь!» – негодовал репортёр газеты «Эхо».

Благотворители

В 1873 году в Благовещенске побывал великий князь Алексей Александрович. Он останавливался в городе, возвращаясь из кругосветного путешествия. Прощаясь, член царствующего дома вручил военному губернатору области И.К. Педашенко 1000 рублей для создания женской и ремесленной школ. В тот год на нужды просвещения от фирм и частных лиц поступило ещё больше 10 000 рублей (в 1874 году и ещё несколько лет кряду в Благовещенске действовали школа для мальчиков, Алексеевская школа для девочек и бригадная школа Амурской конной бригады для приготовления учителей, фельдшеров и коновалов – это были первые учебные заведения города).

Богатые и состоятельные благовещенцы постоянно поддерживали учебные заведения и просветительские организации разными видами пожертвований. В октябре 1908 года М.Ф. Лукина предложила на собственные средства построить школу в Новых кварталах, на углу Семинарской и Болотной: построила, оборудовала мебелью, учебниками и учебными пособиями. 8 января 1909 года школа была открыта. Первый год благотворительница содержала её на собственные средства, затем школа перешла в ведение местного самоуправления.

В феврале 1909 года В.А. Левашев передал Благовещенскому епархиальному училищу больше двухсот книг на сумму 540 рублей. В марте того же года в пользу школы им. Императора Александра I Благословенного поступили пожертвования по завещанию умершего кунгурского мещанина Д.М. Варзакова 1000 рублей, от М.Т. Гу-

рикова, Е.З. Платонова, торгового дома «Ф.Ф. Коротаяев с С-ми», торгового дома «С.З. Косицын с С-ми» – по 50 рублей, от С.И. Кузнецова, братьев Малаховых, торгового дома «Кувшинов с С-ми» – по 25 рублей и так далее. Всего 1385 рублей. В пользу бесплатной народной библиотеки Г.П. Ларин пожертвовал 2000 рублей, П.В. Мордин – 1000 рублей. Это было в феврале 1910 года. А в декабре в память о покойном В.М. Лукине торговый дом «В.М. Лукин с С-ми» пожертвовал 3000 рублей на нужды бесплатной народной читальни. Попечительница третьей мещанской школы Ларина пожертвовала в ноябре 1910 года 500 рублей: 80 рублей израсходовано на ёлку, 150 рублей – на наём помещения для учительницы, 15 рублей – на школьный праздник, остальное – на книги. Н.Г. Шелудяков передал 207 экземпляров книг в ученическую библиотеку Крыловского училища и устроил ёлку для учащихся.

В библиотеке народного училища им. Наследника Цесаревича было больше 2000 томов: ученический отдел (духовно-нравственное, детское чтение, детские журналы), учительский отдел (беллетристика, философия, психология, педагогические, общественные, юридические науки, справочная литература), учебники и учебные пособия, пособия для наглядного обучения, книги для бесплатного чтения для бедных учеников. В училище имелся кабинет физики, оборудование которого стоило 830 рублей. Всё это было приобретено исключительно на средства попечительницы училища А.В. Касьяновой.

Братья М.З. и С.З. Платоновы в течение шести лет содержали школу, в которой занималось около 150 детей. В 1911 году братья предложили передать школу городу, при этом безвозмездно предоставили квартиру для учителя с имеющейся обстановкой, взамен просили только оставить прежнее название – Платоновское училище. Когда вопрос обсуждался в думе, решили школу принять, название поменять на «имени К.Д. Ушинского», Платоновым выразить благодарность и попросить их принять на себя звание «почетных попечителей школы, чтобы сохранить их связь с нею на будущее», а на самом деле, чтобы они ещё и ещё финансировали своё детище.

Доверенный золотопромышленной компании «Варзаков и Ко» Д.М. Варзаков, скончавшийся в 1908 году, завещал «всё движимое и недвижимое имущество обратить в деньги и раздать прислуге по 50 рублей, родственникам – по 1000 рублей, образовать стипендию его имени в мужской гимназии – 400 рублей, уплачивать в епархиальном училище за одну из дочерей умершего священника Литвинцева до окончания образования. Остальные деньги отдать на народное образование Благовещенска: 2000 рублей – церковно-приходским школам, 1000 рублей – школе молоканской общины, по 500 рублей – на школы магометанскую и еврейскую, остальное – на

школы Министерства народного просвещения. Завещание оспорили обиженные родственники, тяжба тянулась до 1910 года. В общем, и родня что-то отсудила, и школам деньги достались.

Стипендии

Обучение (почти всюду) было платным. Не за каждого ребёнка платить могли родители. Некоторым – бедным, старательным, талантливым, настойчивым ученикам и ученицам – удавалось получать стипендии.

Стипендии были самыми разными по всей России и в Благовещенске – тоже. Коллежский ассессор, окружной горный инженер С.К. Оранский оставил капитал и завещал проценты с него расходовать на оплату обучения в Алексеевской женской гимназии кого-то из дочерей служащих золотых приисков Амурской области (кроме управляющих приисками). Стипендию имени жены статского советника А.П. Кирилловой выплачивали «на содержание бедной воспитанницы гимназии». Родители, которые желали бы «зачислить своих дочерей на означенную стипендию», должны были подавать заявления в попечительский совет гимназии. Если кандидаток на стипендию было несколько, если они были одинаково бедны и одинаково достойны стипендии, претендентки тянули жребий.

Двадцать лет начальницей Алексеевской женской прогимназии, а затем и гимназии служила М.Ф. Прищепенко. Она пользовалась заслуженной любовью и уважением учеников и родителей, а как начальница отличалась гуманностью, сердечностью, внимательностью и отзывчивостью. Приказом Приамурского генерал-губернатора от 12.10.1898 года по собственному прошению она была уволена от занимаемой должности и вовсе от службы. Решением Благовещенской городской думы, кроме государственной, ей была назначена из городских средств пожизненная пенсия 400 рублей в год.

Мария Флорентьевна скончалась в 1909 году. В память о ней городская дума учредила стипендию. «Стипендия имени М.Ф. Прищепенко, – говорилось в постановлении, – будет предоставляться ученицам из наиболее неимущих и достойных, которые по окончании Алексеевской гимназии продолжают образование в высших учебных заведениях». В 1912 году в результате жребия стипендия имени М.Ф. Прищепенко досталась учительнице школы имени Ушинского А.С. Николаевской: она окончила Алексеевскую гимназию два года назад с золотой медалью и планировала получать высшее образование.

5 августа 1901 года в отчёте с заседания городской думы «Амурская газета» писала: «Слушательница Женского медицинского

института благовещенская уроженка Е.Г. Ефимова обратилась в городскую думу с просьбой о назначении ей от города стипендии для продолжения образования в институте. В своём обращении госпожа Ефимова заявила, что после окончания курсов она возвратится в Благовещенск и надеется заслужить оказанную ей помощь. По словам городского главы и некоторых гласных, «она испытала большую нужду, и сама пробила себе дорогу». Корреспондент газеты сообщает, что в думе возникли дебаты о размере стипендии. Первые городские богачи – Ларин, Ельцов, Мамонтов – проголосовали за то, что и 200 рублей будет довольно (годовая плата за обучение в институте – 100 рублей). Большинство гласных проголосовало за стипендию 300 рублей в год.

Елена Ефимова слово сдержала: в 1908 году она вернулась в Благовещенск и много лет проработала в лечебных учреждениях города. Более-менее благополучно пережив потрясения XX века, заслуженный врач РСФСР и кавалер ордена Ленина Е.Г. Ефимова скончалась в 1954 году.

В 1910 году педсовет мужской гимназии избрал Г.П. Ларина почётным попечителем. Глеб Петрович от звания отказался. Пожертвовал на нужды учащихся 5000 рублей. Пообещал пожертвовать ещё столько же, если будет организовано общество, которое «возьмёт на себя обязательства поддерживать недостаточных выпускников реального училища, мужской и женской гимназий, пожелавших учиться в вузах». Новая благотворительная организация была основана в апреле 1911 года с названием «Общество имени Ларина». Председателем был избран Ф.И. Васильев, казначеем Ф.И. Тузов, секретарём И.С. Зубакин.

Глеб Петрович вложил в фонд Общества 10 000 рублей. Взносы других членов были не в пример скромнее. Из отчёта на 1 декабря 1911 года о пожертвованиях: Львов – 125 рублей, Левашев и Лаврушин – по 25 рублей, Бутин – 15 рублей, Чепурин и Опарин – по 10 рублей, Платонов – 5 рублей, Чернышов, Мунгалов, Сафонов, Талкина, Зубакин, Афанасьев, Данилов, Батманов, Васильев, Покровский, Алексеев, Камбек, Шефер, протоиерей Вознесенский, Верещагин, Никольский, Корсак, Пушкарёв, Панов, Захаров, Гонсович, Масюков, Кляус, Чернявский, Якунцевич, Ельцов, протоиерей Васильев внесли по 3 рубля (членские взносы), Баев – 1 рубль. Итого 203 рубля.

В феврале 1912 года был опубликован ещё один отчёт. «За январь в кассу поступили пожертвования: от торгового дома «Кунст и Альберс» – 50 рублей, Г.И. Скрибановича – 10 рублей, Г.К. Суту-

---

¹⁰Универсальная энциклопедия, издававшаяся в Российской империи акционерным издательским обществом Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон в 1890-1907 годах.

рина и П.К. Пенского – по 5 рублей, от Канаева, Зубарева, Коньшева, В. Шапошникова, Королёва, Сутурина, Темникова, Мечинского, Бабикова, Бойко, Черняева, Маслова – по 3 рубля; Девясилова, Тузова, Иванова, Канаева, Ткач – по 2 рубля, Смирнова – 1 рубль 50 копеек, от неизвестного, а также Безбородова, Васильева, Плюсина, Никонова и Белоусова – по 1 рублю. Всего 110 рублей 5 копеек. За январь переведены стипендии студентам: Марии Сафоновой и Михаилу Вощинскому по 25 рублей, Михаилу Истомину – 10 рублей».

Стипендиатами Общества в тот год состояли студенты Киевского университета Михаил Вощинский, Михаил Истомина, Михаил Зеленский, слушательница Юрьевских частных университетских курсов Мария Сафонова, студент Санкт-Петербургского лесного института Фёдор Сивоченков. Размер стипендии – 25 рублей в месяц (Истомину почему-то назначили 10 рублей в месяц).

Были стипендии и для учащихся городских училищ Благовещенска. Одна из них – «Стипендия имени 19 февраля».¹¹ Кандидатов на стипендию выбирали члены городской училищной комиссии. 3 ноября 1911 года решили «отдать предпочтение тем кандидатам из окончивших городские начальные училища детей мещан и крестьян, которые уже воспитываются в средних учебных заведениях». Таких оказалось несколько человек. Бросили жребий. Стипендии достались ученику духовного училища П. Волкову и ученице женской гимназии В. Мяги.

В городском трёхклассном училище была традиция ежегодно награждать двух лучших выпускников. В 1911 году лучшими были Д. Харин и Ф. Апрельев, в 1912 году – А. Смирных и М. Дуров. По ходатайству инспектора училища городская управа выдавала круглым отличникам по 25 рублей из специального фонда, который создали родители учеников.

Несколько стипендий было и в Благовещенской мужской гимназии. Для одной из них завещал «неизвестную сумму», как писала газета «Амурский край», бывший городской голова А.В. Кириллов, скончавшийся в Москве в мае 1910 года. В 1912 году В.А. Левашев внёс 1000 рублей на образование «стипендии имени Н.Л. Гондати при мужской гимназии». Кому и на каких условиях присуждались эти стипендии, сведений нет.

А вот инициатива со стипендией 1902 года оказалась неудачной. Отмечалось 25-летие мужской гимназии. Бывшие воспитанники, уже солидные, с образованием и положением люди, решили «собрать путём пожертвований капитал и учредить стипендию в память юбилея». Был избран специальный комитет для сбора средств. Прошло восемь лет. Инициаторы, похоже, позабыли о добром начинании. Но не забыли о нём журналисты газеты «Эхо». В апреле 1909 года вы-

шла ехидная заметка: «За минувшие годы собрано 620 р. Для учреждения постоянной стипендии необходим капитал в 11 000 р. Остаётся собрать еще 10 360 р. Если деятельность комитета пойдёт тем же темпом, первому стипендиату нужно родиться не ранее 125-летнего юбилея гимназии, так как указанный капитал соберётся к 2012 году».

Школьные экскурсии

В начале XX века государство начинает поддерживать и пропагандировать экскурсии школьников как дополнение к образовательным программам. 9 марта 1902 года на всех русских железных дорогах был введён специальный, удешевлённый, тариф для групп экскурсантов на проезд в вагонах третьего класса, а воспитанникам низших начальных учебных заведений при поездках на расстояние до 50 км предоставлялся бесплатный проезд. С 1910 года специальным циркуляром отменялись летние каникулярные работы учеников, взамен рекомендовалось организовывать в этот период оздоровительные прогулки и путешествия.

Самыми активными организаторами детских экскурсий были члены Благовещенского представительства Российского общества велосипедистов-туристов (туринг-клуба). Когда в апреле 1910 года обсуждали годовой отчёт Общества и планы на ближайшие двенадцать месяцев, решили провести не одну, как в предыдущие годы, а несколько прогулок для детей. И.А. Койо посетовал, что «учителя неохотно идут навстречу, а если и помогают в организации экскурсий, требуют непомерных расходов на наемку лошадей и прочее. Для детей прогулка хотя бы на 4-6 верст от города очень полезна».

Членами комитета Общества тогда были избраны А.И. Брузинский (владелец механического завода), К.И. Бурков, Климович, Звингель, П.Г. Саутин (заведующий городской электростанцией), членами ревизионной комиссии – Баев, М.К. Бахметов, Никифоров. В комиссию по организации детских прогулок выбрали Н.В. Лукина (компаньон ТД «В.М. Лукин и С-я»), А.И. Барашкову (акушерка-массажистка), Я.Л. Щур (редактор-издатель газеты «Амурский коммерческий посредник»), М.К. Бахметова, Бацелькина и Звонарёва.

Члены Благовещенского представительства туринг-клуба стали организаторами одной из первых в России межрегиональной школьной экскурсии: с Амура до Тихого океана. Она состоялась в мае-июне 1902 года. Проезд и питание для детей были бесплатными. К морю отправились учащиеся городских начальных школ – 32 мальчика, 15 девочек. Их сопровождали пятеро преподавателей («Все городские учителя отказались ехать, – сокрушался один из членов Общества туристов. – Очень жаль. Дети будут стесняться незнакомых учителей. Кроме того, каждый учитель хорошо знает своих учеников, их разви-

тие, привычки, поведение, запросы ума. Ему было бы легче следить и направлять путешественников, руководить их беседами»).

Как писал корреспондент «Амурской газеты», «дети ждут от этой поездки чего-то нового, хорошего и приятного, а чего – пока сами не могут дать отчёта. Им предстоит увидеть богатства амурской природы, во Владивостоке – загадочное море с огромными судами. Все это живой нитью пройдёт перед их любопытными глазами и надолго оставит след пережитого, пережитого, и гораздо глубже западёт в детские души, чем разносклоняемые имена существительные и неправильные дробы».

Из Благовещенска школьники отправились 31 мая на пароходе «Джон Коккериль». «Дети разместились на палубе третьего класса, – писал корреспондент «Амурской газеты». – Мальчики внизу, в темноте, прямо на чёрном грязном полу, окруженные рабочими и переселенцами, девочки наверху, в более чистой части парохода, тоже на полу. Сопровождающие детей преподаватели – во втором классе. Они по очереди будут дежурить около детей. В новой обстановке экскурсанты чувствуют себя хорошо, хотя, конечно, волнуются. В пути они познакомились с устройством парохода».

В Хабаровске экскурсантов встретили окружной инспектор училищ Приамурского края В.П. Маргаритов, городской голова А.А. Рассушин. Девочек разместили в Алексеевском женском училище, мальчиков – в Николаевской мужской гимназии. На средства города и распоряжением инспектора Рындича и начальницы женского училища Черняевской были приготовлены обед и чай. В сопровождении окружного инспектора училищ Приамурского края В.П. Маргаритова, директора реального училища С.С. Проскурякова, городского головы А.А. Рассушина экскурсанты побывали в Хабаровском музее. Пояснения давал сам В.П. Маргаритов. Школьники увидели скелет кита, скелет касатки, пушки, как старинные, муравьёвские, так и современные, отбитые у китайцев в 1900 году.

4 июня генерал-губернатор Приамурья Н.И. Гродеков пригласил гостей на обед в Николаевское городское училище. Угощение было богатырским: щи с фунтовым куском мяса (фунт 453 г), полуфунтовый пирог с рисом и яйцом, рисовая каша с изюмом, чай и конфеты. Генерал-губернатор поздравил ребят с благополучным прибытием в Хабаровск, расспросил учителей о поездке, детей – о том, что они увидели в городе, пожелал всем дальнейшего счастливого пути.

Школьники побывали на хабаровском опытном поле, в корейской деревне Осиновке, прокатились по Амуру на пароходе «Атаман». Управление Уссурийской железной дороги бесплатно выделило для школьников особый вагон, и 7 июня они отправились во Владивосток. Там экскурсантов встретили члены местного туринг-

клуба и все четыре дня сопровождали их. Ребята побывали в театре, на крейсере «Россия», острове Русский, каменноугольных копях, катались на катере, купались в море. Обедали в «Центральной» гостинице за счёт членов туринг-клуба.

Местные туристы устроили морскую прогулку в бухту Сидими на острове Аскольд в имение М.И. Янковского (*предприниматель, натуралист, селекционер*). Вместе с благовещенскими школьниками и учителями на остров отправились 20 учеников владивостокского технического училища и 60 гостей туринг-клуба. Всех – с музыкантами – набралось человек 150. Янковский любезно принял гостей, предложил угощение, а потом прогулку по живописным окрестностям.

Экскурсия благовещенских школьников продолжалась ровно месяц. В Благовещенск они вернулись на пароходе «Барон Корф». На этом же пароходе прибывал в город генерал-лейтенант Н.П. Ливневич. Корпусного командира на берегу встречала военная музыка, так что вышло очень торжественно. Дети были очень довольны: много проехали, много увидели и испытали. Ещё больше они были рады, что вернулись в родные семьи.

«Ничто так не развивает и не учит юношество, как путешествие, – писал редактор «Амурской газеты» А.В. Кирхнер. – Дети в поездках наглядно знакомятся с обширной страной, в которой родились».

24 июля 1902 года «Амурская газета» напечатала отчёт благовещенского туринг-клуба об организации экскурсии.

«Приход. Из кассы Общества выдано 700 рублей, вырученных от концерта. Пожертвования: Левашев и Мамонтов муки 10 пудов – 15 рублей, сахара 1 пуд – 10 рублей, чаю 5 фунтов – 5 рублей, конфет 20 фунтов – 12 рублей; братья Буяновы муки 10 пудов – 15 рублей, ТД «В. Алексеев с С-ми» муки 10 пудов – 15 рублей; А.М. Клосс печенья 2 банки – 20 рублей. Против сметы перерасход 80 рублей (выдано из кассы Общества туристов). Итого 872 рубля 08 копеек.

Расход. Выдано руководителям экскурсии под расписку инспектора Окунцова 700 рублей. Уплачено по счетам Афонина, Ворончихина – 35 рублей 78 копеек. Покупка провизии – 15 рублей. Уплачено за 500 яиц – 8 рублей 50 копеек. За объявления о заседаниях комитета – 2 рубля. Телеграмма Маргаритову – 2 рубля 15 копеек. Выдано на дорогу сахара 1 пуд – 10 рублей, чаю 5 фунтов – 5 рублей, печенья и конфет – все. Уплачено буфетчику парохода «Барон Корф» за ужины – 50 рублей, сторожу, сопровождавшему экскурсию, – 11 рублей 65 копеек.

Благодарности: г-ну директору Амурского общества пароходства и торговли С.А. Левицкому – за бесплатный проезд; за пожертвования – В.А. Левашеву, И.И. Мамонтову, Е.И. Ворончихину и другим; командирам пароходов «Джон Коккериль» А.Н. Пискунову,

«Барон Корф» Успенскому – за любезное содействие экскурсии; буфетчикам – за скидку на обеды и ужины; всем любителям и артистам, принимавшим участие в концерте в пользу экскурсии».

В 1909 году правление благовещенского Общества туристов задумало организовать новую масштабную ученическую экскурсию. Предварительно обсуждали три маршрута: в Петербург, на золотые прииски в Зейском районе или в Японию. В ходе обсуждения решили, что в Петербург ехать долго, дорого и опасно из-за холеры в Европейской России. Поездка на золотые прииски вряд ли даст яркие и разнообразные впечатления. Путешествие в Японию из неудобств имело только морскую качку, в остальном она была предпочтительнее, так как обойдётся недорого, займёт меньше времени, не будет утомительной, даст яркие новые впечатления. В итоге обсуждения решили устроить экскурсию во Владивосток – многие дети не видели моря и железной дороги. Деньги собирали вскладчину: 1300 рублей имелось у Общества туристов, 200 рублей жертвовал А.В. Касьянов.

Ещё одна поездка во Владивосток состоялась в 1911 году. Когда готовились к ней, поставили спектакль, который дал сбора около 1000 рублей; в группу отбирали по два ученика из одноклассных, по четыре ученика из двухклассных школ; Амурское общество пароходства и торговли пошло навстречу доброму делу и согласилось бесплатно провезти экскурсантов по Амуру до Хабаровска и обратно. Отправились в путь 5 июня на пароходе «Барон Корф». 22 июня во Владивостоке экскурсию встретили с музыкой.

Эту поездку омрачила болезнь одного из учеников. «Мальчик Саяпин заболел, остался во владивостокской больнице на попечении одного из учителей, – сообщила газета «Эхо», получив сведения по телеграфу. – Остальные здоровы, шлют привет. Выехали из Владивостока обратно». Через два дня новое сообщение: «25 июня во Владивостоке умер один из экскурсантов – Саяпин. Родители, люди несостоятельные, обратились к генерал-губернатору с просьбой о перевозке тела на казенный счет. Мальчик умер от какой-то мозговой болезни»...

Несколько лет подряд члены Общества туристов организовывали пешеходные экскурсии для учеников начальных школ Благовещенска. Летом 1902 года в таком «путешествии» участвовало 850 детей. Их сопровождали 30 учителей и 20 распорядителей от Общества. В заметке, опубликованной через несколько дней после экскурсии, руководители Общества благодарили тех, кто помогал в проведении мероприятия. Это инспектор народных училищ И.К. Окунцов, директор Амурского пароходства С.А. Левицкий и директор-распорядитель «Т-ва Амурский флот» Н.А. Зиновьев, командир 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Федоровский, госпожи

Бабинцева и Самохвалова, господа Левашев, Клосс, Мамонтов, Родионов, Лукин, Бутин, Бутенко, Беляев, Брузинский, Савин, Токаревский, торговый дом «Небель и Ко», магазин Эмери и другие.

Грандиозную прогулку для школьников организовали члены туринг-клуба в 1909 году. Интересно, что два не очень симпатизировавших друг другу городских издания по-разному описали эту экскурсию.

Газета «Эхо» написало о ней так. «Прогулка хоть и не вполне прошла по намеченной программе, все-таки должна считаться очень удачной. Все собрались к 8 утра возле Ольгинской школы. Пароход «Восток», на котором планировалось дойти до утёса Сахарная голова, мог освободиться только к 1 часу дня, решили не ждать его у благовещенской пристани, а пойти до Верхне-Благовещенской пешком. Учащиеся и большая часть учащихся, разумеется, охотно согласились на это: протестантами оказались только инспектор городского училища г. Соболев и преподаватель ремесленного училища г. Никитин. Прогулка состоялась при участии всех школ.

В 9 часов школьники по школам, каждая со своим флагом, двинулись в путь под звуки духового оркестра господина Травина. Процессия из 2000 детей двинулась по Большой улице к дороге на Верхне-Благовещенскую и около лагерей 21-го полка, благодаря любезности командира этого полка, была встречена сюрпризом: навстречу ей был выслан оркестр духовой музыки в 40 с лишним человек, который проводил экскурсантов до пределов расположения полка.

Привал устроили на удобной лужайке между монументом Н.Н. Муравьёва-Амурского и Верхне-Благовещенской. Здесь организовали игры, состязания на призы, варили чай.

В 3 часа дня дети были посажены частью на пароход, частью – на крытую баржу при нём. Пароход дошел до Сахарной головы, потом обратно – до устья Зеи и вернулся к пристани, где дети, довольные проведённым днём, были отпущены по домам. Ни утонувших, ни искалеченных, ни заболевших, ни отсталых не оказалось.

На пароходе детям было роздано более 16 пудов конфет (*пуд – 16,3 кг*). Владельцы парохода «Восток» предоставили его бесплатно, взяли только стоимость дров».

Газета «Торгово-промышленный листок объявлений» разместила свой отчёт о поездке учеников. «Инспектор городского училища г. Соболев и преподаватель ремесленного училища г. Никитин назначили для прогулки Сад туристов, когда оказалось, что пароход не может прийти вовремя. Остальные нашли сад неудачным пунктом и решили вести детей в Верхне-Благовещенскую. Никитин и Соболев отказались, дети пошли без них. Таким образом, Первое народное училище, где больше 100 детей, шли с одним Карелкиным. Дорога пыльная, длинная,

дети страшно устали. В Верхне-Благовещенском подошел пароход «Восток» с баржей. Когда стали садиться, пошел дождь. Когда стали отваливать, капитан умудрился корму посадить на берег. Посидели с час на мели, затем прокатили детей до устья Зеи и высадили на почтовой пристани. Катание вышло не из важных, ибо ребят на пароходе и на барже было как сельдей в бочке. Трое упали в кочегарку. Кочегарка в темном проходе, администрация не подумала её чем-то закрыть. Главный дефект в том, что учителей было слишком мало.

Душою прогулки был Койо. Детей сопровождал оркестр туристов, а у лагерей – оркестр 21-го полка».

Фантастическая по количеству участников экскурсия прошла более-менее благополучно, скорее всего, благодаря почти армейской дисциплине, которая тогда была нормой школьной жизни.

Хроники школьных экскурсий

(по материалам газет «Амурский листок», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1908-1912 гг.)

«На пароходе «Успех» в Благовещенск прибыли ученики Томской и Красноярской волостей для обозрения достопримечательностей и ознакомления с местными заводами и мастерскими. 22 ученика посетили электростанцию, завод Шадрина, мельницы. Приютило школяров переселенческое управление и снабдило кое-какими продуктами».

«Прибывшие в Благовещенск ученики с. Александровского после осмотра города отправлены обратно на средства М.М. Бутина на пароходе «Александр» с продовольствием в буфете».

«На заседании комитета Общества туристов решено сделать ученическую экскурсию на Иннокентьевский винокуренный завод. Пешком, 17 мая. Провизию каждый берёт с собой свою, для которой будет нанята подвода. Кипяток – бесплатно. Будет приглашен оркестр военной музыки».

«7 апреля у учениц женской гимназии была прогулка на машиностроительный завод Шадрина. Гимназистки в сопровождении госпожи начальницы, классных дам, учителей и учительниц прибыли на завод в два часа. Им показали формовочное отделение, грузоподъемный кран, станки, машинное, механическое, кузнечное, котельное, модельное отделения, два строящихся, стоящих у берега Зеи, парохода и большую баржу. В 4 часа гостям предложили закуску и чай. Около 5 часов все двинулись назад по направлению к городу».

«Тарифный съезд представителей всех железных дорог России постановил для всех учащихся на всех расстояниях сделать скидку 25% для проезда на каникулы. Экскурсиям скидка 50% всюду» (1911 год).

«Не откажите посредством вашей газеты выразить искреннюю благодарность лицам, оказавшим близкое содействие экскурсии от Андреевского одноклассного народного училища, а именно: редакции газеты «Эхо», типолитографии «Благовещенск», антрепренёрам театра Общественного собрания господам Н.П. Немезидину и А.Н. Каренину, содержателям театра «Гранд-иллюзион», театра «Мираж», заведующему городским музеем, устроительнице детского праздника при Ольгинском училище и заведующему городской электростанцией. Учитель Андреевского училища Н. Мякшин».

«Интернатки местной женской гимназии во главе с начальницей М.Д. Маляровой 8 июля возвратились в Благовещенск из поездки в Николаевск. На обратном пути они делали остановку в Хабаровске».

«Выражаю благодарность всем лицам, принявшим личное участие и вообще оказавшим содействие ученикам Марковского двухклассного училища, посетившим Благовещенск на Пасхальной неделе. Экскурсанты посетили следующие учреждения и места: кафедральный собор, католический костёл, пожарную часть и каланчу на Иркутской, электрическую станцию, типографию газеты «Эхо», магазин и склады ТД «Чурин и Ко», городской музей, театр Общественного собрания, «Гранд-иллюзион», электро-театр «Мираж» (везде – бесплатно), паромную пристань и прочее. Особенная благодарность директору реального училища Рудикову за бесплатное помещение для экскурсантов, управляющему ТД «Чурин и Ко» за пожертвованные чай и конфеты, редакции «Эхо» за денежную поддержку. У детей остались очень хорошие впечатления, и они ждут не дождутся фотографических карточек как наглядной памяти этой экскурсии. С совершенным почтением Вл. Кульбицкий».

«В увеселительной прогулке школьников двадцати городских начальных школ участвовало около полутора тысяч человек. В 8 с половиной утра при звуках военного оркестра, сопровождавшего экскурсантов, дети из центра города выступили к речке Чигири. Через час ходьбы пришли на место. Здесь всем предложены были угощения и организованы различные игры с раздачей призов. Через пять часов опять под звуки оркестра дети возвратились в город и немного усталые, но вполне довольные разошлись по домам. Прогулку можно считать вполне удавшейся. Кроме 200 р., ассигнованных на прогулку обществом туристов, было немало жертвований деньгами и продуктами».

«Детскую прогулку организовала комиссия по устройству детской площадки Общества народной читальни. На прогулку было записано 103 ребёнка от 6 до 12 лет. Половина из них учится, все – грамотные. Все они – обитатели района, ограниченного Иркутской, Вознесенской, Соборной и Северной. В пять часов дети вышли из

сада при Народном доме пятью группами, каждая – при руководителе и со своим флагом. Как только пришли в рощу за семинарией, сразу был организован чай. С любезного разрешения ректора семинарии оттуда принесли чайники с кипятком и в ведре кипяченую воду для питья. Сахар, чай и лакомства были получены раньше от фирмы Чурина и от кондитерской Ефимова. После чая устроили игры, желающие занялись чтением книжек, которые тоже были принесены. В половине восьмого тронулись в обратный путь. Дети не устали и много раз выражали своё удовольствие».

Народные учителя

К началу XX века профессия учителя в России перестала быть исключительно мужской и стала массовой, так как по всей стране открывалось всё больше учебных заведений для народа, требовалось всё больше «учащих».

В начале 1909 года в городских начальных училищах Благовещенска трудилось 60 законоучителей (преподаватели Закона Божьего), учителей и учительниц, имевших специальное образование. У остальных было образование незаконченное среднее или законченное низшее. Да, в школы для народа допускались учителя не только с такими «дипломами», но даже и малограмотные, и с явными пороками. О неприглядном поведении некоторых из них рассказал в августе 1910 года на страницах газеты «Эхо» Фёдор Чудаков. Заметка называлась «На важную тему».

«Не так давно в нашей газете сообщалось об увольнении трёх сельских учителей – одного за занятие контрабандой, двух – за матерщину в классных журналах (хотя по расследовании и оказалось, что не в классных журналах, а в жалобных книгах почтовых станций). Эти факты официально подтверждены и в достоверности их нет никаких сомнений. Обнаружены эти факты совершенно случайно и, конечно, единичными их считать трудно. Но пусть даже они будут исключительными, пусть эти учителя будут единственными контрабандистами и похабниками во всей корпорации. Уже одна мысль о том, что такие лица были в числе учителей, способна навести на грустные размышления.

В нашей редакции долго хранился раритет – письмо одного сельского учителя, предлагавшего нам свои услуги в качестве «крыспандента». В этом письме были, например, следующие фразы и слова: «посылаю вам свою крыспонденцию», «периодических изданий», «спочтением». Сама «крыспанденция» пестрит такими шедеврами безграмотности, что, ей Богу, думалось: какой-то шутник писал, а не сельский учитель».

В декабре того же года Фёдор Чудаков продолжил учительскую тему в новом выступлении: «Смета Министерства народного просвещения на 1911 год исчислена в 91 миллион рублей с превышением против текущего года на 15,5 миллиона. По этой смете в 1911 году планируется открыть 19 гимназий, одну прогимназию, 9 реальных училищ, четыре учительских института, шесть учительских семинарий. Предполагается открыть одну гимназию в Кургане и одно реальное училище в Томске. К нам, как в бездонную бочку, валят уголовных ссыльных, – мы молчим. К нам ссылают безземельных крестьян, – помалкиваем. А когда мы говорим – дайте же нам хоть малую толику чего-нибудь хорошего, ну, земство, или школу, правительство в свою очередь помалкивает. Или ограничивается одними обещаниями. Амурской области необходима учительская семинария!»

Прошло два года и 14 июня 1912 года газета «Эхо» сообщила: «Открытие учительской семинарии в Благовещенске предполагается 1 июля 1913 года». Надо полагать, в этом деле была и заслуга журналиста Фёдора Чудакова.

Недостаточно высокая квалификация народных учителей беспокоила и многих из них, и городское самоуправление. Повысить квалификацию можно было на месте и на выезде. Когда в 1910 году выяснилось, что приглашение одного приезжего лектора в Благовещенск обойдётся в 750 рублей, а 150 лекций на общеобразовательных курсах в Петербурге можно прослушать всего за 10 рублей, гласные городской думы решили отправить на курсы в Москву и Петербург 17 народных учителей «для пополнения знаний путём поступления на общеобразовательные курсы». На поездку всей группы требовалось 3200 рублей. 1700 рублей выделил город. Недостающие средства появились замысловатым образом. Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, через управляющего благовещенским отделением торгового дома «Кунст и Альберс» А.М. Клосса дало городу ссуду в 50 000 рублей с условием, что 5% от вознаграждения за пользование ссудой пойдёт в пользу кредитора, а 1500 рублей – на поездку учителей.

«Амурское общество пароходства и торговли» согласилось провезти курсантов от Благовещенска до Сретенска, откуда начиналась железная дорога, и обратно «за половинную плату». Амурский депутат Государственной думы Ф.Н. Чиликин по просьбе городской думы ходатайствовал перед министром путей сообщения о предоставлении учителям льготного проезда по железным дорогам Европейской и Азиатской России.

К концу апреля группа курсантов была окончательно сформирована. Были опасения, что вернутся с учёбы не все, потому отправля-

ли их с условием, что «всяк командированный обязан после учёбы прослужить в Благовещенске не менее одного года».

5 мая на пароходе «Граф Путятин» народные учителя отправились вверх по Амуру. 23 июля (пока добрались до столиц, пока сочиняли письмо, пока оно добралось обратно...) газета «Эхо» напечатала весточку из столицы от одной из учительниц: «Разбитые дальней дорогой на первых порах мы чувствовали себя нехорошо, потом оправились. Я очень жадничаю, не могу пропустить ни одной лекции».

Вернулись курсанты (в полном составе) к началу нового учебного года.

В 1912 году благовещенские учителя вновь отправлялись на столичные курсы. Кандидатов отбирала училищная комиссия. Группу счастливчиков составили: Ю.Ф. Мицеловская (Ольгинское училище), А.И. Матвеева (Некрасовское), Целице (Пушкинское), А.С. Токарева (Суворовское), Г.А. Маслов (Иннокентьевское), А.Ф. Русинов (Гоголевское), Н.В. Бешняга (Тургеневское), А.М. Петрова (Крыловское), А.П. Подлесов (им. Наследника Цесаревича), А.А. Людевик (имени Шевченко), С.И. Никитин (Первое народное), Полонных (Баронкорфовское). Для командированных были поставлены такие условия: каждый должен предоставить отчёт о прохождении курсов, поделиться знаниями с остальными – дать несколько показательных уроков, прослужить после возвращения на городской службе не менее двух лет.

В этот раз на просьбу о льготном тарифе для учителей-курсантов контора Амурского общества пароходства и торговли ответила, что может дать скидку 50% только для едущих первым классом, для пассажиров 2-го и 3-го классов «льгот быть не может». «Такой льготный проезд вряд ли будет по карману учителям и им придётся искать более отзывчивых пароходоладельцев», – заметил журналист газеты «Эхо».

Как бы то ни было, в столицу отправились все: 27 апреля городской голова П.П. Попов «обратился телеграммой в комиссию по устройству курсов в Петербурге с просьбой зачислиться слушателями 12 учителей из Благовещенска».

В тот же год городское Общество попечения о народном образовании организовало летние курсы для народных учителей. Программу обсудили и утвердили заранее, в феврале. Составляли её, ориентируясь на потребности учителей, исходя из наличия лекторов, учитывая «злобу дня» – новые явления, например, воздухоплавание. Об-

---

¹¹19 февраля 1861 года был провозглашен Манифест об отмене крепостного права.

суждение программы летних курсов было свободным, и каждый мог внести в неё то, что считал нужным.

Доктор Б.И. Ясинский предложил включить в естественно-научный цикл «понятия о бактериологии и об оказании первой медицинской помощи как предметы, ознакомление с которыми для сельского учителя является делом первостепенной важности». Врачам – их было несколько в числе лекторов – поручили разработать детальную программу медицинских предметов и распределить их между собой. Ю.Г. Свидаерский (присяжный поверенный) взялся прочитать «историю Амура», домосковский период русской истории и этнографию Амурского края. Историю литературы готовы были преподавать М.Н. Минский (преподаватель Алексеевской женской гимназии), С.С. Знаменский (преподаватель Благовещенской мужской гимназии). Программу по законоведению разрабатывали Е.С. Левашов (помощник присяжного поверенного) и В.Я. Ротт (помощник присяжного поверенного). Первый готовил курс финансового, второй – государственного права. С лекцией о земстве (спорили, включать ли её в программу?) решили пригласить выступить депутата Государственной думы Н.Ф. Чиликина – летом он планировал быть в Благовещенске. Лекции по химии готовились читать В.И. Шимановский (инженер-технолог) и Я.П. Пушкарёв (преподаватель Алексеевской женской гимназии), по геологии (историю образования земли с геологией Амурского края) – Василевский (возможно, землемер низшего оклада Амурского переселенческого района), по ботанике, особенностям местного хозяйства и теории эволюции – В.Т. Ковалёв (войсковой агроном Амурского казачьего войска), методике русского языка и арифметики – С.Е. Матвеева. А.А. Руфин (секретарь правления благовещенского отдела «Всероссийской лиги борьбы с туберкулёзом») предложил найти лектора, который прочитает лекцию о принципах воздухоплавания, а Ф.И. Кривоногова (инспектор мелкого кредита Благовещенского отделения Госбанка) попросить рассказать курсантам о принципах мелкого кредита.

Правление Общества попечения о народном образовании поручило Г.Т. Рудикову ходатайствовать о разрешении летних учительских курсов и «узнать у инспектора училищ, нет ли у него каких-либо ассигнований на подобные предприятия». Состоялись ли эти летние курсы, установить не удалось.

Ещё несколько заметок из жизни народных учителей.

2 октября 1908 года в городскую думу Благовещенска были приглашены учащие (так тогда называли учителей) городских начальных школ. На собрании обсуждался очень важный вопрос: о приобретении «волшебного фонаря» и серии картин к нему.

Вошебный фонарь – родственник мультимедийного проектора. Тоже проекционный аппарат, только попроще. В деревянном или металлическом корпусе с отверстием и/или объективом размещён источник света (в XVII веке это была свеча или лампада, позднее – электрическая лампа), изображения, нанесенные на стеклянные пластины, проецируются через оптическую систему и отверстие в лицевой части аппарата. Были модели, в которых использовались масляные лампы, они снабжались дымоходами, как самовары. Репертуар пластинок волшебным фонарям был обширен: общеобразовательные серии, предметные уроки, исторические картины, шуточные представления.

Вопрос, который обсуждался на собрании благовещенских учителей в октябре 1908 года, был весьма серьёзен, поэтому сначала из числа учителей избрали комиссию в количестве шести человек. Комиссии поручили: первое – выбрать лучший способ выписки фонаря или даже кинематографа, второе – узнать порядок пользования тем и другим. На приобретение волшебного фонаря из городского бюджета было ассигновано 500 рублей. Купили ли фонарь? Очень может быть, но точно неизвестно.

В те времена при каждой сельской школе было предусмотрено жильё для учителя: комната – для одного, несколько комнат – для семейного. Работавшие в городе учителя, если не имели собственной недвижимости, жили на съёмных квартирах. Лето было временем отдыха, но и жалование в эти месяцы не выплачивалось. Приходилось на всём экономить.

Весной 1909 года народные учителя Благовещенска обратились в городскую управу с просьбой предоставить им бесплатно здания городских школ на летнее время для проживания, так как «сейчас квартиры дороги, а с открытием навигации вздорожают ещё сильнее». Управа ответила отказом, объяснив, что проживание учителей летом в школах невозможно, потому что, во-первых, будет ремонт, во-вторых, от жильцов, пусть даже учителей, «будет ущерб».

Учитель тургеневской школы Н.В. Бешняга «с целью познакомиться с постановкой школьного дела в Англии» собрался летом 1912 года поехать на туманный Альбион. Обратился в городскую управу с просьбой дать годичный отпуск без сохранения содержания. Училищная комиссия высказалась за то, чтобы удовлетворить просьбу и даже рекомендовала выдать пособие в 300 рублей. Но когда обсуждали прошение в думе, гласный В.П. Соколов заявил, что «хотя он и знает Бешнягу, но знает, что он не в состоянии будет за год ознакомиться с делом за границей и принести пользу городу», поэтому он против ассигнования. Большинством голосов ассигнование было отменено. Побывал ли благовещенский учитель в Англии, ещё предстоит выяснить.

Курсы для взрослых

По инициативе беспокойной городской интеллигенции в течение нескольких лет в Благовещенске действовали вечерние бесплатные курсы для взрослых. Они существовали на энтузиазме, за счёт средств от спектаклей, лекций, вечеров и небольшой ссуды от города.

Курсы были очень популярны: в ноябре 1908 года занятия посещало около 500 человек. Среди них было много совершенно неимущих, таких, кто не в состоянии был купить даже деревянную ручку для письма. Заведующий курсами Ротт обратился в думу с просьбой выделить из городских средств по одному рублю на каждого слушателя курсов. Гласный Попов высказал сомнения, что на занятия ходят «целых» 500 человек, гласный Лукин во время перерыва среди думцев собрал для курсов 100 рублей. В итоге из бюджета дали 200 рублей, на будущий год пообещали выделить 700 рублей.

В январе 1910 года неожиданно для педагогов и учеников инспектор народных училищ, который курировал и курсы для взрослых, объявил об их закрытии. «Амурский край» напечатал горестное письмо группы курсантов: «Опечалены. Раньше мы не учились, а посвящали свободное время пьянке, драке, распеванию скверных песен. Теперь многие вернулись к этому. Нам обидно и больно до слёз. Целый день работаешь, устанешь, но приходит время идти на занятия, забудешь всё и легко бежишь 8-10 кварталов. А теперь мы курсов лишены».

Группа преподавателей вечерних курсов подала инспектору народных училищ прошение о возобновлении занятий. В нём, в частности, были названы те, кто согласился быть преподавателями: Авдеев, Вишневский, Дацкова, Дубовиков, Задубровский, Костякова, Лаврентьева, Лахтионова, Матвеева, Матвеев, Масюков, Наличникова, Наличников, Никитина, Никитин, Перминов, Рожковская, Сирота, Таубер, Шешунов, Шимановский, Чернышов (преподаватели зарплаты не получали).

Через некоторое время стало известно, что прежнюю заведующую курсами Н. Громову сменил И.С. Зубакин. Он представил инспектору народных училищ расписание занятий на 1910-1911-й учебный год. В расписании: русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, история, география, литература, электротехника, механика, гигиена. Педагогического персонала 30 человек. И курсы открылись вновь. В первый же день записалось 128 слушателей.

В марте 1910 года был опубликован подробный отчёт о работе курсов за минувший учебный год. Многие ученики часто пропускали занятия (при 10-12-часовом рабочем дне это неудивительно), но алфавит прошли за 18 дней (в других школах – за два месяца), курс

правописания пройден за два месяца (в обычных школах – за зиму), программу по арифметике, которую в школах проходят за два года, на курсах прошли за 2,5 месяца. Кроме занятий по основным предметам курсантам читали лекции по природоведению, русской литературе, законоведению, анатомии и физиологии, русской истории, истории культуры, физике. Лекции начинались в девять вечера, при переполненных классах.

Чтобы узнать мнение учащихся о курсах, в конце учебного года организаторы провели анонимное анкетирование. В целом курсанты оценивали занятия удовлетворительно, недостатков не отмечали, а пожелания были такими: чтобы не насмешничали, если кто что-то не знает; чтобы были экзамены; чтобы преподаватели не опаздывали, а переключку делали на перемене – жаль на это тратить время занятий. Слушатели курсов просили расширить программу и включить в неё иностранные языки, бухгалтерию, счетоводство, черчение, политэкономия, авиацию (*инспектор народных училищ решил рассказывать «про самолёты», но лекторов не нашлось*). На вопрос: «С какой целью пришли на курсы?» – получили такие ответы: «Научиться читать и писать», «После учёбы получить лучшее место (*работы*)», «Держать экзамен на аттестат», «Стать учителем».

Финансовое положение курсов в 1909-1910 учебном году было вполне удовлетворительным. «В кассе остаток на 1 ноября 1909 года – 806 рублей 76 копеек. Приход: от Благовещенской городской управы 250 рублей. Расход: жалование сторожу – 63 рубля, учебники – 33 рубля, учебные пособия – 73 рубля 92 копейки, освещение – 76 рублей 28 копеек, хозяйственные расходы – 27 рублей 97 копеек, износ имущества – 30 рублей 61 копейка, извозчик – 16 рублей 85 копеек, канцтовары – 6 рублей, публикации объявлений – 5 рублей. Итого 332 рубля 63 копейки. Остаток на 12 января 1910 года 1065 рублей 76 копеек». Судя по отчёту, организаторы курсов были очень экономны.

В октябре 1910 года на вечерние курсы для взрослых записалось 380 человек, а помещение для занятий в Ольгинской школе вмещало только 200. Директриса школы жаловалась, что взрослых учащихся слишком много и остаётся слишком мало времени для проветривания. Организаторы курсов поставили три электрических вентилятора, добавили лампы для освещения.

Несмотря на тесноту, занятия продолжились. В конце сентября 1911 года на курсы записались 231 мужчина, 94 женщины. Тогда же организаторы провели новое анкетирование и опубликовали его результаты. Оказалось, среди желающих учиться 38% – женаты или замужем, вдов – 3, девиц – 55, неженатых мужчин – 206; 36% – в возрасте 15–20 лет, один курсант старше 70 лет; православных –

77%, сектантов – 20%. По роду занятий женщины: домохозяйки – 68, швеи – 13, прислуга – 4, акушерки – 2, кассирши – 2, приказчица, машинистка, учительница, переписчица, повариха – по 1; мужчины: служащие – 62, рабочие и мастера – 50, приказчики – 37, писцы и конторщики – 31, торговцы – 20, слесаря – 18, плотники – 14, столяры – 10, кузнецы – 4, машинисты и помощники – 7, маляры – 5, фельдшеры, чертёжники, техники, сапожники и другие ремесленники – по 3, кассиры, шорники, десятники, переплётчики, масленщики, динамщики – по 2, ветфельдшер, обойщик, бондарь, артельщик, художник, официант, почтальон, фотограф, кровельщик, лесопромышленник, кожевник, ювелир, кучер, развозчик, боцман, плавильщик золота, печник, котельщик, каменщик, ученик бухгалтера – по 1, неопределённой профессии – 9, домохозяев – 9. 70% учащихся записались впервые, один ученик ходит на занятия уже пятый год. 10 женщин и 13 мужчин были неграмотными.

К началу занятий, 10 октября, на курсах было уже 425 человек. Базовая программа занятий не изменилась, а лекции теперь читали по зоологии, геологии, политэкономии, истории философии, психологии чувств.

В феврале 1912 года занятия на бесплатных вечерних курсах временно прекратились из-за недостатка преподавателей: трое отстранены (причины не названы), девять отказались сами. «Оставшимся преподавательским силам предстоит решить вопрос, насколько окажется возможной дальнейшая работа курсов, – описывал ситуацию репортёр одной из газет. – Задача эта оказывается тем трудней, что удалённые преподаватели являлись самыми деятельными членами вечерних курсов».

...Всеобщая борьба с неграмотностью началась с установлением советской власти. Неграмотность тогда победили.

Библиотеки

Генерал Н.П. Линевиц, герой Кавказской, Русско-турецкой и Русско-японской войн, руководитель подавления Боксёрского восстания в Китае, летом 1902 года побывал в Благовещенске, в частности, посетил городскую библиотеку и заметил, что «читальный зал в Благовещенске – единственный по своим размерам и количеству периодических изданий в Восточной Сибири».

Читальный зал был частью городской библиотеки (в 1908 году у неё 200 абонентов, в фонде – 4770 томов) и пользовался популярностью: в январе 1910 года здесь побывал 1831 посетитель, в январе 1911 года – 2812, в январе 1912 года – 3191 человек.

Читательские абонементы тогда делились на три разряда. Владельцы самых дорогих абонементов (в 1909 году – 10 рублей в год или один

рубль в месяц) имели право первыми читать новые книги, журналы и газеты. За абонемент второго разряда, то есть за право читать новинки во вторую очередь, платили 6 рублей в год или 50 копеек в месяц, третий разряд «стоил» три рубля в год или 30 копеек в месяц.

Финансировалась библиотека из нескольких источников (данные за 1910 год): городской бюджет ассигновал 1173 рубля 27 копеек, членские взносы членов Общества публичной библиотеки – 826 рублей, подписная плата (не удалось выяснить, что это) – 402 рубля 50 копеек, залоговые за взятые на дом книги – 747 рублей, плата за утраченные книги – 23 рубля 70 копеек, штрафы за просроченные книги – 1 рубль 60 копеек, продажа газетной бумаги (возможно, это газеты, которые списывались из-за ветхости) – 25 рублей 30 копеек, проценты по текущему счету – 5 рублей 79 копеек. Всего 3208 рублей 16 копеек. Расходы библиотеки в том же году были такими: покупка книг – 1356 рублей 66 копеек, выписка периодических изданий – 428 рублей 60 копеек, переплёт книг – 177 рублей 80 копеек, канцелярские расходы, марки, конверты – 87 рублей 31 копейка, печатание отчёта библиотеки за 1909 год – 35 рублей, доставка выписанных книг из Москвы – 84 рубля 21 копейка, ремонт и мелкие расходы – 11 рублей 35 копеек, сторожу мальчику за шесть месяцев – 90 рублей, покупка двух лестниц 16 рублей, возвращено залогов 540 рублей. Итого 2826 рублей 93 копейки. На 1 января 1911 года на текущем счету библиотеки оставалось 583 рубля 79 копеек, у казначея Общества библиотеки – 187 рублей 18 копеек, у библиотекаря – 132 рубля 63 копейки.

На протяжении нескольких лет городская публичная библиотека размещалась в здании городской управы. К концу лета 1911 года освободилось помещение бывшего пансионата Алексеевской женской гимназии. Туда переехал музей, и должна была переехать библиотека, но что-то медлила. 11 сентября газета «Эхо» напечатала такую заметку: «Правление городской библиотеки просит новые книжные полки. Гласные городской думы говорят, что это специально, чтобы затянуть время и не переезжать. До 20 сентября библиотека должна переехать!» Переехала в новое помещение библиотека только 24 сентября, а открылась для читателей 3 октября.

Когда по разным обстоятельствам, как в случае с переездом, библиотека закрывалась на несколько дней, завидные любители чтения возмущались. «Закрытие читального зала при городской библиотеке на целую неделю по случаю Пасхальных праздников вызвало вполне справедливое неудовольствие, – пишет корреспондент газеты «Эхо» в апреле 1912 года. – Обилие свободного времени при плохой погоде вызывало большое желание зайти в читальный зал, посмот-

реть газеты и журналы. Не мешало бы на будущее время не закрывать зал на столь продолжительный срок».

В начале XX века в Благовещенске функционировало большое число общественных организаций, любительских и профессиональных объединений. Это были общества учителей, врачей, телеграфистов, печатников, речников, инженеров; кружки любителей искусств, образования, пения; филиалы всероссийских обществ поощрения коннозаводства, спасания на водах, охотников, развития Сибири и улучшения её быта, велосипедистов и других. Почти каждое такое объединение собирало собственную библиотечку. К примеру, благовещенские учителя на протяжении почти двадцати лет «выделяя известный процент своего жалования», сформировали профессиональную библиотеку имени Ф.И. Васильева – одного из организаторов образования в Амурской области.

Так было до революции. 17 июля 1918 года был подписан декрет Совета народных комиссаров «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР». С этого момента началась национализация фондов. Национализации, то есть конфискации, подлежали не только ведомственные, общественные, но и частные собрания, в которых имелось более 500 томов. Личные библиотеки разрешалось иметь только учёным, но не более 2000 томов.

Вскоре после того, как советская власть окончательно установилась на Дальнем Востоке, и здесь началось «великое собирание книг». В феврале 1924 года бывшая «учительская библиотека», как и библиотеки других обществ, кружков и союзов, была «влита в центральную библиотеку Губпрофсовета».

В феврале того же 1924 года в Благовещенске прошло собрание библиотекарей, было организовано библиотечное объединение, утверждено Губполитпросветом положение о библиотеках, затем утверждённое Главполитпросветом. «Амурская правда» опубликовала тогда строгое объявление: «Всем библиотекарям, не вошедшим в объединение, предлагается срочно зарегистрироваться у секретаря объединения т. Никова, заведующего центральной библиотекой Губполитпросвета».

Начиналась новая страница в истории амурских библиотек.

НАРОДНОЕ ЗДРАВЬЕ

*А.П. Чехов лечил мальчика – Городская больница –
Врачебный персонал – Эпидемия холеры 1902 года – Аптеки –
Больничные и аптечные хроники*

На рубеже XIX – XX веков здравоохранение было ведомственным. На территории Амурской области действовали лечебные учре-

ждения армии, Амурского казачьего войска, переселенческого управления, речников, железнодорожников, крупных золотых приисков. Ведомства лечили своих служащих и рабочих. Те, кто не имел отношения к какой-либо службе, лечились за плату в казённых лечебницах (если их туда принимали), у частнопрактикующих врачей, у народных «специалистов» вроде бродячих китайских лекарей, искали докторов среди пассажиров пароходов.

А.П. Чехов: «...Лечил мальчика»

Вот так же обратились к А.П. Чехову, который по пути на Сахалин останавливался в Благовещенске 26-27 июня 1890 года. Хотя в это время в городе уже действовало лечебно-благотворительное общество, а при нём аптека, больничка и богадельня, видимо, «попасть на приём» к проезжающему доктору было проще. Антон Павлович в письме, которое он отправил из Благовещенска, сообщал другу и издателю газеты «Новое время» А.С. Суворину: «...Вчера лечил мальчика и отказался от 6 рублей, которые маменька совала мне в руку. Жалею, что отказался». Несколькими днями раньше в местечке Рейнове, «где живут одни только золотопромышленники, – писал Антон Павлович, – некий муж пригласил меня к своей беременной жене. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачечку ассигнаций; мне стало стыдно, и я начал отказываться, уверяя, что я очень богатый человек и не нуждаюсь. Супруг пациентки стал уверять, что он тоже очень богатый человек. Кончилось тем, что я сунул ему обратно пачечку, и у меня все-таки осталось в руке 15 рублей».

Даже то, что осталось от пачечки золотопромышленника, ни в какое сравнение не идёт с вознаграждениями, которые получал Чехов в Москве и Подмосковье, где практиковал: многих лечил даром, в качестве «гонорара» ему вручали сигары, духи, перчатки, однажды – породистую свинку. По пути через Сибирь Чехов оказывал помощь всем, кто нуждался, и ни в одном письме он не упоминает о том, что ему предлагали какую-то плату (он её и не требовал). А на Амуре пациенты платили щедро и наличными.

Городская больница

Больница для гражданского населения появилась в Благовещенске в 1896 году, на западной окраине, как тогда говорили, «возле гор». Как она выглядела? Барак на 50 коек и несколько вспомогательных строений. Все больные лежали вместе – сифилитики, туберкулёзные, психические. Деление было только по полу – на мужское и женское отделения.

Финансировалась больница из нескольких источников. Первый источник – средства самоуправления: на больницу расходовалось

примерно 10% городского бюджета. В 1909 году, например, это около 110 тысяч рублей (кроме того, городское самоуправление содержало несколько амбулаторий, родильный покой, Никольскую аптеку, микроскопическую, с 1912 года – Пастеровскую станцию, выделяло средства на городской санитарный надзор).

Второй источник – платные услуги: лечение в стационаре – 1 рубль в день, приём в амбулатории – тоже 1 рубль. Вызов частного практикующего врача на дом – от 3 рублей.

Третий источник финансирования больницы – больничный сбор. Этот вид городского налога в Благовещенске был установлен в 1899 году. Облагались им «лица обоего пола, без различия звания, нанимающиеся в Благовещенске для домашнего услужения и разного рода работ и занятий как у частных лиц, так и в разных учреждениях, заведениях, на фабриках и заводах, приказчики второго класса, а также лица, занимающиеся комиссионерством, работой подённо, поштучно, сдельно, извозом, торговлей вразнос и вразвоз, каким-либо мастерством или ремеслом». В число плательщиков входили также экипажи пароходов, рейсировавших по рекам Амурского бассейна, и работавшие в Благовещенске иностранцы. Уплативший больничный сбор получал в городской управе особую квитанцию и в случае болезни «призревался и лечился бесплатно за счёт города». Если в больнице были свободные места.

По закону Российской империи бесплатно в городских больницах лечили младенцев и престарелых, а также заразных больных. Почему-то обитательницы «весёлых домов» лечились за наличные, хотя они тоже работали по найму, и их занятие было официально признанной профессией. Одна такая дама лежала в городской больнице Благовещенска полтора года. Счёт набежал огромный – больше 700 рублей! Платил за её лечение хозяин борделя. Владельцы «весёлых домов» однажды обратились в городскую думу с предложением платить по 10 рублей больничного сбора в год за каждую девицу, только пусть их лечат, как других, а не за наличные. Получили отказ.

За оплатой больничного сбора (мужчины – 2 рубля, женщины – 1 рубль в год) обязаны были следить домовладельцы, и их штрафовали, если находили жильцов без соответствующих квитанций. Вот, к примеру, в январе 1909 года были оштрафованы Куценко – за содержание квартиранта, не уплатившего больничного сбора, Д.Н. Лебедева – за неуплату больничного сбора квартирантом-китайцем, М. Уварова – за проживание 53-х китайцев без больничных билетов.

В начале 1909 года группа домовладельцев, а именно: И.И. Лесков, В.С. Бородин, В.А. Мунгалов, А. Чернышов, И. Шалфёров, А.Н. Калашников, П. Попков – подала заявление в городскую управу: «Мы отказываемся от бесплатного лечения в городской больнице

и просим избавить нас от больничного сбора». Отказ мотивировали двумя причинами. Во-первых, каждый из подписавшихся, хоть и состоял наёмным работником (в основном это были приказчики, то есть продавцы), но имел «свою недвижимую собственность, в случае болезни вполне обеспечивающую домашнее лечение». Во-вторых, заявители считали, что сбор должны платить все горожане, а не только те, которые «занимаются честным трудом».

Городская управа заявление домовладельцев не приняла, сославшись на то, что она не вправе изменить закон. Корреспондент одной из благовещенских газет справедливо заметил, что больничный сбор нужно рассматривать как взаимное страхование от распространения той или иной заразы и «надо бы распределять его на всё население поголовно».

Конечно, для тех, кто имел возможность приглашать врача на дом, условия городской больницы казались ужасными. Но вот при очередном обсуждении вопросов «народного здоровья» гласный И.Е. Молоденков, «ссылаясь на компетентность своей кухарки», сообщил, что она лечилась в горбольнице и нашла всё в порядке. Правда, это было мнение обычной пациентки больницы для бедных.

Город рос, население увеличивалось, очень скоро встал вопрос о расширении больницы: в старом бараке было так тесно, что больные «валялись на полу». Дальше – анекдот, описание которого находим в «Амурской газете».

Городская управа купила на противоположном от больницы конце города каменное здание бывшей мельницы за 30 000 рублей. Для больницы. После покупки оказалось, что приобретение невозможно «приспособить под лечебницу». Тогда больных «водворили в китайский квартал (он пустовал после военных событий 1900 года), в бывший игорный дом» (!). Помещение игорного дома было в ужасном состоянии: через несколько месяцев в нём обвалился потолок, к счастью, никого не покалечив.

Китайский квартал – территория за городской чертой на пересечении Загородной и Северной улиц, была отведена для расселения китайцев в 1892 году. Через двадцать лет к нему «прирезали» участок для «корейского квартала».

Летом 1901 года на пустыре в районе пересечения Больничной и Иркутской в торжественной обстановке заложили новый барак для городской больницы. Через год, когда строительство было окончено и пришло время праздновать новоселье, оказалось, что «больница сооружена так, что положительно никуда не годится». В новом бараке было всего две палаты – для мужчин на 20 кроватей и для женщин – на 10 кроватей. При этом, оказалось, нет кухни, помещений для служителей, квартир для служащих, прачечной, приёмной для входящих больных, операционной комнаты, кабинета для врача, по-

койницей, аптеки, бани, вентиляции и т. д. Ничего! И деньги тоже кончились. Хотя истратили больше 22 000 рублей (для сравнения – на строительство каменного хирургического отделения больницы в 1905 году ушло около 14 000 рублей).

Естественно, начали разбираться, кто виноват. Оказалось, попечительский совет городских лечебных заведений (в то время председатель совета – Г.И. Клитчоглу) ни при чём, смотритель больницы (оплачиваемая должность, годовой оклад 1500 рублей) – «лицо второстепенное и безответное», главный врач отвечает за врачебную часть, а не за постройку.

В городской управе долго спорили, перекладывая вину с больной головы на здоровую, наконец, заслушав доклад комиссии, которая осматривала новую больницу, решили, что «операционная не так неотложно нужна; в бане нет особой необходимости; кухню, аптеку и квартиру смотрителю можно устроить в сифилитическом бараке, который рядом, а всех заразных перевести в китайский квартал; прачечная необходима, для неё придётся перевезти из китайского квартала дом в разобранном виде. Когда это будет сделано, можно перевозить больных». И перевезли ведь...

Городской больницей руководил попечительский совет. В него входили гласные городской думы. Совет решал все хозяйственные дела: что покупать для больницы, чем кормить больных, кого принимать на работу и за какую зарплату, кого увольнять, что и как строить. С врачами члены попечительского совета советоваться не считали нужным. Гласные – городская власть и никто им не указ. И никто не спросит за бездарно потраченные городские деньги...

Врачебный персонал

Огромной проблемой для дальней окраины империи был кадровый вопрос: медицинских сотрудников вечно не хватало. «Попечительский совет благовещенской городской больницы, – пишет «Амурская газета» в декабре 1902 года, – никак не может решить вопрос о приглашении фельдшерицы для женского отделения и в последнем по-прежнему работает ротный фельдшер. Неужели нельзя поторопиться с этим вопросом? Ведь мы не на Алеутских островах живем!»

Городская управа искала врачебный персонал через объявления в газетах: «В амбулатории при городской больнице освобождено место врача. Условия службы: жалование 50 рублей в месяц. Приём больных при помощи фельдшера с 11 утра до 1 часа дня ежедневно»; «Имеется вакансия врача в амбулатории за речкой Бурхановкой. Жалование 600 рублей в год. Приёмные часы от 10 до 12 дня».

Приглашения для врачей размещали в столичных газетах. В 1910 году открылась вакансия городского санитарного врача. На неё отклик-

нулась только госпожа Егоровская. Члены попечительского совета благовещенских городских лечебных заведений обсудили ситуацию и решили, что «женщину-врача приглашать неудобно, а для мужчин невысокий оклад. Надо добавить еще 600 рублей и искать дальше».

По поводу психиатра Н.И. Старокотлицкого, который тоже откликнулся на одно из объявлений, члены попечительского совета были единодушны: «Предоставить ему жалование 3000 рублей в год, на путевые расходы выделить 300 рублей до Благовещенска и обратно столько же, если пробудет на городской службе не меньше трёх лет; считать его на службе со дня выезда из Саратова». В обязанности новому врачу вменялось заведование психиатрическим отделением, а также «участие в общественной деятельности больницы, ассистирование при операциях, хлороформировании и т. п.» Николай Иванович проработал в благовещенской горбольнице больше десяти лет.

В первое десятилетие XX века в городской больнице за год пролечивалось больше 2000 человек. Врачей работало четверо: главный, два ординатора и заведующий психиатрическим отделением.

Что предлагал город приглашенным врачам? Хорошую зарплату. Главный врач получал 300, ординаторы по 120, зав. психиатрическим отделением – 250 рублей в месяц.

Город предлагал врачам раз в пять лет полугодовые оплачиваемые отпуска. Каждый распоряжался отпуском по своему усмотрению: лечились, учились, путешествовали. В 1910 году врач-ординатор больницы А.К. Перлин, выпускник Московского университета, во время такого отпуска посетил ведущие клиники Москвы, Петербурга, Берлина, Цюриха. Там он научился «с помощью микроскопа находить бледную спирохету» – только что открытого возбудителя сифилиса, освоил новый метод лечения этой болезни, а также новые методы лечения тифа и чахотки, научился пользоваться рентгеновским аппаратом (в 1911 году такой аппарат купили для городской больницы). Вернувшись из отпуска, Адольф Карлович сразу же стал применять новые знания в больнице.

Город обеспечивал врачам жильё с освещением и отоплением. Квартира главного врача находилась при больнице. Обставлена (за счёт города) не хуже, чем у городского головы. Но были некоторые неудобства. Заметка из газеты «Эхо»: «Главный врач больницы обратился в попечительский совет с просьбой возвести между его квартирой и венерическим отделением высокий забор, чтобы оградить его детей от нецензурных речей больных этого отделения, слышимых в его квартире. Попечительский совет решил посмотреть на месте, что можно сделать в этом направлении».

Главный врач больницы – это В.Л. Борман, выпускник Казанского университета. Хирург. Стажировался в клиниках Швейцарии, Германии и Франции. Уже работая в благовещенской городской больнице, 20 октября 1910 впервые в мире провел костно-пластическую операцию при переломе нижней конечности.

Сохранился отчёт доктора Бормана за 1911 год. В течение этого года Владимир Леонидович провел 250 операций. В их числе разные ампутации, трепанации черепа, удаление зубов, пластические операции, пункции спинного мозга и т. д.

Приведу два интересных случая из этого отчёта. «Крестьянка, около 30 лет. На голове пять широких ран, видимо, нанесённых топором. Полубессознательное состояние. Под хлороформ-морфий наркозом извлечено несколько крупных осколков, вскрыта твёрдая оболочка мозга». Женщина месяц провела в больнице. Выписана при полном психическом и телесном благополучии. Владимир Леонидович видел пациентку через полгода, она чувствовала себя прекрасно.

Второй случай: удаление спинномозговой грыжи размером с кулак взрослого мужчины. Операция под хлороформом длилась 20 минут. Пациентка провела в больнице две недели и выписана здоровой. Пациентка – девочка одного месяца от роду.

Эти операции Владимир Леонидович проводил в новом хирургическом корпусе. Два деревянных барака этого корпуса построили на деньги города, каменный корпус с хирургической комнатой построил и оборудовал на свои деньги Г.П. Ларин. В 1907 году Глеб Петрович профинансировал строительство каменного корпуса для психиатрического отделения больницы.

С 1911 года психиатрическим отделением городской больницы руководил Н.И. Старокотлицкий. Он окончил университет в Германии. Работая в Благовещенске, изучил 150 историй болезни своих пациентов и первым в России описал болезнь «геморрагическая лихорадка с почечным синдромом». Николай Иванович – реформатор психиатрической службы в Приамурье: при нём сняли решетки с окон, организовали библиотеку, увеличили число коек, расширили штат отделения. В лечении душевнобольных стали использовать новаторские для того времени методы: трудотерапия, ванны, гипноз и... развлечения.

Вступив в должность, Николай Иванович сразу же обратился к общественности: «Больным психиатрического отделения нужны положительные эмоции. Помогите!» Откликнулись удивительно активно. Художественной самодеятельности в городе было предостаточно и в течение всего 1912 года в отделении проводили по несколько увеселительных вечеров в месяц! В программе каждого вечера – небольшой спектакль, выступления певцов и музыкантов, духовых

и струнных оркестров. После гостей больные сами выходили на «эстраду»: пели, читали свои стихи, в финале, как правило, – общая пляска под балалайки. Увеселения затягивались до 11 часов вечера!

Доктор Старокотлицкий был репрессирован в 1939 году.

Доктор Борман дожил до 1937 года. Был ли репрессирован? Неизвестно.

Судьба доктора Перлина после 1916 года тоже неизвестна.

Эпидемия холеры 1902 года

Большой напастью того времени были инфекционные заболевания. Брюшной тиф, скарлатина, дифтерит, сыпной тиф, корь, круп, оспа «господствуют в Амурской области поочередно, или все вместе», – писал очевидец. Благовещенск в силу своего географического положения, значительного скопления людей, отсутствия водопровода и канализации был рассадником заразных заболеваний и почти каждый год переживал какие-нибудь эпидемии. Серьёзным испытанием для медицинского персонала Приамурья стала эпидемия холеры 1902 года. Она продолжалась с 1 июля по 5 октября.

В Маньчжурии холера появилась ещё весной того года. В начале июня она добралась до границы с Российской империей. В Благовещенске готовились встречать незваную гостью.

8 июня поступила телеграмма Приамурского генерал-губернатора: «С минувшего мая в некоторых китайских портах появилась холера. Инкоу заболело 246, умерло 135, Тяньцзине поступило госпиталь 186, умерло 138, Шанхае умерло 22 европейца от холеры и более 200 китайцев – от поноса. Распоряжением министра внутренних дел Инкоу, Тяньцзин, Чифу объявлены неблагополучными по холере. Благоволите обсудить, какие меры надлежит принять ввиду эпидемии».

Опасность была велика. Быстрому распространению эпидемии способствовал... прогресс: ещё не построенная полностью Южно-Маньчжурская железная дорога (Харбин – Порт-Артур, 1022 км) уже перевозила тысячи пассажиров. Кроме того, по сведениям, которыми располагало руководство края, в июне-июле из Цицикара на север должно было выйти около 15 000 – целая армия! – маньчжур для заселения правого берега Амура.

12 июня в канцелярии военного губернатора Амурской области прошло заседание Амурского областного комитета общественного здоровья. Через три дня начала действовать Амурская областная санитарно-исполнительная комиссия. Первое её решение: считать всех городских врачей состоящими на городской службе в течение всего холерного времени и назначить жалование 300 рублей в месяц (столько обычно получал только главный врач городской больницы),

причем 150 рублей должна была выплачивать областная комиссия, а ещё 150 – городское самоуправление. Присутствовавший на заседании городской голова А.В. Кириллов заявил на это своё согласие. Через два месяца, 14 августа 1902 года (холера уже пошла на спад), когда на очередном заседании думы обсуждался вопрос «об удовлетворении всех городских врачей содержанием за участие в противо-холерных трудах и за лечение холерных больных», выяснилось, что городской голова не доложил думе о том, что городское самоуправление обязано платить врачам по 150 рублей. То ли забыл, то ли ожидал каких-то дополнительных сведений. Как бы то ни было, гор-дума до самого заседания 14 августа официально не была извещена о постановлении комиссии, «приглашающем всех врачей города на службу по такой возвышенной цене и что притом половина их содержания отнесена на городской счёт». А денег в городской казне к тому времени оставалось только 600 рублей. После долгих препираний гласные пришли к выводу, что «город, как не протестовавший против постановления областной комиссии и тем самым как бы молчаливо согласившийся платить врачам по 150 рублей в месяц, должен уплатить всё, что причитается». Чтобы изыскать необходимые средства, решили «закладывать по мере необходимости имеющиеся у города процентные бумаги, что даст 15 000 рублей»...

22 июня холера оказалась совсем рядом с Благовещенском. В тот день по городу разнесся слух, что снизу идёт пароход «Александр Невский», на котором имеются холерные больные. Пароход остановили недалеко от китайского города Айгуна (в 30 км ниже по течению от Благовещенска). Сразу же навстречу пароходу отправились врачебный инспектор Александрович и доктор Таубер. Они осмотрели больного, поставили диагноз: «холера». Больного сняли с парохода, поместили в специально устроенной палатке на берегу Амура, приставили к нему фельдшера, снабдили всем необходимым для лечения. Остальных пассажиров высадили на берег и заключили под пятидневный карантин, на пароходе провели дезинфекцию.

В тот же день больной умер. Вскрытие и «микроскопическое исследование выделений» (провёл провизор врачебного управления) подтвердили «присутствие холерных бактерий».

Амурская санитарно-исполнительная комиссия постановила, что все приходящие с Сунгари (на этой реке стоит город Харбин) пароходы и суда должны останавливаться на указанном месте близ Айгуна, подвергаться подробному медосмотру и полной дезинфекции. По распоряжению врача (в Айгун из Благовещенска был командирован доктор Паскевич), они могут быть подвергнуты пятидневному карантину, как это сделано в отношении парохода «Александр Невский».

В тот же день, 22 июня, состоялось экстренное заседание городской думы. Хотя оно было чрезвычайным, но проходило как-то благодушно. Городской голова доложил, что в Харбине уже три смертельных случая от холеры, опасность занесения заразы в Благовещенск реальна, необходимо принять срочные меры. Выслушав сообщение, одни гласные усомнились: может быть, никакой холеры нет, пьяных подняли на улице и приняли за холерных? Другие гласные, ссылаясь на частные письма из Харбина, подтвердили – холера там свирепствует.

Стали решать, создавать ли городскую санитарно-исполнительную комиссию («область» просила об этом еще 12 июня) или просто отправить в областную комиссию своих представителей? Гласный Г.И. Клитчоглу заявил, что нужна своя, независимая комиссия, которая находилась бы под контролем думы и объединила бы ничего не делающих теперь санитарных попечителей. «Долго ещё дебатировали гласные, постоянно отвлекаясь от главного предмета, лишь энергичные звонки головы направляли прения на главный вопрос», – сообщал корреспондент «Амурской газеты». Наконец, приняли решение: избрать санитарно-исполнительную комиссию: председатель Г.И. Клитчоглу, члены Ф.Н. Саломатов, М.И. Хворов, Е.С. Косицын, И.Я. Матвеевко, В.П. Ефимов, секретарь П.Т. Парсницкий (в комиссии ни одного врача); утвердить смету, составленную врачебным управлением; для снабжения антисептическими и дезинфекционными медикаментами населения в случае появления холеры, выписать или купить то, что нужно для этой цели; приспособить под больницу переселенческие бараки (если появятся холера, переселенческое движение будет приостановлено, бараки будут пусты); к двум действующим нанять ещё шесть конных санитарных надзирателей (их обязанности – надзирать за санитарным состоянием во вверенных районах, доносить о нарушениях санитарных правил, предупреждать свалку нечистот в неуказанных местах); произвести очистку окрестностей и самого города от нечистот на городские средства; вновь поднять вопрос об устройстве городского ассенизационного обоза; организовать в свободном помещении «соколовской» мельницы (той, что неудачно купили для городской больницы) больницу на 50 кроватей с постельным бельем и принадлежностями на 50 человек (при необходимости увеличить вместимость до 100 и более коек).

Спустя семь дней холерная больница в бывшей мельнице (два отделения – мужское и женское; каждое разделено ещё на три части – для выздоравливающих, средних, тяжёлых и умирающих) была готова принять пациентов. Редактор «Амурской газеты» А.В. Кирхнер был в числе первых посетителей и оставил описание больницы. «В палатах просторно, светло, кроме кроватей и столиков ничего

нет. Полы моются несколько раз в день, везде тщательно дезинфицируется. Во дворе больницы в отдельном здании помещается кухня. В другом, специально построенном в течение четырёх дней бараке устроены комнаты для врачей, фельдшерицы, смотрителя, кладовая. Во дворе разбито несколько палаток, в которых помещаются служители. Здесь же, во дворе, устроена сложенная в один день большая печь с котлом для дезинфекции белья больных. Бельё складывается в пустую бочку, у которой в одном дне проверчено много отверстий. Бочка ставится поверх котла с кипящей водой. Пар проникает в бочку. Эта паровая баня, по выражению одного из дезинфекторов «пекло», продолжается полтора часа.

Когда мы посетили больницу, во дворе шла энергичная деятельность. Строили дополнительные ящики для помоев, клозеты, копали ямы, делали носилки для больных. В стороне от «пекла» была сложена куча кирпичей для кладки второй печи. Она необходима потому, что заготавливаемого кипятку не хватает – приходится перестирывать массу больничного белья. Под навесом стоят запасные кровати. Поперёк двора протянуты верёвки и на них сушится вымытое больничное бельё. При выходе из палаты холерных больных служитель подал таз с раствором сулемы и попросил опустить в раствор подошвы обуви».

...Первый больной холерой – не приехавший откуда-то, а местный, благовещенский – был выявлен 5 июля. «На Станичной улице, в доме портного Попкова, в квартире портного же Горшкова обнаружен больной с признаками холерного заболевания», – писал корреспондент «Амурской газеты».

6 июля в квартиру больного явилась особая комиссия: инспектор Александрович, врачи Чердынцев, Бенедиктович, Павлов, Образцов, Прищепенко, Бочкарева, приставы Левин и Слупский. С ними был и репортёр «Амурской газеты»: «Сделав подробное исследование больного, комиссия единогласно постановила признать обнаруженный случай подозрительным по холере, что подтверждают многочисленные признаки и симптомы. Окончательно вопрос о холере будет установлен бактериологическим исследованием, а пока решено учредить за больным строгий медицинский надзор и лечение. Лиц, приходивших в близкое соприкосновение с больным, отправить в холерную больницу. Весь двор и всех без исключения его жителей велено подвергнуть пятидневному карантину для чего и учреждается постоянный пост из двух городских. Необходимые поручения по закупке и доставке провизии, лекарств и прочего в изолированный двор Попкова будут исполняться одним из городских. Ни одна вещь не может быть вынесена из этого двора, не будучи подвергнута дезинфекции».

В срочном порядке врачебная инспекция составила «стенные таблицы» с первоначальными сведениями о холере, чтобы отпечатать

и расклеить их по городу, разнести по всем дворам, разослать по крестьянским и казачьим селениям области. Составленные врачебным управлением наставления планировалось прочитать во всех сельских школах. Комитет народных чтений составил план проведения «общедоступных чтений о холере» в Благовещенске. Почтовое ведомство сообщило, что почта и корреспонденция из Маньчжурии дезинфицируется «посредством формалина» в Благовещенской почтово-телеграфной конторе, а потому доставляться адресатам будет на второй день. Переселенческое управление приостановило движение переселенцев по Амуру (возобновилось оно только в конце августа; за два месяца «простоя» в Сретенске, Чите, Иркутске и по линии железной дороги скопилась масса сильно бедствующих переселенцев).

Первые заболевания холерой в Благовещенске были единичными, о заболевших сообщали поименно: «В субботу 6 июля в доме Камынина, на углу Большой и Садовой, заболел извозчик Фёдор Ушков. Прибывшей комиссией врачей констатирована была болезнь со всеми признаками холеры. Тотчас были приняты меры, аналогичные первому случаю: устроен полицейский пост и подвергнуты карантину все обитатели дома. В ту же ночь Ушков умер. Установлено было, что за несколько времени перед заболеванием он был в квартире Горшкова.

Оставшиеся после извозчика вещи отвезены были к Ваулину (*содержатель службы по уничтожению павших животных*) для сожжения, причём рабочие, которым поручено было их сжечь, пытались кое-что утаить в свою пользу: отобрали одежду поценнее и бросили её в кусты. Но их проделка была замечена и вещи сожжены полностью».

7 июля состоялось первое общее собрание санитарных попечителей Благовещенска. Эти попечители (по одному-два на каждый городской квартал) были избраны городской думой год тому назад, чтобы надзирать за чистотой на своих участках. Но никто их деятельность не направлял, не контролировал, за немногим исключением, они почти ничего не делали. «Избрание санитарных попечителей может быть рассматриваемо лишь как желание думы свалить на обывателей лежащие на ней функции, – негодовал самый популярный в городе журналист А.В. Кирхнер. – Успокоившись избранием попечителей, думцы заснули мирным сном. И вот, когда явилась холера, и дума, встревоженная появлением страшной гостьи, стала изыскивать меры для очистки города от скопившейся за долгое время грязи и для ознакомления населения с приёмами дезинфекции, тогда снова вспомнили о существовании санитарных попечителей».

Попечителей была целая армия – около 180 человек. На собрание явилось около шестидесяти. Потолковали обо всём частным об-

разом, то есть без секретаря, протокола, конкретных решений, разобрали наставления по борьбе с холерой, чтобы раздать в каждый дом, взяли бланки для сбора сведений о числе жителей в каждом дворе, количестве выгребных ям, клозетов, стоимости уборки и т. д.

«Проще было бы разослать попечителям наставления и бланки, а не созывать их на безалаберное заседание, чтобы понапрасну тратить драгоценное время, – справедливо замечает Кирхнер. – Хорошо ещё, что холера у нас благовоспитанная и ведёт себя очень скромно, а то, пожалуй, нам бы несдобровать».

Всерьёз эпидемия заявила о себе 9 июля. Выявили сразу пять заболевших: на Иркутской, в доме Зорина, на Станичной и рядом со двором Попкова, где умер от холеры Горшков. Военный губернатор Амурской области генерал-майор Д.В. Путята лично объехал все дома, в которых были обнаружены заболевания с признаками холеры. 10 июля – три новых случая холеры в западной части города; в «сколовской» больнице лежат уже трое больных.

На экстренном заседании городской думы городской голова доложил, что ввиду растущего числа заболевших необходимо пригласить ещё одного врача, четырёх санитаров (им платили по 100 рублей в месяц), двух фельдшеров (по 125 рублей в месяц), смотрителя (150 рублей), кухарку и т. д., что у беднейшего населения средств на очистку выгребных ям и уборных нет, а город сильно загрязнён. Когда кто-то из гласных сказал, что очисткой должна заниматься городская санитарно-исполнительная комиссия, её председатель, Клитчоглу, возмутился: «Нам что, самим чистить дворы?» На что городской голова Прищепенко возразил: «Вовсе нет. Во время эпидемий губернатору предоставляется право карать нарушителей правил штрафом или заключением. Надо составлять протоколы на нарушителей и направлять непосредственно генерал-губернатору».

Не обошлось без демагогии, но всё же большинством голосов решили: производить очистку помещений беднейшего населения за счёт города; увеличить число членов городской санитарно-исполнительной комиссии (по просьбе её председателя Клитчоглу) до десяти человек; увеличить на холерное время штат полиции на 25 человек; закупить 10 000 пудов негашеной извести по 29 копеек пуд для продажи населению по заготовительной стоимости. Позже выяснилось, что не все зараженные дома дезинфицируются. Причины? «По бедности, по невежеству» и потому, что «некого послать за известью». На заседании областной медицинской комиссии постановили приобрести ещё 500 пудов извести и через санитарный обоз снабжать ею бесплатно все зараженные дома.

17 июля 1902 года было подписано «Обязательное постановление военного губернатора Амурской области». Это было настоящее

руководство к действию, его опубликовала «Амурская газета»: «В виду появления в Благовещенске холерных заболеваний и для предупреждения распространения по области эпидемии, предписываю, в дополнение к ранее изданным мною распоряжениям, к неуклонному исполнению нижеследующее...» Далее – двенадцать пунктов о том, что нужно очистить дома, дворы, особенно – отхожие места, навозные и мусорные ямы, благоустроить отхожие места; не пускать в продажу всякого рода испорченные или недоброкачественные съестные припасы; при появлении больных холерой сообщать в полицию; содействовать санитарно-исполнительной комиссии и так далее. Виновным в нарушении настоящего обязательного постановления грозило денежное взыскание до 500 рублей или арест до трёх месяцев.

Очень важно было наладить в городе питьевой режим. От имени санитарной комиссии врачебное управление обратилось через полицию к владельцам магазинов, лавок, фабрик, заводов, мастерских, контор, трактиров, кабаков и прочих заведений с просьбой иметь у себя постоянно бачки с кипяченой водой: вода должна ежедневно меняться, при каждой бачке должна находиться отдельная кружка, и чтобы пользоваться водою могли не только рабочие, служащие и посетители названных учреждений, но и всякий, кто пожелает.

По распоряжению водного управления все судовладельцы были обязаны выставлять в местах остановки и выгрузки судов и на пристанях прокипяченную и охлажденную воду для питья пассажиров и команд.

Городская управа заказала два больших самовара для кипячения воды и бочки (истратили 500 рублей) «для постоянного нахождения их на базарных площадях». Некоторые крупные фирмы пожертвовали красного вина, чтобы добавлять его в небольшом количестве в кипячённую воду.

На городском молу открыли общедоступную бесплатную чайную. Посетители чайной – береговые рабочие, ломовые и легковые извозчики, торговцы, переселенцы и т. п., привыкшие утолять жажду прямо из Амура сырой, зачастую грязной водой. А в чайной каждому отпускали кипяток, заварку и кусок сахара. В первый день было израсходовано больше 30, во второй – больше 40 вёдер кипятка.

По распоряжению полицмейстера Благовещенска установили обязательные ночные дежурства для легковых извозчиков при городском полицейском управлении, при полицейских участках и городской управе (по два извозчика в каждом): «Всякий, кому ночью случится экстренная надобность ехать по холерным делам, может пользоваться извозчиком за плату по таксе».

За счёт города купили лошадей для трёх специальных фургонов, чтобы перевозить холерных больных; лодку, имевшуюся при полиции, передали содержателю зейского перевоза, обязав его транспортировать больных с левого берега Зеи. При лечебнице благовещенского комитета Российского общества Красного Креста открыли курсы для женщин по уходу за холерными больными. Занятия вёл заведующий больницей врач В.П. Павлов. «Лица, успешно прослушавшие курсы и приобретшие достаточные познания, могут быть назначаемы по желанию на платные должности во время эпидемии», – сообщила пресса.

Четырёх сестёр милосердия, самоотверженно трудившихся в холерном бараке и местном лазарете, Благовещенское городское самоуправление наградило золотыми часами с именной надписью. Но это было позже.

14 июля в «соколовской» холерной больнице лежало уже шесть больных, из них четверо – тяжёлые. Ну, а горожане, которых пока ещё холера не коснулась всерьёз, развлекались. Некто Глинский купил чёрный просмоленный гроб, весь день ездил с ним в пролётке по городу, потом поставил его у себя в квартире. Вокруг дома, где жил Глинский, собралась толпа, вызвали полицию, требовали объяснений. Глинский сказал, что гроб он купил на случай холеры – себе или знакомым пригодится. Обыватели успокоились и разошлись.

Народные чтения о холере пользовались меньшей популярностью, чем выходка Глинского. Лекции читал в здании Ольгинской школы доктор Д.М. Файнберг. Даниил Моисеевич рассказывал о происхождении холеры, о её причинах, способах распространения, признаках, лёгких и тяжёлых случаях, лечении и т. д. Не то чтобы всё это было неинтересно, но слишком умно, то есть непонятно. Многим вообще борьба с холерой – дезинфекция, обсервация, сожжение вещей заболевших, строгости при похоронах, другие принимаемые меры – представлялась вреднее, чем сама болезнь. Оно и понятно: налаженный ход жизни нарушался резко, кардинально, без видимых причин и с плачевными последствиями.

А заболевших становилось всё больше. С 13 по 15 июля заболело 13 человек, 16 июля – ещё 13 заболело, 5 умерло. 19 июля заболело 14, умерло 9, в больнице лежало уже 40 человек. Уровень смертности – 67,7%.

20 июля город праздновал вторую годовщину взятия Сахалина и освобождения Благовещенска от осады. На Чуринской площади состоялся молебен, собравший массу горожан. По окончании молебна народ разошелся по питейным домам, «где и обсуждалась горячо злоба дня – холера».

В этот день заболело 26 человек, умерло 13. Санитары трудились в поте лица. Они свозили со всего города больных – в холерную больницу (в районе духовной семинарии), умерших – на Вознесенское кладбище на другом конце города. Сновали туда и сюда в основном по Иркутской улице, на которой было особенно много «питейных заведений, посещаемых простонародьем».

Пьяные толпы, возбужденные спиртным, разговорами о холере и видом холерных повозок к пяти часам вечера стали от кабаков направляться к холерной больнице. Неизвестно откуда распространились слухи, будто санитары увозят в больницу пьяных, больных отравляют, а хоронят вообще живых. Точно такие же невероятные слухи возбуждали толпы во время холеры в 1892 году на Волге, а в 1902 году в Благовещенске было немало пришельцев из тех мест, очевидцев той холеры.

Ближе к вечеру то здесь, то там с криками «Зачем везёте в больницу пьяных, зачем хороните живых!» возбужденные толпы стали нападать на проезжавших санитаров, угрожая расправой и им, и докторам. В одном случае санитарам пришлось бросить больного на улице и укрыться в полицейском участке.

Около холерной больницы стала собираться внушительная толпа народа. Грозили разнести больницу, а персонал перебить. По телефону сообщили господину полицмейстеру, тот донёс о случившемся вице-губернатору С.Н. Таскину (губернатор был в отъезде), который немедленно прибыл на место происшествия. Ему удалось быстро успокоить толпу, уговорить всех разойтись. Таскин тут же приказал закрыть питейные заведения в наиболее людных местах, к санитарным подводам с холерными больными приставить полицейскую охрану. Это было примерно в 6 часов вечера. В районе холерной больницы обстановка нормализовалась.

Около семи вечера новая толпа стала собираться возле кабака на Казачьей улице. Когда санитары в сопровождении полицейской охраны провозили мимо кабака очередного холерного больного, мужчина с криком «Зачем везёте живого хоронить! Отдайте моего брата!» бросился к повозке. В руках у него был нож. Городовому Суворову удалось обезоружить нападавшего. Вместе с унтер-офицером 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Колесовым они хотели задержать буяна (как позже оказалось, это был крестьянин по фамилии Зубов), но толпа вступилась за него и криками, толчками и угрозами оттеснила арестованного было Зубова и даже принудила вернуть ему нож.

Воодушевлённые «победой», настроенные очень воинственно защитники Зубова направились к больнице. А там уже собралась толпа почти в 400 человек. Кричали всё то же – про отравление здоровых, про похороны живых; требовали не ставить сторожей около

больных, не хоронить умерших в просмоленных гробах (это делали по распоряжению врачебного управления).

Полицмейстер, пристав Слупский и старший городской Москалёв (остальные городские занимали в разных частях города карантинные посты около заражённых холерой домов), конечно, ничего не смогли бы сделать с толпой. Тогда С.Н. Таскин обратился к командиру 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка с просьбой назначить на ночь усиленные патрули. Они прибыли к больнице около 11 часов ночи. При появлении военных толпа разом протрезвела, разошлась и всё успокоилось.

21 июля недалеко от больницы, в Семинарской роще, расположилась лагерь рота солдат (по приказу коменданта города), в помощь полиции назначили 20 конных артиллеристов. А чтобы рассеять предубеждение населения против врачей, разрешили в определенные часы родственникам посещать больных в холерной больнице, конечно, при соблюдении санитарных предосторожностей. В тот же день распоряжением вице-губернатора были закрыты все питейные заведения (открыли их только 12 августа). Эти меры успокоили население окончательно, и дальнейшего повторения беспорядков не было.

Как уверяли очевидцы, благовещенские события по своим мотивам были такими же, как беспорядки, бывшие во время холерной эпидемии в 1892 году в Европейской России. Напоминанием о ней стала «Баклановская холерная микстура».¹² Благовещенские обыватели слышали об этом чудодейственном средстве, искали рецепт, нашли и «распубликовали» его в «Амурской газете». Микстура убийственная по составу и эффекту: «Следует настоять хорошенько в 228 частях 38-градусного винного спирта 4 части разведённой азотной кислоты, 96 частей винного уксуса, 4 части французского скипидара, 2 части хлористого аммония, 2 части чёрного перца, 1 часть камфоры. Процедив настоенную жидкость, следует пить её по одной рюмке при схватках».

23 июля в Благовещенске заболело холерой 27, умерло 17, выздоровело 8, оставалось в больнице 36 человек.

На кирпичном заводе Мордина произошло сразу три случая молниеносной холеры! Работники были совершенно здоровы. Вскоре после выхода на работу один за другим они почувствовали себя дурно. Один из захворавших умер через пять минут после этого, другие два – через полчаса. Завод оцепили кордоном. П.В. Мордин – один из самых богатых жителей Благовещенска – под впечатлением от произошедшего передал в распоряжение военного губернатора Амурской области 3000 рублей на борьбу с холерой (о других подоб-

ных денежных взносах неизвестно). Из средств, пожертвованных Мординым, позже стали по 50 рублей в месяц выделять помощнику полицмейстера Попова на разъезды; на 45 рублей закупили 10 дождевиков для постовых, «окарауливающих» китайский квартал; 600 рублей истратили на работу двух бесплатных чайных; подрядчику Ваулину заплатили 15 рублей за гроб для погребения умершего на левом берегу Зеи; 392 рубля выделили на улучшение довольствия нижним чинами 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, расположившимся в Благовещенске «для предупреждения могущих быть народных беспорядков».

«Часть Вознесенской улицы между Садовой и Благовещенской представляет из себя настоящий холерный квартал, – вела страшную хронику «Амурская газета». – Во всех дворах подряд, по обеим сторонам улицы, обнаружены холерные больные, а в одном дворе умерли все обыватели. Эта часть улицы вместе с прилегающими дворами и садом представляет собой одно сплошное болото стоячей гниющей воды, являющейся для бацилл холеры прекрасной почвой. Городская санитарная комиссия, вероятно, обратит на это внимание и осушит болото».

4 августа была обнародована статистика холеры: в июле заболело 300, умерло 205, выздоровело – 72 человека; 130 скончались в больнице, 75 – в квартирах. С 26 июля эпидемия стала заметно ослабевать. В больнице оставалось ещё около 30 человек, но в начале августа фиксировалось уже по два-три заболевших и умерших в день, к концу месяца отмечали уже только выздоровления – заболевания и смерти прекратились.

Приамурье и Маньчжурия, в которой тогда находилась российская Квантунская область, – края от столиц удалённые. Но не забытые. В разгар эпидемии в Благовещенске побывали (один за другим) военный инспектор врачебно-медицинской части тайный советник Шевелёв, инспектор медицинской части при министерстве путей сообщения лейб-медик, тайный советник Головин. Каждый инспектировал постановку медицинского дела в своих ведомствах (военном и путей сообщения), а также меры, принимаемые против холеры. Оба подробно осматривали лазареты, амбулатории, больницы, в том числе холерную.

Общими усилиями холеру победили. Но жертвами её стали не только умершие. «Холера вырывает жертвы главным образом из среды слабых и истощённых плохими условиями жизни, тяжелой работой, болезнями, вообще главным образом из среды бедноты, живущей в грязи, сырости, плохо питающейся и ещё растрачивающей своё здоровье питьём водки, – написал Кирхнер 26 июля. – После смерти отцов остаётся много вдов и детей, не имеющих никаких

средств к существованию, которые легко могут стать новыми жертвами холеры. Забота об оставшихся сиротах и помощь им является одной из наиболее реальных и действенных мер в борьбе с распространением холеры, мер, обеспечивающих общественную безопасность. Как можно скорее необходимо организовать помощь на манер того, как было сделано относительно вдов и сирот павших воинов в 1900 году, защищавших город и край от вторжения китайцев».

«Амурская газета» предложила собирать пожертвования в пользу сирот в своей редакции. В тот же день пристав Левин и владелец малороссийской пекарни Мирошин собрали среди знакомых 22 рубля 70 копеек.

В субботу, 27 июля, по приглашению исполняющего должность военного губернатора Амурской области С.Н. Таскина в канцелярии губернатора собрались представители администрации, городского самоуправления, торговых фирм, врачей, банков, печати, обывателей города. Был избран временный комитет по оказанию помощи сиротам холерных. На почин делу была предложена подписка присутствующих, которая дала 2143 рубля, переданные тут же избранному казначею С.С. Шадрину.

В самый день образования комитета пожертвования внесли: С.Н. Таскин –15, П.В. Мордин и «Алексеев с С-ми» – по 500, С.С. Шадрин – 400, И.В. Ельцов, В.А. Левашев, «Чурин и Ко», «Кунст и Альберс», Русско-китайский банк – по 200, А.М. Огородникова, Товарищество амурского пароходства – по 100, С.О. Хлусевич, Ф.А. Шливе, А.М. Клосс, К.К. Александрович, А.А. Березовский – по 50, А.В. Кириллов – 15, О.И. Коноплёв, А.В. Кирхнер, К.К. Пасынков – по 10, В.Н. Тузлуков – 5 рублей, К.В. Стецевич – 3 рубля. Много пожертвований было передано в редакции разных газет от частных лиц. Через два дня в распоряжении комитета было 3000 рублей. Буфетчик Прикащиков устроил бал-базар и гуляние в общественном саду в пользу сирот. Вырученные 267 рублей 33 копейки передал в фонд помощи.

В течение нескольких дней комитет нанял большой просторный светлый дом Жижерина на углу Иркутской и Кузнецкой улиц. Его основательно вымыли и вычистили, здесь устроили ясли-приют для малолетних сирот. Были поставлены несколько кроватей и кое-какая мебель, куплены посуда и ванна для купания детей, нанята старушка-няня, знающая уход за грудными и маленькими детьми. Туда поместили сначала трёх детей, которые жили у пристава Левина, приютившего у себя нескольких круглых сирот, оставшихся после «холерно умерших».

Позже в яслях нашли приют 17 сирот – дети младшего возраста. «Они получают ежедневно чай с молоком и два раза мясную пищу, –

сообщала «Амурская газета». – Обед из двух блюд. Пока приют ещё не вполне обставлен всем необходимым и были бы уместны пожертвования вещами и деньгами. Заведуют приютом дамы-патронессы Хлусевич, Неустроева и Баллод».

А что же бунтовщик Zubov? Его дело рассматривалось в публичном заседании благовещенского окружного суда 30 октября 1902 года. Zubov обвинялся в подстрекательстве к бунту во время холеры. Обвинитель – товарищ прокурора Соколов, защитник – присяжный поверенный Кишенский.

По содержанию обвинительного акта, оглашенного на суде, стали известны обстоятельства дела. 20 июля Zubov в нетрезвом виде шел за телегой, в которой везли холерного больного, кричал, что везут его родного брата и требовал его отпустить. Когда его задержали, чтобы отвести в участок, Zubov стал кричать, прося у толпы помощи, мол, «его здорового брата насильно забрали в больницу, чтобы отравить там, а теперь и его туда же волокут». Толпа окружила Zubova с конвоирами, а потом оттерла его. Так он и освободился.

Эти обстоятельства подтвердились показаниями свидетелей. Товарищ прокурора в своей обвинительной речи доказывал, что Zubov возбуждал и подстрекал толпу к беспорядкам. По счастливой случайности ничего не произошло, а иначе Zubov подлежал бы ответственности по законам военного времени и ему грозила бы смертная казнь через повешение.

Защитник Кишенский объяснил, что «Zubov – рабочий с баркаса и по свойству своего занятия тонким пониманием отличаться не может. Он просто был пьян и не отдавал себе вполне ясного отчёта, и это весьма естественно, что именно 20 июля население города, всяк по-своему, праздновало годовщину избавления от бомбардировки 1900 года. Таким образом выяснилось, что некоторые части наших граждан, сочтя своим священным долгом в этот день напиться, если не до потери сознания, то, по крайней мере, до геройского настроения, а разговоры о холере должны быть самыми модными в холерное время. В этом, собственно, и попался пьяный Zubov. И если в чём-нибудь он виноват, то в угрозе полицейским, а на демагога вовсе не похож».

Резолюцией суда Zubov был признан невиновным в подстрекательстве толпы к беспорядкам, а за угрозу городскому и солдату приговорён к аресту при полиции на один месяц.

Главные герои битвы с холерой, конечно, не люди из толпы вроде Zubova, а врачи: Ф.Я. Бочкарёв, М.Н. Бочкарёва, Я.Л. Таубер, Д.М. Файнберг, П.И. Бенедиктович, И.Д. Прищепенко, А.А. Тихонравов, А.Е. Поздеев, В.А. Павлов, С.П. Образцов, К.К. Александрович, И.М. Хоммер, В.А. Павлов, Г.М. Писаревский, В.В. Паскевич, Беляков, Вертоградский, М.П. Чердынцев.

Врачи по очереди днём и ночью дежурили при врачебном управлении и в городской больнице. Кроме того, исполняли разные обязанности: Таубер, как городской врач, осматривал приходящие пароходы, Паскевич был командирован в Айгун, Прищепенко организовал вторую холерную больницу, Чердынцев заведовал санитарным обозом, пока не был командирован в Иннокентьевскую станицу. Кроме того, каждый врач имел свой участок города, который должен был обходить и следить за его санитарным состоянием.

Аптеки

Деятельность аптек в Российской империи регламентировалась Аптекарским уставом. В нём были прописаны правила их работы. В частности, всё, что использовалось для приготовления лекарств, по качеству должно было соответствовать определённым стандартам; государство устанавливало фиксированные цены на лекарства; открытие новых аптек строго нормировалось: в таких областных центрах, как Благовещенск, полагалась одна аптека на 10 000 жителей, и не больше; управлять аптеками могли только лица, имевшие специальное образование. Существенной компенсацией строгого режима, установленного государством в отношении аптечного дела, было освобождение их владельцев от налогов, воинских постоев и некоторых других повинностей.

По некоторым данным, первая аптека появилась на территории Благовещенска в 1856 году. Это была аптека при лазарете Амурской конной казачьей бригады (позднее – местный военный лазарет).

Купец Д.И. Стахеев, прибывший в Благовещенск в 1861 году и проживший тут два года, оставил свои впечатления о снабжении лекарствами: «В городе не было порядочной аптеки; при лазарете казённая аптека не имела многих необходимых медикаментов, даже – странно сказать – чувствовался постоянный, для каждого больного ощутительный, недостаток в аптечных склянках! Случалось ли кому заболеть и посылать в аптеку рецепт доктора, больной при этом отправлял из дома бутылку или полуштоф. Вот чего недоставало! Считаю своим долгом сказать, что благодаря почтенному доктору Т. благовещенская лазаретная аптека имела кой-какие медикаменты в дополнение к казённым, которые были выписываемы по его содействию из Иркутска».¹³

Первую гражданскую аптеку в Благовещенске открыли в 1866 году. Она разместилась в двух комнатах духовного училища, которые бесплатно предложил архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов). Главным в этой аптеке был заведующий гражданской медицинской частью доктор Шперк. В 1885 году аптека вошла в состав Лечебно-благотворительного общества.

Тогда заведующим стал врач Гейер. С июля 1887 года его заменил провизор С.А. Гартунг. Бедным больным Лечебно-благотворительное общество выдавало лекарства бесплатно и в амбулатории, и в стационаре. Двухэтажное каменное здание аптеки было построено в 1898-1902 годах на углу Большой и Станичной.

В 1901 году Гартунг получил разрешение открыть собственную аптеку – на углу Торговой и Амурской. Она была второй в городе. Третью аптеку – на Благовещенской улице – открыл К.И. Сулимирский. Сначала аптекарский помощник, затем провизор, в 1911 году Константин Иванович стал ещё и автором книги «Сбор сорока девяти трав». У аптеки А.М. Файнберга был замысловатый адрес: «В доме Русско-Азиатского банка на Большой, около мастерской, над помещением аптекарского магазина». Аптека К.И. Кашубского размещалась по Амурской между Кузнечной и Театральной в доме Гальцева. А «наискось аптеки открыта и принимает больных ежедневно амбулатория. Плата за приём – 20 копеек, перевязка – 30 копеек». В 1914 году на 70 тысяч жителей Благовещенска приходилось уже семь аптек, как и положено по тогдашнему нормативу.

Летом 1911 года разразился скандал в аптеке Лечебно-благотворительного общества: одновременно уволились два аптекарских помощника и один ученик. Они не просто ушли, а ещё и вынесли на всеобщее обозрение совершенно неприглядные факты. Письмо аптекарских помощников А. Косицына и Н. Лингугариса опубликовала газета «Эхо».

По мнению авторов, всё началось с того, что председатель совета Лечебно-благотворительного общества Рубинов предложил одного помощника заменить выписанным из Европейской России бактериологом. Когда выяснилось, что бактериолог – женщина (Евгения Брейтигам), управляющий аптекой Шмидт отказался от должности (к слову, по тогдашнему закону женщины допускались к управлению только теми аптеками, в которых работали в основном женщины).

Дальше – целый список претензий к Брейтигам. Сначала она попросила выписать её отца-провизора (он был очень стар, ему «придумали» должность письмоводителя), потом призналась, что лабораторное дело ей совсем незнакомо; сама она исполняет обязанности только помощника рецептуариста – небрежно и неаккуратно, днями сидит дома. А в аптеке рецепты принимает ученик с полугодовой практикой, готовит лекарства по этим рецептам... мальчик-фасовщик!

Надо сказать, что рядовые сотрудники аптеки работали, как рабы на плантациях: с 6 утра до 10 вечера, плюс 15 ночных дежурств в месяц (в аптеке Лечебно-благотворительного общества ночами де-

журили и ученики аптекаря, что было запрещено законом). Выходных – только два дня в месяц.

«Административные приёмы госпожи Б. и отсутствие данных для разумного ведения аптечного дела создали такую атмосферу, что нам пришлось отказаться от кондиций», – завершили своё письмо аптекарские помощники. Скандал каким-то образом замяли – никаких сведений о том, что же было дальше, в печати найти не удалось.

В начале прошлого века в Благовещенске имелась городская аптека – Никольская, при ней – амбулатория, а с 1911 года и химико-бактериологическая лаборатория. Наличие городской аптеки стало одним из аргументов в пользу открытия акушерских курсов, которые организовал в 1903 при родильном приюте доктор И.М. Хоммер.

Время от времени городская управа назначала ночные дежурства врачей в амбулатории при Никольской аптеке. Доброе дело, но аптекарские работники роптали. В декабре 1911 года они направили по этому поводу коллективное прошение в городскую управу: «При ночных дежурствах врачей при аптеке фармацевтам приходится работать по ночам значительно больше, о сне на дежурствах нечего и думать. В виду этого просим или назначить другое помещение для дежурства врачей, или увеличить жалование». Просьба осталась без удовлетворения.

В том же 1911 году была большая ревизия всех городских учреждений, в том числе и Никольской аптеки. На её складе обнаружилась недостача медикаментов на три с лишним тысячи рублей. Заведовал складом фармацевт областного врачебного управления И.В. Пржедземирский. Этот неприятный случай «заставил городскую управу передать заведование складом отдельному ответственному лицу. Им назначен бывший материальный городской аптеки Косицын». Скорее всего, тот самый Косицын, который уволился из аптеки Лечебно-благотворительного общества. А Пржедземирский в 1911 году «выбыл из штата врачебного управления».

6 февраля 1920 года в Благовещенске была установлена власть Советов (японские войска спешно эвакуировались 3 февраля). В числе других органов управления был создан и комиссариат здравоохранения Амурской области. Командовал им комиссар Гейер (возможно, тот Гейер, что был первым заведующим аптекой Лечебно-благотворительного общества). В середине марта 1920 года на конференции, где отчитывались руководители отделов Совета народного хозяйства, Гейер доложил: при комиссариате организован склад медикаментов; лекарства продаются по себестоимости; в ведение комиссариата перешла Никольская аптека; лекарства для бедных выдаются бесплатно.

До революции сырьё для производства лекарств, готовые лекарственные формы, оборудование благовещенские аптекари заказывали по всему свету: в Англии, Америке, Японии, Европейской России. Накануне 1917 года запас лекарств в городе был таким большим, что его хватило вплоть до 1922 года!

В те же дни появился на свет характерный для того времени документ: «Приказ комиссара здравоохранения Амурской области о передаче государству братьями Росновскими аптеки». В приказе говорится, что владельцы аптеки «Товарищества фармацевтов» (на углу Амурской и Кузнецкой) решили передать её государству со всеми медикаментами, аптекарскими товарами и инвентарём. Комиссариат здравоохранения имущество принял и решил, что отныне учреждение будет именоваться Второй народной аптекой (Никольская аптека была названа Первой народной аптекой). В доме Г.П. Косицына на Мастерской разместилась Центральная губернская аптека. Открывалась новая страница истории аптечного дела.

Больничные и аптечные хроники

(по материалам газет «Амурская газета», «Амурский край», «Эхо» за 1908-1912 гг.)

«С 1 января по 26 октября 1908 года в больнице пролечилось около 2000 человек. Умерло 203».

«В 1908 году за хлеб для больницы уплачено 4500 р. местным булочным, извлекающим из этого большую выгоду, которая осталась бы в кассе города при устройстве своей хлебопекарни».

«20 января 1909 года от врачебного персонала поступило заявление о переполнении больницы: больных так много, что часть из них приходится размещать в коридорах. Попечительский совет городских лечебных заведений постановил рекомендовать врачам, во-первых, ограничить приём новых больных, во-вторых, принять меры к быстрейшей выписке выздоровевших».

«В попечительский совет городских лечебных заведений внесено предложение: городская больница расходует в год больше 35 000 бутылок молока почти на 4000 р. Может, завести собственную ферму?»

«Некоторые врачи требуют, чтобы их пациенты покупали назначенные лекарства в определённой аптеке. Думаем, что такой порядок вряд ли допустим, вызывая нередко необходимость идти в далеко расположенную аптеку. Если врачу известны те или иные упущения в приготовлении лекарств в другой, не рекомендованной им аптеке, он обязан довести до сведения не только своих пациентов, но и товарищей врачей, и владельца аптеки, чтобы не произошло печальных последствий в случае неправильного приготовления лекарств».

«Торговый дом «Кунст и Альберс» сообщает: в аптекарском и москательном отделениях продаются фотографические аппараты, альбуминат, грюнинг, гематоген доктора Гоммеля».

«Зубной врач Борисоглебская. Болезни зубов и полости рта. Удаление зубов под местной анестезией. Искусственные зубы. Угол Большой и Чигиринской, д. Родионова, №93, верхний этаж».

«Зуболечебный кабинет Елизаветы Львовны Берзон уезжает внезапно по болезни, о чём извещает больных и пациентов. О возвращении извещу».

«Дантистка Берзон у многих пациентов взяла плату за лечение вперёд и, не сделав того, за что получила вознаграждение, внезапно уехала. Она продавала мазь по четыре рубля, якобы избавляющую навсегда от зубных заболеваний, а лекарства может продавать только аптека».

«Зубной врач З.А. Петухина. Угол Станичной и Большой. Дом Егорова».

«Женщина-врач Е.В. Альбинская. Женские, детские, внутренние болезни. Проезжий пер., где «Гранд-отель», дом Богоявленского, кв. 3».

«Зубной врач С.М. Бронштейн приём возобновила. Набережная ул., рядом с гостиницей «Россия», дом Иванова».

«Акушерка Волчьематьева. Даю советы и помощь беременным на дому. К роженицам – во всякое время. Мастерская, между Амурской и Иркутской».

«Зубной врач С.Д. Шпизман возвратился. Большая, дом Кольцова».

«Аптека Сулимирского отпускает лекарства с 15% скидкой Обществу служащих торговых и торгово-промышленных предприятий».

«Никольская аптека отказалась отпустить ксеновор на 15 копеек, так как меньше чем на 20 копеек его не отпускают».

«Ввиду постоянных оспенных эпидемий открыты добавочные курсы по оспопрививанию. Практические занятия проводятся в амбулатории при городской Никольской аптеке».

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Помощь нуждающимся – Шадринский собор – День белого цветка

В конце XIX – начале XX веков благотворительность в России была масштабным общественным явлением, а информация о ней – в том числе финансовая – была открытой и доступной: подробные отчёты о различных благотворительных акциях и мероприятиях обязательно публиковались в периодической печати.

Помощь нуждающимся

Сведения, сохранившиеся в местных газетах, говорят о том, что жители Благовещенска собирали и отправляли денежные средства в пользу пострадавших от стихийных бедствий, повальных болезней, неурожая, голода в разных уголках России и мира. У благовещенцев нашли отклик такие трагедии как землетрясение в Шемахе (на территории современного Азербайджана, 1902 г.), землетрясение в Андижане (на территории современного Узбекистана, 1902 г.), пожар в Стерлитамаке (Башкирия, 1909 г.), землетрясение в Мессине (Италия, 1909 г.), неурожайные годы в Европейской России (1901-1902, 1905-1908, 1911 гг.), чума в Маньчжурии и другие бедствия.

В самом Благовещенске действовало не меньше двух десятков благотворительных обществ, которые оказывали помощь «недостаточным», то есть бедным ученикам, больным, заключённым, переселенцам, безработным, вдовам, сиротам, жертвам кораблекрушений и так далее. Всякий, кто мог, оказывал помощь нуждающимся в том или ином виде: жертвовали продукты, вещи, деньги, строения, домашних животных, выплачивали стипендии, пособия... Благотворительность была обширной, многообразной и массовой.

Способы сбора пожертвований были самыми разными. Благовещенская община Красного Креста, например, в течение нескольких лет в канун новогодних праздников продавала конверты со специальным штампом по 10 копеек за штуку – очень дорого. Чтобы отправить такой конверт по почте, достаточно было наклеить на него марку стоимостью в одну копейку: об этом руководство общины договаривалось с Благовещенской почтово-телеграфной конторой. Конверты продавались в крупнейших магазинах города, вырученные деньги шли на нужды общины.

20 декабря 1898 года «Амурская газета» опубликовала такое объявление: «Андреем Михайловичем Клосс взамен предстоящих рождественских визитов в пользу голодающего населения Европейской России пожертвовано 30 рублей». Праздничные визиты были обязательным ритуалом, поэтому Клосс и предупредил через газету всех, кого должен был навестить, что не придет.

Довольно значительные суммы – от сотен до тысяч рублей – удавалось собирать организаторам благотворительных концертов, спектаклей, гуляний и других увеселительных мероприятий. Вот, например, спектакль в пользу недостаточных студентов-благовещенцев, поставленный в августе 1904 года, дал сбора около 1100 рублей.

Бал в пользу Благовещенской общины сестёр милосердия, устроенный в ноябре 1908 года, дал чистой прибыли 2635 рублей 68 копеек. За счёт чего «набежала» такая сумма? Совет старшин благовещенского Общественного собрания предоставил бесплатно помещение, коман-

диры 21-го и 22-го Восточно-Сибирских полков – тоже бесплатно – оркестры военной музыки. Лукин, Левашев, торговый дом «Чурин и Ко» пожертвовали шампанское, кофе, фрукты, пиво, конфеты – их продавали во время бала по «праздничным» ценам. Торговый дом «Кунст и Альберс» бесплатно предоставил электрические лампы, а электрическое освещение – торговый дом «Коковин и Басов» (благовещенское представительство одной из крупнейших российских фирм тоже имело собственную электрическую станцию). Участники бала покупали входные билеты: мужчины платили по 2 рубля 10 копеек, женщины – по 1 рублю 10 копеек. Ещё почти 1000 рублей составили добровольные пожертвования. Конечно, были и расходы. Кроме украшения зала, объявлений в газетах, печатания билетов и приглашений были и такие: патентские бланки на право торговли, музыкантам «на чай», «за электрические эффекты – монтеру».

Более 2000 томов передали в тюремную библиотеку в апреле 1910 года родственники покойного Н.В. Ельцова. Среди книг – сочинения Чехова, Лескова, Некрасова и другие. А.П. Ларина из своих средств оплачивала «бесплатную кровать» в городском родильном покое для бедных пациенток, которые не могли оплатить медицинскую помощь. В 1916 году в Общественном собрании устроили благотворительный спектакль, а в фойе – беспроигрышную лотерею. Главные выигрыши: один билет военного займа, 20 пароходных билетов 2 и 3 классов до конечных пристаней всех рек Амурского бассейна. Весь чистый сбор от мероприятия предназначен воинам, «страждущим во вражеском плену».

Те, кому нужна была та или иная помощь, могли обратиться письмом к человеку лично не знакомому, но известному, как обращались не раз к директрисе музыкальной школы М.Ф. Кнауф-Каминской. Однажды накануне Рождества она опубликовала в одной из благовещенских газет такое письмо. «Милостивый государь, господин редактор! Разрешите при посредстве вашей уважаемой газеты обратить внимание местного сообщества на маленькое, но доброе дело. Я получила письмо от учителя деревни Новопокровки, в коем он просит меня прислать ему старых книг, игрушек и т.п. для того, чтобы устроить ёлку своим школьникам. Нет нужды распространяться о той массе радости, какую внесёт детский праздник в серую небогатую какими-либо радостями жизнь деревенских ребят. Наше общество всегда охотно отзывалось на такого рода добрые дела. Думаю, оно отзовётся и на этот раз. Пожертвования книгами и вещами прошу направлять мне: Графская, между Зейской и Амурской, музыкальная школа, или отсылать прямо по назначению: деревня Новопокровка 2-я Черняево-Зейского подрайона, учителю Петру Крылову. М. Кнауф-Каминская».

Шадринский собор

Самый яркий и масштабный пример благотворительности в Благовещенске – строительство Свято-Троицкой церкви, которая в памяти народа осталась как Шадринский собор. Благовещенский храм имеет две почти точные копии. Одна – церковь Богоявления Господня – находится в Санкт-Петербурге, другая – Софийский собор – в Харбине. У Свято-Троицкой церкви длинная предыстория.

Прообразом всех трёх храмов является храм Христа Спасителя в Борках. Он был построен в память чудесного спасения семьи императора Александра III во время крушения царского поезда 17-го октября 1888 года недалеко от села Борки (Змиевский уезд Харьковской губернии): из 15 вагонов уцелело только пять, пострадало 68 человек, 21 из них – погиб. В момент крушения царская семья со свитой находилась в вагоне-столовой. Его сбросило с насыпи, сорвало крышу, разрушило стены. Удивительно, но большинство пассажиров этого вагона отделались легкими ушибами и ссадинами.

В ознаменование чудесного спасения Императора Александра III с семьей по всей стране было построено множество храмов. Один из них решили возвести таможенники, биржевые артельщики и портовые чиновники, жившие на Гутуевском острове в Санкт-Петербурге. Заказ на проект храма получили гражданский инженер В.А. Косяков и инженер Б.К. Правдик. За образец они взяли церковь, возводившуюся в Борках. Новый храм проектировался, когда случилось еще одно чудесное событие: 29 апреля 1891 года счастливо спаялся от покушения цесаревич Николай Александрович, находившийся в японском городе Отсу (трагический момент того самого путешествия на Восток, во время которого цесаревич посетил Благовещенск). И тогда храм на Гутуевском острове было решено посвятить этому событию. 29 апреля 1899 года митрополит Антоний вместе с о. Иоанном Кронштадтским освятили главный придел храма. Кирпичная, в московском стиле XVII века, церковь высотой в 42 метра, с большим куполом и шатровой колокольной над входом, выглядела снаружи несколько громоздкой и дробной, зато внутри была просторна и нарядно украшена.

На сайте «Санкт-Петербург. Энциклопедия» можно прочитать интересные подробности о Гутуевской церкви (Богоявленская церковь). Местный фабрикант И.А. Воронин пожертвовал на строительство и убранство храма 300 тысяч рублей. Колокола отлил завод А.Д. Самгина – их демонстрировали на Всемирной выставке в Чикаго. Фаянсовый, «под слоновую кость», иконостас сделала известная нижегородская фабрика М.А. Кузнецова. За эту работу предприятие получило медаль на Парижской выставке. Образа написал

А.М. Постников, настенные фрески со сценами жизни Спасителя – А.С. Славцов, орнаменты по золотому фону – К.М. Будаков. Резьбу и позолоту исполнила фирма П.С. Абросимова, наружные мозаичные вставки – мастерская В.А. Фролова. Проект церкви на Гутуевском острове наряду с Исаакиевским собором в Петербурге, храмом Христа Спасителя в Москве был включен в «Архитектурную энциклопедию второй половины XIX века» Г.В. Барановского.

5 мая 1935 года церковь закрыли и отдали под склад. Последний настоятель прихода протоирей В.В. Медведский был расстрелян. Во время Великой Отечественной войны в здание попал снаряд, оно сильно пострадало от пожара. В 1991 году храм был возвращён верующим. В праздник Богоявления 1992 года в нём состоялось первое богослужение. Реставрацией храма руководил архитектор В.П. Ворпулев.

Копия церкви на Гутуевском острове – Свято-Троицкий храм – появился в Благовещенске исключительно благодаря почётному гражданину города С.С. Шадрину. Выходец из крестьян Вологодской губернии, в начале 70-х годов позапрошлого века он служил на Амгуньских приисках золотопромышленников Бутиных, затем вёл самостоятельный поиск золотоносных участков, в 1890 году основал «Амгуньскую золотопромышленную компанию». В 1900 году Семён Саввич – уже благовещенский купец 1-й гильдии, комиссионер, владелец пароходов, магазинов, заводов.

В конце XIX века в Благовещенске проживало около 40 000 человек, общедоступных церквей было всего шесть. Семён Саввич решил построить на свои средства новый храм и подарить его городу. Его желание горячо поддержал преосвященный Макарий, епископ Камчатской, Курильской и Алеутской епархии, а затем и городская дума. 16 мая 1896 года состоялась торжественная церемония закладки храма в честь Святой Животворящей Троицы. Она была приурочена к коронации Николая II и совпала с датой подписания Айгунского договора в 1858 году.

В начале 1902 года строительство храма было окончено. 17 февраля он был освящён епископом Никодимом (Боковым).

Свято-Троицкий храм в Благовещенске строился по тем же чертежам, по которым в это же время в Санкт-Петербурге заканчивалось строительство церкви Богоявления на Гутуевском острове. Как попали чертежи в Благовещенск, почему здесь использовался авторский проект, установить пока не удалось. По одной версии, С.С. Шадрин был знаком с главным жертвователем строительства храма на Гутуевском острове И.А. Ворониным и «достал» проект через него, по другой – благовещенский архитектор Э.И. Шефер был знаком с автором проекта В.А. Косяковым и договорился с ним.

Также, как и петербургская Богоявленская церковь, благовещенская Свято-Троицкая церковь была построена в стиле русской московской архитектуры XVII века. Общая высота собора – от земли до вершины креста – 47 метров. Приделы и колокольня венчались шатрами и золочёными луковками. На колокольне собора было установлено десять колоколов. Самый большой из них – весом 304 пуда 10 фунтов, с большим содержанием серебра.

Внутреннее пространство храма было восьмигранным, освещалось через 16 окон, расположенных под десятиметровым в диаметре куполом. Пол храма был выложен красной и серой каменной плиткой, окна украшали витражи, а иконостас был чугунным – его изготовили мастера завода С.С. Шадрин. На строительство и убранство храма благотворитель израсходовал около 250 000 рублей.

26 сентября 1902 года в Благовещенск прибыл Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Он присутствовал на молебне в новом соборе. Высокого гостя приветствовал строитель и староста собора С.С. Шадрин. Н.И. Гродеков настолько заинтересовался церковью, что в сопровождении С.С. Шадрин поднялся на самый верх и оттуда любовался видом на город и окрестности.

После 1917 года Свято-Троицкую церковь закрыли, а в 1936 году – взорвали. Очевидцы тех горестных событий рассказывают, что после первого взрыва купол храма поднялся и через мгновение опустился на прежнее место. Последовали новые взрывы, но и после них часть стен осталась стоять. До 1945 года на месте храма лежала гора обломков. По воспоминаниям старожилов, его остатки убирали какие-то прибалты, видимо, депортированные.

Когда благовещенские воинствующие безбожники требовали устроить в Свято-Троицком храме то гараж, то зернохранилище, в Харбине возводили собор Святой Софии Премудрости Божией. Он был основан в марте 1907 года как походная церковь 4-й Восточно-Сибирской бригады. 27 сентября 1923 года было начато строительство нового здания – храма (на Пристани) по тому же авторскому проекту архитектора В.А. Косякова. Высота храма в Харбине – 53,55 м, площадь 721 кв м. Вместимость 2000 человек. Строительством руководил председатель Епархиального совета в Харбине протоиерей М. Я. Филологов. В 1932 году строительство было окончено. Сегодня в храме располагается музей истории и архитектуры Харбина.

Что осталось от Шадринского собора? Несколько фотографий, несколько обломков, которые хранятся в краеведческом музее. Ещё осталась память – и о том, каким красивым и величественным был храм, и том, как варварски он был уничтожен.

День белого цветка

20 апреля 1911 года прошёл первый общероссийский День белого цветка (другое название – День белой ромашки). Это была масштабная акция по сбору средств для борьбы с туберкулезом. Символом выбрали ромашку – природный антибиотик, одновременно знак любви и ранимости.

В разных городах России в День белого цветка добровольцы читали лекции о причинах туберкулёза и мерах его профилактики, раздавали листовки и брошюры, летчики устраивали показательные полёты, автомобилисты – автопробеги, деятели искусств – благотворительные концерты. И всюду были белые ромашки. Большими цветками украшали пролётки, автомобили, трамваи, арки, дома. Маленькие цветы ромашки – натуральные и искусственные – продавали. Твёрдой цены не было – каждый жертвовал сколько мог: и сто рублей, и одну копейку.

Возвращаясь весной 1911 года из поездки по Европе, ординатор городской больницы А.К. Перлин стал свидетелем, а, может быть, и участником Дня белой ромашки. В Благовещенске он организовал местное отделение Лиги борьбы с туберкулёзом (через год в нём состояло около 500 членов). В сентябре того же года энтузиасты устроили первый в Благовещенске День белого цветка. Участвовать в акции, то есть продавать белые цветы, вышло больше 200 человек: гимназисты, гимназистки, офицеры, доктора, чиновники, в том числе около ста двадцати дам! Каждый из продавцов белых цветов получил перевязь с надписью «Борьба с чахоткой» и запечатанную кружку для сбора пожертвований.

7 сентября с самого утра участники благотворительного мероприятия стали собираться у Общественного собрания. «Ежеминутно подъезжали рысаки, запряжённые в изящные экипажи, из которых выходили дамы с корзинками цветов, – описывал происходящее репортёр газеты «Эхо». – В половине 11-го аллея около веранды Общественного собрания была полна продавцами. В 12 часов процессия трогается. Впереди идёт небольшая увитая цветами колесница, в которой сидит семейство Гофман. За колесницей следует автомобиль господина Милевича. На нём будет два дня продавать цветы госпожа Соколовская. За ним другой автомобиль, в два раза больше. Он тоже убран цветами, а принадлежит управлению по постройке среднего участка Амурской железной дороги. Этот автомобиль в распоряжении

---

¹² Автор микстуры Я.П. Бакланов — русский генерал-лейтенант, герой Кавказской войны.

г-жи Эммер. Несмотря на грязь, прямо за автомобилями шествует человек сто. Дойдя по Большой до магазина Кунста и Альберса остановились, отсюда продавцы цветов разошлись по разным улицам».

А в это время пароход «Адмирал Чихачёв» поднимался вверх по Амуру. Помня, что в Благовещенске 7 и 8 сентября проходит День белого цветка, молодёжь из числа пассажиров решила устроить такой же праздник на пароходе. Собрались в одной из кают, из белой бумаги, проволоки, раздобытой у машиниста парохода, воска и кусочков желтого шелка наделали массу изящных маргариток. На следующий день, 8-го сентября, началось... шествие по палубам парохода. Пассажиры очень сочувственно отнеслись к идее, ни одна дверь не захлопнулась перед продавцами. Сначала они думали ограничиться только верхней палубой, но потом белые цветы появились и на нижней палубе. «Трогательно было видеть, как после нескольких фраз о цели праздника и пожертвованиях сборщикам протягивались добытые тяжелым трудом медяки, – писал очевидец. – Все пассажиры участвовали в импровизированном празднике. Сбор оказался солидным: 81 рубль 10 копеек. Деньги переданы в комитет по организации праздника».

За два дня в Благовещенске в кружки собрали больше 6000 рублей. Кроме того, кинотеатры «Мираж», «Художественный», «Гранд-Иллюзион», цирк Степанова передали в оргкомитет 150 рублей 25 копеек. Общий приход – 6936 рублей 48 копеек. Расход – 434 рубля, причем, большая часть расхода причиталась редактору газеты «Амурский листок» А.А. Константинову, он же – член комитета по устройству праздника, за печатание объявлений и воззваний.

В следующем, 1912 году, Общество по борьбе с туберкулёзом действовало достаточно активно, но, удивительно, благовещенские врачи отказались присутствовать на заседаниях Общества (каждого приглашали персонально) и читать лекции о туберкулёзе. А.К. Перлин вообще вышел из членов общества. Наверное, для такого демарша были веские причины.

Но, как бы то ни было, комитет готовил новый День белого цветка. В этот раз из Петербурга выписали 30 000 искусственных ромашек, подготовили 300 опечатанных кружек для сбора пожертвований, заказали 300 штук афиш, 12 000 «летучек» (листовок), 450 лент-перевязей (сатин для лент пожертвовали фирмы «Кунст и Альберс», «Чурин и Ко», Гурикова). Кроме того, решили вывесить на улицах громадные транспаранты на коленкоре и художественно исполненные плакаты о празднике (несколько кусков коленкора пожертвовали фирмы «Кунст и Альберс», «Чурин и Ко», краску – Г.Ю. Скрибанович) и запустить громадного воздушного змея (его сооружали инженеры Таубер, Савицкий и Чепурин). Владелец одно-

го из городских иллюзионов – Лившиц – решил в день праздника показать картину «Борьба с туберкулёзом».

Если в 1911 году организаторы публиковали только воззвания к жителям города с призывом участвовать в Дне белого цветка, в 1912 году газета «Эхо» разместила ещё и обращение «К продавщицам ромашек», подписанное «Сочувствующий». Вот что написал автор: «Сегодня вам предстоит развернуть свою энергию при сборе пожертвований на большое и симпатичное дело борьбы со злейшим врагом человечества – туберкулёзом. Заботясь о результатах сегодняшнего дня, о возможно крупной сумме, не забывайте, что местный отдел Всероссийской лиги борьбы с туберкулёзом только народился и вся работа у него ещё впереди.

Помните и то, что работа эта немислима без сочувствия и без материальной поддержки общества, к которому придётся обращаться за помощью ещё не один год и не два, а может, много лет. Помните, что выходить с кружками на улицу вам самим придётся, вероятно, ещё не один раз. А потому будьте чутки и не переходите границы, где кончается настойчивость и начинается раздражающая назойливость. Этим вы только укрепите симпатии, которыми общество встретило возникновение отдела, и обеспечите успех сборов в будущем. В противном случае вы легко можете восстановить общество против кружечных сборов, и на будущее кружки будут возвращаться пустыми. А это равносильно прекращению деятельности Общества, всецело зависящего от частных пожертвований.

Поэтому не впадайте в крайность и не совершайте ошибки, допущенной в известной басне человеком, курица которого несла золотые яйца. Не убивайте этой курицы. Предлагайте ромашку, но не заставляйте её покупать. Посещайте общественные места и квартиры, но не по десять раз. Будьте иногда настойчивы, но не назойливы. Иначе ваша услуга делу может оказаться медвежьей услугой».

8 июня продажа ромашек началась в 8 утра, везде она шла успешно. Некоторым продавщицам уже в 10 часов пришлось пополнять запасы цветов. Вечером много публики привлекло специально организованное гуляние в городском саду. Продавщиц здесь можно было видеть даже после 23 часов.

Репортёры местных газет зафиксировали некоторые забавные моменты мероприятия: «Вот стоит тучный господин. Окружен четырьмя дамами. Вся грудь его уже в цветах. Дамы усиленно просят купить ещё. «Пощадите, у меня от ваших цветов кошелёк испытывает последнюю стадию чахотки!»; «Китаец купил 15 цветов, приколот на куртку: «Шанго, мадам, теперь я хворай не хочу»; «Крестьянка выбрала лучший цветок (искусственный), спросила, как его заваривать».

На следующий день, 9 июня, в присутствии членов оргкомитета, представителей городского самоуправления, местных газет и полиции были вскрыты кружки с пожертвованиями и подсчитано их содержимое. Итог: 4835 рублей 25 копеек. Кроме денег в кружках оказались: никелированная медаль «За поход в Китай 1900-1901 гг.», золотой брелок в виде палитры, пуговица от дамского платья, костяная пуговица от кальсон, семь штук булавок.

Главным событием Дня белого цветка 1912 года было открытие и освящение амбулатории для туберкулёзных больных с «распознавательной» лабораторией (для лаборатории выписали из Петербурга приборов и аппаратов на 346 рублей). Амбулаторию открыли на средства, собранные в День белого цветка в 1911 году. Фирма «Чурин и Ко» пожертвовала для нового лечебного учреждения мебели на 300 рублей, а местному отделению Лиги борьбы с туберкулёзом фирма передала ещё 1000 рублей.

Первых пациентов амбулатория приняла 15 июня. Через два с половиной месяца работавший в ней доктор А.И. Дацков представил отчёт: «С 15 июля по 1 сентября в амбулатории зарегистрирован 81 больной. Из этого числа туберкулёзных – 28; 26 – с бронхитом, подозрительным на туберкулёз; с другими лёгочными болезнями – 15, то есть лёгочных больных – 69, с другими болезнями – 12. Всего за это время сделано больными 1510 посещений. Амбулатория была открыта 36 дней, принимался в среднем 41 человек в день (с 6 до 8 вечера). Возраст больных – 19-35 лет, дети и старики встречаются как исключение. Почти все больные из малообеспеченных слоёв населения.

За это время для беднейших посетителей было отпущено по бесплатным рецептам лекарств на 38 рублей. Сумма оказалась такой малой благодаря сочувственному отношению Кашубского, который согласился отпускать лекарства для амбулатории со скидкой в 30%.

За этот короткий промежуток стало ясно, что потребность в амбулатории очень велика, удовлетворить эту потребность работой одного врача невозможно. При таком большом количестве больных, как 41 человек, хотя и повторных, невозможно запомнить все особенности каждого отдельного заболевания и достаточно внимательно отнестись к каждому больному. Врач А. Дацков».

Правлению отделения Лиги по борьбе с туберкулёзом срочно пришлось искать замену: Дацков категорически заявил об уходе не позже 7 сентября. Мотив – недостаток свободного времени. Обязанности заведующего амбулаторией временно принял на себя доктор Н.И. Старокотлицкий; руководство отделения Лиги постановило увеличить жалование заведующему амбулаторией до 125, фельдшерице тоже – с 50 до 60 рублей в месяц.

Когда доктора Перлина ещё перед первым Днем белого цветка, в 1911 году, спросили, как организаторы планируют распорядиться собранными деньгами, он сказал: «Если будет достаточная сумма, планируем снять около заимки Биршерта в долгосрочную аренду участок и начать маленькую санаторию «Здравица».

Через год городская Дума приняла решение бесплатно отвести в районе Белогорья участок под постройку «санатории» и направила соответствующее ходатайство к казённому лесничеству. К сожалению, данные о дальнейшей деятельности благовещенских борцов с туберкулёзом пока не найдены.

ТОРГОВЛЯ

Базары – Базарные хроники – Вразвоз и вразнос – Магазины Архимовича, Гурикова, «Чурин и Ко», «Кунст и Альберс» – Дешевка – Покупатели – Магазинные хроники

Уже в первые десятилетия своей истории Благовещенск заявил о себе однозначно: город-купец. Расположившись на «перекрёстке» главных транспортных путей, какими были в то время Амур и Зея, он сразу стал центром торговли обширного региона. Первыми «магазинами» были лодки, плоты и баржи, первыми торговыми площадками – базары.

Базары

Изначально базары возникали стихийно, но с введением самоуправления их организацией стала заниматься городская управа: регламентировала время и правила торговли, взимала «пошлину за клеймение мер и весов», строила каменные и железные лавки и склады, устанавливала «городские» весы, сдавая всё это в аренду.

По итогам «арендных» торгов 1912 года, например, товарищество «Терехов и Кондрашов» за аренду лавки под №1 на Торговой улице (Гостинодворский базар) обязалось платить 3500 рублей в год. Другие «высшие цены» того года были такими: Р.К. Козлов за ка-

менную лавку №3 – 1395 рублей 65 копеек, П.В. Мирошнин за такую же лавку №12 – 2452, Чи-Хан-Юн за железную лавку №11 – 352 рубля 60 копеек, Синовская за такую же лавку №18 – 241 рубль.

«Городские» весы предназначались для взвешивания крупных грузов – до ста пудов. Стоили весы очень дорого – около 1000 рублей. По мере возможности управа покупала весы, устанавливала их на базарах в специальных павильонах и сдавала в аренду. В 1909 году за аренду весов на Гостинодворском базаре управа выручила 950 рублей, на Амурском – 701 рубль. За взвешивание товара продавцы платили арендатору по одной копейке с пуда, так что, если торговля шла бойко, дело было весьма выгодным.

На Вознесенском базаре торговали барахольщики. Свой нехитрый товар они раскладывали на разных подстилках прямо на земле. В 1909 году городская Дума «раскладку» запретила, разрешила торговать только «с рук». Барахольщики подали военному губернатору прошение об отмене постановления, просили разрешить торговать с земли с платой в доход города по 10 копеек за квадратную сажень в день. Просьбу барахольщиков оставили без удовлетворения. Аналогичное прошение они подавали два последующих года. Добились только того, что барахолку было решено разместить по-новому: лавочки поставили по краям Вознесенской площади; под сам «толчок», где торговали только «с рук», отвели пространство в середине площади.

Барахольщики оказались весьма организованными в отстаивании своих интересов. В октябре 1912 года газета «Эхо» писала: «На торгах 19 и 20 октября за места под палатки на Вознесенском базаре выручено только 2934 рубля против 5839 рублей прошлого года. По ходу торгов было видно, что барахольщики раньше сговорились между собой цены не набивать и провели своё намерение с удивительным единодушием».

В 1902 году, как сообщала «Амурская газета», управа провела «новое распределение городских базаров»: на Чуриной площади, где до реорганизации на расстоянии одного квартала можно было купить что угодно, теперь остались «главные» мясные и хлебные лавки, и только здесь разрешалось продавать зерновой хлеб; на Амурском базаре можно было продавать рыбу, дёготь и «крестьянский товар»; на Иркутской площади – овощи, фрукты, сено и прочее.

Это оказалось ужасно неудобно: хозяйке или кухарке, чтобы купить всё, что нужно, приходилось обходить все три базара. Невы-

---

¹³История Благовещенска 1856-1917». Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2009. Т.2 С. 51-79.

годна была такая специализация и крестьянам: на одном рынке один товар продал, только после этого можешь ехать на другой; если не успеешь расторговаться, остаёшься в городе, а это лишние расходы – на себя, на ночлег, на лошадь.

Конечно, были недовольные. До скандалов доходило. В марте 1909 года базарный староста Гостев сделал замечание сторожу Амурского базара С. Рыбакову, мол, почему он, сторож, «не препятствует торговать здесь паклей, так как её можно продавать только на Вознесенском базаре?». Рыбаков ответил, что правило это неправильное и ещё словесно оскорбил старосту. Тот пожаловался, и на сторожа составили протокол.

Видимо, отцы города учли мнение недовольных обывателей, и через некоторое время торговля стала более универсальной. В 1910 году, например, на Амурском базаре вновь продавали мясо, рыбу, муку, овощи, керосин... Вот объявления того года: «500 пудов кеты осеннего засола спешно продаются по рублю за пуд. Справляться у Кузьмина на Амурском базаре в собственном доме»; «Получена партия саней с отводами и палями сергеевской работы. Амурский базар, лавки Кольцова и Алексеева».

Рынок, конечно, реагировал на урожай/неурожай, привоз/отсутствие привоза, будни/праздники. Всегда ажиотажной была торговля накануне Рождества и Пасхи. В марте 1912 года газета «Эхо» поместила заметку с описанием предпраздничного столпотворения на благовещенских базарах: «Главным образом публика скопляется у возов со сметаной, маслом, творогом и яйцами. Узкие проходы между китайскими лавчонками запружены лошадьми. На руках хозяек и прислуги висят необыкновенных размеров корзины и мешки, которые появляются на свет в экстраординарных случаях. Цены на всё – пасхальные, то есть повышенные. Откуда-то появилось дешёвое варенье «для гостей» – из патоки, по 30 копеек фунт. Берётся нарасхват».

«Расфасовка» товара была совсем не такой, как сейчас: его продавали пудами, фунтами, сотнями, парами, штуками. Цены колебались иногда значительно, но предсказуемо – в зависимости от времени года, спроса, урожая, наличия или отсутствия запасов. Вот примерный «прейскурант» того времени.

Поштучно: поросята – 1 р. 50 к.-3 р., зайцы – 45-50 к.

За фунт (409 г): «козуля» – 10-18 к., сало свиное – 30-40 к., окорока свиные копчёные – 45 к., окорока свиные сырые – 20 к.

Попарно: гуси – 3 р. 50 к., утки – 1 р. 40 к., фазаны и глухари по 1 р. 50 к., тетёрки – 1 р. 20 к., куры – 1 р. 50 к., куропатки – 60 к. В 1909 году было обилие куропаток, и цена упала до 13-15 копеек за пару, на следующий год их было очень мало и дешевле, чем по 75 копеек за пару, было не найти.

Сотнями продавали яйца. Свежие стоили дороже, мороженые – дешевле. Как ни странно, большую часть яиц в Благовещенск привозили не крестьяне из-за Зеи, а китайцы – из-за Амура. Накануне Пасхи 1912 года, например, за один день через таможенню прошло около 34 000 штук яиц. «Торгово-промышленный листок объявлений» писал 13 июня 1909 года: «Китайцы продают яйца по 1 р. 20 к., но каждое третье – тухлое». Наверное, поэтому местные яйца были дороже привозных обычно копеек на 50.

Фунтами продавали масло сливочное: по 60-80 к. Газета «Эхо» 12 сентября 1908 года сообщала: «В городе появилось коровье топленое масло, которое на вид довольно красиво выглядит, но по исследованию заведующего городской микроскопической станцией господина Егоровского оно оказалось так называемым «искусственным маслом». В продажу его пускать можно, но публика должна быть осведомлена о его настоящей природе, а для этого необходимо обязать торгующих делать на банках наклейки с надписью «искусственное масло».

Пудами продавали мясо: скотское (говядина) и баранина – по 5 р. В декабре 1911 года газета «Эхо» писала: «С некоторых пор городские торговцы начали закупать мясо у крестьян на микроскопической станции, не допуская вывоза его на базар, и горожанам получить мясо из первых рук не всегда удаётся. Городская управа обратила на это внимание и просит господина полицмейстера назначить на микроскопическую станцию городского для прекращения оптовых закупок».

Пудами продавали картофель. Он был вполне доступен в урожайный год. В сентябре 1909 года газета «Эхо» сообщала: «В виду урожая картофеля в нынешнем году цены на него стоят сравнительно невысоко. При покупке на берегу Амура из первых рук – по 12 копеек за пуд. Таких цен не бывало уже несколько лет». В следующем году на строительстве Амурской железной дороги работали уже десятки тысяч человек, требовалось огромное количество продовольствия, цены на картофель взлетели до одного рубля за пуд. И это в сентябре.

Первые огурцы китайцы привозили уже в мае. Продавали по 20 копеек за штуку. В августе огурцы «заязейского» урожая стоили рубль – сотня. «При этом Верхне-Благовещенский хутор опоясан огородами, – отмечала газета «Торгово-промышленный листок объявлений» в 1908 году. – Жители могли бы иметь гораздо больше прибыли, если бы разнообразили рутину. Они возят в город только летом и осенью картошку, огурцы и капусту. Даже немудреный парник давал бы хозяйству хороший доход. Но у хуторян, видно, нет желания: очень и очень примитивно обрабатывают они свои огороды».

Помидоры можно было купить по 10-15 копеек за штуку – ранние и по одному рублю за десяток – в августе.

Капуста. Свежую продавали то по 12-30 рублей за сотню, то по 10-50 копеек за вилок, квашеную тоже то пудами (2 р. 40 к.-3 р. 50 к., в зависимости от качества), то фунтами (в зависимости от урожая и спроса). По осени в газетах появлялись такие объявления: «Открывается засолка капусты. С 1 сентября принимаются заказы и подряды, могу с хранением до весны и доставкой по Амуру и Зее. Чигиринская, 33. Адрес для писем и телеграмм: Кавунов».

Из дикоросов нашлась информация о голубице (6-8 копеек за чашку), землянике и... мухоморах!

Китайцы стали продавать землянику летом 1910 года. За пучок в 15-20 веточек просили 2-3 копейки. И ведь не из-за Амура её везли, а несли из-за... Бурхановки. Там, за семинарией, землянику обычно собирали жители Иркутской улицы. Для собственного удовольствия. А китайцы стали собирать для продажи. Очевидец пишет: «Они вереницей идут в бор и возвращаются с полными корзинами». Удивляет и упоминание о землянике в лесах за Бурхановкой (неужели?), и апатичное отношение местных жителей к возможности заработать (можно было бы наторговать рубль в день).

А мухоморы предлагал торговый дом «Н.В. Косицын с С-ми». Это было в июле 1926 года. Что было, тем и торговали. Дом «торговый» прекратил существование в 1927 году, дом каменный сохранился в Благовещенске до сих пор.

Фрукты тоже не были редкостью на амурских базарах. Уже в апреле из Китая начинали привозить свежие яблоки (10-15 копеек за пару), зимой – мороженые. Д.И. Стахеев в книге «За Байкалом и на Амуре. Путевые картины» пишет: «С наступлением морозов в Благовещенске на маньчжурской ярмарке появляются заледенелые яблоки, виноград, груши, привозимые из Чичикара (*Цицикара*) за восемьсот вёрст от Благовещенска на юг.

– Аяя, ябло! Аяя! – нахваливают маньчжуры обледеневшие, твердые, как камень, плоды.

– Да уж, хороши ли, худы ли, а нужно, видно, брать, когда лучшего ничего нет, – говорят покупатели, сомнительно постукивая ледяными яблоками о стенки маньчжурских лавок».

Фруктовый магазин «Крым» (между Зейской и Амурской, дом Бохановского) снабжался из Европейской России. Как уверял его хозяин господин Галеев, «всегда имеются разнообразные фрукты, яблоки анисовые, антоновка, красавка, апорт, ташкентский виноград и прочее».

Виноград продавали фунтами (10-15 к.), апельсины – поштучно (20 к.) или ящиками (2 р. 50 к.-2 р. 80 к.). К Рождеству и под Новый

год контрабандисты вместе с водкой несли из Китая... ананасы. Конечно, тоже мороженые.

Речная рыба продавалась фунтами: осетрина по 30-40 к., «калужина» – по 20-25 к., тайменина – по 18-20 к., ленки – по 14-18 к., а омулями торговали поштучно – по 15-20 к. за рыбку. Селёдка стоила совсем дешёво – 40 к. за сотню. Правда, во Владивостоке, и то во время «рыбалки», то есть путины.

А случались на амурских базарах и такие «чудеса». «Эхо» 1 июля 1910 года: «Санитарная комиссия осматривала бочки с рыбой у китайца Лю-Ван-Дю. Под несколькими слоями рыбы лежали поленья дров, старые штаны, сено, тряпки и т. д. Бочки запечатали, облили керосином и отправили сжигать».

Самым ходовым товаром в рыбных рядах была кета. «Беднейший люд питается главным образом рыбой кетой, – сообщает газета «Амурский край» в августе 1904 года. – Это своего рода сахар и хлеб для бедных. Обед у большинства местных пролетариев варится не каждый день». «Цены на солёную кету заметно поднимаются, – тревожится газета «Эхо» осенью 1908 года. – Уже 10 копеек за фунт. Возрождение особо чувствительно для малоимущего класса, для которого кета является одним из главных продуктов питания».

Ну, а в 1916 году (идет Первая мировая война, инфляция и дефицит всего) большой удачей было купить горбушу по 18 копеек за фунт. Чтобы как-то сдерживать цены, городская управа организовала тогда продовольственную лавку («на Гостинодворском базаре в каменных рядах позади пожарного обоза»). Все, что было в лавке, продавали по твёрдым ценам, исключительно в розницу и за наличный расчёт, а рыбу – по одной штуке в руки. Но это было после. В 1909 году базарные ряды были ещё полны снеди.

А как продавали то, что невозможно было взвесить, например, сено? Сено продавали возами. В зависимости от качества и спроса – то по три, то по шесть рублей за воз. Летом 1910 года сена было так мало, что однажды казак станицы Игнатьевской оказался на Ремесленном базаре один со своим возом сена (17 февраля на том же базаре было около 200 таких возов!). Планировал продать за четыре рубля, но покупатели подняли цену до семи, и никто не хотел уступать – чуть не в драку. Спор разрешил городской: он велел разделить сено на семь куч и каждую продать за рубль.

Одним из самых востребованных товаров на базарах были дрова. Их продавали особыми мерами. Летом 1910 года было опубликовано обязательное постановление городской думы, в котором был расписан порядок кладки дров при продаже из складов, с плотов, возов и прочего. «Кладка должна производиться мерою в одну сажень высоты (*чуть больше двух метров*). Все торговцы дровами должны иметь меры, утверждённые управой. Кладка дров должна быть плотная, в каждой сажени дрова должны быть одной породы, иметь одинаковую длину и качество».

Нарушителей штрафовали, но были особые специалисты, которые умели укладывать дрова так, что больших дыр не видно. Купит обыватель, к примеру, две сажени дров, а дома окажется, что одной четверти не хватает.

Базарные старосты – их выбирали из числа торговцев – и такие же выборные члены торговых делегаций регулярно проводили проверки. Если находили неклеимённые весы, гири, меры для сыпучих продуктов, дровяные меры или аршины для измерения тканей, «протоколили» нарушителей, направляли материалы в суд. «Управа привлекает к судебной ответственности за использование неклеимённых весов прапорщика запаса Д.И. Попова, крестьянина М.И. Ермакова и турецкоподданного И. Камикан-Оглы. Все – мелочные торговцы», – сообщала газета «Эхо» в ноябре 1908 года. По итогам одной из проверок в тот год было составлено сразу около 30 протоколов. Позже мировой судья выписал провинившимся штрафы, а китайского подданного Су-Ха-И за обвес покупателей отправил на месяц в тюрьму.

Существовало и более суровое наказание. 29 февраля 1912 года та же газета напечатала заметку: «Амурская казённая палата сообщила, что приговором Иркутского губернского суда читинский купеческий брат Е.И. Риф, читинский мещанин И.Н. Говерник и динабургский мещанин Ф.Ш. Ноймо признаны виновными в употреблении неверных весов с целью обвешивания покупателей и навсегда лишены права торговли». В октябре того же года ещё одна заметка: «Амурской казённой палатой за обвес покупателей лишены права торговли благовещенские торговцы Батар Абдул-Оглы и Вердиев-Кочаров».

Базарные хроники

(по материалам газет «Амурский листок», «Амурская газета», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

«Получка у многих 20 и 21 числа. Тогда жители массово закупают продукты. Некоторые торговцы на базарах именно в эти дни поднимают цены».

«На Амурском базаре мясники – народ весёлый. В субботу, по обыкновению, начали с балалайки, перешли на карты, закончили дракой».

«Мясо на жаре быстро портится. Его засаливают, при этом применяют селитру. Берут её столько, сколько рука захватит».

«По распоряжению управы спешно убираются на Амурской базаре лавки Загородникова, Саяпина и Качалина. На Гостинодворском торговцы выбрались из цинковых рядов: управа убирает их. Торговля на Чуринской площади продолжается только с возов».

«Новое распределение лавок на Чуринском базаре: параллельно магазину Чурина в два ряда будут овощные ряды, через некоторое расстояние от них – бондарные, параллельно двору городской управы в два ряда – места для торговли всякой живностью и всякого рода пищевыми продуктами. Площадь остаётся свободной для торговли с возов».

«В последнее время с баржи «Кондор» и из китайской лавки Юн-Хо-Шина на Гостинодворском базаре несло каким-то зловонием. Санитарная комиссия, осмотрев оба помещения, обнаружила, что запах идёт от китайской редьки, которую называют пеканза, сложенной в большой массе. Городской ветеринарный врач, исследовав редьку, нашёл, что в пищу она пригодна, а запах её – природный. Комиссия просит редьку убрать куда-нибудь подальше от жилых помещений, дабы не заставлять страдать носы обывателей и прохожих».

«При городских весах на Вознесенском базаре продаются сено прессованное, рассыпное, овёс, пакля, мох, смола, дёготь и древесный уголь. По заказу могут быть заготовлены солидные партии».

«Торговцы с возов отказываются платить городской возовой сбор 20 копеек. Управа до настоящего времени взимала этот сбор только с китайцев. Местным полицмейстером отдан приказ всем городским приставам способствовать управе в настоящих об уплате сбора. Не подчиняющихся торговцев будут удалять с базара силами полиции».

Вразвоз и вразнос

Уже в 1899 году «мясная торговля в доме Буянова» принимала по телефону заказы на доставку покупок на дом. В 1908 году китаец Чан-Се-Ле планировал наладить торговлю бараниной вразвоз – «до крыльца». В управе бурно обсуждали прошение торговца. Противники идеи заявляли, что, во-первых, это несправедливо по отношению к тем, кто арендует лавки, во-вторых, придётся разрешить продавать вразвоз и говядину, и свинину, в-третьих, доставку невозможно контролировать, а потому «будут развозить дохлую скотину». В конце концов, управа решила, что клеймо микроскопической станции на бараньих тушах сохраняется хорошо, а потому торговать этим мясом вразвоз можно.

Осенью 1908 года «для удобства потребителей и в видах завоевания рынка» по городу начали разъезжать развозчики керосина (его использовали для приготовления пищи на керосинках, керогазах, примусах и для освещения). «Торгово-промышленный листок объявлений» 1 ноября рассказал о новшестве подробно: «Сравнительно с недавнего времени на городских улицах можно видеть большую зелёную бочку с надписью «Керосин». Продавец останавливается по первому требованию и приступает к торговле, отпуская керосин по сниженной цене. Торговля идёт недурно особенно в отдалённых от магазина кварталах. Главными покупателями является беднота, для которой остроумное предприятие является очень удобным: 2 р. 65 к. за банку недорого, доставляют прямо в дом, что удобно».

В 1916 году та же банка керосина стоила уже 4 рубля 30 копеек, и брать её приходилось с боем. В личном архиве краеведа Г.С. Новикова-Даурского в Государственном архиве Амурской области хранится вырезка из газеты «Благовещенское утро» за декабрь 1916 года, в которой сообщается: «2 декабря, во время продажи керосина на Амурском базаре в лавке господина Жука одной женщине банкой была ушиблена голова; по словам очевидцев, приказчики с трудом сдерживали образовавшуюся толпу «жаждущих керосина».

В этом же номере газеты – стихотворная версия заметки, написанная Фёдором Чудаковым (он часто так комментировал городские новости). Называется стихотворение «Влага жизни».

У облезлого прилавка
Превеликий шум и давка.
Крик, и гром, и вой, и звон,
И Содом, и Вавилон.
Но почто же всяк и каждый
Держит банку иль бутылку?
Аль томится страшной жаждой,
Как в сухой степи ковыль?
Речи злобны, речи пылки:
«Эй, скорее полбутылки!
Эй, прикащик, шевелись!»
Кое-кто разделся даже!
Весь в большом ажиотаже –
«На полбанки размахнись!» –
Чтоб вольней могла рука
Дать соседу тумака.
Банки в воздухе мелькают,
Шум и крики не смолкают:
«Эй, солдатка, слышишь, эй!
Осторожней! Не пролей!»
Что так лавку облепили?
Али водку разрешили?
Нет! То русский гражданин
Получает... керосин!

В жаркое время года одним из самых востребованных товаров был квас. Дело прибыльное, и торговкам квасом приходилось бороться за наиболее выгодные места, занимать их с двух-трёх часов ночи! «Было много недоразумений», – как деликатно выразился один из жителей Благовещенска. На самом деле спорили и ругались на чём свет стоит. Наконец, однажды конкурентки решили навести порядок и постановили выходить на лучшие места по очереди. «А одна отказалась повиноваться, – сообщил «Торгово-промышленный листок объявления». – Когда она не в очередь заняла выгодное место, дело дошло до драки. В свалке участвовало до семи баб. Драку прекратил городской. Он же посоветовал бабам обратиться в суд и в управу». Обратились ли, разбирались ли, неизвестно.

Управа тоже имела отношение к квасному бизнесу: она сдавала в аренду квасные киоски, причём, за очень большие деньги. Некоторые – по 1000 рублей за лето! Каково же было возмущение честных арендаторов, когда на улицы города выходила целая армия квасников с тележками. Они продавали квас по той же цене, что и киоскёры, но ничего не платили городу за право торговли!

Сдавая киоски, управа тем самым брала на себя обязательства защищать интересы своих арендаторов, но ничего не получалось. Каждый раз, когда городовые начинали гнать или пытались задержать «квасников» за незаконную торговлю, за них вступалась толпа и не давала увести в участок. Тогда представители городской управы стали действовать иначе: составляли протоколы, передавали их в суд, там выносили решение. За неисполнение обязательного постановления, запрещающего продажу кваса вразвоз, мещанке Евдокии Голубевой присудили штраф в один рубль, крестьянину Кутаисской губернии Хокадзе – в 10 рублей, так как не первый раз нарушал, крестьянину Амурской области Иванову – в 3 рубля...

Магазины

Торговля промышленными товарами была организована в Благовещенске своеобразно. Грузы из России начинали поступать с Верхнего Амура вскоре после вскрытия рек, обыкновенно – в мае, а из-за границы несколько позже – с Нижнего Амура, через Николаевск. Навигация длилась только шесть месяцев. Для того, чтобы в таких условиях заниматься коммерцией, нужны были большие финансовые средства, коммерческий талант, готовность к серьёзным рискам и, в немалой степени, везение. Несмотря на объективные сложности, до начала Первой мировой войны благовещенские торговые дома и магазины предлагали огромный ассортимент товаров.

Через тридцать четыре года с момента основания города, в 1890 году, в Благовещенске вели торговлю больше 140 мелочных лавок и 22 крупных магазина, в числе которых торговые дома И.Я. Чурина, М.А. Коковина и И.А. Басова, Г. Кунста и Г. Альберса.

1908 год: в Благовещенске числится 744 торговца.

1910 год: в Благовещенске 968 магазинов и лавок.

В 1909-1910 годах город переживал торгово-строительный бум: один за другим открывались магазины и каждый новый был шикарнее других.

«Торговый дом «Коротаев с С-ми» извещает покупателей, что открыт новый магазин в каменном здании по Амурской, между Садовой и Чигиринской, в котором имеются в продаже обувь, галоши, шубы и катанки, швейные машинки, мужское готовое платье, дорожные вещи, ковры, принадлежности для портных, скобяной товар, карамель, чай, сахар, спички, мыло, духи, одеколон, уборы венчальные, лампы, стёкла, посуда и другие товары».

На углу Садовой и Амурской в 1909 году начались приготовительные работы к строительству магазина Е.З. Платонова: «Ещё одно большое каменное здание обогатит в непродолжительное время наш город»; «В скором времени при табачном магазине Лазариди

начнёт функционировать первая в крае фабрика готовых папирос»; «Вновь открыт специальный ружейный и велосипедный магазин под фирмой «Спорт» А.И. Козьменкова (Американский переулок, дом Семерова, рядом с «Кунстом и Альберсом»); «В скором времени откроется специализированный магазин обуви М. Лысенко из Владивостока: угол Большой и Мастерской, дом Котельникова, где был магазин К. Зингера».

В мае 1912 года в городской думе обсуждался проект строительства огромного торгового центра. Несколько гласных, «указав нужду в центральных местах для торговли», предложили выстроить на углу Графской и Большой 5-6 этажное (!) здание пассажа для торговых помещений, контор, бюро и т. д. Причём, настоятельно советовали не останавливаться перед расходами, какими бы великими они ни окажутся, потому что «всё окупится в три-четыре года». Предложение, как полагается, передали на рассмотрение строительно-финансовой комиссии, там подсчитали расходы-доходы и решили не рисковать. Как в воду глядели.

Всего через четыре года, в 1916-м, по всей стране усиливается экономический кризис, растут цены и, как следствие, в Благовещенске один за другим магазины ликвидируются. «На местном рынке недостаёт почти всех товаров, – писала одна из местных газет. – Даже часть крупных торговцев прекратила торговлю. Возможная причина – прејскуранты московских фабрикантов, где цены необычайно завышены. Невероятно выросли и расходы на провоз товаров». Ещё через год грянула революция. Но это впереди, а пока дела идут неплохо.

«Парфюмерный магазин Даумана. Большой выбор галстухов модных фасонов. Духи разных фабрик и всевозможных запахов, заправки, машинки для стрижки волос, щётки головные, зубные, ногтяные, порт-папиросы, порт-сигары, подтяжки резиновые и шелковые, туалетный уксус и прочее. Так как товары получаю прямо с фабрик, цены самые умеренные, в чём господа покупатели могут убедиться лично. Г.И. Дауман»; «Специальный электрический магазин М.С. Кравчинского. Улица Большая, собственный дом во дворе, рядом с кондитерской Ефимова. Экономичные лампы, электромоторы, электронасосы, большой выбор люстр»; «В магазине С.С. Шадрина (Мастерская, между Большой и Набережной) в большом выборе посуды чайная и столовая. Получены почтой сельди в белом вине»; «Магазин «Восходящее солнце» Кумазава (Иокагама). Американский переулок. Бумажный креп разного цвета. Отрезы на кофточках. Разные шелковые материи»; «Варшавская шляпная мастерская. В большом выборе касторовые и фантази-шляпы, большой выбор модных отделок. Улица Большая, между Благовещенской и Мастер-

ской, рядом с магазином Котельникова»; «Самовары от 55 копеек за фунт в магазине С.С. Шадрина» (*самовары продавали по весу*); «В самом непродолжительном времени мною открывается в Благовещенске книжный магазин в коем будут иметься книги по всем отраслям науки и знаний. Иванов»; «Магазин П.Я. Жук (угол Амурской и Садовой). Получено и поступило в продажу по сходным ценам: обувь сарапульская, ичиги разных сортов, подошвенная кожа, шубы, волнистое и чёрное листовое железо, чугунные плиты и вьюшки, проволочные гвозди, швейные машинки»; «В магазине Юн-Хон-Зана всевозможные ткани: фай, канфа, гарнитур, фанза, чечуча, альбомы, рамки, ридикюли и рабочие мешки, ширмы, вазы клаузоне,¹⁴ серви-зы японского фарфора, лакированные изделия, из слоновой кости и черепахи, фисгармонии, консервы, фрукты».

Магазин Архимовича. Магазин благовещенского купца 2-й гильдии М.И. Архимовича на Большой, в доме ТД «Коковин и Басов», против Общественного сада, предлагал «часы, ювелирные изделия, золотые и бриллиантовые вещи, резьбу по золоту и серебру». Здесь же была мастерская по ремонту часов и ювелирки. Оптический отдел был «снабжен всеми аппаратами для определения зрения и подбора стёкол».

22 февраля 1910 года случился грандиозный пожар, в результате которого сгорело несколько богатейших торговых заведений и фирм Благовещенска, в том числе ювелирный магазин Архимовича. Мордуху Иосифовичу повезло больше других – его товар был весь спасён и уже 6 марта он возобновил торговлю «при шапочном магазине Левентас» на Большой улице, а через месяц обосновался в доме Отто Тима («против почтамта» – это рядом с пожарищем, очень бойкое место).

В июле того же года – новое событие. Начальник сысского отделения получил от своего агента сообщение, что 24 июля на ювелирный магазин Архимовича готовится покушение через подкоп. Предупредили хозяина. Он с несколькими служащими всю ночь просидел с револьверами в магазине. Никто не пришел. В воскресенье организовали новую засаду и точно: через дыру в подполе вылез человек, пошел по магазину, но, увидев людей, бросился бежать. Казаки на улице помогли его задержать. Он назвался ссыльнопоселенцем Митцке. Подкоп он сделал почти шестиметровый.

В благодарность за обнаружение подкопа, своевременное предупреждение и энергичные меры владелец магазина поднёс начальнику сысского отделения золотые часы с золотой цепочкой. А Митцке пошел по этапу.

В марте 1917 года ювелирный магазин рекламировался уже иначе, чем прежде: «Часы, золото, серебро и оптика в магазине т-ва

«Ханутин и Ко» (бывший Архимовича). Мастерская и Большая, дом взаимного кредита». Вовремя продал.

Магазин Гурикова. В апреле 1909 года в строительном бюро инженера Лашенко завершили проект нового здания магазина П.М. Гурикова на Большой, между Мастерской и Американским переулкам. 30 сентября 1910 года специальный магазин готового платья, обуви и белья открылся.

Сейчас товары возят контейнерами, а сто с лишним лет назад их отправляли посылками. В сентябре 1912 года газета «Эхо» сообщала: «Благовещенская таможня в настоящее время завалена досмотром массы посылок, прибывших с последними пароходами. Только в адрес двух лиц – Гурикова и Лейниак – прибыло транзитом из Германии и Франции до 300 посылок».

Ничто не предвещало беды, и вдруг 27 декабря 1912 года Рождественский сочельник ознаменовался грандиозным пожаром. Лучше об этом расскажет очевидец – репортёр газеты «Эхо»: «Около пяти часов вечера на Большой улице загорелся уже запертый магазин готового платья фирмы «М.Т. Гуриков с сыном и Ко». К шести часам двухэтажное каменное здание, служившее одним из лучших архитектурных украшений главной улицы, представляло море огня. Со звоном трескались и падали на мостовую огромные зеркальные стёкла, рушились балки, проникнуть в полыхающее здание не представлялось возможным. Спасти товары не удалось. Огонь угрожал находившемуся напротив деревянному дому Общества взаимного кредита, где помещаются аптека Файнберга и книжный магазин Смертина. Пришлось отстайвать этот дом, закрыв его фасад брезентами и войлоками. На пожаре присутствовал военный губернатор, были вызваны воинские части. Помещавшийся в подвальном этаже ресторан «Унион» также сгорел. Печальный вид имеет наша главная улица с задымленным остовом Гуриковского дома. Убытку причинено приблизительно на 600 000 рублей. Здание было застраховано в обществе «Русский Ллойд».

Через несколько дней для осмотра здания и определения убытков от пожара из Иркутска выехал страховой агент. По словам этого агента, убыток от сгоревшего здания заявлен обществу в 80 тысяч рублей.

Сгоревшее здание было продано, перестроено и в 1915 году стало гостиницей «Кондрашовской».

Торговый дом «И.Я. Чурин и Ко». Одно из крупнейших предприятий обширного региона торговый дом «И.Я. Чурин и Ко» был основан в 1867 году. До перевода в Москву его главная контора находилась в Благовещенске. Торговый дом имел огромное количество филиалов по всему Дальнему Востоку, Восточной Сибири и Маньчжурии.

Основал торгово-промышленную империю И.Я. Чурин, сын иркутского купца самостоятельно начал заниматься коммерцией в 20 лет, участвовал в Амурских сплавах Н.Н. Муравьёва. К 1917 году созданная Иваном Яковлевичем фирма имела оборот в 35 миллионов рублей. Успешно действовал торговый дом и после революции, уже на территории Китая, вплоть до продажи фирмы в 1935 году. Особенность коммерческой деятельности Чурина была в том, что во всех его магазинах и лавках продавались только качественные товары и по адекватным ценам.

Главный универсальный магазин Чурина в Благовещенске был построен в 1897 году, уже после смерти основателя фирмы (Иван Яковлевич скончался в 1895 году). Имя архитектора, который проектировал здание, неизвестно. Говорят, что, познакомившись с готовым проектом, преемник И.Я. Чурина управлявший компанией, А.В. Касьянов решил, что магазин слишком велик для Благовещенска и велел разделить проект надвое: одну часть здания построили в Благовещенске, другую – в Харбине.

Второй «чуринский» магазин в Благовещенске открылся в 1899 году «в собственном вновь отстроенном здании по Амурской улице, – сообщала «Амурская газета». – Магазин снабжен мануфактурными, скобяными, игольными, галантерейными, парфюмерными товарами, платьем, бельём, водками, винами, гастрономическими и другими товарами». Были ещё оптовый магазин (в Училищном переулке) и здание «Чайной развесочной и розлива вин» на Торговой улице.

Кроме торговли фирма Чурина занималась производством. Только в Благовещенске у неё имелись: кожевенный, верёвочно-канатный, войлочный, мыловаренный, винокуренный заводы, фабрика красок, содоварка, папиросная мастерская, спичечная фабрика, мельница, типография с фабрикой конторских книг, собственная электростанция, производство толя.

У торгового дома были сотни поставщиков из Европейской России, Сибири, стран Европы, Америки, Азии, а сама фирма была единственным представителем многих торговых марок в обширном регионе, о чём обязательно сообщалось в рекламе: «Торговый дом «Чурин» состоит единственным представителем в Амурской, Приморской, Забайкальской областях и рекомендует как лучшую по качеству машину, арматуру и принадлежности для парового отопления завода «Гакенталь и Ко» в Москве, а также ружей и охотничьих принадлежностей известного ружейного фабриканта И.Ф. Петрова в Ижевском заводе»; «Забайкальская вода «Дарасун». Единственный представитель – «ТД «Чурин»; «Чурин – единственный представитель в Амурской, Хабаровской, Забайкальской областях и в пределах Российской Маньчжурии пишущих машинок «Смис-Премьер» пред-

лагают таковые различных величин, с открытым шрифтом и новейшими усовершенствованиями»; «Только ТД «Чурин» имеет представительство в Сибири и на Дальнем Востоке на специальную обёрточную и бутылочную бумагу. В громадном количестве разные сорта бумаги и специального сорта желтая глазуванная разной плотности, бутылочная с одной и двумя сторонами, глянцевая, разных цветов»; «Шампанское «Ирруа»! Единственный представитель для Дальнего Востока ТД «Чурин и Ко». Общеизвестное высокое качество. Поступило в продажу Sec.demi-sec, Extra sec. 4 рубля 75 копеек бутылка». У «Чурина» можно было купить абсолютно всё (если не было в наличии, оформляли заказ).

В фирме была прекрасно налажена перевозка грузов саними, телегами, пароходам, лодками, на плотах, по железной дороге. Транспортными услугами «Чурина» пользовались частные лица, фирмы и государственные структуры. В 1909 году, когда в третий раз (!) была основана Камчатская область, поставкой материалов для постройки каменных зданий администрации полуострова занимался торговый дом «Чурин и Ко», так как предоставил лучшие условия.

В том же году открылось отделение чуринского торгового дома на крайнем северо-востоке Азии – мысе Дежнёва. «На пароходе «Варг» туда отправляются служащие и много груза, предназначенного для ведения меновой торговли с жителями Чукотки, – писала газета «Эхо». – Это первый опыт. До этого торговля с местными жителями была исключительно в американских руках».

...28 декабря 1908 года в Южной Италии произошло разрушительное землетрясение, главной жертвой которого стал город Мессина. Здесь погибло более 75 тысяч человек, цунами высотой 10 метров довершило разрушение города.

Через несколько дней после землетрясения Максим Горький, который с 1906 года жил на итальянском острове Капри, опубликовал воззвание: «Ужасное несчастье постигло страну – учительницу культурного мира. Посильною помощью в дни горя проявите благодарность за великие уроки, данные этой страной народам и всему миру. Прошу все газеты – провинциальные и столичные – перепечатать письмо. Максим Горький. P.S. Деньги можно адресовать Италия, Капри, Горькому».

В числе первых на призыв писателя отозвался Благовещенск, а именно, торговый дом «И.Я. Чурин и Ко». Об этом стало известно благодаря благовещенской газете «Эхо». 10 февраля 1909 года в ней разместили письмо М. Горького, ранее опубликованное в газете «Русское слово»: «Торговый дом «И.Я. Чурин и Ко» прислал телеграфом на моё имя в пользу пострадавших в Сицилии и на Калабрии 500 лир. Торговый дом не сообщил своего адреса, и я не знаю, куда

посылать расписку в поступлении этих денег. Посему покорно просил бы вас напечатать это письмо, надеясь, что почтенные господа Чурины заметят его и сообщат свой адрес. М. Горький».

Писатель не мог знать, что основателя торгового дома уже не было в живых. Руководил фирмой купец первой гильдии компаньон-распорядитель А.В. Касьянов, один из тех, кого называли благодетелем Благовещенска. Вот только несколько примеров участия легендарного торгового дома в жизни города. В феврале 1911 года по поручению А.В. Касьянова военному губернатору Амурской области было переведено 3000 рублей в пользу благовещенского Народного дома с просьбой сделать его неприкосновенным и присвоить имя «Капитал в память освобождения крестьян»; приюту Лечебно-благотворительного общества были пожертвованы слесарные и столярные инструменты на 1500 рублей; в декабре того же года в дар училищу имени Наследника Цесаревича прислано 107 картин для волшебного фонаря стоимостью 111 рублей 60 копеек; в декабре 1912 года Перво-му мещанскому училищу было пожертвовано разного рода книг, картин и коллекций на сумму 285 рублей, приюту подкидышей – 3000 рублей на содержание от процентов с этого капитала двух именных кроваток в память Екатерины Ивановны Касья-

яновой». Список пожертвований чуринского торгового дома бесконечен.

...Около 15 лет проработал в ТД «И.Я. Чурин и Ко» И.И. Шашков: девять лет в Благовещенске и ещё шесть – в Зее-Пристанни. В северном городке он занимал должность доверенного лица и «положил много труда» на улучшение и расширение зейского отделения: построено красивое здание «с роскошным подвальным помещением», четыре дома для конторы и служащих.

«Новый магазин стал роковым для Шашкова, – писал корреспондент газеты «Амурский край» летом 1910 года. – К открытию магазина был прислан господин Ремнёв. Сначала как бы в помощники, потом, оказалось, для замены. Фирма до последнего держала покойного в уверенности, что он остаётся на своём посту. Компаньон господин Хаев (*представитель ТД «И.Я. Чурин и Ко»*) накануне отъезда из Зеи любезно выразил благодарность и объявил, что переведёт Шашкова в Харбин. Вскоре после этого пришло письмо с приказом сдать магазин, о переводе – ни слова. При сдаче оказалась недостача в 8000 рублей, за что по распоряжению благовещенской конторы Шашков был предан суду. Предстоящее позорное судебное следствие было ближайшей причиной роковой развязки. Покойный оставил письмо жене, в котором просил простить его, так как растрата происходила постепенно, в течение шести лет, главным образом от забора товаров и припасов, вызывалась дороговизной жизни и расходами на открытую жизнь его как представителя крупной фирмы. Он желал пополнить перебор, фирма не согласилась, всё было напрасно, и Иван Иванович застрелился. Семья осталась без средств, а детей пора учить».

...Некоторое время после революции торговый дом ещё функционировал в Благовещенске. Уже совсем на других условиях. Вот, к примеру, документ марта 1920 года из фондов Государственного архива Амурской области: «Торговый дом И.Я. Чурина просит разрешения у комиссариата снабжения и продовольствия на приобретение у одной из местных фирм 100 пар ботинок для розничной торговли». В 1929 году все дела в России были уже ликвидированы. Чуринский торговый дом успешно действовал в Китае ещё несколько лет.

Торговый дом «Кунст и Альберс». История торговой фирмы «Кунст и Альберс» началась в 1864 году во Владивостоке. Фирма активно расширяла географию присутствия и через двадцать с лишним лет заявила о себе в Благовещенске: в 1887 году «Кунст и Альберс» арендовали участок для строительства нефтяного склада, а на следующий год командировали на Амур своего представителя – «русского немца», как он себя называл, А.М. Клосса.

Благовещенск как главный транспортный и торговый центр региона становился самым перспективным в плане коммерции, и «Кунст и Альберс» решили закрепиться здесь основательно: в 1889 году открылся отдел оптовой торговли, в 1893 году был построен одноэтажный склад и заложен фундамент главного магазина (теперь в этом здании размещается Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского).

Автор проекта одного из красивейших зданий Благовещенска – военный инженер Э.И. Шефер. Авторы книги «Архитектурное наследие Благовещенска» Т.А. Холкина и Л.А. Чаюн¹⁵ пишут, что за образец Эдуард Иванович взял Московские верхние торговые ряды (ГУМ), в то время – крупнейший в Европе универмаг.

Главной проблемой, с которой столкнулись заказчики, стало отсутствие в Благовещенске квалифицированных строителей. Пришлось командировать из Владивостока давно работавшего на фирму китайского подрядчика Лао-Джин-Гэгина с его командой и плотника шведа Г. Йохансона. К зиме 1895 года первая очередь нового магазина была построена.

Торговый дом «Кунст и Альберс» был одним из проводников прогресса на Дальнем Востоке. Первую электростанцию немцы построили в 1893 году во Владивостоке; с 1900 по 1902 год такими же локомобильными электростанциями оборудовали крупные филиалы торгового дома в Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Благовещенске. В первые годы XX века в благовещенском филиале фирмы устроили артезианский колодец, оснастили его мощными насосами; купили первую в городе выдвигную лестницу (когда с её помощью «навешивали на магазин» новые вывески, зрелище собирало толпу зевак); установили в магазине систему биологической очистки нечистот (такую же систему позже городская управа купила для Алексеевской женской гимназии).

Через торговый дом «Кунст и Альберс» город приобретал самые разные новинки техники: систему парового отопления для нового здания женской гимназии, рентгеновский аппарат для городской больницы, агрегат и материалы для «шоссировки» улиц. Прогрессивным был торговый дом и в отношении своих служащих: фирма оборудовала для них тёплый кегельбан, столовую, библиотеку и каждый месяц устраивала вечера с танцами.

Благовещенский магазин «Кунст и Альберс» отличался от обычных универмагов тем, что здесь оказывали дополнительные услуги: банковский отдел принимал вклады из расчёта 2,5-6%, осуществлял переводы, выдавал аккредитивы путешественникам; страховое отделение предоставляло интересы одиннадцати страховых агентств, в том числе и пароходных.

Магазин «Кунст и Альберс» тратил огромные средства на рекламу.

«Транспорт с иностранными новостями прибыл. Шляпы, кэпи, капоры, саки, пыльники, капоты, матинэ, вуали, корсеты, кушаки». Как обычно, через несколько дней после такого сообщения в дамском отделении была устроена выставка «сезонных новостей и разных дамских вещей». Как сообщала газета, «в выставку эту, изящно декорированную, вложено много вкуса и старания».

«Наивысшего качества патентованные нескользящие резиновые калоши «Колумб» продаются у единственных представителей на Дальнем Востоке – в магазинах ТД «Кунст и Альберс».

«Первым парходом получено! В дамском отделении: платья дамские батистовые и полотняные, жакеты кружевные, нарядные дамские шляпы. В мужском отделении: тужурки белые и альпаговые, шляпы соломенные и касторовые, воротники, галстуки, носки, кафтаны кучерские, безрукавки бархатные, брюки кожаные. В дамском галантерейном отделе: корсеты, причёски модные (парики и накладки из волос), сумочки металлические, гребешки. В посудном и мебельном отделах: коляски и велосипеды детские, столы ломберные, примусы и кухни керосиновые и спиртовые, души комнатные. В мануфактурном отделении: батист мересеризованный, муслин, мадепалам, нансук, сарпинка, тарлатан, молексин, манчестер, кассия, нанбук. В бакалейном отделении: миноги в маринаде, в томате, масле. В скобяном отделении: ружья, огнетушители, инструменты, ложки, цемент».

«24 ноября открытие «Детского рая».¹⁶ Громадный выбор новейших игрушек и елочных украшений».

Даже пожары, которые иногда случались в магазине, по-своему рекламировали качественный товар, который здесь продавался. В октябре 1908 года на чердаке среднего северного корпуса загорелся решётник, поддерживающий крышу, в декабре 1909 года вспыхнула вата возле рождественской елки. В обоих случаях пожары потушили быстро, убыток был несущественный, «большую пользу принесли огнетушители «Плювиус», которыми действовали служащие». Огнетушители неплохо продавались.

У «Кунста и Альберса» были самые завлекающие витрины. Они не просто демонстрировали товар, а разыгрывали целые представления, причем, нередко на злобу дня. Осенью 1909 года в одной из витрин магазина оформители изобразили сцену экспроприации (ограбления)! «Момент схвачен и передан очень живо и интересно: контора, служащие и бандиты в масках», – писал репортёр одной из газет. Незадолго до оформления витрины вооруженные бандиты ограбили на 10 000 рублей контору Тетюкова.

В тот год вообще было особенно много грабежей. Филиал фирмы «Кунст и Альберс» единственный из крупных торговых предприятий города за свой счёт учредил «пост охраны из одного городского при готовой квартире с отоплением и освещением, обмундированием и вооружением». Административно городской подчинялся полицмейстеру.

Да, в Благовещенске и окрестностях орудовали разбойники всех мастей, потому что здесь деньги водились (даже батраки зарабатывали в зазейских хозяйствах по 250, а батрачки – по 200 рублей в год). По той же причине и торговля шла успешно. Несмотря на огромное расстояние от Европы, почти в каждом крестьянском (!) доме за Зеей можно было увидеть венские стулья, дорогие висячие лампы, швейные машинки, другую бытовую технику, обычно редкую в домах крестьян Европейской России. Амурчане знали, где можно купить всё, что угодно – у «Кунста и Альберса» и Чурина.

Дешевка

Время от времени размеренную жизнь Благовещенска взрывали распродажи. Их тогда называли «дешевками». Особенно грандиозные «дешевки» проводил торговый дом «И.Я. Чурин и Ко» («Кунст и Альберс» почему-то такими щедротами публику не баловал). Они собирали толпы народа и нередко имели печальные последствия – то придают кого-нибудь, то обворуют.

В ноябре 1908 года главный чуринский магазин, где происходила распродажа «отобранного товара», целый день осаждался толпой в 150-200 человек, преимущественно – женщин. Ажиотаж был такой, что покупатели выдавили стёкла в двух витринах, трёх женщин «серьёзно помяли», одному мужчине повредили глаз, а нескольких любителей «дешевки» обворовали.

Журналисты с удовольствием описывали обстановку, в которой проходили распродажи: это было и захватывающее зрелище, и своего рода соревнование. «Около магазина Чурина толпа народа, все стремятся к маленькой узкой двери, а потому, не стеснясь, добросовестно работают локтями, – докладывал корреспондент одной из местных газет в апреле 1912 года. – Часам к 12 дня толпа увеличилась настолько, что места на тротуаре не хватило и часть ожидающих впуска в царство дешевки перебралась на дорогу. Когда отворялась узенькая дверь для выпуска вспаренных покупателей и впуска свежих сил, получалась невообразимая давка, в которой перемешиваются кони, люди. Обладательницы скромных полинявших от времени платков яростно наступают на изящных особ, на головах которых красуются шляпы с гордыми султанами, маленькая ножка, обутая в изящную туфельку, во что бы то ни стало стремится перегнать

громадный сапог, пропитанный дёгтем, дабы первой перешагнуть заветный порог.

– Чего вы толкаетесь? Разве не видите, что я дама?

– А раз ты дама, так не при зря, а соблюдай очередь. Подумаешь, дама!

– Невежда! Нахал!

Барыня вынимает платок, освежает им нос и, выйдя из толпы, быстро скрывается за углом».

По бросовым ценам обыватели покупали «не только то, что нужно в действительности, но часто и то, о чём и не думали. А ещё уверяют, что в Благовещенске нет денег», – сетовал анонимный автор газеты «Эхо».

Распродажи устраивали по разным поводам: «Дешевка с большой уступкой во всех магазинах Ф.М. Ождженского по случаю перехода в собственный дом будет продолжаться с 15 до 31 декабря»; «Окончательная распродажа ввиду позднего получения товара и ликвидации дела в магазине готового платья по Большой, рядом с магазином Зингера, дом опеки Котельникова, с 3 декабря по 1 января, мужского, дамского, детского платья, только что полученного из Москвы по небывало дешевым ценам»; «Отделение магазина И.Л. Керкадзе. Благовещенская, угол Сенной площади, дом Тарасова, против торговли Шадрина. Ввиду объявления некоторыми фирмами дешевой распродажи назначаю продажу до 25 декабря сахара первого сорта по 25 копеек за фунт, виноградного вина – от 40 копеек за бутылку»; «В магазине Шелудякова по случаю экстренной ликвидации всего дела с 1 мая небывалая в Благовещенске распродажа действительно всех имеющихся в наличии товаров, сапожных инструментов и принадлежностей».

Часто «дешевку» проводили и без каких-то оговоренных поводов: «Торговля Кудякова на Чуриной площади. Дешевая продажа ватных саков и полусаков»; «Магазин товарищества братьев Бутряковых объявляет с 1 марта по 4 апреля сего года большую продажу. В третий и последний раз! Со скидкой на все товары до 50%»; «В японском магазине распродажа с 20-го, на короткое время»; «В магазине «Токио» Йоко (Мастерская, дом Русско-Китайского банка) со скидкой 20% распродаются разные японские товары. Каждому покупателю от пяти рублей прилагается премия»; «Магазин товарищества М. и Д. Самсонович (Мастерская, рядом с Русско-Китайским банком) только 23 апреля окончательная распродажа».

Лавочники тоже практиковали «дешевку». Технологию разъяснила газета «Эхо»: «Вся гниль вывозится на возу на базарную площадь и продаётся с аукциона. Роль аукциониста исполняет тот же лавочник, говоря, что продаёт товар за долги. Есть легковверные обы-

ватели, которые попадают на удочку и покупают эту гниль по ценам, превосходящим магазинные».

Благовещенский биржевой комитет предложил «по примеру других русских городов ограничить количество дешевых распродаж, считая таковые вредными для торговли и не благотворительствующими потребителям, так как по дешевке сбывается только завал, не имеющий никакой цены». Предложение было озвучено весной 1911 года, но городское самоуправление его не поддержало.

Покупатели

Среди покупателей попадались очень колоритные персонажи.

Летом 1905 года в Благовещенске образовался дефицит соли: ту, что привезли из Китая, задержали на таможне, та, что купили для города в Оренбурге, была ещё в пути. А соли требовалось много, потому что горожане в это время в массовом порядке заготавливали на зиму рыбу – солили.

Чиркин, прилично одетый господин, пришел за солью в главный чуринский магазин. Неизвестно почему, приказчик ему грубо отказал, но тут же продал соль другому покупателю. Тогда Чиркин «на глазах многочисленной толпы разбил девять огромных стёкол». Стекла были привезены из Европы или Америки (ближе такого производства ещё не существовало). По информации газетчиков, «их стоимость достигает, кажется, 9000 рублей».

Мировой судья приговорил Чиркина к штрафу в один рубль. Сумма для обычного обывателя существенная, но несоизмеримая с размером нанесённого ущерба. Наверное, рублевый штраф, – это не наказание Чиркину, а предупреждение владельцам и сотрудникам магазина: будете так обслуживать покупателей, вам стёкла будут бить каждый день и им за это ничего не будет. Или почти ничего.

В один из августовских дней 1910 года к торговке у почтовой пристани подошел господин Гачев. Он предложил женщине напоить его квасом за заранее установленную плату, то есть сколько он ни выпьет, а заплатит только 20 копеек. Наверное, это была неплохая цена. Женщина согласилась. Гачев одну за другой выпил все восемь бутылок, которые были у торговки. Потребовал ещё. Она принесла семь бутылок кваса. Их покупатель тоже выпил и на этом не успокоился, настаивал на «продолжении банкета». Торговка взмолилась: «Уйди, голубчик! Нет больше кваса». Гачев ушел недовольный.

Конечно, были среди покупателей и откровенные жулики. «Крестьянин привёз четыре свиньи, телка и пуд сала, – сообщала городская хроника. – Два прилично одетых господина купили всё. Один увёз покупки на извозчике, второй пошел в магазин Чурина

разменять деньги. Крестьянин долго ждал, потом понял, что стал жертвой обмана».

Магазинные хроники

(по материалам газет «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений» «Эхо» за 1904-1912 гг.)

«Большие магазины сахар отпускают только фунтиками и то при условии покупки не только сахару, но и других продуктов. Даже спички отпускаются не больше пачки (10 коробков) в одни руки» (1904 год, Русско-японская война).

«Нередко люди пробуют говорить на иностранных языках, когда желают скрыть тему разговора от третьих лиц. Недавно в одном из магазинов два приказчика сообщали друг другу свои весёлые похождения на иностранном языке, а присутствующая покупательница, знавшая этот язык, принуждена была слушать неприятные для неё вещи».

«В магазине готового платья С.С. Порсева дешёвая продажа со скидкой. Меховое, ватное и триковое – 25%. Дохи, пальто жеребовые, нерпичьи, новомодные пальто на меху и вате. Манто, пальто выхухолевые, плюшевые на меху и на вате. Муфты, горжеты, капоты, кушаки, перчатки, чулки. Детские меховые пальто и поддёвки. Цены вне конкуренции, скидок и распродаж. Большая ул., собственный дом против городской управы».

«Приставом 2-го участка во время обхода в воскресенье, 1 апреля, магазинов обнаружено, что в магазине Гурикова П.М. на Большой, в главном магазине и отделении на Амурском базаре ТД «Чурин и Ко» служащие заняты раскладкой товара. Доверенные владельцев объясняют, что все служащие явились на службу в выходной день по своему собственному желанию».

«В нарушение обязательного постановления 24 февраля после 6 вечера продолжал торговать магазин Платонова на углу Амурской и Садовой. Собравшаяся толпа (большинство – купцы) потребовала закрыть магазин. Прибывшая на место полиция магазин закрыла и составила протокол» (распорядок работы торговых заведений, в том числе продолжительность и занятость в выходные дни, регламентировался обязательным постановлением городской думы).

«Выкладка и выставка товаров из торговых помещений воспрещены обязательным постановлением городской думы. Часто какой-нибудь власть имущий гонит разложившего свой грошовый товар китайца. Никто не обращает внимания на выкладку и выставку товара из магазинов, принадлежащих Топазу, Тарасову и другим».

БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Гостиницы – Гостиничные хроники – Бани – Парикмахерские –

Сфера гостеприимства и всяческого обслуживания в Благовещенске была весьма востребована, а потому развита достаточно хорошо. Услуги предоставлялись самые разные.

Гостиницы

На рубеже веков в Благовещенске одна за другой открываются гостиницы, «организованные по образцу столичных первоклассных заведений».

В 1896 году господин Делорм, владелец «Континенталь-отеля», построил на Большой улице, против общественного сада, строящейся почтово-телеграфной конторы гостиницу и приглашал арендаторов.

В феврале 1899 года на Набережной улице против пароходной пристани начала действовать «Центральная» гостиница. Сорок роскошно мебелированных номеров отдавались по цене от 50 копеек до трех рублей в сутки. Господа квартирующие могли «пользоваться столом по весьма умеренным ценам».

С 1 марта 1909 года П.Н. Шнейдер арендовал гостиницу и ресторан «Россия». Решив «поставить всё по образцу первоклассных гостиниц Европы – роскошно, комфортно и удобно», Шнейдер сообщил почтенной публике, что администрация, не щадя средств, решительно всё заново переделывает и значительно улучшает.

Уже в мае работы по ремонту и переустройству закончились. Гостиница «Россия» предлагала 42 номера с электрическим освещением, первоклассный ресторан с роскошной верандой с видом на Амур, обширную бильярдную, центральные бани (ванны и душ), специальную прачечную, винно-бакалейный и гастрономический магазины. В ресторане до двух часов ночи играл салонный дамский оркестр. Реклама особо подчеркивала, что гостиница находится «под управлением вновь прибывшего из России метрдотеля». Чтобы ещё больше увеличить привлекательность заведения, арендатор попросил разрешения расширить веранду, чтобы она протянулась над тротуаром, то есть над головами гуляющей публики, и его просьбу удовлетворили. Злые языки утверждали, что в гостинице тайком по-крупному играли в карты, но блюстители порядка закрывали на это глаза.

«Кувшиновское подворье» – лучшая в городе гостиница по чистоте, порядку и комфорту, как сообщала реклама, открылась в 1913 году. Владельцы уверяли, что в гостинице 40 номеров, хотя полуподвал занимали склады, первый этаж – магазины, на третьем жили семьи Кувшиновых, Гридневых и Косицыных. Собственно, под гости-

ницу оставался только второй этаж. И где же там разместились сорок номеров? Может, их было меньше, да разве кто пойдёт пересчитать? А солидная цифра хороша для рекламы.

Номера были обставлены по образцу лучших европейских отелей. Телефоны – на каждом этаже! Цены номеров – от 1 до 10 рублей. Ванны. Образцовая кухня. Биллиардная на 10 столов, шары только слоновой кости. У «Кувшиновского подворья» было ещё одно преимущество: гараж собственных автомобилей. Авто подавались к приходу поезда, плата – 50 копеек. «Прошу не смешивать с новооткрывшейся гостиницей Кондрашова, – обращался к потенциальным жильцам через газеты лично управляющий гостиницей. – Прошу извозчикам не верить об отсутствии номеров».

Новооткрывшаяся – это «Кондрашовская гостиница» на улице Большой, в собственном доме. А дом – это сгоревший в 1912 году и перестроенный до неузнаваемости магазин Гурикова. Гостиница открылась в 1915 году и была оборудована по образцу столичных первоклассных гостиниц. В ней было 36 «роскошно мебелированных номеров» по цене от 2 до 10 рублей, четыре телефона – в ресторане, у швейцара, на втором и третьем этажах. Автомобилями эта гостиница не располагала, во всяком случае, в первое время.

Самой шикарной обещала стать гостиница в первом доходном доме, который планировало построить городское самоуправление. Дума постоянно генерировала разнообразные проекты: сооружение мола на Амуре, торговых рядов – на базарах, городской электростанции, водопровода, трамвая. В октябре 1912 года обсуждалось строительство огромного доходного дома. Под него отводился участок от Большой до Училищного переуллка между Торговой улицей и Американским переулком. В подвале и на первом этаже планировалось разместить магазины, на втором – конторы, на третьем – первоклассную гостиницу с залом, хорами, эстрадой, несколькими гостинными комнатами и рестораном. Дума объявила конкурс на разработку проекта с тремя премиями: 2500, 1500 и 1000 рублей. Кто выиграл конкурс, было ли начато строительство, выяснить пока не удалось.

...Где ночевал А.П. Чехов, когда останавливался в Благовещенске летом 1890 года? Европейского типа гостиниц в городе ещё не было, только постоялые дворы. Но они для путников, которые передвигаются верхами, а Чехов путешествовал без лошади. С парохода «Ермак», который рейсировал по Верхнему Амуре, Антон Павлович сошёл 26 июня, на пароход «Граф Муравьёв-Амурский», который ходил по Среднему и Нижнему Амуре, он загрузился только на следующий день. Скорее всего, Чехов нашел ночлег под крышей Общественного собрания: это было на тот момент самое комфортабельное

общественное здание и, как уверяли путеводители, «по согласованию с буфетчиком» здесь могли останавливаться проезжающие.

Гостиничные хроники

(по материалам газет «Амурский край», «Амурское эхо», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

«Открыта новая первоклассная гостиница «Гранд-отель» по Проезжему переулку, 8. Большие светлые роскошно обставленные номера, электрическое освещение, телефон, душ, помесечно номера сдаются со скидкой».

«Гостиница «Италия» продана бывшему содержанию хора Амурского подворья Сорокеру. Новый владелец открывает кафешантан».

«Арендатор гостиницы «Гранд-отель» просит управу разрешить поставить на Большой веранду, где будут установлены столы».

«Первого разряда гостиница «Центральная» на углу Графской и Зейской. Ресторан и кабинеты чисто семейного характера, где можно провести время тихо и спокойно. Игра на бильярде днём и вечером 50 к. в час».

«Управляющий «Гранд-отелем» К.В. Соколовский заболел острым умопомешательством, помещён в лечебницу. «Гранд-отель» – это бывшая «Манжини».

Бани

В 1862 году в Благовещенске числилась только одна торговая, то есть обслуживавшая население за плату, баня. Частных – семейных, для личного пользования бань было на двадцать единиц больше.

Строительство и содержание торговых бань регламентировалось обязательными постановлениями городской думы, а постановления эти можно найти в фондах Государственного архива Амурской области. Одно из таких постановлений было принято 1 июня 1888 года. Вот некоторые его положения: все комнаты в банях должны быть вышиной не меньше четырёх аршин (аршин = 0,71 м, то есть не ниже 2 м 84 см); номера должны быть светлыми и просторными, с хорошей вентиляцией, полы – двойные, с надлежащими стоками; перед входом в баню должен быть тёплый предбанник со скамейками; постройка новых бань разрешается только на большемерных участках и ни в коем случае – на Большой улице, и так далее.

В разного рода постановлениях и решениях, на бумаге все выглядит идеально. В действительности – по-разному. Вот, к примеру, пункт о том, что «номера должны быть светлые и просторные». Составителям документа в голову не приходило указывать, что «номера» должны быть тёплыми, это ведь, само собой разумеется. Но бывало

наоборот. «В бане на Зейской, между Станичной и Кузнечной, господину Ч. отвели такой номер, что он продрог и, не окончив мытья, вынужден был остановиться. Там же господин Н. схватил простуду. Служащий при бане китаец со знанием дела уверял, что номер проплен сегодня», – писала газета «Эхо» в ноябре 1909 года.

Ещё один пункт: «Бани должны содержаться в чистоте и опрятности». Однако... «16 августа в «Центральных» банях, считающихся почему-то лучшими в городе, заняла номер госпожа О. Оказалось номер в высшей степени грязный, тазы не мыты. Когда госпожа О. заявила об этом, к ней в номер, чтобы переменить тазы, направили почему-то не женщину, а мужчину. Так относиться к публике и грязно содержать бани не может быть терпимо», – заметка той же газеты за август 1910 года.

«Для стока грязной воды у каждой бани должен быть устроен особый колодец» – указывалось в обязательном постановлении. В бане Кондрашечкина на Зейской, между Благовещенской и Садовой, это требование нарушалось систематически. Целую серию замечаний посвятила этой бане газета «Эхо» в 1912 году: «Соседи жаловались, что колодцы не вбирают воды и она разливается не только по двору владельца, но и затопляет их участки. 5 июня баня была осмотрена санитарной комиссией. Жалобы оказались справедливы и банщику рекомендовано пригласить для устройства приёмных колодцев специалиста, а до устройства их баню закрыть»; «Баня Кондрашечкина продолжает функционировать, вода по-прежнему заливает соседей несмотря на протокол санитарной комиссии о закрытии её ещё 9 июня»; «Закрытую по постановлению санитарной комиссии баню Кондрашечкина на Зейской той же комиссией разрешено открыть, так как колодцы исправлены. Чтобы удостовериться в исправности колодцев, за ними учреждён надзор в течение 10 дней с тем, чтобы в эти сроки вошли две субботы». Наверное, Кондрашечкин всё исправил, соседи успокоились, потому что после августа других сообщений на эту тему не было.

В большинстве колодцев Благовещенска вода была настолько отвратительной, что её нельзя было использовать даже для технических нужд. Лучшие в городе торговые бани в рекламе своих услуг всегда подчеркивали – вода не из колодца: «Только в каменных банях А. Иванова при образцовой чистоте, соблюдении всех требований гигиены, электрическом освещении и других удобствах (паровое нагревание воды, регулирующиеся души, по желанию – ванны и т. п.) вода для мытья привозится с Амура. С почтением, Аристархов»; «При гостинице «Россия» лучшая в городе баня. Поставлен электрический насос. Вода исключительно из Амура. В изобилии»;

«В паровой бане Лиходеева вода самая лучшая, речная, мраморные ванны и прочие удобства».

Одна из первых торговых бань Благовещенска, которую сохранил А.А. Иванов, открылась в 1881 году. Она находилась на Амурской улице, между Никольской и Графской. В бане было 12 номеров «с обстановкой», общее мужское отделение, а также ванны и душ. Эта баня стала одним из первых «промышленных» абонентов городской электростанции (её запустили в 1908 году) и это было огромное преимущество перед конкурентами.

Однажды в бане Иванова случился скандал. Одна из благовещенских газет написала заметку о том, что владелец бани Иванов якобы пропустил в номера без очереди члена городской санитарной комиссии. В те времена было принято в обязательном порядке отвечать на публичные обвинения, в том числе на газетные публикации. «Клиенты, которые были в очереди, – заявил Иванов в ответном послании, – ожидали жаркие номера. Господин член санитарной комиссии заказал заранее, по телефону, прохладный номер и поэтому, когда приехал, прошел в свой номер мимо очереди. Далее нахожу нужным прибавить, что господа клиенты едва ли заподозрят меня в чувстве трепета перед санитарной комиссией, зная постановку дела в моих банях».

Хозяин не лукавил. Если посетители других бань жаловались на грубость («Владелец бани Купцов ведёт себя очень невежливо. Выбросил на днях из бани обывателя, который осмелится сказать, что 60 копеек за номер очень дорого»), нарушение правил гигиены («Веники, которые продаёт банщик, похоже, были в употреблении уже не раз»), неудобное оборудование («Ступеньки банного полка очень высокие, сойти с него труднее, чем сойти невредимым с эшафота»), баню Иванова ругали только за дороговизну: «Цены на номера в бане Иванова колеблются, как будто акции на бирже. Нам сообщили несколько случаев, когда за один и тот же номер администраторы брали то 60 копеек, то целый рубль – хуже, чем на бирже». В Государственном архиве Дальнего Востока хранится сообщение «заведующего отделом водной медицины» Кирилова (фамилию писал с одной «Л») от 20 июня 1920 года о результатах обследования 18 бань города. «Во всех банях насчитывается 335 мест для мужчин, 140 – для женщин. Функционируют бани 26 дней в месяц. Отдельных номеров – 100. Считая, что баня работает 10 часов в день, а каждый посетитель моется в среднем по часу, можно перемыть в общих номерах около 3000 человек, в номерах – 1200 в день». Войной (Гражданская), а мыться надо всем.

Парикмахерские

Парикмахерское дело, как почти всякое в те времена в Благовещенске, было интернациональным: им занимались русские, китайцы, японцы. Последние в этом деле были первыми. Например, в 1913 году из 29 благовещенских парикмахерских 20 принадлежали японцам. Заведения Ватанабе и Ногучи на Амурской улице, Маеды – на Офицерской, Тасимы на Большой, Симоды и Кабаты на Зейской отличались чистотой и порядком, что не раз подтверждали проверки городской санитарной комиссии. В августе 1910 года Кабата разместил такое объявление: «Японской парикмахерской получен аппарат, дезинфицирующий инструменты формалином. Надеюсь, что почтеннейшая публика не оставит мою парикмахерскую без внимания».

Парикмахерские, которые держали русские подданные, оставались в тени. Но в период Русско-японской войны 1904-1905 годов, когда всех японцев отправили на родину, «доходы русских парикмахеров сильно поднялись». Конкуренции-то не стало.

А потом они вернулись (особенно много японцев в Благовещенске и в области появилось с началом строительства Амурской железной дороги) и буквально захватили сферу бытового обслуживания. В феврале 1911 года благовещенский парикмахер Витковский опубликовал в газете «Эхо» возмущённое письмо: «Русских парикмахерских в городе пять, очень много японских, особенно по Амурской и Зейской. Там через дом парикмахерские и почти всегда при них часовых дел мастера, прачечные. Ввиду этого потребности японцев очень невелики: квартиры обходятся недорого, питаются в основном рисом, продолжительность рабочего дня с 7 утра до 9 вечера – 15 часов. Русские парикмахерские летом работают 12, зимой – 11 часов. «Рижская» – Бальчевского, «Московская» – Стамболиста и Коваленко тоже стараются продлить работу до 15 часов. Следовало бы установить определённое для всех время, а японцам воспретить звание «парикмахер», так как они не имеют ничего общего с парикмахерским искусством, в лучшем случае могут называться «цирюльня» или «зал для стрижки и бритья». В японских парикмахерских в самом деле работали не «профессионалы своего дела», а кадровые офицеры – шпионы, что было известно всем.

Китайские «цирюльники», по обыкновению, не заморачивались открытием салонов – обслуживали клиентов на дому, в харчевнях, торговых лавках, на улице, да и вообще, где придётся. В газетных хрониках из мирового суда сохранилось решение от 18 октября 1908 года, согласно которому мясоторговец Федюнин был оштрафован на три рубля. Думаете, за что-нибудь, связанное с торговлей или мя-

---

¹⁴Клуазоне (перегородчатая эмаль) - особая техника росписи металлических поверхностей.

сом? Нет. «За допущение в своей мясной лавке бритья китайца китайским цирюльником».

Летом 1909 года корреспондент «Торгово-промышленного листка объявлений» подметил, что, «по примеру подвижных уличных парикмахерских китайцев стали обзаводиться такими и русские. На углу Торговой и Амурской работают три русских уличных парикмахера. Вся парикмахерская состоит из ящика, 15-копеечного зеркала, бритвы и бутылки воды. О чистоте и опрятности уличные парикмахеры не заботятся. В прошлом году один приказчик скончался от заражения крови, побрившись в такой парикмахерской».

Парикмахерские завлекали клиентов особо мастеровитыми мастерами: «В парикмахерскую «Европейская» по Большой улице, угол Зейской и Амурской, ввиду предстоящих праздников прибыли мастера из России. С почтением, С. Сулиди»; «Гигиеническая парикмахерская «Мишель» против почтово-телеграфной конторы, рядом с магазином Архимовича. Вновь выписаны два столичных мастера»; «Театральная парикмахерская Д.К. Розума (удостоена серебряной медали) уведомляет, что при парикмахерской три опытных мастера. Работаем без задержки, под моим наблюдением, и работаю сам. Принимаются всевозможные парикмахерские работы, а также на любительские спектакли гримы разные по рисункам. Громадный выбор париков»; «Приехал с военной службы и приступил к исполнению своих обязанностей. Прошу господ уважаемых клиентов не оставить своим посещением моей парикмахерской. С почтением Бальчевский. Бритье 20 к., стрижка 30 к. Мастера на чай не берут. Играет оркестрион».

Фотоателье

На рубеже веков фотография была довольно распространённым увлечением и довольно прибыльным делом: во втором томе книги «Деловой мир Приамурья»¹⁷ можно найти больше трёх десятков фамилий благовещенских любителей и профессионалов фотодела. Первыми фотографами на Амуре были забайкальский промышленник В.В. Ланин, француз Э.Ф. Нино. В 1891-1892 годы в Благовещенске держала фотоателье вдова почтово-телеграфного чиновника А.П. Динесс. До наших дней дошло несколько снимков, выполненных старшим адъютантом штаба войск Приамурского военного округа бароном А.П. Будбергом – в Благовещенске он был в длительной командировке.

Профессиональные мастера особенно гордились выполнением групповых портретов. Таким снимкам могут позавидовать и современные фотографы. Вот, например, реклама фотографии «Товарищество» (улица Большая, между Благовещенской и Мастерской): «Соединив лучшие силы, инструменты и материалы, пере-

строив павильон, при отличном освещении, принимаем заказы на всевозможные фотографические работы. Исполняются группы до 500 человек на воздухе и до 60 – в павильоне». А вот их конкурент: «Фотограф Гуданец и Ко». Все снимки производятся моментально. Для таковой цели получен аппарат новейшей конструкции. Во вновь построенном павильоне (Большая улица против почтово-телеграфной конторы) имеем возможность снимать группы до 150 человек».

Больше всего было в городе японских фотоателье. Като, Огава, Ивата, Асахи, Мигива, Кофузи – это только некоторые из фотографов, родиной которых были острова в океане.

Прачечные

В «стандартном» приданом невесты начала XX века помимо посуды, мебели, украшений и других вещей обязательно имелся набор «домашнего текстиля»: нательное бельё, платья, одеяла, наволочки, простыни, подзоры, скатерти, 30-40 (иногда и сто) расшитых полотенец и тому подобные изделия. Большое количество «мануфактуры» не только демонстрировало богатство невесты, но имело и практическое значение: так как стирали бельё раз в месяц, а иногда и реже, требовалось много замены.

Стирка белья была, пожалуй, самым тяжелым делом в домашнем хозяйстве, особенно если учесть, что ткани были натуральными и довольно грубыми, а щёлочь, которой стирали, разъедала руки. Обычным делом было наличие клопов и вшей, так что перед стиркой бельё ошпаривали кипятком или обрабатывали паром. Бельё выколачивали рубелем или били о камни на берегу реки, тёрли о стиральную доску, долго кипятили с содой и мылом, в любое время года полоскали в реке, потом отжимали, развешивали сушиться, гладили неподъёмным утюгом или тем же рубелем. Полоскали бельё в открытых водоёмах, причем, в городах – только в специально отведённых местах со специально сделанных мостков или плотиков. Бывало, плотики отрывало от берега и уносило вместе с прачками.

В прачки шли или одинокие женщины без средств к существованию, или те, которым не приходилось рассчитывать на заработки мужа из-за его болезни, пьянства или безработицы. Естественно, считали каждую великим трудом заработанную копейку, а клиенты попадались разные. Летом 1910 года в одной из благовещенских газет появилась такая заметка: «В камере мирового судьи разбиралось гражданское дело по иску Богаевой к жандармскому ротмистру Перкову на 3 рубля 60 копеек, которые он не заплатил ей за стирку белья. Мировой судья определил взыскать с Перкова 3 рубля 60 копеек в пользу Богаевой и 10 рублей – судебных издержек». Урок жадному ротмистру.

Каждую осень управа сдавала в аренду... проруби. В 1909 году городская казна за «отдачу проруби на Амуре в аренду выручила 300 рублей 5 копеек, это больше прошлогоднего на 114 рублей». Обязательным условием аренды было устройство будок: в этих времянках прачки могли укрыться от ветра. Если прорубь не была оборудована, как полагается, плату за полоскание белья брать запрещалось.

При первой возможности хозяйки нанимали не кухарку или горничную, а «девушку, умеющую стирать». В Благовещенске женской прислуги всегда недоставало, прачку найти было трудно, выручали прачечные. В 1913 году в городе действовало 30 общедоступных прачечных.

Реклама, как и сегодня, обещала хозяйкам избавление от множества проблем: «В складе мыловаренного завода «Б.И. Кузнецов и Ко» (Американский переулок, между Зейской и Большой) имеется в продаже мыло разных сортов: мраморное горячей варки (пуд – 5 рублей), химическое, желтое»; «Прачки и хозяйки! Покупайте самотиращее мыло «Валине». Громадная экономия времени, труда, мыла, соды, дров. Получать у Н.Н. Муравикова в Благовещенске. Мастерская, 16».

В 1900 году в Благовещенске работало десять мыловаренных «заводов». Но их продукция была намного дороже «заграничной», потому что очень дорогим было сырьё – и местное, и привозное. К 1910 году в городе осталось только три мыловаренных производства.

Если верить рекламе, первые предприятия химчистки появились в Благовещенске в 1909 году. Причем, сразу два. На Зейской улице в доме Срулевича открылась «Варшавская паровая красильня» Ф.В. Радецкого. В ней же производилась «химическая чистка и починка мужского и дамского платья». А на Амурской улице, в доме Смирнова, заработала «Первая красильная и химическая чистка». Её хозяин господин Друкин сообщил в рекламе: «Принимаем в окраску (в разные цвета) мужские и дамские вещи и разные другие».

Пошивочные

В мастерских и ателье Благовещенска можно было заказать любой наряд из самых разных тканей, с самыми изысканными отделками, но больше всего местные дамы ценили модные фасоны. Потому и говорили, что «фасон дороже приклада» (прикладом называли застёжки, подкладку, бортовку, пуговицы, другие мелкие детали нарядов). Потому и объявления соблазняли: «Заказы исполняются по самой последней моде Парижа». Кстати, «прикладом» благовещенских портных снабжали не только купцы, но и контрабандисты: у них можно было купить разный нужный товар дешевле, чем в магазине. В январе 1909 года, например, задержали одного «несуна», при кото-

ром обнаружили 144 катушки ниток, кусок крепа, по два отреза коллора и бумази.

Заказывать новые наряды в ателье могли лишь люди состоятельные. Естественно, что те из мастеров, что ориентировались на богатую публику, открывали свои ателье как можно ближе к центру. Адреса были простыми: «Против «Кунста и Альберса», «Рядом с почтой», «В доме нотариуса». На нескольких кварталах в центре города (между Никольской – Мастерской – Большой – Зейской) работало полтора десятка ателье, мастерских, пошивочных и школ кройки и шитья. Каждое заведение старалось привлечь к себе внимание чем-то нездешним: «Мастерская «Венский шик» принимает заказы на верхнее визитное дамское платье и на бальные наряды. Шитьё под руководством известной закройщицы и мастерицы из Варшавы»; «Модистка Эвелина переехала в дом Фирштейн на Торговой улице. Просит почтеннейших заказчиц не забывать»; «Модная мастерская К.А. Гамс»; «Модистка Е.В. Симон. Заказы на дамские платья».

Среди портных существовала специализация. Дамские парадные наряды заказывали одним мастерицам, повседневные платья – другим, бельё – третьим, корсеты – четвёртым: «Прибывшая из Петербурга бандажистка и корсетница принимает заказы на изготовление, чистку и поправку корсетов». Орудия пытки под названием «корсет» состояли не только из ткани, китового уса и шнуровки. В них были даже детали из кованого железа!

Мастерами, которые специализировались на пошиве разнообразных мундиров (в мундирах в те времена щеголяли не только офицеры, но и чиновники разных ведомств, учащиеся средних и высших учебных заведений), были почему-то исключительно китайцы: «Военный и партикулярный портной Ха-Син. Угол Графской и Большой. Исполнение заказов скорое и аккуратное. Цены дешевле других». Через некоторое время Ха-Сина сменил по тому же адресу, «прибывший из Шанхая», портной Фо-Сен, а за ним – Сан-Ти. Как будто они работали вахтовым методом. На Зейской, между Никольской и Графской, в 1909 году работала китаянка – «шитница китайской одежды».

В мае 1907 года в Благовещенске организовалась артель портных. Все, кто в неё вошел, были настолько бедны, что из пятнадцати человек только один имел зимнее пальто! Чтобы собрать хоть какой-то капитал для открытия общего дела, артельщикам пришлось заложить в ломбард последнее. Но благодаря хорошему выполнению заказов артель довольно быстро окрепла и стала приносить доход. Организатором успешного дела был некто М.И. Растягаев.

В Благовещенске работало несколько школ кройки и шитья: полный курс обучения – 3-6 месяцев. В школы принимали учениц «за

недорогую плату», здесь же выполняли заказы. Организаторы школ гарантировали после окончания учёбы «успех на поприще шитья».

Разные школы обучали по разным программам: А.Я. Милёва – «по методу Ворт», Мария Костюкова – «по методу Ланде»,¹⁸ А.П. Балик – «по упрощенной, признанной во всём мире методу». Последняя из названных предлагала ученицам «составленный мной самоучитель кройки». Если учесть, каким сложным был крой тогдашних нарядов, Антонина Павловна, наверное, была мастером своего дела.

В 1902 году в Подольске, под Москвой, заработал завод швейных машинок «Зингер». К началу Первой мировой войны он выпускал 600 миллионов машинок в год, поставлял продукцию в Турцию, Персию, Японию, Китай, а в России имел 3000 фирменных магазинов. Был такой магазин и в Благовещенске, в 1909 году он размещался на углу Большой и Мастерской.

Летом 1910 года на хранении в благовещенском городском ломбарде находилось больше 350 швейных машинок! Почему так много? В то время в Благовещенске действовало два десятка агентов компании «Зингер». Каждый должен был продавать не меньше одной машинки в неделю. Агенты уговаривали даже самых бедных брать товар в рассрочку чуть не на десять лет (взнос один-два рубля в месяц), часто сами платили задаток в десять рублей (под расписку), обещали найти заказчиков на шитьё. А через месяц к покупателю являлся другой агент и требовал уже не один-два, а четыре рубля ежемесячного взноса. За ним приходил первый агент и требовал срочно вернуть задаток. Нет денег? Неси машинку в ломбард. Корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений» подводил итог: «Ряды плохо платящих должников караулит многочисленный штат чутких агентов Зингера, выписанных нарочно для этих целей из России».

Непременным элементом женского наряда в те времена был головной убор. Женщины «из простых» покрывались платками, дамы носили шляпы. И то, и другое в Благовещенск завозилось в существенных количествах, но было и собственное производство Е.Ф. Шапиро, А.Г. Левентас, в «Варшавской шляпной мастерской». Последняя располагалась на Большой улице, между Благовещенской и Мастерской улицами. Здесь всегда был огромный выбор касторовых (из легкого шерстяного сукна) и фантазийных (сейчас бы сказали – креативных: самой разной формы с самой разной отделкой) шляп.

Женские летние шляпы делали из соломки, сетчатой ткани, конского волоса, переплетённого с шелком и кружевом. Поля были огромными, так что нагромоздить на них можно было, что угодно. Украшали дамские шляпы шёлковыми цветами, страусовыми, лебе-

динами, голубиными и т. д. перьями, чучелами мелких птиц, кружевом, фигурками из гуттаперчи (натуральный каучук), бисером, шифоном, брошами и даже высушенными мхами!

Портновские хроники

(по материалам газет «Амурский край», «Амурская газета», «Амурское эхо», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

«Бывший механик компании «Зингер» открывает специальную мастерскую для починки швейных машин, ружей, велосипедов, револьверов, самоваров. Починка швейных машин на дому – один рубль. Адрес: Большая, между Бурхановской и Корсаковской».

«Продаётся новая чулочно-вязальная машина, стоившая при покупке 275 рублей, за 125 рублей. Каждый легко может заработать на ней в месяц 150 рублей».

«Нужна грамотная девушка-няня с шитьём к девочкам двух и четырёх лет. Желательно – немка».

«Нужна мастерица стежить одеяла и метальница гладью».

«У портнихи Домашевской брала работу на дом благовещенская мешанка Агафья Мироненко. Забрав однажды материалу на 40 рублей, она исчезла и скрылась. По собранным сыскальной полицией сведениям, удалось установить, что Мироненко выехала в деревню Введеновку Красноярской волости и жила там у сельского учителя под видом знакомого, в мужском костюме, называя себя Николаем Ивановичем. Красноярским волостным правлением Мироненко арестована и доставлена в Благовещенск».

«Принимаю заказы. Дамские и детские платья, всякого рода туалеты, платья, блузы и прочее. А также принимаю учениц. Торговая улица, дом Турова, Д.Л. Голтвяница».

«Дамский портной Итай. Графская, между Зейской и Большой, дом Скрябина, 5».

«Школа кройки и шиться по упрощённой методе «Теодор» принимает заказы и учениц. За курс 6 месяцев – 50 рублей, помесечно – 10 рублей. Торговая, между Амурской и Иркутской, в доме Сысоева, во дворе. Р.С. Эпштейн».

Реклама и объявления

Реклама – двигатель торговли и всякого бизнеса, но ещё это «хлеб, масло и икра» печатных изданий, в которых размещалась ре-

---

¹⁵Издание АО «Амурская ярмарка», 2006 г.

клама. Частные объявления тоже приносили издателям хороший доход. Нам эти объявления, как и реклама, интересны, потому что «рисуют» панорамную и объемную картину прошлого Благовещенска. В подборке собраны сообщения из изданий: «Амурская газета», «Амурский край», «Амурское эхо», «Благовещенск», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо». Объявления обо всём.

«Вниманию столяров. Продаются сухие бархатные доски. Корсаковская – Набережная».

«Случайно продаётся партия валенок. Мучная лавка Иркутского мукомольного товарищества».

«По недорогой цене продаётся партия квашеной капусты своей засолки, а не китайской. Угол Вознесенской и Станичной».

«Разрешенные правительством курсы английского языка открываются лондонским преподавателем Эдмундом Джоном Фрей. За преподавание награждён французским правительством. Желаящие ознакомиться с новым методом приглашаются взять бесплатный урок. Зейская, между Мастерской и Благовещенской. Запись у секретаря курсов».

«По случаю продаётся партия джутовых мешков, керосиновый двигатель в 10 сил, колёса для пролётки. Видеть можно ежедневно в театре Роганова».

«Александр Иванович Роганов в Москве принимает на себя операции по купле-продаже товаров, исполнение разнообразных комиссий на самых выгодных условиях. Обращаться: Москва, Ленивка, дом княгини Куракиной, кв. 7».

«Продаётся роскошная пальма (латания) и породистые поросята. Угол Станичной и Набережной, д. Поздеева».

«Утеряно настоящее норковое боа в магазине Чурина, нашедшего просят вернуть в ремесленное училище, дом Левашева, кв. 1».

«По сполутности принимаю до 25 мая деловые поручения в Иркутск, Москву, Петербург, Казань, во все столичные города Западной Европы, Англии, Египта. Большая, 103».

«Дама, потерявшая ридикюль со значительной суммой денег на бульваре, может получить его на корабельной пристани у чиновника Макрадеева».

«Найдено золотое кольцо близ новой тюрьмы. На кольце имеются инициалы. Хранится в конторе редакции «Эхо».

«Чинами сыскного отделения отобраны краденые у разных лиц вещи: поношенное коричневое платье, котиковая чёрная горжетка, две простыни и полотняная цветная скатерть с меткой «И.К.», пол-

---

¹⁶Специальный предновогодний отдел игрушек.

дюжины кальсон с той же меткой и передник, шаль, бархатный жакет на вате, десять новых брезентов, матросская рубаша, дамское чёрное драповое пальто, дамское коричневое осеннее пальто, пять французских ключей разных размеров и шашка без ножен».

«Нужна кассирша с хорошим почерком. Компания «Зингер».

«Продаются номера «Вокзал» на полном ходу. Американский переулочек».

«Продаётся торговое дело И.И. Брезгина на полном ходу. Условие – наличные деньги. Амурская, 139».

«Продаётся чайный зал на полном ходу. Бурхановская – Зейская».

«Подготовительный класс М.Н. Белокопытовой. Окончила заграничный университет, гимназию с золотой медалью, много практиковалась. Подготовка во все классы средних учебных заведений. Чигиринская, 13, между Зейской и Амурской».

«Несколько попутчиков приглашаются ехать вместе в Харбин. Гостиница «Манжини». Явиться 12-го, в 6 часов вечера, для переговоров. Спросить у швейцара».

«Продаётся кожевенный завод со всеми надворными постройками, в кожевенном ряду. Спросить на рыбном базаре, в лавке Шмагина».

«С разрешения врачебного управления Амурской области продаётся кефир обыкновенный и с железом. Зейская, дом Грошовина. Гюнтер».

«Воинский начальник полковник Орфенов переведён в Россию и уезжает 18 сентября. Мебель мягкая, шкафы, столы, кровати большие и маленькие, три дойные коровы продаются до 15 сентября ежедневно по вольной цене, а что останется непроданным – с аукциона 15 сентября в 10 ч. утра, а равно и продажа вещей на квартире, в казармах местной команды, рядом с военным лазаретом».

«Продаются несколько домов на выгодных условиях. Справляться по Американской улице в доме Б.И. Кузнецова у Франца Октавиановича Постемского».

«По дешевой цене продаётся картофель на берегу, на лодке, против дома Пьянкова, до 10 сентября. Никифор Нама».

«Продаются граммофон, енотовая шинель с бобровым воротником, карабин «Маузер» и разные вещи. Набережная, дом Рубинова, во дворе каменный флигель».

«Локомобиль на колёсах, в 18 сил, лучшей фабрики, продаётся дешево на выгодных условиях. Спросить в конторе И. Эмери».

«За излишеством продаются пультные и дробные ружья. Видать можно ежедневно в конторе «Надежда».

«Саратовская сарпинка. Изящная легкая ткань для платьев и белья. Натуральные образцы в альбоме высылаются по требованию за 49 копеек почтовых марок. Пересылка различных заказов по всем

местам России и Сибири за счёт фирмы. Адрес: Саратов, торговый дом «Андрей Бендер и С-я».

«Сдаётся огород, засеянный картофелем, по Вознесенской, между Безымянной и Артиллерийской. Дом Мордвинова».

«В дом Бродовикова по Садовой нужны кучер и две няни – женщина и девочка».

«Найдено 15 рублей на Большой улице против парикмахерской Даумана. Потерявшего просят обратиться в первый полицейский участок».

«А.Ф. Кутузова продолжает приём учениц и учеников для уроков пения по методике Санкт-Петербургской консерватории. Условия: плата (в месяц) за два раза в неделю – 15 рублей, за три раза в неделю – 20 рублей. Зейская, дом Александрова».

«Александр Ильич Хворов, уезжая ненадолго из города, поздравляет друзей и знакомых с праздником Рождества Христова и душевно желает всем полного благополучия».

«И.о. Приамурского генерал-губернатора генерал от кавалерии Хрещатицкий изволил приказать, чтобы ни от учреждений края, ни от отдельных должностных лиц никаких поздравлений по случаю Рождества Христова и Нового года Его Высокоблагородию присылать не было».

«Александр Дмитриевич Шипулин поздравляет родных, друзей и знакомых с великим праздником Рождества Христова, извиняется, что не может быть по случаю болезни».

«Кружок приисковых служащих проводит собрание для обсуждения нужд и организации союза, отстаивавшего бы их общие интересы».

«Граждане и граждане! Никакой свободный человек не должен оскорблять другого. Спокойно выслушайте всякого. Несогласных убеждайте только словом. Свободные граждане стремятся к братству, они не способны на рознь, ссоры и обиды. Союз прогрессивных групп» (1905 год).

«Когда народ узнал радостную весть о свободе, он почувствовал душевную радость и никакими задачами о будущем не задавался. К чести благовещенского обывателя, в эти счастливые дни он вёл себя образцово. На площадях и улицах собирались толпы в несколько тысяч человек и никаких недоразумений не происходило» (1905 год).

«Во врачебное управление нужен служитель. Женатый, без детей».

«Требуется машинист у мотора на катере. Обращаться в магазин Отто Тимм».

«Довожу до сведения пароходов, что по Благовещенской улице в лавке «ТД «Алексеев с С-ми» у А.И. Саяпина продаётся лёд» (июль, начало путины в низовьях Амура, лёд нужен для хранения рыбы).

«17 апреля вечером на концерте Общества спорта в Общественном собрании потеряна бриллиантовая галстучная булавка. Нашедшего просят доставить Мамонтову, угол Большой и Графской, дом ТД «Чурин и Ко», за вознаграждение».

«Мастерская вывесок и малярных работ Жураусского. Амурская, между Никольской и Графской, рядом с конторой для найма лиц».

«Нужен в чайную развесочную чайной фирмы И.Ф. Чистякова опытный вертельщик, служивший в чайном деле и имеющий аттестат».

«В Благовещенске появились в обращении фальшивые кредитные билеты трёхрублёвого достоинства, о чем объявляю для предостережения жителей Благовещенска. И. д. полицмейстера Константинов».

«Обращаем внимание! Электрическая энергия для привода в движение машин применена в типографии т-ва «Б.С. Залесский и Ко», вследствие чего явилась возможность значительно понизить цены на типографские работы. Четыре скоропечатные машины. Типография развивает работоспособность скоропечатных электрических машин до 40-50 тыс. оттисков в день. Наборное отделение имеет в своем распоряжении до 500 пудов шрифтов. Громадный запас бумаги. Амурская, между Офицерской и Никольской».

«Поступила в продажу мука-крупчатка в лавке ТД «Алексеев с С-ми» из сунгарийской пшеницы урожая 1908 года: 1 сорт – 1 рубль 70 копеек, 2 сорт – 1 рубль 50 копеек, третий сорт – 1 рубль 30 копеек. В пудовых кулях на 5 копеек дороже».

«Распродажа пуха и пера. Только до 8 октября. Гостинодворский базар, против мучной лавки Буянова».

«Николай Николаевич Баенкевич, экстренно выехавший из Благовещенска, шлёт прощальный привет всем родственникам и знакомым».

«Интеллигентные немка и француженка дают уроки. Теория и практика. Адрес в редакции».

«Столовое» №33 лучшей очистки. Цена за ведро 8 рублей. «Зейские брызги» №40 тройной высшей очистки. Цена за ведро 9 рублей. Обыкновенной очистки в бочках и бочонках – 7 рублей за ведро. Хлебное вино. Заводской розлив. ТД «Лукин с С-ми».

«Одесский винно-гастрономический и бакалейный магазин. Графская, между Большой и Зейской, в доме Скрыбина».

«Сдаётся новое зимовьё. Об условиях узнать у П.П. Гуторова. Угол Зейской и Графской, дом Захарова, против фабрики Срулевича».

«Покупаю домашние вещи, одежду и всякий хлам. Соборная, 72, во дворе, третий флигель».

«Извещаю, что моя портновская мастерская переведена с Графской на Большую, между Мастерской и Благовещенской, №82, второй от угла Благовещенской. Приём всевозможных заказов штатского и военного платья. Исполнение под личным наблюдением. С.С. Кржеминский».

«Рыба русского лова. Сазан, лещ, окунь, амур. Свежая, без приморозки льда. Амурский базар».

«Кто знает адрес Иоганна Генриховича Миллера? Прошу сообщить открыткой: Михайловское Завитинской волости, А.Я. Бажану. Буду весьма благодарен».

«Со дня на день ожидается прибытие свежих табаков величайшей табачной фабрики т-ва «А.Н. Богданов и Ко» в Петербурге».

«100 рублей тому, кто предложит место конторщика или другое подходящее занятие на железной дороге, в общественном учреждении, частном солидном деле. Адрес в редакции».

«Новый аптекарский магазин Коташевича, угол Амурской и Чигиринской (Московский аптекарский магазин). Склад товаров фирмы Брокер, муки и молока «Нестле».

«Продаётся стол письменный сахалинской работы, малодержанный. Улица Большая, дом Будаковича, квартира Зеленского».

«Книжный магазин Смертина. Новые книги. Шелгунов «Дешевый домашний стол», 75 к.; О. Рурк «Таблицы для разбивки железнодорожных кривых», 4 р. 25 к.; Загорский «Таблицы умножения», 2 р. 50 к.

«Общество машинистов и их помощников. Собрание в мещанской управе».

«Требуется молодой человек для управления керосиновым мотором и динамой. Спрашивать на фабрике Срулевича».

«Получены свежие пиявки. Угол Зейской и Кузнечной. Спросить в лавке».

«Уроки музыки. Преподаёт учительница, окончившая Варшавскую консерваторию. Бусевская – Иркутская».

«По случаю отъезда продаётся большая партия колёс, две коровы и солёная капуста. Иркутская, между Бурхановской и Корсаковской, №32, Козлихина».

«Оставившего 6 или 7 августа на берегу против пристани министерства припасы, просят зайти на пристань и обратиться за получением к заведующему пристанью Варфоломееву. Всего 50 патронов 16 калибра».

«Открыты классы машинной переписки. 50 копеек с листа, гарантирую коммерческую тайну. Обращаться в редакцию».

«Покупаю домашние вещи, одежду, сбрую и всякий хлам. Вознесенская, между Графской и Никольской, квартира 3. Сообщать письменно Дудонцову».

«Александровские школьники просят нас выразить их глубокую благодарность В.В. Лукину, К.О. Августовскому и другим за рождественские подарки, а ТД «Гейтман, Шульц и Ракбуш» – за скидку на игрушки».

«Феофилакт Николаевич Чиликин просит напечатать следующее: «С пасмурных берегов Невы шлю лучшие пожелания, общий привет и поздравления с праздником и Новым годом близким и далёким амурцам. Чиликин».

«По случаю продаётся граммофон. Звучный, малоигранный, с 60-ю пластинками. Почтамтский переулок, дом Новосёлова, маленький флигель во дворе против ворот».

«Продаётся мёд. Пасека Ф.С. Шадрина в Чубуковой пади».

«Недорого продаются кенгуровая доха, медвежье одеяло, бархатный ковёр, музыкальный ящик. Угол Графской и Зейской».

«Скульптор Е.И. Снегирёв извещает, что со вторника, 10 марта, будет продавать скульптурные изделия, изображающие быт и нравы арестантов острова Сахалин. Арестанты благовещенской тюрьмы сняты с натуры. Предлагаю всю коллекцию купить в музей или любителям».

«Магазин Ф.М. Ождженского имеет в продаже польскую колбасу сырую и копчёную, приготовленную варшавским мастером».

«Модная мастерская К.А. Гамс. Угол Графской и Амурской, дом Рязанова».

«Ресторан городского сада перешел на бульвар бывший Волкова».

«Продаются лодки моторные, готовые для спорта и для других целей. Моторы для лодок лёгкие – пять пудов. Экипажи-американки, элегантные, четырехколёсные, с кучерским сиденьем, двухколесные – с фордэком. Экипажи беговые на шинах пневматических и цельных. Автомобиль трёхколесный с двумя сиденьями. Быстроходность до 60 верст в час. Большая, угол Семинарской».

«Требуется партия берёзового леса для обручей – не тоньше одного вершка в трубе, не короче 5½ аршин. Лес должен быть с бугров, с солнечной стороны, с болотистого места приниматься не будет. Желających доставить ценою 50 рублей за тысячу, хотя бы на плотях, не позже мая месяца, прошу обращаться: Мастерская, между Вознесенской и Соборной, дом 61, Иван Потапович Тимошенков. Тут же требуются бондари».

«Кто нашел на улице Большой пакет с документами и деньгами. Возьмите сколько хотите денег себе, верните документы. Бросьте в почтовый ящик или подкиньте в редакцию. Или в полицию. Крайне нуждаюсь».

«Дайте работы приисковского служащего. Адрес – редакция».

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ

*Заведения – Меню – Ресторанные хроники –
Где столовался А.П. Чехов*

В начале XX века индустрия общественного питания в Благовещенске была обширной и разнообразной – на любой вкус и кошелёк. Благодаря огромному количеству приезжих и проезжающих, клиенты находились и для шикарных ресторанов, и для самых затрапезных харчевок.

Заведения

Об уровне того или иного заведения можно было судить по его расположению. Например, столовая «Лондон» и харчевня «Экономия» размещались «против барахольного ряда» (на улице Торговой, ближе к Бурхановке), а кафе-столовая «Шато-де-флёр» и кофейня «Космополит» – в центре города: первая «рядом с нотариусом», вторая «рядом с почтой» (до организации в городе адресного стола и ещё некоторое время после этого адреса указывали, «привязывая» к какому-то значимому соседству).

«В столовой «Лондон» ежедневно грабежи и драки, – писал «Торгово-промышленный листок объявлений» в январе 1909 года. – Посетителями большей частью являются крестьяне, приходящие выпить магарыч. Функционируют цыгане». В других подобных заведениях было не лучше: «Крестьянин Морехов в пивном зале «Америка» выпил две бутылки пива, вышел, стало плохо, на улице упал без чувств. С него сняли сапоги».

В конце каждого года городская дума расписывала трактирный сбор с заведений общепита. На 1911 год расклад выглядел так: ре-

сторан «Аркадия» – 2000 рублей, ресторан гостиницы «Россия» – 1200, буфет Общественного собрания – 750, буфет при театре Общественного собрания – 1200, ресторан «Центральной» гостиницы – 950, «Коммерческий ресторан» и «Медведь» – по 750, пять мелких ресторанов – по 400, трактиры – 12 000, харчевки – 5000 рублей в год. Заведения трёх последних видов делили общую сумму сбора между собой самостоятельно.

Гласный С.П. Попов как-то произнёс речь по поводу харчевок, «для которых не существует никаких распоряжений по городу. Это кабаки и притоны низкого разбора. Бурхановская слобода – сплошной кабак. Трактирный сбор сейчас 100 рублей с харчевки. Надо увеличить до 1200 с каждой!» Гласные идею не поддержали.

В 1912 году «трактирный сбор» несколько изменился. Рестораны «Аркадия», «Эрмитаж» и буфет в городском саду должны были платить по 1001 рублей, ресторан «Центральной» гостиницы – 700, рестораны «Унион», «Медведь» и буфет при театре Общественного собрания – по 600, «Коммерческий ресторан» – 500, рестораны «Дальний Восток», «Международный», «Рим», «Россия» (по Амурской улице), «Малороссийский», «Крестьянский», буфет при театре Роганова и «Коммерческая столовая» – по 400 рублей, трактиры «Заря», «Кутаис» и «Мир» – по 232 рубля 35 копеек, буфет при ипподроме – 100 рублей.

В конце каждого года городская дума утверждала «Расписание числа мест раздробительной (*распивоchno и навынос*) продажи крепких напитков». Сколько подобных заведений к тому моменту действовало в городе, данных нет, но, что удивительно, в течение многих лет, согласно решению городской думы, торговля крепкими напитками на большей части города была запрещена вообще, если конкретно, – на всём протяжении набережной реки Зея, на набережной реки Амур от военных лагерей до Торговой, от Мастерской до набережной Зеи, на Никольской, Графской, Садовой, Артиллерийской, Безымянной. Распивочные концентрировались по окраинам города и за Бурхановкой. В 1908 году Пьянков (знаменитая купеческая фамилия из Хабаровска) просил разрешить торговлю крепкими напитками на улице Набережной. Отказали: это создаст прецедент и торговать захотят все. В 1909 году дополнительно к существующим распивочным дума разрешила открыть только две новых. В жеребьёвке на право их открыть участвовало 208 виноторговцев!

Прежде, чем накормить, клиента надо было чем-то завлечь. Ресторан «Модерн» (Зейская, между Графской и Никольской) предлагал биллиард, приличные кабинеты и электрическое освещение. В ресторане «Италия» выступал дамский венско-немецкий оркестр под управлением оперного артиста капельмейстера Длюгош. «Зайди

послушать!» – зазывала реклама. В ресторане Общественного собрания «Зимний сад» ежедневно играл струнный оркестр. В ресторане Palas Royal (угол Зейской и Торговой) в 1908 году ежедневно играл струнный оркестр «под дирижированием известной исполнительницы цыганских романсов мадемуазель Борковской».

На углу Зейской и Офицерской в 1911 году располагался ресторан первого разряда «Эрмитаж» с концертным залом (как заверяла реклама, посетителей обслуживала Первая русская артель официантов). Здесь к зимним праздникам приготовили «программу новых артистов и артисток». С «новыми дебютами» выступали шансонетные певицы мадемуазели Адамова, Станиславская, Галина, Фаина, а также дуэтисты-жанристы Донские, элегантная танцовщица мадемуазель Сибирская, оригинальная артистка Асти Виллер и «большой русский женский хор из пятнадцати женщин». Программа в «Эрмитаже» начиналась поздно – в одиннадцать вечера.

Заведения поскромнее тоже принимали меры. В пивной «Петербург» одно время развлекал посетителей гармонист (содержателем заведения был болгарский подданный Ф.И. Косатов, 23 лет). В некоторых кабаках заводили патефоны.

Повара лучших ресторанов были, как звезды эстрады сегодня: их выписывали из Европейской России, рекламировали, переманивали друг у друга. Хозяин кофейни «Космополит» В.Б. Урванцев сообщал благовещенцам, что кухня «находится под наблюдением шеф-кулинара Н.А. Яковлева»; гостиница «Россия» в 1908 году известила публику, что «выписан и прибыл известный в Москве кулинар господин Митревич».

Совсем по-иному относились к официантам. По сравнению с фабричными мастеровыми, домашней прислужгой, даже чернорабочими, права и интересы которых до известной степени защищались тогдашними законами, официанты были совершенно бесправными: в поисках заработков они могли потерять последнее. Как это происходило?

По существовавшим тогда правилам, каждый, кто искал место официанта, должен был заплатить хозяину ресторана «залог обеспечения благонадежности» в 20-30 рублей. Жалования официанту не полагалось. Вместо этого он получал право... получать чаевые. Из этих денег он обязан был каждый день платить хозяину 15-30 копеек «за возможно разбитую посуду». Кроме того, официанта штрафовали за неоплаченные гостями счета, испорченную ими мебель, скатерть или салфетку, сворованные столовые приборы и т. д. Самые популярные у посетителей столы хозяин мог отдавать официанту в аренду за 150-200 рублей в год. Сумма немалая, но, наверное, это было выгодно. Конечно, при условии, что дела у ресторана идут хорошо и что он вообще работает, ведь нередки были случаи, когда

«рестораторы», собрав со служащих взносы «за благонадежность», просто убегали с деньгами.

Споры хозяев и работников предприятий общепита порой доходили до крайности. 7 апреля 1910 года бывший официант ресторана «Медведь» Ф. Михельсон выстрелил из револьвера в содержателя ресторана В.Б. Урванцева и ранил его в шею. Когда стрелявшего задержали и допросили, он пояснил, что хозяин давно ему «задолжал и не заплатил». В октябре того же года дело рассматривалось в суде и там выяснилось, что Михельсон служил у Урванцева лакеем, был уволен за пьянство, сначала хотел просто побить хозяина, потом решил его застрелить. Приговор: четыре года каторжных работ.

Деятельность заведений общепита регламентировалась и контролировалась. Например, согласно распоряжению полицмейстера Благовещенска, пивным лавкам и кабакам разрешалось работать с 8 утра до 8 вечера. Но не все выполняли распоряжение: некоторые начинали торговать с рассветом, летом – даже в четыре утра, а закрывались только в десять вечера. В 1909 году вышло распоряжение, которое запрещало нижним воинским чинам (*солдатам*) посещать распивочные заведения. За нарушение распоряжения наказывали владельцев, хотя нижним чинам тоже доставалось. Самое суровое наказание было предусмотрено за содержание тайной, то есть официально не зарегистрированной, проституции. По этой причине в июне 1910 года, например, по решению врачебно-полицейского комитета были закрыты сразу три пивные: «Красноярск», «Москва», «Тайга». На такую же тайную проституцию в дорогих заведениях вроде «Аркадии» власти закрывали глаза.

В июне 1909 года случился скандал, который попал в газету, причём, в двух версиях. Сначала «Торгово-промышленный листок объявлений» напечатал заметку о том, что в ночь на 13-е приставы Яниос и Жилинский, помощники приставов Попенко и Бельчиков, исполняющий обязанности начальника сысского отделения Гертман в ресторане «Дэко» составили «протокол на его беспорядки». Хозяин «Дэко» страшно расстроился этим. Стал кричать на чинов полиции: «Воры, грабители, сыщики!». Затем схватил бутылку шампанского и кинул в Гертмана, попал в зеркальный шкаф и разбил 20 бутылок различного вина.

В следующем номере «Листок...» опубликовал письмо Анны Домниной, жены владельца ресторана «Дэко»: «В ночь на 13-е, в отсутствие мужа, 8-9 человек приставов устроили облаву с обыском. Ничего не найдя, пристав первого участка потребовал свидетельство на право игры музыки. У меня его не было. Из-за таких пустяков могли бы явиться днём или меня потребовать в участок, а не распугивать посетителей. Явился муж возмущенный: «Что вы к нам при-

дираетесь? Хотите разорить? Так я сам разорюсь!». Бутылку от лимонада бросил в шкаф, разбил стекло и три бутылки ликёра. Тут же последовала команда: «Бери его! Вяжи его!» Накинулись на мужа человек восемь. Я вступилась, но получила несколько ударов ножнами шашки, вся левая сторона – кровоподтёк. Свидетельство врача есть. Возбуждаю иск против полиции за превышение власти. Анна Домнина. За неё, неграмотную, и по личной просьбе расписался Биршерт». Кого назвали правым, кого – виноватым, кому, что присудили в этой истории, неизвестно.

«Торгово-промышленный листок объявлений» довольно часто критиковал местный общепит, причём, иногда без оглядки на рекламодателей – кормильцев «свободной» прессы.

20 августа 1908 года «Листок...» помещает рекламу: «На углу Зейской и Никольской, в доме Григорьева, открылась «Киевская кондитерская». В кондитерской изготавливаются торты, пироги, крендели, конфеты, печенье, пирожные, карамель и всевозможные кондитерские товары по самым умеренным ценам. У нас самые лучшие кондитеры из Москвы и Одессы и всё делается из хороших продуктов. Лыщу себя надеждою угодить почтеннейшей публике своим производством. С почтением Г.Д. Бояджиев».

А через неделю, 27 августа, тот же «Листок...» помещает такую заметку: «Нам случайно попал в руки документ, устанавливающий, что местные кондитеры, приготовляя свои произведения, употребляют в большом количестве следующие, по нашему мнению, совершенно несъедобные продукты: вазелин, тальк, кармин, японский клей, аммоний. Все эти продукты можно найти в любой местной кондитерской». Это же прямая антиреклама. Может быть, господин Бояджиев не заплатил за предыдущее объявление, и редакция ему таким образом отомстила?

В марте 1909 года эта же газета напечатала, как бы сейчас сказали, журналистское расследование: «Трактиры и столовые Благовещенска очень мало внимания обращают на чистоту и опрятность помещений и посуды, на свежесть и качество продуктов. Своими наблюдениями делимся с санитарной комиссией. 1. В торговом помещении грязь, холод, сырость, дым, пар, угар, смрад. 2. На кухне под столом породистая собака со щенками, за печкой – чушка с поросятами. В другом углу буфет, а в нём живые утки и куры. Из птичника несёт воню. 3. По лавкам и нарам разбросаны для оттаивания мясо, рыба, капуста и прочее. Под лавками чищенные и не чищенные овощи. На полу, в ушате без крышки, вода, рядом – грязная посуда. Часто рядом с котлами с едой кипятится бельё. Нередко в торговом помещении работает сапожник, портной или цирюльник. Сведения собраны обходом ряда столовых». Называть столовые, в кото-

рых наблюдал эти безобразия, корреспондент не стал, видимо, по соображениям безопасности – могли ведь и побить.

Все вышеописанное, оказывается, не предел антисанитарии. Вот какой информацией поделилась с читателями газета «Эхо». В начале 1911 года в Благовещенск прибыли студенты-медики из Томского университета на помощь в борьбе с чумой, которая свирепствовала в Маньчжурии. Когда выяснилось, что чума Благовещенску не угрожает, управа предложила студентам заняться санитарным обследованием города. К августу они обследовали территорию трёх полицейских участков, заполнили больше 3000 санитарных листов, при этом один из студентов нашел землянку, в которой какой-то русский жил и занимался печением пирожков. «Студент попросил показать мясорубку и посуду, где квасилось тесто. Мясорубка облеплена старым, издающим зловоние, мясом, в нём копошатся черви. Что касается квашни, она служит двойной цели: в ней готовится тесто и кормится скот».

Скорее всего, пирожками из землянки, очевидно, что дешевыми, торговали «ходячие рестораны», как назвал их репортёр «Торгово-промышленного листка объявлений». Продавцы пирожков, сушек и сбитня с утра до ночи работали на базарах, на пристани, около строящихся домов, возле стоянок извозчиков – в тех местах, где работник в течение дня не мог отойти от прилавка или воза с поклажей, чтобы позавтракать или пообедать: «У этих ходячих ресторанов имеется всё к вашим услугам: и водка под полой, и коньяк, и пирожок. Закусил сушкой и обед готов, и голодный – сыт».

Меню

Кухня «стационарных» благовещенских ресторанов была русской и европейской. Некоторые заведения ежедневно печатали свои меню в газетах.

«Буфет Общественного собрания. 22 сентября. Обед: суп-ризотто, борщ с блинчатым пирожком, таймень под соусом пикан, битки в сметане, цыплята а-натурель, омлет с вареньем. 26 сентября. Обед: консоме с фрикаделью, борщ, рыба под польским соусом, антрекот, жареный цыплёнок, пудинг. 27 сентября. Обед: консоме с кореньями, жидкая селянка, рыба под гранатовым соусом, лангет с картофелем, фрикаппион из телятины, мороженое. 28 сентября. Завтрак: пирог с ливером, рыба-томат, антрекот. Обед: бульон, щи, консоме из рыбы, штуфат¹⁹ с макаронами, утки с салатами, мороженое».

Разброс цен в предприятиях общепита был значительным. В кафе-салоне «Шато-де-флёр» порция блинов со сметаной стоила столько же, сколько обед из двух блюд – 50 копеек, а те же блины, но

с икрой, продавали дороже, чем обед из четырёх блюд: 1,5 рубля и 90 копеек соответственно.

«Общедоступная кухмистерская». Можно получить по доступной цене обед: из трёх блюд – 70 копеек, из двух блюд – 60 копеек. Чай на одну персону – 10, кофе черный – 20, с молоком – 25, шоколад – 30 копеек. Помесячно столоваться: из трёх блюд – 18, из двух блюд – 16 рублей. Принимаются заказы на свадьбы, вечера, именины, похороны. Приезжаю на дом со своей сервировкой и прислугой».

«Международный буфет» (угол Никольской и Амурской, дом Бобковой), желая пойти навстречу своим посетителям и в угоду им, с 1 февраля отпускает обеды при буфете из двух блюд – 35, из трёх – 50, из четырёх – 75 копеек, одно блюдо из обеда – 25 копеек».

«Шато-де-флёр» продавал абонементы на обеды по 13 рублей 50 копеек в месяц. В «Чуринской» столовой (*столовая недалеко от главного чуринского магазина для сотрудников фирмы и всех желающих*) такой же абонемент стоил на 70 копеек больше. В столовой Общества трезвости полный обед – щи с мясом, каша с маслом, чай, хлеб и сахар – стоил 10 копеек.

Все серьёзные заведения предлагали услуги на заказ и приготовление блюд навынос. Так, кофейня «Космополит» к Рождеству и Новому, 1908-му, году предлагала изготовить «всевозможные фаршировки: индейка, рябчик, утка, гусь, фазан, фуагра из дичи, паштет, пуляры, а также запекает окорока».

Китайская кухня тоже была популярна у жителей Благовещенска, но не в городе. За нею ездили в Хэйхэ. Очень красочно описал посещение русскими гостями китайского ресторана Фёдор Чудаков в стихотворном фельетоне «В Сахалине зимой».

В ресторане ряд столов.
Точки разные голов.
Стук приборов. Пьют, едят.
Меж собою говорят.
Скрипки стонут и поют,
Вальсы старые жуют.
Граждан водка и обед
Примирают с тьмою бед.
Вдруг появится скандал
(Водки выпитой финал).
Диким голосом орут:
«Здесь как с липок с нас дерут!
Жёлтым тысяча чертей!
Год не моют скатертей!
Холод, грязь и дым кругом,

Ноги стынут под столом!
Брось, ребята! Всей гурьбой
Отправляемся в другой!»
От столов за жестом жест
Поднимается протест.
Вот «компания» ушла,
Шум и ругань унесла.
Нет скандала. Пьют, едят
И друг с другом говорят.

Где столовался А.П. Чехов

В письмах, которые Чехов (по пути на Сахалин, в 1890 году) отправляет родным и знакомым на длинном отрезке маршрута от Волги до Амура, он постоянно говорит о еде: сначала потому, что писать не о чем, затем от того, что есть нечего, и тарелка супа воспринималась им, как чудо.

Начиная со Сретенска, проблема питания решилась сама собой: на пароходах «Ермак» и «Муравьев-Амурский» кормили по расписанию, в Благовещенске тоже было где поесть (кстати, икра, которую так любил Чехов, здесь была местного производства: один фунт стоил один рубль). Судя по всему, Чехов столовался в нескольких местах. В компании контрабандистов – людей денежных – он обедал, скорее всего, в ресторане Общественного собрания. Побывал он и в каком-то заведении попроще, куда пускали не только солидную публику: «Когда я одного китайца позвал в буфет, чтобы угостить его водкой, то он, прежде чем выпить, протягивал рюмку мне, буфетчику, лакеям и говорил: кусай! Это китайские церемонии. Пил он не сразу, как мы, а глоточками, закусывая после каждого глотка, и потом, чтобы поблагодарить меня, дал мне несколько китайских монет».

Совершенно определенно Чехов столовался на пароходе «Муравьев-Амурский». В Таганрогском музее писателя хранятся два «Счета из буфета почтового парохода». Один выписан «господину Чекфу» 27 июня – день отплытия из Благовещенска: за квас 25 копеек и «за продовольствие», очевидно, обед, 1 рубль. Другой счет выписан «Доктору» 3 июля (с 27 июня по 3 июля пароход шел по Амуру) за обеды, чай с печеньем, пиво, 8 рюмок водки.

Да, у Антона Павловича была привычка сохранять самые разные документы вплоть до билетов и счетов из ресторанов. После его смерти архивы сохраняла, обрабатывала, пополняла сестра Мария.

---

¹⁷Издание АО «Амурская ярмарка», 2013 г.

«Ресторанные» хроники

(по материалам газет «Амурский листок», «Амурское эхо», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1908-1912 гг.)

«Через несколько дней на углу Зейской и Офицерской, в заново отстроенном доме, откроется кафе-шантан, для которого выписаны из Владивостока женский хор и несколько соответствующих артистов. Одним словом, Благовещенск получит печальное наследие упраздняемой «Маньчжурии».

«Кофейня «Чашка чаю» открыта ежедневно с 11 утра до 11 вечера. С 7 вечера играет струнный оркестр. Вход бесплатный».

«20 октября в доме Левентас (Зейская, между Графской и Никольской) открыт ресторан «Модерн». При ресторане – бильярд и приличные кабинеты. Ресторан освещается электричеством».

«При «Центральной» гостинице Холодилова (угол Графской и Зейской) сегодня, 11 января, открытие ресторана».

«Кондитерская-кофейня (бывшая Майоровой). С почтением, М. Лясковский и А. Кислицын. Тут же требуются приказчица и девочка для услуг в кофейне».

«Ресторан «Унион» получил курагашки» (*курагашек – трехмесячный забайкальский барашек; из его мяса готовили вкусные блюда, например, шашлыки*).

«Столовая «Германия» П. Алборова и В. Доева, которая раньше называлась «Уральск», работает».

«Господин Шумский, содержатель кафе «Де Пари», устраивает каток».

«Коммерческий ресторан» открыт до трёх часов ночи. Имеются с отдельным ходом кабинеты и номера».

«Трактир «Малороссийский ресторан». Зейская между Мастерской и Торговой, содержатель И. Самойлов».

«Скоро откроется кондитерская-булочная братьев Чакальян. Большая улица, между Мастерской и Благовещенской».

«Кондитерская и булочная Бердникова. Большой выбор шоколадных и других конфет. Миньоны, приготовленные на собственных электрических машинах, также и все остальные булочные и кондитерские изделия готовятся из доброкачественного материала чисто и аккуратно».

«Кондитерская Афонина к предстоящему празднику Святой Пасхи предлагает конфеты всевозможных вкусов, торты, мазурики, баумкухены, куличи, бабы и всевозможные печения. Приём заказов на все кондитерские изделия. С прибытием из России новых мастеров вкус и изящество в приготовлении доведены до совершенства. В колбасном отделении с 10 апреля поступили в продажу фарширо-

ванные трюфельным фаршем поросята, пулярды, головы, ножки, паштеты, страстбургские пироги, парижская ливерная колбаса, разнообразные заливки, копченые гуси, жареные поросята, куры и утки. В колбасном отделении заготовлен громадный выбор окороков особо нежного и мягкого засола, а также громадный выбор всевозможных видов и вкусов тщательно приготовленных колбас».

ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО

Хозяева и квартиранты – Квартирные хроники – Прислуга – Живность: лошади, крупный рогатый скот, свиньи, верблюды, собаки, канарейки – «Животные» хроники

Городское самоуправление регулярно проводило учёт и оценку недвижимого имущества горожан (имущество стоимостью ниже 25 рублей оценке не подлежало). В мае 1909 года в Благовещенске было зарегистрировано «недвижимых имуществ» 3064, их общая стоимость оценивалась в 11 384 478 рублей.

Хозяева и квартиранты

У домовладельцев было немало забот. Они отвечали за прописку постояльцев, должны были следить за тем, чтобы квартиранты имели паспорта и квитанции об уплате больничного сбора, с них спрашивали за санитарное состояние дворов и соблюдение правил противопожарной безопасности, за исправность тротуаров перед домами и наличие палисадников, если фасад выходил на Большую улицу или Садовую, за загулявшую, где не положено, скотину и неприязненных собак... Как ни странно, домовладельцы отвечали и за сохранность имущества квартирантов: в случае кражи домохозяин был обязан возместить квартиранту понесённые убытки.

В апреле 1911 года в Благовещенске начал действовать адресный стол. Он размещался на пересечении Иркутской и Благовещенской, через дорогу от полицейского управления. Все домовладельцы, содержатели гостиниц, меблированных комнат, постоялых и заезжих дворов должны были выкупать в адресном столе домовые книги и специальные бланки для прописки жильцов (да, прописка существовала и до революции). Никому не хотелось быть оштрафованным, и в течение мая во всех полицейских участках города «был очень велик наплыв домовладельцев». Закон распространялся и на иностранцев. Газета «Эхо» сообщала, что «за ноябрь 1911 года адресным столом продано китайцам двадцать тысяч «адресных листов»! Население Благовещенска (без учёта войск) составляло тогда около 60 000 человек.

Очень выгодным делом была сдача жилья внаём. Особенно большой наплыв постояльцев был осенью, когда в город съезжались сезонные и приисковые рабочие, учащиеся (многие гимназисты и реалисты жили на квартирах), завершали навигацию речники. В Благовещенске можно было снять усадьбу, барский дом с конюшней и садом, квартиру в десять комнат, комнату «со столом» (завтрак, обед, ужин), кладовку, угол, койку, сарай, место на общих нарах.

В марте 1910 года газета «Амурский край» опубликовала любопытную заметку: «Рассматривая результаты оценки имущества по доходности и сопоставляя их с прежней оценкой, замечаешь разительные явления: 60% квартир сдаются в аренду; квартирная плата поразительно высока; избышки, хатёнки, бани, расположенные не только в центре, но и в Бурхановской слободе, иные не подлежат оценке или стоят всего 50-100 рублей, приносят 120-600 рублей дохода».

Домохозяева с квартирантами не церемонились. Некто Авилкин (дом по Чигиринской, между Иркутской и Амурской) «не позволяет квартирантам принимать гостей, запрещает часто стирать, указывает, когда им топить печи, отпускает грубые фразы вроде «Всякая шваль тут ходит». За такие действия на него грозили в суд подать. Видно, передумали – прогонит ведь. В доме Н.Н. Чурилова по Безымянной, между Иркутской и Вознесенской, проживала госпожа Р. с тремя детьми. Когда Чурилову понадобилась квартира, он просто спустил в трубу кирпич и дымом выжил женщину с ребятишками. Одна местная газета в августе 1908 года поместила заметку: «Какие-то наивные квартиранты сетовали в газете на то, что хозяйка нарушила контракт. О, наивные! Она может нарушить не только контракт, но и рёбра. Недавно хозяйка Горбуниха избила постояльца палкой». Бывало и пострашнее. Крестьянин К. Ксензов пустил переночевать приехавших с приисков Яковлева, Токарева и Тимофеева. Когда постояльцы уснули, хозяин напал на них. «Всем нанёс топором раны, но неудачно, – как выразился газетный репортёр. – Был задержан постояльцами и обезоружен». Легко отделались.

Квартиранты тоже попадались ушлые. Господин Б., служащий по железнодорожной части, придумал способ снимать жильё, не платя денег. Нанимая квартиру, он давал три рубля в залог. Прожив дней двадцать, съезжал, потому что «квартира ему не подходит». В течение восьми месяцев, пока на него не пожаловались, куда следует, он переменил несколько квартир. Рублей 120 за это время сэкономил.

Другой квартирант, известный в городе пианист С.С. Спиридонов, устроил такой сюрприз. Он уезжал из Благовещенска. Из меблированных комнат И.И. Львова на углу Мастерской и Амурской увёз свои вещи на пристань, чтобы погрузить на пароход. Обещал вер-

нутья к пяти часам, так как ему надо было играть у Роганова (в иллюзионе). Проходит час. Спиридонова нет. У Роганова до девяти вечера не начинают сеанса – ждут музыкального сопровождения. Продав жильца довольно долго, в номерах Львова решили ломать дверь, но вдруг под ковриком нашли ключ. Открыли квартиру и обнаружили... голые стены и кровать со столом. Даже зеркало Спиридонов увёз как собственное.

Некоторые домохозяева и квартиранты решали споры в суде. К служащему в окружном суде Гарьковскому квартирная хозяйка Кравченко предъявила иск в 30 рублей, которые он ей задолжал за квартиру. Гарьковский предъявил хозяйке встречный иск в 3 рубля 80 копеек за убытки, которые она причинила ему тем, что начала трясти половики, когда он готовил кисель. Пыль от последних летела на кисель и сделала его непригодным для кушания. Дело разбиралось мировым судьей первого участка. Судья в иске обоим отказал, а возложил на них поровну судебные издержки.

Отдельно надо сказать о китайцах. Большая часть прибывавших из-за Амура отправлялась на север – на прииски. Но значительное их число оседало в городе. Около 1000 человек проживало в китайском квартале, другие ютились, где придётся. «Торгово-промышленный листок объявлений» за 3 июня 1909 года пишет: «Домовладельцы для китайцев сколачивают сарай без пола и даже без нар. Пускают человек пятнадцать. Рублей 30 в месяц выручают». Пятнадцать человек в сараюшке – не предел. В четырёх ветхих домиках, принадлежавших Евдокии Косицыной, летом 1910 года проживали «битком набитые» китайцы общим числом 90. Домики, кстати, стояли в центре города – по Зейской, между Садовой и Благовещенской.

На улице Казачьей, между Зейской и Амурской (восточную часть города называли «Призейским районом») китаец Су-Мин-Юан арендовал пять домиков без печей и вентиляции. В каждом на двухъярусных нарах размещалось по 30-40 человек! Городская санитарная комиссия составила протокол и предписала Су-Мин-Юану провести ремонт, установить печи, наладить вентиляцию, и чтобы в один домик он поселял не больше 15 человек. Рекордсменом «уплотнения» жильцов стал Г.И. Шипков: в его доме, в том же Призейском районе, в 1910 году ютилось 110 китайцев. По протоколу городской санитарной комиссии Шипков уплатил штраф, который присудил ему мировой судья. А в 1911 году поселил у себя уже 210 китайцев! На этот

---

¹⁸Ворт, Ланде – французские модельеры.

раз Шипков был оштрафован постановлением военного губернатора и уже на громадную сумму – 2000 рублей.

...Весной 1918 года в Благовещенске установилась власть Советов и разгулялась свобода. Как результат – во все охранные участки потянулись домовладельцы с жалобами на квартирантов. Последние отказывались платить за проживание и заявляли, что теперь всё можно. В августе того же года на смену Советами пришли японские интервенты, на время восстановились прежние порядки. Домовладельцы вздохнули с облегчением. Ненадолго.

Квартирные хроники

(по материалам газет «Амурский листок», «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1908-1912 гг.)
«Сдаётся барский дом в 10 комнат со всеми удобствами и службами».

«Желаю нанять квартиру в четыре комнаты за 50 р. в месяц».

«А.С. Останина обратилась к своему квартиранту Ф.А. Спигулову за выдачей обратно ей отданных ему на хранение двух пуховых подушек, которых у Спигулова не оказалось. Подушки нашлись у сожительницы Спигулова Татьяны Ермольнич. Пристав провёл дознание. Ермольнич сказала, что купила подушки у Соломодиной, но та говорит, никому ничего не продавала. Составили протокол на Ермольнич. Пух арестован и передан на хранение Останиной».

«2 августа в доме Звонарёвой на углу Торговой и Иркутской громилы выпилили ставни, выставили окно и напали на квартиру Таисии Васильевны Трифоновой. Хозяйку ударили по голове молотком, мужа – топором, но он успел позвать на помощь. Поднялась паника, громилы стали стрелять во все стороны и в кладовку тоже. В кладовке спал квартирант. Соседняя кровать была пуста и пули всё время попадали в неё. После того, как выстрелы стихли, квартирант выбрался на улицу и поднял шум. Убегая, громилы забыли ломик и окровавленный топор».

«Желаю нанять две комнаты со столом и мебелью».

«Отдаются две комнаты со столом, желателно для учеников. Принимаю проходящих столовников».

«В доме Юргелис отдаётся квартира в 11 комнат с отдельным флигелем под кухню и помещением для прислуги, с надворными постройками, службами и садом».

«За 12 000 рублей продаю недвижимое имущество, приносящее 1000 рублей годового дохода. Учитель гимназии Ершов».

«Продаётся усадьба И.Ф. Бабина по Зейской, между Никольской и Графской, длиной 35 сажений, вглубь двора – 29 сажений, с двумя

домами. Службы, амбар, каменный ледник, каретник, сеновал, конюшня, при доме баня, сад и огород».

«Отдаются три комнаты подряд, со столом. Можно и без стола. Торговая, между Большой и Зейской. Дом Завьяловой».

«Отдаётся квартира на Набережной рядом со складом Пьянкова, в доме Е.П. Буковецкой».

«Барская квартира отдаётся из шести больших комнат, к ним сад, веранда летняя, со всеми службами, парадный ход, недорого. По Никольской, между Зейской и Амурской, дом Лиходеева».

«В центре города желаю взять на полный пансион двух учащихся девочек или мальчиков, репетирую по всем предметам и новым языкам за недорогую плату. Адрес в редакции».

«Торговая, 30. Сдаётся комната со столом и электричеством».

«За 3000 рублей продаётся участок земли на Семинарской (в улицу 10 саженой, в глубину 35 саженой), на котором имеется берёзовая рощица и садик. Между Большой и Муравьёвской».

«Дом-особняк о шести комнатах с отдельной кухней, ледником и садом отдаётся внаём. Зейская, рядом с пивоваренным заводом «Россия», дом Августовского».

Прислуга

Домоводство в начале XX века совсем не то, что сегодня. Вода – привозная, печи – дровяные, вместо холодильника – ледник или погреб, стирка – ручная, продукты – с базара, огорода, собственного подворья... Состоятельной даме без прислуги даже одеться было невозможно: кто же корсет затянет?

«Одной из неприятных особенностей повседневной жизни в крае являлась прислуга, состоявшая исключительно из китайцев и бывших каторжных», – записала в дневнике жена Приамурского генерал-губернатора М.Ф. Духовская.²⁰ Чтобы как-то изменить ситуацию, генерал-губернатор С.М. Духовской издал приказ, согласно которому солдаты, окончившие службу, могли остаться в крае на три года, нанимаясь на разные работы, а потом отправляться на родину за казённый счет. Но всё же найти хорошую прислугу – знающую, честную, преданную – было очень трудно. Особенно дефицитной была прислуга женская.

«В городе чувствуется большой недостаток в женской прислуге, – сокрушался корреспондент газеты «Эхо» в сентябре 1910 года. – Контора по найму прислуги почти не имеет предложений со стороны женщин. Многие дома пестрят записками о приглашении нянь, кухарок, горничных безрезультатно целыми неделями. Вероятно, с окончанием полевых работ в городе появятся предложения».

Прислугу искали без «прицепа» в виде детей, родственников, знакомых: «Нужен кучер, жена – стряпкой. Бездетные. Справиться на Мастерской, дом Тузова»; «Нужна прислуга. Можно с одним ребёнком. Большая улица, между Бурхановской и Корсаковской, дом Тарасова»; «Нужна одинокая женщина за одну прислугу в небольшое семейство, за хорошее жалование»; «Нужна прислуга. Можно с одним ребёнком. Большая улица, между Бурхановской и Корсаковской, дом Тарасова»; «Требуется к одинокому умеющая готовить прислуга, без знакомств, с рекомендациями. Жалование 15 р. Большая, между Чигиринской и Буссевской, дом Тузова, во флигеле». Часто искали прислугу «в отъезд»: «Требуется женщина-прислуга, попутчица в Вятку для ухода за двумя детьми за бесплатный проезд и содержание»; «Нужна няня в отъезд на прииска».

Для хозяйства требовались разные специалисты домашнего хозяйства: «Девушка, умеющая хорошо стирать»; «Няня к новорождённому. Жалованье 20 р. Готовое содержание и квартира»; «Китаец, умеющий говорить по-русски, или русский мальчик не моложе 16-17 лет»; «Кухарка, знающая готовить. Американская улица, дом Скоблиных». Были и встречные предложения: «Ищу место кормилицы, няни или горничной с мужем за лакея. Бурхановка, против завода Чурина, дом Прохорова»; «Трезвый кучер, недавно приехавший, ищет место. Справиться на постоялом дворе Семерова. Спросить Льва Шпицына»; «Ищу место няни. Опытная, вдова, средних лет. Графская, между Иркутской и Вознесенской, дом Алтынникова»; «Ищу место горничной или няни, официантки, продавщицы, неграмотная. Угол Театральной и Набережной, №55, во флигеле»; «Француженка, любит детей, ищет место в русскую семью».

Оплата прислуги зависела от пола, национальности и «содержания»: мужчинам платили раза в два больше, чем женщинам; русским – рублей на десять больше, чем инородцам; на «своём содержании» получали рублей на 10-15 больше, чем на хозяйских харчах.

Отношения хозяев и прислуги складывались по-разному, в прессу попадали главным образом скандальные истории: «Госпожа Бусыгина, жительствующая на углу Никольской и Зейской, избила свою прислугу Ирину Байдюк. Ирина Байдюк возбудила дело против госпожи Бусыгиной»; «К госпоже В. на днях поступила прислуга с паспортом. Паспорт от неё не был отобран. 8 июня прислуга в отсутствие хозяев забрала шёлковую юбку, кофту, ботинки и ушла. Анна, высокая, со слегка косым левым глазом»; «Е.Е. Алиева заявила, что прислуга её Агриппина Бирюкова 20 сентября ушла и захватила с собой золотое кольцо и маленький серебряный самовар»; «От благовещенской мещанки Лукерьи Жеребцовой неизвестно куда скрылась её прислуга Наталья, которая по книжке хозяина получила в магазинах разных товаров и припасов».

Но были и совсем другие примеры. «В ночь на 1 февраля 1909 года вооруженные лица числом до пяти человек в отсутствие домохозяев попытались силой проникнуть в дом Н. Дегтярёва (по Графской), но были встречены выстрелами». Что удивило: перестрелку с бандитами вела... женщина. Прислуга. «Когда она вышла на стук в сени и подошла к окошку, то была встречена почти в упор револьверным выстрелом, – описывал подробности газетный репортёр. – Пуля, пробив полу кофточка, ударила в противоположную стену, а кофточка от выстрела затлелась. Оправившись от испуга, прислуга через окошко дала несколько выстрелов по нападающим. Ответными выстрелами была пробита дверь в нескольких местах. После нескольких минут оживлённой перестрелки, нападавшие разбежались». Может быть, за храбрость и решительность хозяева отблагодарили прислугу. Например, подарив новую кофточку.

Живность

Невозможно представить домашнее хозяйство на рубеже прошлых веков без домашних животных. Время от времени ветеринарный инспектор проводил однодневную перепись скота. Для этого город разбивался на участки, специально нанятые люди в течение дня обходили дворы и заполняли специальные бланки. По данным городской управы в 1892 году «имелось скота»: лошадей – 2214, рогатого – 1837, овец – 102, свиней – 850, верблюдов – 136, ослов и мулов – 20. В 1910 году благовещенцы (население города – 64 383 человека) содержали 8230 домашних животных: лошадей – 3803, коров – 1831, быков – 77, полуторников (18-месячных быков) – 209, телят – 535, баранов – 215, свиней – 1503, ослов – 57. Итоги переписи 5 июня 1911 года были более детальными: 2467 голов крупного рогатого скота, 3013 лошадей, 22 осла, пять мулов, 26 лошаков, 1149 свиней, 99 коз, 31 овца, один як, 18 верблюдов, 2104 собаки, 15 542 курицы, 1747 уток, 1047 гусей, 48 индюков. К этому гигантскому количеству живности надо добавить ещё 15-17 тысяч голов крупного и мелкого скота, которых пригоняли в Благовещенск на убой из Монголии, Маньчжурии и амурских сёл.

Лошади

Иметь собственную лошадь сто с лишним лет назад, всё равно, что сегодня – автомобиль. По многим причинам необходимо, но дорого и хлопотно: налоги, техническое обслуживание, цены на «топливо»... О проблемах и заботах владельцев коней рассказывают заметки и объявления старых газет.

Налоги. Те, кто занимался извозом, платили в городскую кассу по семь рублей, остальные – по 3 рубля с лошади в год. От этого сбора освобождались лица, состоящие на государственной службе.

Содержание. Воз сена стоил от 3 до 6 рублей. Подковать одну лошадь стоило 50 копеек. Один из манежей дляковки лошадей содержал ветеринарный врач Любимов (Вознесенская, между Никольской и Графской). Летом можно было отправить лошадь на выпас за город: «На остров Каникурган (в пяти верстах от города) принимаются на пастбище лошади ценою 2 рубля в месяц. На всё лето – 10 рублей»; «Хутор Песчанка в полутора верстах ниже посёлка Гродеково по примеру прошлых лет принимает скот на выпас».

Модели и аксессуары. О них можно было узнать из объявлений: «Продаются два зимних возка. Один из них – семейный»; «Продаётся новое дамское седло. Срочно. По случаю»; «Продаются дешево два экипажа барских на никелированном ходу»; «Специальная шорная торговля Ив. Ив. Саяпина, угол Зейской и Благовещенской. В большом выборе разных родов сбруи: американские, московские, томские, местного производства, всевозможные сёдла разных родов, тесьма вожжевая и подпружная разных цветов, вожжи и подпружья в готовом виде, ремень московский и местный, нагавки и беговые принадлежности, дуги фаэтонные, беговые и рабочие».

Тюнинг. «Японский маляр Ямагучи примет в окраску американки и другие экипажи. Дешевая и чистая работа. Улица Зейская, между Мастерской и Благовещенской».

Сезонные проблемы. 10 ноября: «Установившийся санный путь, который является вообще редкостью для Благовещенска, захватил многих врасплох. В городе ощущается недостаток санок и кошевок». 19 ноября: «Некто Н. безуспешно продавал в прошлом году пару саней за 5 и 100 рублей. В этом году благодаря значительному снегу он наконец-то продал свои сани за 125 и 220 рублей».

«Механизм». «16 декабря в гарнизонном собрании ветеринарный врач 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады Н.А. Дехтерев прочитал лекцию на тему «Зубы лошади». Присутствовали начальники отдельных частей, офицеры, чиновники гарнизона. Сначала лектор рассказал о жизни и возникновении зубов, а также о значении их для человека, домашних животных, особенно – лошади. Не имевшие никакого представления о зубах лошади получили полное и ясное представление об этом предмете».

Парковка. «Отсутствие у здания окружного суда коновязи очень стесняет посетителей суда: приходится бросать лошадей без привязи»; «Нам указывают на отсутствие коновязи у адресного стола. При ежедневном большом наплыве публики приходится долго ждать своей оче-

реди и в то же время необходимо стеречь непривязанных лошадей, что положительно необходимо ввиду процветающего конокрадства».

Стоимость. «У крестьянина деревни Богородской Акима Воробьёва украдена лошадь, стоящая 200 р.» (1898 год); «На Амурском базаре цыгане покупали лошадь. Продавец просил 40 р., цыгане – 38, подошел крестьянин из деревни Черёмушки и купил за сорок. Тогда цыгане побили продавца» (1910 год); «В 1910 году Благовещенская таможня покупала лошадей по 110-150 р. Некоторые через год работы были забракованы и проданы с аукциона по 125 р. и больше» (1911 год); «Под влиянием большого спроса на лошадей с началом строительства Амурской железной дороги цены вздулись: дешевле 300 р. не купить»; «В первых числах апреля из Мариинска Томской губернии выйдет транспорт (караван) лошадей в 600 голов, закупленных конторщиком средней части Амурской железной дороги. Лошади доставляются по 180 р. с головы в среднем. Транспорт пойдёт через Цицикар и должен быть в Благовещенске не позже 15 мая. В качестве специалиста по выбору лошадей Шмуловичем приглашен известный благовещенцам Шестаков»; «Харбинские извозпромышленники и барышники, воспользовавшись голодом в Западной Сибири и упавших, в связи с этим, цен на лошадей, сделали громадные закупки их. Дальний Восток наполняется этим товаром, тогда как лошади преимущественно крестьянские, заморенные, к работе почти неспособные. Цены держатся в том расчёте, что лошади отправят в Благовещенск. А здесь спрос на них очень большой ввиду большого требования на железную дорогу» (1912 год).

Дороги. «Дорога установилась твёрдая, скользкая и приводит в немалое возмущение извозчиков и владельцев лошадей. Приходится быть осторожными, шипы на подковах неизменно скоро исчезают и лошадь приходится очень часто ковать, иначе она начинает скользить, рискуя сломать ноги»; «Около почтовой конторы лошадь вывихнула плечо. Напротив «Кунста и Альберса» поскользнулась лошадь благовещенского мещанина Косоротова и сломала ногу. Лошадь пристрелена владельцем».

Угон. «На Вознесенском базаре цыгане сплошь и рядом продают краденых лошадей»; «Коннозаводчик В.П. Соколов за приличное вознаграждение просит сообщить тех лиц, которые случайно видели или знают, где находятся украденные 15 сентября шесть заводских лошадей: две матки гнедые, одна – тёмно-серая, два жеребчика вороных, у обоих во лбу белые пятна, задние ноги белые, одна кобылла гнедая, полтора года, без отметин. У всех полуторников (лошадей в возрасте полтора лет) на правой лопатке тавро «ВС»; «У Соколова увели шесть лошадей. Четыре вырвались и вернулись. Лошадей нашел специально посланный служащий после трёх дней погони»; «В мае у Коль-

цова была украдена с подножного корма лошадь. Он на днях её опознал у извозчика № 389. Тот пояснил, что купил её у таможенного стражника Чижова, тот купил с аукциона на таможне, так как раньше она была отобрана у контрабандистов. После долгой процедуры лошадь вернули хозяину»; «10 февраля Саяпин, ехавший на двух лошадях по льду Амура, заснул, а когда проснулся, увидел, что второй лошади, привязанной сзади, нет. Лошадь с саними стоит около 300 рублей».

Дорожно-транспортные происшествия. «У возчика пива на углу Безымянной и Амурской зауросила лошадь и, поднявшись на дыбы, опрокинула телегу, разбив все ящики с пивом, кроме двух. Нашлось несколько пьяных, которые, припав к образовавшейся луже пива, стали его пить»; «Из двора Фейнца на Графской улице по утрам выводят на купание пару лошадей. Одна из них часто идёт на свободу. Иззябшая после купания лошадь выделяет прыжки и мчится по улице во весь карьер. Это может трагически закончиться. На днях чуть не сбита мальчика»; «Мы уже отмечали бешеную езду по улицам доктора Турчанинова. В среду, 2 мая, Турчанинов опять проявил себя с этой стороны, наехав около 12 часов дня на углу Большой и Мастерской на проходившую там четырёхлетнюю Анастасию Кузнецову. Девочка была сбита под экипаж и помята. Когда один из свидетелей попросил врача оказать девочке помощь, тот грубо ответил: «А вам какое дело? Я сам отвечаю за всё!» И сейчас же, несмотря на протесты возмущённой публики, сел в экипаж и уехал. Уже заботами публики девочка был отправлена с городовым в Красный Крест. Не пора ли обуздать страсть г. Турчанинова к быстрой езде?»; «17 июля на набережной против мясных лавок солнечный удар поразил ломовую лошадь, которая везла тяжелый воз. Следовало бы летом нагружать меньше, а головы лошадей закрывать шляпами».

«Тина белый джип». «Нас просят отметить такое новое явление в жизни, – сообщила летом 1912 года газета «Эхо». – За последнее время в районе Офицерской улицы частенько разъезжают в экипаже, запряженном белой лошастью, два господина – один очень толстый, второй – в почтово-телеграфной форме. Эти двое специализируются на завязывании знакомств с девочками-подростками. Наметив объект, начинают с того, что настойчиво предлагают прокатиться на белом коне, в случае отказа пешком провожают девочек до дома, занимая разговорами и стараясь понравиться. Узнав адрес, они повторяют попытку, присылая на белом коне кучера, который подкарауливает её выход и от имени пославших предлагает прокатиться. Несколько школьников старших классов одной из городских школ уже воспользовались предложением, и одна после настойчивых приставаний рассказала о том своей учительнице. Приставали у крыльца школы. Все это в достаточной степени прозрачно и не нуждалось бы в ком-

ментариях, если бы речь не шла о неопытных девочках, легковерно отзывающихся на предложение покататься. Необходимо, чтобы об этих «рыцарях белого коня» знали родители и учащие женских школ, к их сведению мы и помещаем эту заметку».

Не пей «за рулём»: «Крестьянин деревни Переясловка привёз в город пшеницу на двух возах. Вырученные деньги пропил. Лошадей и телеги – тоже».

Верблюды

Верблюды для Благовещенска не были в диковинку: иногда они появлялись в городе сотнями, потому что наравне с лошадьми использовались для доставки грузов из Монголии и Маньчжурии в Благовещенск и дальше на север – на прииски. Двугорбые верблюды с красивым названием бактрианы при собственном весе 400-600 кг могут нести груз в 200-250 кг; в день проходят до 50 километров; спокойно переносят перепады температуры от +50 до -50 градусов, неделю могут обходиться без корма и воды. А ещё бактрианы дают молоко, шерсть и диетическое мясо. Мечта, а не зверь.

«На днях пришел первый транспорт верблюдов (в транспорте обычно было 60-100 верблюдов) с грузом мяса, баранины и другого продовольствия, – сообщал «Торгово-промышленный листок объявлений» в декабре 1908 года. – Следом подходит ещё транспорт. Цена на мясо пала». Последнее обстоятельство не могло не радовать, но в каких условиях перевозилось то мясо! Читаем «Амурскую газету» за 9 января 1902 года: «Из Сретенска двигаются громадные транспорты с мороженым мясом на верблюдах. Следовало бы обратить внимание на способы перевозки: без всякой покрывки, туши гложут собаки, верблюды окачивают слюной, на мясо садится пыль и грязь. Помимо не гигиеничности перевозки мяса транспорты причиняют большие стеснения проезду: обогнать транспорт в сотню верблюдов, растянутый на версту, задача почти невыполнимая. Транспорты не привыкли уступать дорогу, а лошади боятся верблюдов, приходится тянуться за ними шагом».

Верблюды не только создавали «пробки» на дорогах, они ещё и с лошадьми конкурировали. Газета «Амурский край» в январе 1910

года поместила заметку: «Возчики плачут от безгрузья. Цены на провоз пали на 25-30%, а овёс и мука дорожают ежедневно. Больше половины перевозки грузов на прииски находится в руках забайкальских верблюдчиков – полчища верблюдов работают исключительно на Верхне-Амурскую компанию» (одна из крупнейших золотодобывающих компаний Урала и Сибири с ежегодной добычей 150-170 пудов золота; в начале XX века имела около сотни приисков).

В марте 1912 года областное по крестьянским делам присутствие утвердило таксу за потраву засеянных полей, огородов, бахчей и сенокосных лугов на землях крестьян и частных владельцев на 1912 и 1913 годы. Так вот, за потраву хлебов лошадь или коровой владелец уплачивал 2 рубля с головы, а если «виновным» оказывался верблюд – 5 рублей (за потраву скошенного хлеба цена была двойная). Так же и при потраве сенокосов за верблюда платили на 40 копеек больше, чем за ту же лошадь. При этом за содержание «взятых на потравах животных» (верблюдов можно было вообще не кормить неделю) их хозяева платили на 10 копеек больше, чем за лошадь.

В январе 1909 года «Торгово-промышленный листок объявлений» напечатал таксу перевоза через Зею, которую утвердила городская дума: один груженный или пустой сельский воз – 20 копеек, один городской экипаж – 50 копеек, один велосипед – 5 копеек, а один верблюд – рубль!

Не могу назвать точных причин, но в домашних хозяйствах благовещенцев верблюды почему-то не прижились: в 1892 году обыватели содержали 136 бактрианов, а в 1911-м их осталось только 18.

Крупный рогатый скот

По поручению городской управы ветеринарный врач, заведующий городской микроскопической станцией, П.Д. Егоровский весной 1910 года разработал правила для пастухов. Согласно правилам, город делился на несколько участков, в каждом из них нанимался свой пастух. Перед началом выгонов пастухи должны были представлять в управу списки скота с указанием фамилий владельцев. Каждый пастух обязан был прогонять своё стадо только по улицам своего участка, не допускать бугаёв для случки на чужие участки и незамедлительно сообщать в управу о «подозрениях на чумные заболевания скота».

Конечно, не все соблюдали правила. Вот репортёр одной из газет «ябедничает»: «Пастух второго участка нарушает правила выпаса и выгона скота. Вместо того, чтобы собирать скот на своём участке, он сгоняет стадо по Торговой улице и смешивает стада первого и второго участков».

За соблюдением правил выпаса и выгона скота наблюдала полиция. Особенно пристально следили за тем, чтобы городской скот не

допускался «к границам астрахановских земель». Это была территория деревни Астраханки (*так называлась тогда Астрахановка*).

Свиньи

Если коров и быков пасли в организованном порядке, свиньи по большей части бродили, где хотели. «Вознесенская площадь между кладбищем и Графской улицей представляет из себя прекрасную лужайку. Домовладельцы смотрят на неё как на место выгула птицы и свиней. Последними во многих местах земля изрыта и ходить невозможно. Посадки и канавы делаются для жителей, а не для свиней!»; «На углу Зейской и Никольской кто-то в куле обронил двух тетёрок. Набежавшие поросята их растерзали».

Чтобы как-то призвать к порядку хозяев «свинского» поголовья, городская управа время от времени давала поручение специальной команде провести облаву. Пойманных свиней хозяева могли выкупать с оплатой один рубль за день содержания «под стражей». Невыкупленных управа грозила использовать «на улучшение пищевого довольствия заключенным в тюрьме».

«В понедельник утром рабочие конторы Ваулина взялись за ловлю бродящих по городу свиней, – сообщила «Амурская газета» 28 августа 1902 года. – Собрав с большими усилиями стаю в 13-15 штук, они погнали их на скотское кладбище, где располагается резиденция Ваулина. Однако хозяева пойманных свиней, особенно любвеобильные хозяйки, посмотрели на действия Ваулина с совершенно иной точки зрения. Они значительной гурьбой шли в отдалении вслед за гонимыми свиньями и по очереди на все манеры кричали: «Чух-чух-чух!» Свиньи, слыша знакомые голоса, порывались бежать, погонщики их не пускали. Наконец, одному удалось прорваться через цепь неприятеля и с радостным визгом он бросился к своей хозяйке. Этого было достаточно. Моментально вся стая бросилась в разные стороны. Ваулинские рабочие остались на бобах. А свиньи вернулись к родным пенатам. Причём, с такой стремительной быстротой, что блюстители свиного благочиния догнать их не смогли. Таким образом, свиньи оказались победителями, что, в общем, естественно и в порядке вещей».

Собаки

Собак было очень много: комнатные, охотничьи, сторожевые, бродячие. Их владельцы платили специальный «сбор с собак» (за исключением цепных): два рубля в год. Уплатив деньги, владелец собаки получал для неё специальный жетон. В случае потери жетона приходилось вновь оплачивать сбор, а иногда и штраф, поэтому в газетах давали объявления, как будто речь шла о потере челове-

ского паспорта: «Утерян собачий значок №207», «Нашедших собачий знак №16 прошу считать его недействительным».

В июне 1909 года Амурское охотничье общество устроило охотничью выставку. Как писал корреспондент газеты «Эхо», на выставке была представлена «целая коллекция собак». Он перечисляет: три гончих С.А. Гартунга и одна Ф.М. Ронсовского, сеттер-лавераки, сеттер-гордоны, ирландские сеттеры, пойнтеры. «Белоснежные выхолненные лайка и шпиц Н.В. Лукина рельефно выделяются своей шерстью на фоне собачьей группы, – восхищается репортёр. – Собака тигровика господина Лалетина – эта серенькая лайка, нечищенная и немытая, вызывает симпатию благодаря своему геройству: она спасла в тайге своего хозяина – охотника на тигров».

По итогам выставки охотнику на тигров Г.Н. Лалетину (он демонстрировал шкуры убитых им зверей, разорванный тигром тулуп и свою собаку) вручили винтовку с патронами и серебряный жетон. Полковник Н.В. Лебедев получил почётный приз генерала А.В. Сычевского за распространение в области кровных сеттер-лаверак. Лайку по кличке Чёрный отметили золотой медалью Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак, сеттер-лаверака по кличке Малюта – малой серебряной медалью Общества любителей породистых собак, шпиц Лукина по кличке Амалия удостоился похвального листа. Медальями, призами и похвальными листами организаторы выставки отметили два десятка собак – охотничьих и комнатных.

Это были счастливые псы, которым повезло с хозяевами. Тех, кому не повезло, – бродячих – было гораздо больше, они представляли серьёзную опасность. Время от времени на них устраивали облавы. Итоги одной такой операции 1899 года зафиксировала в хроникальной заметке «Амурская газета»: «С 1 апреля по 17 мая поймано бродячих собак 168, из этого числа выкуплено хозяевами 26, остальные истреблены».

Буквально через месяц после охотничьей выставки 1909 года городское управление публикует следующее объявление: «Ввиду участвовавших укусов бешеными собаками, контрагенту Курилову сделано распоряжение ловить бродячих собак во всякое время дня, а не только до 7 часов утра согласно существующему сейчас распоряжению. Владельцы собак, желающие, чтобы последние не были изловлены, благоволят надевать им намордники или держать на привязи. В противном случае собаки будут изловлены и через три дня убиты».

Весной 1912 года в городе было так много собак, среди них так много бешеных, что полицмейстер отдал приказ по полиции стрелять всех собак, бегающих по улицам без намордников. Выполняя приказ, чины только третьего полицейского участка за три дня застрелили 20 собак.

В 1916 году (*второй год идёт мировая война*) городское управление принимает решение: за каждую собаку её владелец будет платить «сбор» не один, а два раза в год. Редактор-издатель газеты «Благовещенское утро» А.И. Матюшенский по этому поводу написал фельетон под названием «Позвольте о собаках».

«Нынешнее лето почему-то отличается обилием бешеных собак. Говорят, что собаки бешутся от дороговизны: хозяева перестали их кормить и выгнали на улицу. Разве это справедливо: собак оставили без крова и пищи, да и к ним ещё и претензии предъявляют – почему на улицах небезопасно?»

Я склонен думать, что такой вопрос не под силу и собакам, даже самым умным. Если кто думает иначе, пусть произведёт испытание. Пусть возьмёт десяток самых умных в городе собак, хотя бы сыскных, и спросит их: «Что собой представляет собачья регистрация?» Если хоть одна из них ответит на этот вопрос правильно, то я готов признать, что собачий вопрос должны разрешать сами собаки.

Пока же я держусь того мнения, что собачий вопрос должен разрешать кто-то другой. Кто? Только не кошки. Потому что кошки тут лично заинтересованы. Их тоже обывателю нечем кормить и их тоже выгоняют на улицу. И они, естественно, скажут: «Уничтожить всех собак, включая и сыскных. Нам больше кормов останется». А такое решение, по-моему, слишком уж радикально.

Со своей стороны я предложил бы заниматься этим вопросом управе. Но боюсь, что надо мною будут смеяться, скажут: «До управы добрался, совсем рехнулся старик». А поэтому я скажу одно: собачий вопрос пусть решает, кто хочет, а родителям я советую привязывать детей на цепочку, чтобы они не выбегали на улицу. Ибо улица принадлежит собакам».

Фельетон был написан больше ста лет тому назад. Случаи бешенства теперь встречаются редко, а стаи беспризорных собак, увы, часто.

Автор фельетона А.И. Матюшенский самыми умными называет ищеек, но и охотничьи собаки встречаются очень сообразительные. Об одной такой собаке написала газета «Эхо» в сентябре 1911 года: «На днях один из местных Невмродов ездил на охоту на китайскую сторону. Одну собаку взял с собой, вторую, по кличке Кин, оставил на привязи. На второй день Кин сумел отвязаться, на пароме переправился в Сахалин и явился в гостиницу, где раньше останавливался хозяин. Владелец гостиницы его задержал – знал, чья это собака».

Канарейки

Переселенцы везли на новые места не только коней, коров, но и... канареек. В июле 1910 года об этих певчих птичках вскользь

упомянула газета «Эхо»: «Безобразничают два хулигана – 15 и 16 лет. Один служит в парикмахерской, другой – сын очень состоятельных родителей. Главным образом от этих воришек страдали китайцы, а на днях они атаковали переселенцев и отняли у них клетки с канарейками, но были замечены, и клетки с птицами вернули». Канареек можно было купить и на месте. «Торгово-промышленный листок объявлений» 26 июля 1909 года поместил объявление: «Дешево продаются канарейки, привезенные из Владивостока, до 500 штук, у китайца Жа-Ю-Фина».

Канарейки были очень популярны до революции. В Европейской России целые деревни занимались их разведением на продажу: цена лучших певцов доходила до 50 рублей. Сколько канареек содержали благовещенцы, конечно, никто не считал, но, наверное, немало, потому что специально для них в город привозили корм – канареечное семя. Когда весной 1911 года образовался его дефицит, об этом даже написали в газете: «Канареечного семени в продаже нет. Любители канареек в затруднительном положении»...

В августе 1910 года в Благовещенске прошло организационное собрание местного отделения Российского общества покровительства животным (Общество было создано по инициативе российских дворян при попечительстве императора Александра II во второй половине XIX века). Собралось около двадцати человек. Присутствовал полицмейстер Данильчук. К идее создания нового Общества он отнесся сочувственно. Участники собрания выразили признательность полицмейстеру вставанием. Других сообщений о деятельности этой организации найти не удалось.

«Животные» хроники

(по материалам газет «Амурская газета», «Амурское эхо», «Амурский край», «Благовещенск», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо», журнала «Амурский земледелец» за 1902-1916 гг.)

«Продаются свиньи разных возрастов, откормлены хлебом. Обращаться: дом Баллода, угол Муравьевской и набережной Зеи».

«По случаю отъезда продаются куры и самовар».

«Спешно требуется купить ослика с тележкой».

РАБОЧИЕ

*Заработки – «Вахта» – Профсоюзы – Грузчики –
Первомай – Безработица*

В начале XX века Приамурье вообще и Благовещенск, в частности, было местом, куда ехали крестьяне – «за землёй», рабочие – «за длинным рублём». Многим крестьянам удавалось закрепиться здесь основательно, некоторым рабочим удавалось заработать.

Заработки

В мае 1910 года «Эхо» опубликовало «Цены на рабочую силу в день»: землекоп – 1,2 рубля, каменолом – 1,26-1,5 рубля, кузнец 2-4 рубля, пильщик – посаженно (за каждую сажень) и токарь по металлу 2-3 рубля, токарь по дереву – 1,8-2 рубля.

Заработки были разными. Больше других получали, конечно, квалифицированные мастера. Например, на заводе Чепурина при 8-часовом рабочем дне (обычный рабочий день в то время – 10-12 часов) зарплата квалифицированного литейщика или токаря по металлу доходила до 10 рублей в день (почти как у главврача городской больницы). В мае 1916 года в доме Сибирского торгового банка, напротив завода Чепурина, возник пожар. Дом огнём был уничтожен. В нём проживали рабочие чепуринского завода. Стоимость сгоревшего имущества, принадлежавшего рабочим Стоноге и Сухорукову, определили в сумму более 1000 рублей. Сгоревший дом стоил 1500 рублей. Хорошие, видно, были мастера.

Ещё пример из газеты «Благовещенское утро» от 1 ноября 1916 года: «Первая рабочая артель пожертвовала на усиление средств комитета по постройке нашего военного воздушного флота 300 рублей и на благотворительные цели 234 рубля 50 копеек. В артели 65 человек. Наличный капитал каждого артельщика 375 рублей. За год валовой заработок артели составил 135 669 рублей. Заработок каждого артельщика – 1446 рублей в год».

Заработок наёмного работника зависел от порядочности или непорядочности нанимателя: обманывали рабочих очень часто. В сентябре 1906 года газета «Эхо» описывала в общем-то рядовой случай: «В город явилось около 200 рабочих с прииска товарищества «Рудник». У них на руках ордеров на сумму около 6000 рублей. Товарищество с расчётом не спешит. В дело вмешивается, как мы слышали, господин полицмейстер, имеющий ввиду вступить от лица рабочих в переговоры с распорядителем товарищества». Знакомая многим «задержка зарплаты» практиковалась и сто с лишним лет назад.

Заработки зависели от экономической и от политической обстановки в регионе. В 1909 году, когда в Благовещенске закрыли порто-франко (право на беспошлинный ввоз и вывоз товаров), торговля, промышленность, транспортные перевозки – всё пришло в упадок, работы не стало. В это же время в Китае произошла революция, за

нею – гражданская война, разруха, и десятки тысяч китайцев хлынули «на Амур». Безработица была ужасающая: на одну вакансию претендовало по 50-70 человек! «Спрос на труд слесарей такой незначительный, что они идут на обычную подённую работу за 1,2 рубля, – сообщает местная газета. Рубль-двадцать в день в хорошие времена платили чернорабочему. Безработица сказывается на понижении цены на рабочие руки. Так, подённая плата за плотничьи руки, державшаяся в прошлом году на уровне 2-2,5 р., нынче упала до 1,5-1,8 р.»

«Вахта»

Если приехавшие на заработки не успевали вернуться домой с последним пароходом, они застревали в городе до весны, «проедались» и пополняли ряды безработных. Когда ехали «за длинным рублём», они не предполагали, что зимой из этих краёв почти невозможно выбраться. «Хоть три года скачи, ни до какого государства, кроме Китая, который сам высылает к нам голодных, не доедешь», – горько шутил один из обывателей.

Когда в 1908 году началось строительство Амурской железной дороги, десятки тысяч рабочих из Европейской России поехали «на Амурку». 9 марта 1911 года газета «Эхо» писала: «По слухам, управление постройки средней части Амурской железной дороги выписало для работы около 15 000 рабочих, ещё около 4000 человек наняли подрядчики. По данным Иркутского регистрационного пункта, на постройку дороги с 15 апреля по 5 июня проследовало нанятых и самовольцев около 35 000 человек». В 1912 году Главное управление землеустройства и земледелия планировало привлечь, то есть привезти, на Дальний Восток 106 000 человек: на строительство Амурской железной дороги, для военно-инженерного ведомства, на лесные заготовки, на рыбные промыслы...

На восток ехали охотно: бежали от неурожая и голода, надеялись на большие заработки. Заметка из газеты «Эхо» (март 1911 года): «Из Слюдянки телеграфируют, что 23 февраля проследовала партия рабочих около 700 человек на постройку Амурской железной дороги. Рабочие ведут себя крайне непринужденно, пьянствуют, забирают продукты в буфетах, с лотков, в лавочках при станциях, денег не платят, буянят. По линии дана депеша с предложением принять меры предосторожности». Через шесть месяцев та же газета сообщает: «В Сретенске около 1500 рабочих. Едут с Амурской железной дороги. Бедствуют страшно. Они без средств, половина – без

---

¹⁹Штуфат — мясное блюдо западноевропейской кухни.

паспортов, которые забрали подрядчики. Причины бегства: низкие заработки, дороговизна жизненных припасов. В пути ещё сотни обратных».

Обманывали тех «вахтовиков» ещё когда нанимали на работу. К примеру, в Хабаровске обещали плату по рублю шестьдесят копеек в день, на месте подрядчики платили, как корейцам – по 70-80 копеек в день (корейцы соглашались на любые условия, потому что им некуда было возвращаться: на родине каждого, кто самовольно выезжал за границу, ждала смертная казнь). Когда вербовали рабочих в Европейской России, обещали, что на строительстве железной дороги каждый заработает по 100–150 рублей за лето. На деле выходило в два-три раза меньше. Это при сверхурочной работе, на своих харчах, которые были процентов на 30 дороже, чем обычно. Кстати, на строительство «Амурки» за заработками ехали турки, греки, австрийцы, немцы. Прямо, как сегодня на большие амурские стройки.

Профсоюзы

Приезжим в чужом краю было горько, а нанимателям они были выгодны: поработали и уехали. Местным было намного легче: климат привычный, обстановка знакомая, работу найти можно, если что – профсоюз поможет. В начале XX века в Благовещенске профессиональные организации имели печатники, плотники, машинисты (так называли мотористов) и их помощники, рабочие по обработке металла, командиры пароходов, приказчики... Деятельность этих обществ была весьма разнообразна.

Служащие и мастеровые машиностроительного завода С.С. Шадрина организовали «культурный кружок», который проводил литературные вечера, ставил спектакли. Доходы от мероприятий расходовали на пополнение библиотеки кружка. Служащие городских фирм и контор организовали кружок экономических знаний, вскладчину приобрели библиотеку по теории счетоводства, финансовому праву и т. д. «Желание работать над своим образованием громаднейшее», – отмечает очевидец.

Общество машинистов и их помощников открыло в Благовещенске слесарную мастерскую (машинисты вложились в «уставной капитал» по 10, помощники – по 5 рублей). Заведующего по фамилии Волнинский выбрали общим голосованием. Жалование ему положили более чем щедрое – 100 рублей в месяц при готовой квартире. «При отсутствии в городе хороших слесарных мастерских организация имеет большое будущее», – высказывались потенциальные клиенты. Члены Общества машинистов и их помощников первыми в области «применили электрическую силу к ремонтным работам»:

взявшись ремонтировать один из пароходов, они использовали электромотор!

Очень боевым было Общество плотников. Эти квалифицированные работники, когда надо, выступали сплочённо, выставляли общие требования. В 1911 году, например, добились повышения расценок на свой труд, и поденная плата доходила до 2,75 рубля. Общество имело кассу взаимопомощи, помогало своим членам с трудоустройством, проводило мероприятия вроде концертов, спектаклей, киносеансов для пополнения общего бюджета.

Весной 1909 года правление Общества плотников направило ходатайство в Благовещенскую городскую думу, призывая принять меры к понижению цен на муку (местные мукомолы увеличили стоимость всех сортов муки в среднем на 30 копеек). Плотников поддерживали члены Общества машинистов и их помощников, рабочих по обработке металла, печатников. Городская дума отреагировала очень оперативно: разъяснила, что в её компетенции устанавливать таксу только на печёный хлеб, но не на муку.

Одним из самых деятельных было Общество работников печатного дела, которое объединяло работников типографий. Члены этого профсоюза пользовались скидками на обслуживание у врачей и в аптеках; Общество имело свою библиотеку, нанимало юристов для переговоров и разрешения конфликтов с владельцами типографий. В 1910 году печатники выработали коллективные требования, в которых значились, в том числе, оплата дней болезни, оплачиваемые отпуска, устройство теплых уборных и «чтобы хозяева обращались вежливо». Свои требования печатники поддерживали забастовками. Владельцы типографий на уступки не шли и однажды просто уволили всех. Наняли новых.

Бастовали не только печатники. В мае 1909 года серьёзную забастовку организовали рабочие городской бойни. Их называли побойщиками или бойцами. Они требовали сократить длительность рабочего дня с 12 до 9 часов, так как «работа начинается, когда ещё темно, и бойцы часто ранятся» (за день на городской бойне забивали 30-40 голов скота, по воскресеньям – около 80). Бойня принадлежала городу, приносила значительную прибыль, забастовка сильно вредила городскому бюджету. Требования побойщиков выполнили: рабочий день стал девятичасовым.

А ещё бойцы требовали брать со всех одинаковую плату за бойку – 80 копеек с головы скота (по установившимся правилам, постоянные клиенты платили по 60 копеек, те, кто приводил скот на убой редко, – по 80 копеек). Как раз в начале забастовки один ското-промышленник пригнал 150 голов и не согласился платить по 80 ко-

пеек за голову. Побойщики заявили: если не дадите эту цену, завтра будем просить ещё больше. Делать нечего, скототорговец согласился.

В 1912 году бастовали кустари-чирошники кожевенного завода Чурина (чирошниками называли мастеров по изготовлению традиционной крестьянской обуви – чирков и ичихов). В марте им объявили о понижении расценок в среднем на 25%, так как, по словам управляющего, на складе «громадное скопление головок, ичихов и прочего товара». Работали чирошники «удалённо» – по своим домам. Нанимаясь на завод, они отдавали в залог за взятое сырьё по 200-500 рублей. Эти деньги завод пускал в оборот в своих интересах, что мастера считали несправедливым.

Чирошники бастовали с 3 марта по 23 апреля и полностью отстаивали свои требования: расценки остались прежними, а залоговые наличные деньгами были заменены на расписки с поручителями. К слову, подмастерье чирошника в среднем получал 10 рублей в неделю.

Грузчики

«Элитой» рабочего класса Благовещенска в плане заработков были вовсе не высококвалифицированные слесаря или бойцы скотобойни, а грузчики. Работа адова: за день грузчик переносил до 2000 пудов. Но и заработки у них были фантастические: 10-15 рублей в день! Откуда такие деньгиши?

Во-первых, при отсутствии погрузо-разгрузочных механизмов и гигантской перевалке всевозможных грузов спрос на «мускульную силу» был огромным. Для примера несколько строк из заметки «Приход и отход судов 4 и 5 мая» газеты «Эхо» 1911 года: «Из Хабаровска прибыли «Цесаревич» с баржей «Уфа», 267 пудов почты, 25 495 пудов груза; «Кочубей» с баржей «Полезная», 3375 пудов груза; «Гражданин» с баржами «Сивуч» и «Волна», 25 600 пудов груза. Ушёл в Николаевск «Сормово», 681 пуд груза; на рейде (*ожидают погрузки и выгрузки*) 34 парохода и 23 баржи». Это только за два дня и только «пароходские груза». А ещё были миллионы пудов зерна и муки, которые нужно было трелевать на мельницах и на берегу

Зеи, тысячи пудов грузов для золотых приисков, строительства Амурской железной дороги, торговых предприятий, частных лиц.

Во-вторых, грузчики были хорошо организованы (работали артелями по 20-40 человек), ожесточённо отстаивали свои интересы и вообще были буйными.

Май 1908 года. «Сорганизовавшаяся группа грузчиков забастовала, предложив пароходчикам ультиматум об увеличении платы за выгрузку и нагрузку. Дело дошло до откровенного скандала. Когда были приглашены китайцы, грузчики хотели силой им препятствовать. Вызваны были войска. Всё уладилось пока без особых затруднений».

Август 1908 года. «Две артели грузчиков заспорили за погрузку парохода «Кочубей». Недоразумение перешло в драку. По распоряжению полицмейстера были вызваны казаки. Довольно тяжело ранен один грузчик»; «На берегу Амура против Американского переулка толпа грузчиков устроила побоище. Драка прекращена силой. Есть пострадавшие и арестованные».

Май 1909 года. «Русские грузчики потребовали нанять их, а не китайцев. Пришлось согласиться и заплатить по 90 к. с сажени дров».

Декабрь 1909 года. «Крупная драка грузчиков. Не поделили заработок. Несколько раненых, стреляли из револьверов».

Май 1910 года. «Около 12 дня несколько грузчиков напали на рабочих китайцев (Иркутская, между Графской и Никольской) у дома Андреевой и стали их бить. Выбежал садовник – на него с ножом напали, едва спасся. Выбежал квартирант Андреевой ломовой извозчик Ковалёв. Едва вышел за калитку, оглушили, повалили, стали бить ногами, нанесли удар ножом в шею. В настоящую минуту Николай Ковалёв умирает в больнице, как нам сообщили. Китайцы вбежали во двор, грузчики и там их били, а потом ушли по направлению к Графской». На следующий день газета «Амурский край» сообщила, что «избившие Ковалёва грузчики задержаны».

Июль 1910 года. «Несколько пароходовладельцев обратились в думу с жалобой, что определённые артели грузчиков монополизировали работы по погрузке-выгрузке пароходов и часто создают на берегу невозможное положение в связи с непомерными требованиями, силой не допускают других рабочих к пароходам. Дело доходит до увечий». Владельцы пароходов просили выработать обязательное постановление, а в нём закрепить твёрдые таксы на наём грузчиков, как это сделали в Хабаровске. Благовещенские гласные прошение пароходовладельцев проигнорировали.

Декабрь 1910 года. «Постоянные недоразумения между судовладельцами и грузчиками. Биржевой комитет (в его составе владельцы заводов, газет, пароходов) рассматривает идею организовать артель грузчиков в Европейской России и выписать сюда с тем, чтобы с последним пароходом они вернулись на родину». После обсуждений биржевики от идеи отказались, потому что всем известно было – грузчики способны конкурентов покалечить, а то и поубивать.

Июль 1911 года. «Представительство Восточно-Азиатского нефтяного товарищества наняло несколько подвод для перевозки 720 пудов керосина со склада на амурскую пристань. По прибытии возчики отказались грузить на баржу, сложили банки на берегу. Отправитель нанял китайцев. Едва последние успели перенести несколько ящиков, явились русские грузчики, стали гнать китайцев, заявляя, что весь берег их, и никто кроме них не имеет права вести погрузку. Полиции с трудом удалось разъяснить монополистам их ошибку».

В 1909 году, когда в городе скопилась масса безработных, некоторые интеллигенты предлагали взять в артели грузчиков дополнительных людей из числа нуждающихся, распределить нагрузку равномерно между всеми: «Таким образом, вместо 140-150 человек работу получили бы 600-700. Работа была бы легче, на каждого в день выходило бы по два рубля заработка». Благородно, но наивно – кто ж добровольно откажется от «красивой» жизни: почти всё, что зарабатывали, грузчики пускали на ветер, развлекаясь и пропивая. Два рубля заработка в день – это не для них.

Но порой эти сильные и жестокие люди могли удивлять окружающих. «Среди грузчиков артели К. наблюдается отрадное явление, – писал корреспондент газеты «Амурский край» 15 июля 1910 года. – Между рабочими установлены правила, по которым никто не имеет права выражаться неприличными словами. За каждое бранное слово – штраф. Пьянство почти устранено».

Раз уж говорим о грузчиках на нашей стороне, упомянем и их коллег с правого берега. Там все местные грузчики были в одной артели, никакой конкуренции не было, но все заработанные деньги они делили на три части и отдавали 1/3 полиции, 1/3 писарю, оставшееся распределяли между собой. Так было всегда. Но в 1911 году в Пекине сменилась власть, на местах – и в Сахалине – появилось самоуправление. Как только начала функционировать местная дума, грузчики явились с просьбой как-то по-новому организовать оплату.

Когда обсуждался этот вопрос, один из депутатов сахалинской думы заявил: «Полиция имеет право брать деньги, так как грузчики – народ беспокойный, драчливый, за ними нужен постоянный надзор. Кто же будет надзирать даром?». В общем-то, логично. Но новая ду-

ма проголосовала за то, чтобы все деньги оставлять грузчикам. Стали ли они более спокойными и менее драчливыми? Хм...

Первомай

3 мая 1908 года благовещенский «Торгово-промышленный листок объявлений» сообщил: «Рабочий праздник 1 мая прошел относительно спокойно. Всюду были пешие и конные патрули. На берегу Зеи расположилась лагерь полусотня казаков. Около бойни – тоже. Порядок нигде нарушен не был. Даже пьяных было меньше, чем, например, в Родительский день».

Накануне Первомай 1909 года все городские газеты предупредили читателей и подписчиков: «1 мая рабочий праздник. Газеты не выйдут». Судя по всему, праздновали и на других предприятиях. В этот редкий свободный день многие рабочие собирались компаниями и устраивали маёвки в виде загородных пикников. Гуляли не всегда мирно. 5 мая 1909 года «Торгово-промышленный листок объявлений» пишет: «1 мая в поле за городом компания, бывшая на пикнике, передралась. Легко ранен ножом благовещенский мещанин Федор Докучаев. Иван Чекмарёв и Афанасий Якимов арестованы». Погуляли...

Безработица

Для тех, кто искал работу, роль биржи труда играли газеты: в них помещали объявления о «вакансиях». В 1908 году особенно много таких объявлений было в газете «Торгово-промышленный листок объявлений» под рубрикой «Предложение и спрос на труд». По форме они были похожи на список товаров в каком-нибудь магазине: «Имеются: молодой человек с красивым почерком; молодой человек, знакомый со всеми отраслями торговли; буфетчик; дворник; техник; официант; рулевой с Амура и Сунгари; кучер с женой-кухаркой; запаса унтер-офицер, трезвый; повар-китаец; наездник. Требуется: две барышни; кухарка, умеющая готовить; горничная».

Уже по этому соотношению можно представить, что осенью 1908 года предложение работы сильно превышало спрос на неё. «Все торгово-промышленные конторы завалены предложениями труда, – пишет тот же «Листок...». – Больно видеть, как люди готовы работать за кусок хлеба, так велика нужда у многих, не в добрый час забравшихся в Благовещенск в ожидании хороших заработков. За последнее время в городе заметно увеличилось число безработных».

Так продолжалось до осени 1909 года. Когда развернулось строительство Амурской железной дороги, «волна рабочего люда перекинулась в Джалинду и Черняево, – сообщает корреспондент газеты «Эхо». – В городе недостаток рабочих рук. Это было заметно при

разгрузке последнего парохода, когда за недостатком русских (*за длинным рублём на строительство «железки» поехали и грузчики*) работали китайцы, чего не наблюдалось в Благовещенске уже несколько лет».

Весной 1911 года «рабочий люд немного вздохнул: открылись работы на берегу. Ремонтируют пароходы, дрова пилят, брёвна выкатывают, лёд возят, хотя плата невысока, с голоду не умрёшь. Но для интеллигентного труда применения нет. Конторы и канцелярии, чтобы избавиться от просителей мест, вывешивают объявления: «Вакантных мест нет».

«Справочное бюро по рабочему вопросу» в Благовещенске открылось в начале 1912 года при переселенческом управлении. Согласно предписанию начальника края, бюро должно было «подыскивать работы прибывающим из Европейской России рабочим, а также следить за освещением периодической печатью вопросов о применении в крае русского труда, пользования рабочими желтой расой», следить за развитием в крае рынка труда. Комитет по заселению Дальнего Востока ассигновал на организацию бюро 15 000 рублей.

Может, и не стремительными шагами, но постепенно в России формировался организованный рынок труда. К началу 1916 года Центральное российское бюро по рабочему вопросу объединило все местные бюро империи, организовало учёт рабочих и договорилось о том, что их можно будет выписывать... по телеграфу. Руководил Центральным бюро «известный экономист Н.С. Четвериков, сын богатого московского фабриканта» (член РСДРП с 1904 года, в 1906–1907 гг. отбывал срок в тюрьме за революционную деятельность, репрессирован в 1937 и реабилитирован в 1947 году, видный советский специалист в области социально-экономической и математической статистики, прожил 98 лет).

В том же 1912 году в Петербурге СовеЩанием по вопросу о найме и доставке рабочих на Дальний Восток было решено «для ограждения рабочих от эксплуатации нанимателями» ввести расчётные книжки. В этих книжках предписывалось ясно и определённо обозначать условия найма, а именно: размер договорной платы – подённой или сдельной, если у нанимателя приняты оба порядка работ; количество обязательных рабочих часов в день; размер оплаты сверхурочных и работы в праздничные дни; предоставляемые льготы по случаю дождливого времени, болезни и т.п.; перечень праздничных дней; условия проживания на месте работы; порядок продовольствия с указанием количества пищевых продуктов для каждого рабочего, если они работают на хозяйском иждивении; ответственность

рабочих и работодателей в случае невыполнения ими договорных условий.

Книжки должны были выдаваться рабочим нанимателями всех категорий, даже мелкими подрядчиками, заверялись подписью нанимателя, на время работ они заменяли паспорта. Был запрещён и расчёт ордерами вместо денег. Соблюдение правил контролировали местные строительные управления.

В 1912 году Благовещенская городская управа открыла две биржи труда: для мужчин – на Соборной площади около столовой Общества трезвости, для женщин – на Гостинодворском базаре, «в проходе торговых рядов «Мавритания».

ЖЕНЩИНЫ

Избалованные и независимые – Телеграфистки – Политехнички – Казачка и работница – Шляпы – Шаровары – Дамские хроники

В первые пятьдесят лет истории Приамурья мужчин в новом краю было гораздо больше, чем женщин. Писатель В.Л. Дедлов/Кигн, путешествовавший по Амуру в 1896 году, описал тип амурской женщины, конкретно – горничной на пароходе «Посыет»: «Горничная была вполне девицей Дальнего Востока, где женщины в редкость, – неприступно гордая, ровно ничего не делавшая и неизменно окруженная всеми кавалерами парохода».

Избалованные и независимые

«Здесь женщины избалованы...», – сказал о дальневосточницах Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в апреле 1916 года в интервью корреспонденту газеты «Хабаровские вести»: «Женщины Приамурья и Уссурийского края сильно отличаются от своих русских сестёр (имеются в виду женщины, жившие в европейской части России). Там, особенно в губерниях, где население занимается отхожим промыслом, женщина делает всё: пашет, боронует, даже сеет. Здесь, на востоке, женщина в цене. Её дело не выходит за пределы домашнего обихода».

Среди представительниц простых сословий – крестьянок, мещанок, казачек – на Амуре было много женщин независимых, готовых вдруг резко изменить жизнь не только собственную, но и родных. Очень часто в газетах Благовещенска можно было прочитать о том, что жена, сожительница, мать семейства... ушла: «От крестьянина

---

²⁰В. Духовская. Из моих воспоминаний. М., 2019

Тамбовской губернии Гаврила Любчинского ушла жена Екатерина с ребёнком неизвестно куда и неизвестно, где она находится»; «От почтово-телеграфного чиновника А.И. Иванова ушла жена. Взяла пятерых детей, имущество и неизвестно куда скрылась»; «Ушла жена у гражданина Щербань Ульяна Сидоровна, захватившая с собой двух детей и 40 р. денег»; «Благовещенский мещанин Н.Т. Королёв заявил, что его сожительница Наталья Кошварова неизвестно куда скрылась, забрав его вещи – золотое кольцо и матрац»; «Крестьянин В.Н. Черезов заявил, что его жена ушла, захватив ценные бумаги на сумму 650 р., два сундука одежды, швейную машинку, ружьё, револьвер и 60 р. денег». А вот экзотический случай. «Жена китайского подданного Вин-Лю Су-Инь приехала к нему из Петербурга в Благовещенск и здесь скрылась. Забрала золотые часы, кольцо, одежду».

Куда уходили женщины? Чаще всего к другим мужчинам: в те времена их в Приамурье, как и на всём Дальнем Востоке, было гораздо больше, чем женщин.

Кому-то судьба дарит счастливую семейную жизнь, кому-то – наоборот. И сейчас полно любителей помахать кулаками дома, и в старину их хватало. Если газеты печатали заметки об этом, то и адреса указывали, и фамилии называли – никакой приватности: «За женщиной гнался мужчина. В руках у него был самовар, он кричал «Убью!» и этим самоваром бил её. Свидетели говорят, что муж этот – Е.И. Кортаев, крестьянин Томской губернии, бьёт жену нещадно каждый день и нечеловечески издевается»; «Н.Е. Крикунов против дома Астафьева, по Соборной улице, избил свою жену, затем схватил её за косы и потащил по тротуару с такой силой, что вырвал клоч волос. Городовой его доставил в участок. Жена, не желая с ним жить, просит выдать ей отдельный паспорт, он не дает и избивает».

Женщинам паспорта в те времена выдавали только с разрешения мужа, отца или других родственников. Без их согласия паспорт выдавали, только если муж не имеет постоянного места жительства, не живёт с женой, не даёт ей «средств к жизни», или когда совместная жизнь «вследствие жестокого обращения мужа делается невозможной» (только с 1914 года женщинам стали выдавать паспорта без чьего-либо разрешения).

Если и получит отдельный паспорт женщина, перед ней встаёт неразрешимая проблема – чем зарабатывать на жизнь? Имевшие недвижимость пускали жильцов, имевшие какую-то профессию устраивались на службу, имевшие капитал покупали золотые прииски или открывали собственное дело. Последних было немало в Благовещенске. Госпоже Дмитриевой принадлежал водочный завод на Зейской, между Мастерской и Благовещенской. «В видах конкуренции» на заводе было введено новшество: при изготовлении напитков исполь-

зовалась вода из Амура не сырая, а прокипяченная. Это был первый случай в Благовещенске. Госпожа А.Я. Антипова держала экипажную мастерскую на Благовещенской улице, между Соборной и Северной. Здесь ремонтировали экипажи, пролётки на рессорах и железных шипах, тележки на рессорах и американки. Много лет действовала в городе оранжерея А.Н. Андреевой. Хозяйство располагалось на Иркутской, между Графской и Никольской. По улице Большой, между Семинарской и Ремесленной, госпожа А.М. Дмитриева держала «Школу поварского искусства». «Преподают обеда, печенья, разные холодные закуски для Рождественского стола», – сообщала реклама.

Телеграфистки

Женщинам была доступна служба на телеграфе. На Амуре телеграф появился в 70-х годах XIX века. Женщины к работе на нём допускались уже тогда, но их были единицы. В начале XX века телеграфная сеть разрослась, появилось множество новых отделений, образовался кадровый дефицит, и в марте 1909 года министр внутренних дел Российской империи П.А. Столыпин утвердил новую инструкцию о работе женщин в почтово-телеграфном ведомстве. Согласно инструкции, на работу принимались только девицы и вдовы от 18 до 30 лет (старше 30 лет – только с особого разрешения начальника главного управления почт и телеграфа!). Образовательный ценз – среднее учебное заведение или епархиальное училище. Женщины могли получать повышение по службе, как и мужчины, вплоть до первого разряда, назначаться на должности начальников, исполнять все почтово-телеграфные функции за исключением заделки корреспонденции в чемоданы, мешки и т.п., а одеваться должны были в «скромные платья тёмных цветов, по возможности, однообразных фасонов». После выхода замуж женщине можно было оставаться на службе только при условии, что её муж – чиновник того же почтово-телеграфного учреждения, при этом «никакие объяснения мужей относительно порядка отправления их женами службы не допускаются».

В 1916 году «ввиду большой потребности в чинах вследствие массового открытия почтово-телеграфных заведений» при Благовещенской почтово-телеграфной конторе начала действовать школа, в которой женщин обучали профессии телеграфиста. Учили бесплатно и даже платили стипендию – 15 рублей в месяц.

В первые десятилетия XX века благовещенские дамы всё активнее заявляли о своих правах на профессиональное равенство с мужчинами. Летом 1911 года в число членов Благовещенского биржевого комитета вступила благовещенская купчиха С.М. Кораблёва. «Это

едва ли не первый случай в России!», – писала газета «Эхо». В августе 1912 года аналогично уникальный случай отметили в Благовещенском отделении Императорского русского технического общества: в правление поступило заявление от М.М. Бродовиковой о желании вступить в число его членов. В 1919 году местным окружным судом на одну из должностей добавочного мирового судьи Благовещенского окружного суда была принята госпожа Борецкая, окончившая юридический факультет и временно исполнявшая должность помощника секретаря суда. Судя по всему, госпожа Борецкая – первая женщина-судья в Амурской области.

Политехнички

Весной 1912 года первым пароходом в Благовещенск прибыли шесть инженеров, десять техников, 12 студентов и пять политехничек (женщины, окончившие политехнический институт). Все они были приглашены начальником водного управления для работы по грунтовым изысканиям и водным исследованиям.

Женщинам из числа прибывших предложили остаться в Благовещенске, при управлении. Согласилась только одна, остальные попросили дать им такие работы, которые протекают в тяжелых условиях. Начальник управления откомандировал двух политехничек в партию инженера Воеводского, занятую исследованием Амгуни, двух других – в партию, исследовавшую Селемджу. «Первоначально сотоварищеской техники относились к работе женщин отрицательно, но, увидев, как стойко их коллеги выносят тяжёлые условия работы, требующей от них немалой затраты физического труда, а также протекающей в далеко неблагоприятной обстановке, они изменили мнение, – описывала ситуацию благовещенская газета. – Начальник управления находит, что женщины-техники оказались весьма полезными работниками, а потому и на следующий год управление водных путей планирует пригласить несколько женщин для полевых работ».

Казачка и работница

Женщины простых сословий тоже отличались неординарными поступками. В 1912 году прогремела история казачки Александры Кудашевой, которая в одиночку проскакала верхом на коне из Харбина в Петербург (больше 12 000 км). Её восторженно встречали казаки по всей России, в Петербурге принял государь император. А корреспондент благовещенской газеты написал язвительную заметку: «Сказать откровенно, мы решительно не видели разумных мотивов к этому предприятию, но теперь поняли, что хотела выехать госпожа Кудашева. В Петербурге она обратилась на Высочайшее имя с ходатайством об определении её на казённую службу.

И служба эта предоставляется ей в Харбине». Автор не пожелал упомянуть о том, что Кудашева – вдова и казённая служба давала ей средства к существованию...

Как ни удивительно, у женщин того времени были реальные возможности отстаивать свои права. Летом 1910 года в мировом суде 19-го участка рассматривалась жалоба крестьянки Анны Родионовой. Она вместе с мужем работала в хлебопекарне Оганесова. Через некоторое время муж запил, потом оказалось, что он задолжал хозяйину 60 рублей, а долг повесили на жену. Тогда Анна подала в суд. Суд установил, что она несколько раз просила хозяина завести на неё отдельную расчётную книжку, чтобы муж не мог пропивать буквально всё, что они зарабатывали вдвоём, а хозяин игнорировал её просьбы. Суд постановил взыскать с Оганесова 1903 рубля 63 копейки исковых и 10 рублей судебных издержек.

Шляпы

И, конечно, надо сказать о моде. «Дамы! Хотите одеться шикарно и со вкусом? Обращайтесь к одесской портнихе Е.Д. Агеевой», – зазывала благовещенских модниц газетная реклама 1910 года. Наряды в те времена были многосложными – с корсетами, длинными юбками в воланах, обилями кружев, сложными рукавами и ещё более сложной отделкой, тренами и турнюрами. Главным элементом дамского наряда была шляпа. Не всем шляпы нравились.

«Иллюзион – это место, куда вечером идёт усталый обыватель, чтобы поохотиться над проделками господина Глупышкина, – пишет благовещенская газета «Эхо». – К сожалению, иллюзион теперь недоступен по причине... дамских шляпок. Вместо экрана зрителю приходится созерцать квадратные сажени японской соломы или иного материала, украшающего голову впереди сидящей дамы. На днях пришлось наблюдать, как два господина из задних рядов карабкались на барьер, чтобы убрать с поля зрения гигантский гриб на голове соседки, сидевшей в первых рядах. Выход из этого положения один: разделить зал на две половины – мужскую и женскую или сделать для дам особую закутку».

Гигантские шляпы были не только объектом недовольства, но и предметом повышенной опасности. Та же газета поместила в августе 1910 года такую заметку: «Головные уборы дам, случается, причиняют своим владелицам серьёзные неприятности. Такой случай был наблюдаем на Зейской. Какая-то дама, проезжавшая на извозчике, была в шляпе-коробке. По размерам шляпы на ней был подцеплен и кусок тюля. Конец этой огромной вуали попал в колесо, несчастную последовательницу моды притянуло из пролётки к колесу. Только благодаря тому, что удалось остановиться, дама отдела-

лась трёпкой за волосы, а шпильки, удерживающие шляпу, хорошо выполнили своё назначение».

Шаровары

Очень сильно повлиял на дамскую моду... велосипед: ездить на нём в корсетах и юбках «в пол» было неудобно и опасно. Модельеры того времени предложили дамам юбки-брюки, платья-шаровары. Велосипедистки оценили новинку, но появиться в таком наряде без «железного коня» – в гостях или на прогулке в городе – было верхом неприличия.

В апреле 1911 года газета «Эхо» напечатала заметку на эту острую тему: «Модные платья-шаровары, говорят, мелькали на улицах Благовещенска, и вполне благополучно. В Чите, где был получен на днях и быстро распродан этот товар, одна дама решила шегольнуть им, но вынуждена была спастись бегством на извозчике от любопытствующей публики». «Художественный электротئاتр» на Чуринской площади демонстрировал той весной «последнюю новость в комическом жанре» – кино «Мадам хочет носить юбку-шаровары».

Дамские хроники

(по материалам газет «Благовещенск», «Амурское эхо», «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1908-1912 гг.)

«На углу Зейской и Театральной, где целое море грязи, какая-то женщина, собираясь перейти улицу, пожалела свои туфли, сняла их, поставила в сторону, сама заболталась со знакомой. Проходивший китаец быстро поменял свои туфли на чужие и зашагал дальше. Женщина заметила это, но догнать его не смогла».

«У крестьянки Владимирской губернии Анастасии Мотовой из квартиры по Большой, между Театральной и Семинарской, в доме Мостовщикова, утерялся револьвер системы бульдог №1, пятизарядный».

«На Садовой улице в доме Иванова сожительница плотника Коновалова не пустила пришедшего за долгом столяра и выбила ему ухватом два зуба».

«27 июля в 10½ часов вечера на углу Вознесенской и Мастерской крестьянка Тобольской губернии Александра Десятова вздумала позаниматься спортом забурхановских хулиганов: она старалась добросить железной палкой до электрического фонаря. Проходившим городовым второго участка эта проделка была замечена, и он поторопился прекратить безобразие, но пока подбегал, женщине удалось разбить фонарь. Она арестована».

ДЕТИ

Переселенец Гриша – Мальчишки-ученики – Работник Тоушкин –

*Гимназистка Евдокия – Брошенные – Люди добрые – Пропавшие –
«Зацеперы» – Детские праздники*

Сто лет назад почти в каждой семье росло пять, восемь, двенадцать детей. Как они жили? Также, как и взрослые: богатые – лучше, бедные – хуже, нищие – бедствовали. Дети очень рано становились самостоятельными. В порядке вещей было, например, когда трёхлетний ребенок сам ходил в лавочку, чтобы купить пряник. Это что! Вот какой случай описывает газета «Эхо» за 18 августа 1910 года.

Переселенец Гриша

«Весной 1909 года в челябинской переселенческой больнице семья Арсения Кирилова Болдырева оставила трёхлетнего мальчика Гришу. Семья переселялась в Амурскую область. Мальчик был очень болен, думали – не поправится. Но он ожил и одним из последних пароходов явился в Благовещенск. По его рассказам, добираться помогали дяди и тётки. Можно предположить, что его отправили агенты переселенческого управления. Но зачем одного? Можно было бы поручить его какой-нибудь семье». Однако, добрался. Нашел ли Гриша родных? Об этом газета не сообщает.

Другой подобный случай описывала та же газета в июле 1910 года. «На пароходе «Петербург» из Сретенска приехал мальчик лет 12 – круглый сирота из Вятской губернии. На родине он не мог найти себе работу и жил милостыней. На Амур ему посоветовал ехать односельчанин. По железной дороге и на пароходах мальчик ехал, где из милости, где на деньги, собранные пассажирами. В Благовещенске ему посчастливилось сразу поступить на службу».

По данным, опубликованным в газете «Благовещенское утро», на 1 января 1915 года на фабриках и заводах Амурской области, подчинённых надзору фабричной инспекции (46 предприятий), было занято около 1700 человек. Из них 245 подростков 15-17 лет и 70 детей 12-15 лет. Условия работы были ужасающими. Иногда об этом даже писали в газетах.

Мальчики-ученики

«В типолитографии «Благовещенск» арендатор ТД «И.В. Бутрякова» эксплуатируется труд мальчиков-учеников. Они не получают никакой оплаты, на службу носят свою одежду и обувь. Чуть не каждый день их оставляют вечеровать после окончания рабочего дня,

иногда часов до восьми. Дети боятся идти домой по темноте и ночуют в душной грязной мастерской. Бывает, что, не зная о вечеровании, они не берут из дома еды и остаются голодными. Однажды мальчик вернулся домой утром, оказалось, дети работали до пяти утра. С 8 утра до пяти утра следующего дня это и для взрослого очень вредно. Завернувшись в рваную шубёнку, мальчик, скорее, замер, чем заснул. Для чего? Чтобы дать нажить одному за счёт других, и чтобы тот почивал на лаврах заработанного благосостояния?».

«В одной крупной фирме служат шесть мальчиков. На обед им дают на всех 1,5 фунта хлеба, к чаю – еще 1,5 фунта калача (фунт – 453,6 грамма). Мальчики жалуются, что при их тяжелой работе эти порции очень малы».

Возьмели ли какое-то действие эти письма обывателей? Скорее всего – нет, потому как хозяин – барин, не нравятся условия труда – уходи.

Работник Тоушкин

Удивительно, но, казалось бы, абсолютно бесправные малолетние работники, могли и в суд подавать на своих работодателей. В августе 1910 года в камере мирового судьи слушалось дело по иску 12-летнего Тоушкина к своему бывшему хозяину Болотину. Тот нанял Тоушкина пасти телят с оплатой по четыре рубля в месяц. Сын Болотина такого же возраста, как истец, из шалости покалечил Тоушкина – колесом жатвенной машины отрезал ему мизинец. Кто и каким образом помогал Тоушкину проводить экспертизу (потеря трудоспособности – 5%), составлять иск к Болотину-старшему (33 копейки ежемесячной пенсии), неизвестно, но дело дошло до суда. Предвидя, что с возрастом процент увечности может увеличиться и Тоушкин может предъявить новый иск, Болотин-старший предложил выплатить единовременно 200 рублей с условием, что Тоушкин будет лишен права взыскивать за увечье вновь. Малолетний работник на это предложение согласился.

Гораздо чаще, чем на производстве, дети нанимались в качестве прислуги в частные дома, магазины, разного рода заведения. Почти в каждом номере каждой благовещенской газеты печатались объявления такого типа: «В переплётную мастерскую Шустера нужны грамотные мальчики»; «Требуется мальчик или девочка в небольшую семью для домашней работы»; «В дом Бродовикова по Садовой нужны кучер и две няни – женщина и девочка».

Гимназистка Евдокия

Анекдотичный случай, к счастью, закончившийся благополучно, описал корреспондент газеты «Эхо» в марте 1911 года. Дочь вла-

дельца кафе-столовой «Шато-де-флёр» Евдокия Дёмина девяти лет не пришла домой из гимназии. Жили Дёмины на Офицерской, между Амурской и Зейской. Только через два дня чины сыскальной полиции обнаружили Евдокию в доме Карпенко по Садовой улице, между Амурской и Иркутской. Оказалось, в гимназии она получила неудовлетворительную оценку и решила домой не возвращаться – там же накажут. Она... устроилась в прислуги. Домовладельцы Карпенко и не подумали, что у девочки могут быть родные, которые её разыскивают!

В порядке вещей было, когда очень бедные люди отдавали своих детей... кому-нибудь. Сообщали об этом через газеты обычным объявлением: «Отдаётся в дети девочка семи месяцев. Дом Бородина на Театральной улице. Спросить прислугу Анну»; «Бедные родители желают отдать на воспитание 15-летнего мальчика, желающего учиться рисованию и имеющего большие способности к этому. Вознесенская, между Садовой и Чигиринской, дом Приколотина»; «Не найдутся ли желающие взять в дети ребёнка, оставшегося после смерти матери, девочку, 16 дней. Крещёная. Американский пер., постоянный двор Семерова, спросить дворника».

Брошенные

Иногда детей просто бросали на произвол судьбы: «16 мая на Зее, на острове, напротив Лукиной фабрики, подобрали девочку лет пяти, которая была одна и звала маму. Является предположение, что, желая избавиться от ребёнка, там её оставила мать. Девочка находится в помещении полицейского участка»; «Андрей Гриднев на Амурской, между Корсаковской и Бурхановской, возле мельницы Саяпина, встретил мальчика лет 3-4. Кто он и откуда, сказать тот не мог, а только плакал. Гриднев взял его к себе»; «К управлению воинского начальника подкинули младенца. Жена переплётчика Казанцева решила взять его в дети. Девочка, зовут Феоктиста»; «Управа приютила при пожарной команде 1-й части мальчика Фёдора Гаранчука, который разыскивает своих родителей».

Добрые люди, чем могли, помогали сиротам и брошенным детям: «У переселенца Кучерявого пропал 11-летний сын Даниил. Он сбежал из дома из-за мачехи, которая его била и собиралась бросить в Амур. Стало известно, что Данила взял на попечение солдат 3-й роты местного полка, и он находится в казармах»; «В квартиру Безматерных по Амурской, между Торговой и Мастерской, зашли две бедно одетые девочки, которые заявили, что не могут найти свой дом. Называют друг друга Валеи и Зиной. Одной около двух, другой

около четырёх лет. Детей пока приютили Безматерных, куда родители и могут обратиться».

Организаторами помощи сиротам очень часто становились журналисты. Не по должности или обязанности, потому что, зачастую, обращение к читателям было самым эффективным способом собрать средства или найти опекунов. В декабре 1910 года до смерти замёрзла на улице вдова Рецкая. Сиротами в полнейшей нищете осталось четверо её детей. Газета «Эхо» организовала сбор средств, а через неделю поместила такую заметку: «Дети замерзшей госпожи Рецкой устроены. Мария, 6 лет, взята госпожой Башмаковой, девочке куплено пальто. Александр, 8 лет, взят госпожой Сиверской-Сигулиной. На пожертвованные деньги ему куплены одеяло, подушка, тюфяк, пальто, сапоги. Михаил, 9 лет, взят в переплётную Шустера. Куплены подушка, одеяло, матрац. Девочка 15-ти лет находится у А.Е. Шадринной. Деньгами ей выдано 10 р. 10 к. Всего поступило и израсходовано 50 р. 65 к.».

В конце XIX-начале XX веков в Благовещенске действовало несколько детских приютов – Российского общества Красного Креста, Общества вспомоществования переселенцам, Общества попечения о подкинутых детях, Лечебно-благотворительного общества Амурской области. Приюты никогда не пустовали.

Пропавшие

Очень часто благовещенские газеты сообщали о пропаже детей: «Мальчик трёх лет Пётр Пискунов явился в китайскую лавочку на Соборной и Безымянной купить пряники и на свою квартиру между Безымянной и Офицерской, в дом Худенёва, не вернулся. Китайцы говорят, что он, купив пряники, ушел»; «Солдатка Мария Богданова послала свою пятилетнюю дочь Анну в китайскую лавочку. Уже три дня прошло, девочка до сих пор домой не вернулась. Приютившего ребёнка просят доставить по адресу: Артиллерийская, между Зейской и Амурской, дом Иванова»; «Агриппина Масенцова, прислуга, 12 лет, ушла на пароход «Полезный» навестить сестру, которая там в услужении, и не возвратилась, заявил К.Н. Лукин»; «К Антипину пришел какой-то рабочий, назвавшись работником Плашкова, сказал, что им нужна в прислуги девочка. Антипин согласился отпустить в прислуги свою 13-летнюю дочь Наталью, которая и ушла с пришедшим рабочим. Когда на второй день Антипин пошел узнать о своей дочери, по указанному адресу ни рабочего, ни дочери не оказалось. Куда девалась девочка, неизвестно». Предположить можно и самое страшное – в рабство попадали дети.

«Зацеперь»

Нравы были суровые. Однажды несколько мальчишек украли у переселенцев четыре пары голубей. Обозлённый хозяин (каждую пару он оценил в 10 рублей) одного мальчика поймал, связал и запер в кладовой. Только утром пленника освободил городской, которого позвал хозяин голубей. Птиц ему, конечно, вернули.

Летом любимым занятием мальчишек было купание, а на Амуре ещё и «зацеперство»: «При отходе амурского перевоза купающиеся мальчики хватаются за лодку, прикрепленную к барже, и плывут за пароходом до середины Амура, а то и до другого берега, – описывает ситуацию очевидец. – Администрация баржи принимает против этого разумные меры: командир баржи кидает в мальчишек поленьями. Но это мало помогает». Поленьями!

Детские праздники

У детей из обеспеченных семей были другие занятия и, конечно, они большую часть времени учились: на дому, в гимназиях, в реальном училище, в музыкальной школе М.Ф. Кнауф-Каминской. В начале 10-х годов в Благовещенске действовала «Школа балетмейстера Петербурга и театра В.И. Кутайсова-Киртава». Здесь обучали взрослых, но была и детская группа. Руководила детской группой А.Н. Шарыгина. В 1911 году балетмейстер и воспитательница организовали детский сад. Не простой, а «по системе Фребеля» – немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания, того, что создал само понятие «детский сад». Площадку для нового заведения предоставил арендатор сада Общественного собрания Керкадзе. В летнее время здесь устраивали специальные детские праздники.

Благовещенское общество туристов в своём саду тоже проводило массовые мероприятия для детей с шествиями в сопровождении оркестра, спортивными соревнованиями, танцами, чаепитиями.

Летом 1909 года общество туристов организовало цветочный праздник (для взрослых и состоятельных) с парадом украшенных повозок. Как писала местная газета, «из наиболее оригинальных и комичных была тройка ослов в цветах. Управлял ею мальчик 12 лет, пассажиркой была девочка 10 лет». Иметь собственный, пусть и ослиный, экипаж, всё равно, что сегодня в 12 лет водить машину – круто. Причём, такие «детские» повозки свободно разъезжали и по улицам Благовещенска.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

*Друг семьи – Самоотверженная жена – Жадный муж –
Неистовый ревнивец – Роковая страсть*

Говорят, что сериалы придумали американцы. Ничего подобного. Сначала «мыльные оперы» печатались в благовещенских газетах. Из номера в номер, иногда в течение нескольких месяцев. Действующими лицами в них выступали не вымышленные герои, а реальные люди. Частная жизнь обывателей представлялась читателям с массой пикантных подробностей. Открываешь утром газету и читаешь о том, как сосед или сослуживец поссорился с женой или сбежал с любовницей. А в следующем номере – продолжение или новая пикантная история.

Друг семьи

Жил да был в Благовещенске купец Авив Масюков. В кругу его знакомых было семейство Смирновых. Масюков часто бывал у них и особенно благоволил к дочери Марии. Дождался, когда ей исполнилось 18, и... 22 сентября 1901 года семья Смирновых получила от Масюкова письмо, в котором он извещал, что увёз Марию из Благовещенска (на пароходе) и просит её не разыскивать, «так как розыски ни к чему не приведут, а Мария будет счастлива со мной и этому счастью будут завидовать».

Узнав о побеге, мать Марии, Прасковья Евстафьевна, сразу же обратилась к военному губернатору области, просила задержать дочь в пути и выслать её обратно, в Благовещенск. Станичному атаману в Сретенск (там заканчивалась речная и начиналась сухопутная часть пути на запад) была тотчас послана телеграмма о задержании Марии Смирновой и «отобрании от неё вида на жительство». Но задержать беглянку не смогли (или не успели, или не захотели), и она беспрепятственно проехала в Европейскую Россию.

В Благовещенске остались... семья А. Масюкова (да, он был женат!) и городской полицмейстер Л.Ф. Батаревич. Это он, нарушив всё, что можно, выдал паспорт несовершеннолетней девице без ведома её матери. В суде, который состоялся через год, выяснилось, что в сентябре 1901 года Масюков попросил Батаревича поспособствовать: он, якобы, хочет в один из своих магазинов принять на работу кассиршей дочь своих знакомых, а разрешения от матери нет, потому что та в отъезде. Батаревич, что называется, вошел в положение. В конце рабочего дня 17-го сентября приказал секретарю заготовить паспорт, объяснив, что необходимое прошение принесут завтра. Назавтра утром забрал готовый паспорт, сказав, что сам отдаст его заявительнице. Ну и отдал... Масюкову.

Батаревичу было предъявлено обвинение в умышленно-незаконной выдаче документа. На суде он заявил, что «корыстными видами не руководствовался, выдал паспорт по-дружески». Прокурор был уверен, что Батаревич знал замыслы своего друга Масюкова, сознавал, что нарушает порядок, но всё «устроил для богатого купца» и это – превышение власти. Защитник не нашел в поступке Батаревича

ни злого умысла, ни превышения власти – одно недоразумение: обвиняемый «доверился известному в городе и пользующемуся доверием купцу, а тот злоупотребил этим доверием; личных видов не было, и вся вина формального свойства», – завершил свою речь защитник.

Судья выписал довольно серьёзный штраф – 50 рублей. Полицейстером Благовещенска Батаревич больше не служил. О судьбе Авива и Марии ничего неизвестно. Как знать, может, они прожили вместе долго и счастливо, да?

Самоотверженная жена

В августе 1910 года в мировом суде Благовещенска разбиралось дело, слушая которое публика покатывалась со смеха. Дело было так.

Мандрыка вернулся домой «зело урезавшись» и легонько поколотил супругу. Жили Мандрыки до этого дружно, и такое поведение мужа сильно возмутило жену. В припадке злобы она сообщила в полицейский участок и попросила прислать городского для усмирения буяна. О скандале заявил и сосед супругов Мандрыка – сапожник Пуцикоилов. Пока из участка добирался городской, супруги помирились, и жена стала раскаиваться в том, что пожаловалась на мужа.

В это время явился городской. Успокоившийся было Мандрыка при виде городского опять вошел в бешенство, набросился на него и несколько раз ударил палкой. Жена, которой стало жаль мужа, начала упрашивать городского не арестовывать его, так как муж уже успокоился. Не веря женщине, а доверяя собственному опыту, городской все же хотел арестовать Мандрыку. Жена загородила ему дорогу в комнату, куда убежал муж.

А тот через окно выскочил во двор, вооружился хорошей дубиной и стал поджидать городского. Подступиться к буяну в одиночку городской не решился. Позвал проходившего мимо казака. Но и вдвоём они не смогли забрать буяна. Отразив несколько нападений, Мандрыка заскочил в квартиру, бросил дубину и лёг в постель.

Теперь, казалось бы, арест мужа неизбежен, но тут на сцену вышла жена. Она решила защищать супруга. Вооружившись чайником кипятка, она встала за косяком двери, ожидая появления неприятеля...

Сапожник Пуцикоилов больше сочувствовал соседу, чем городскому, и пошел в квартиру Мандрыки проведать, как он там? Жена Мандрыки стояла за дверью и, думая, что идёт городской, плеснула кипятком в лицо входившему. Раздался крик, и ни в чём не повинный сапожник с обваренной физиономией покатился по земле.

Поднялся переполох, вызвавший на сцену из постели самого виновника переполоха. Городской, пользуясь моментом, схватил Мандрыку, но жена его схватила стакан и пустила в городского. Опять неудача: стакан летит в физиономию мужа и разбивает её

«Ушли со двора белый кабан и с ним двое двухлетних поросят (пестрый и чёрный) и третий белый, маленький. За поимку будет вознаграждение. Рёлочная, дом Амурского общества пароходства и торговли».

«Со двора ушла корова чёрной масти, на лбу белое пятно, рога малые, рост средний, приютившего прошу вернуть».

«Пристал поросёнок белой масти. Угол Невельской и Зейской».

«Хочу купить осла с американкой. «Центральная» гостиница, №1».

«Продаётся телушка, получившая медаль».

«Продаются дойные коровы, на днях приведённые из Томска. Амурская, между Графской и Никольской. Никифоров».

«Экстренно продаётся лавка с товарами и чушка с поросятами. Угол Станичной и Амурской».

«Потерялась томская корова, пестрая – белые и красные пятна. Нашедшего прошу доставить на Безымянную, между Иркутской и Амурской, дом Семёнова».

«Требуются ослы. Желающих обращаться на Соборную ул., д. 79».

«Дёшево, по случаю, продаётся красивая городская лошадь. Семь лет. Ходит в упряжке и под седлом, совершенно спокойная. Спросить в магазине Смертина».

«Потерялась голубка породы египетской, нашедшего прошу доставить за вознаграждение: Графская, д. Пендзинского, «Шато-де-флер».

«У Н.Е. Мезенина похищены три пары голубей-турманов, оцененных им в 100 рублей».

в кровь. Эти воинственные действия, наконец, расхолаживают буйных супругов, и городовому удаётся увести мужа.

На суде претензии предъявил только городской. Пострадавший больше всех сапожник заявил, что так как кипяток предназначался не для него и умысла ошпарить его у соседки не было, то виновной он её не считает. Суд определил наказание: недельный арест при полиции каждому из супругов.

Жадный муж

Господин Мындру в октябре 1909 года напечатал в газете «Эхо» письмо, в котором жаловался на городской родильный приют: «Жена пролежала в приюте девять дней и всё время говорила, что чувствует себя неважно, а акушерка уверяла, что всё благополучно. Через два дня после выписки жена стала жаловаться на сильные боли. Я отправил её к доктору Гласеку (*частнопрактикующий гинеколог*). Оказалось, у жены громадный внутренний разрыв, рана гноится, по мнению доктора ещё день-два и началось бы заражение крови. Что дал родильный приют? Оградил от опасности, которые грозят всем роженицам? Нет, только выдал шикарную квитанцию за девятидневное лежание жены».

После этого в течение четырёх месяцев читатели нескольких городских газет следили за полемикой М. Мындру, И.М. Хоммера (главный врач родильного приюта) и В.В. Гласека. Гласек доказывал, что у госпожи Мындру разрыв задней стенки влагалища, Хоммер утверждал, что у неё лишь ссадины на слизистой оболочке, а муж её писал, что не намерен платить по бешеным счетам за плохое лечение.

Никто не хотел уступать, поэтому в ноябре было созвано совещание благовещенского Общества врачей. Так как весь город знал, о чём пойдет речь, в зал набилась масса публики. Члены общества потребовали сделать совещание закрытым: присутствовать разрешили только врачам, фармацевтам и представителям печати. Коллеги выслушали доводы Хоммера и Гласека, а затем решили избрать специальную комиссию, которая «рассмотрит случай с научной и этической сторон».

В начале февраля 1910 года газета «Эхо» напечатала резолюцию комиссии «по делу Хоммера и Гласека». В ней опять подробное описание диагноза, поставленного госпоже Мындру («разрыва промежности ни внутри, ни снаружи не было»), вывод о том, что Гласек преувеличил серьезность заболевания и именно это стало единственной причиной инцидента. Резолюцию подписали председатель Общества врачей И.Д. Прищепенко, секретарь П.Д. Егоровский, члены комиссии К.К. Александрович, В.Л. Борман, Ф.Ф. Зензинов, С.Ф. Шабельский, А.К. Перлин.

Доктор Хоммер вздохнул облегчённо. Доктор Гласек обиделся и вышел из Общества врачей. Господину Мындру пришлось оплатить все предъявленные ему счета. А он так надеялся сэкономить.

Неистовый ревнивец

5 сентября 1902 года в гостиницу «Франция» поселилась молодая женщина, приехавшая из Маньчжурии. У неё был сожител, с которым она жила шесть лет. В последнее время они ругались, он обвинял её в присвоении денег. Когда накануне, во втором полицейском участке, они делили имущество, любовник угрожал ей.

В ночь на 6 сентября женщина была в гостинице не одна, а с другим кавалером – речным капитаном. В 6 утра явился её прежний любовник. У входа в гостиницу заявил, что он разносчик телеграмм, и его впустили. Он сразу же кинулся к четвёртому номеру, в котором остановилась молодая женщина, и стал ломиться.

Дверь ему открыл капитан парохода, но в номер не пустил. Они стали бороться. Женщина, услышав голос бывшего любовника, испугалась; как была, в рубашке, вскочила с постели и, разбив самое большое стекло в окне, выскочила на Амурскую.

В борьбе командир парохода уступил, любовник бросился за женщиной в окно. Стоявшие у тротуара извозчики пытались задержать её. Нечеловеческим усилием она вырвалась, вбежала на парадное крыльцо той же гостиницы «Франция», хотела закрыть за собой дверь. Но разъяренного любовника не мог остановить никто. Он ворвался вслед за жертвой и тут же одним ударом ножа повалил её на землю. Потом ударил ещё и ещё. Сочтя свою жертву мёртвой, он исчез.

«Между тем несчастная была ещё жива, – писал газетный репортёр. – Истекая кровью, держась за стены и двери, она сделала ещё 28 шагов и у двери своего номера упала. Там, истекая кровью, несчастная умерла. Убийца явился в полицейский участок и заявил о случившемся. Просил арестовать его. Его фамилия Фокин, её звали Прасковья Зыкова».

Роковая страсть

20 февраля 1912 года в доме Кущейко по Муравьёвской улице между девушкой Ольгой Яковлевной Кущейко и Василием Васильевичем Усольцевым разыгралась драма, «благодаря которой чуть не погибли две молодые жизни».

Знакомство началось около года назад, когда Усольцев служил в одной из местных контор. Потом он уехал на прииски Мартемьянова, но знакомство не прекращалось. Между молодыми людьми велась переписка, однако, в последнее время Василий перестал отвечать на письма, очевидно, желая прервать знакомство.

Вернувшись с приисков в Благовещенск, Усольцев не искал встреч с Кущейко. Узнав о его приезде, Ольга написала ему письмо и попросила зайти к ним в квартиру. 20 февраля Усольцев пришел и между ними произошел крупный разговор, во время которого Кущейко была сильно возбуждена. Видя, что разговор принимает нежелательную форму, Усольцев сказал:

– Ольга Яковлевна! Между нами всё кончено!

– Нет, ещё не всё! – крикнула Кущейко и вышла в соседнюю комнату. Через мгновение она вернулась оттуда с браунингом в руках и выстрелила в Усольцева три раза.

«Усольцев выскочил из дома, кое-как добрался до дома Мартемьянова, откуда его отправили в городскую больницу, – описывал трагедию репортёр. – Ранение его серьёзное. Во время разговора Кущейко и Усольцева отец Ольги был во дворе. Увидев выбежавшего на улицу Усольцева, он вошел в дом и нашел там дочь, лежащую на полу с простреленной головой. По-видимому, она решила покончить жизнь и выстрелила себе в висок. Пуля прошла навывлет. Кущейко в тяжелом состоянии доставлена в Красный Крест. Надежды на спасение, говорят, нет».

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

*Бульвары – Городской сад – Сад туристов – Музыка –
Общественное собрание – Маскарады – Зимние праздники – Праздник
фонарей в Сахалине – Синемаатограф – Летние путешествия*

Чем отличались развлечения более чем столетней давности от современных? В них было намного больше самостоятельности, прогулок на свежем воздухе и движения.

Бульвары

Самым доступным видом отдыха для всех горожан были прогулки в садах и бульварах – недалеко и почти бесплатно.

Бульваров было несколько. Один – «около электрической станции», имени Николая II – занимал часть теперешней площади Ленина. На этом бульваре М.В. Волкова арендовала у городской управы павильон. На 1912 год дума поставила арендаторше такие условия: плата 500 рублей в год, кроме того, она должна была произвести посадку деревьев по всему бульвару, спланировать и усыпать песком дорожки, разбить цветники, устроить 70 скамеек, провести электричество. Условия весьма обременительные, но дело, наверное, было прибыльным.

Другой бульвар располагался на берегу Амура напротив дома губернатора (теперь это южная часть городского парка). В 1910 году

городская дума выделила почти 1000 рублей на устройство бульвара по Почтамтскому переулку. Он был в семь саженей шириной, занимал середину переулка (с каждой стороны бульвара оставили проезд шириной по четыре сажени), засажен тополями.

В одном из сентябрьских номеров газеты «Эхо» за 1909 год попала заметка о том, что за Чигирями, «на месте китайского городища», организован новый городской парк. Как раз в это время проводились изыскания для сооружения железнодорожных путей будущей станции. Руководил ими господин Щ. «Встретился ему на пути новый городской парк, – пишет газетный репортёр. – Ничтоже сумняся, помня лишь, что ему надо обозначить линию, Щ. взял и прорубил через весь парк просеку, несмотря на то, что линия легко могла бы обойти его».

В декабре 1911 года городская дума утвердила план расположения новых городских кварталов, которые в ближайшее время предполагалось отдать под застройку. На перспективном плане было «спроектировано несколько громадных парков». Один из них начинался от Чигиринского парка, с которым соединялся широкой (до 100 саженей) полосой и направлялся к северо-западу против Никольской улицы, доходил до границ городской земли (около гор). Отсюда начинался второй парк, соединявшийся с предыдущим. Направлялся он к югу по прямой линии, к кладбищу Вознесенской церкви, и соединялся с этим кладбищем. От кладбища предполагалось сделать ещё два парка в направлении, перпендикулярном второму парку. Один из них проектировался до самой Зеи, другой – к западу, до гор. В конце последнего парка намечалось место для нового кладбища, которое планировалось расположить на горе. Кроме того, был спроектирован ещё один бульвар: ответвление от парка, направлявшегося к Зее. Начинался этот бульвар с Бусевской улицы, продолжался по Вознесенской. «О значении этих парков говорить излишне, – писал репортёр. – Только увидим ли мы их где-нибудь помимо плана?» Вопрос остался без ответа.

Городской сад

Как только наступало лето, центром общественной жизни города становился городской сад, он же – сад Общественного собрания (сейчас – городской парк). Сто с лишним лет назад городской сад занимал площадь в два раза меньшую, чем сегодня. Тогда со стороны Амура он ограничивался Губернаторским переулком – сейчас это неширокий проход с северной стороны бывшего губернаторского дома. На западной стороне сад заканчивался Проезжим переулком, который проходил от Набережной до улицы Большой. Проезжий переулок просуществовал до 60-х годов прошлого века. Его и сейчас

можно узнать по высоким тополям, которые растут, если смотреть со стороны Амура, слева от театра.

В саду устраивали гуляния: обычные – без определённого повода, и благотворительные, например, в пользу музыкальной школы или Общества бесплатной читальни, в фонд приюта для подкидышей, для пополнения средств студенческих землячеств, на строительство лечебницы Красного Креста...

В начале сентября 1909 года Общество спасания на водах организовало в городском саду гуляния «на усиление средств общества». Для привлечения публики впервые в истории проведения благовещенских увеселительных мероприятий были напечатаны объявления на китайском языке. Их расклеивали в Благовещенске и в Сахалияне.

«Спасатели» оформили свои гуляния богато и с фантазией. В саду устроили колоннаду, перед ней поставили фигуру матроса (из какого материала – неизвестно), бросающего спасательный круг. Рядом со зданием театра соорудили почти настоящий мол с почти настоящим маяком. Среди цветов установили лодку с парусом. На парусе была нарисована картина не очень оптимистичная, но символичная. Она изображала погибающих в воде людей, которые обращались за помощью к эмблеме Общества спасания на водах. Гуляющих развлекали оркестры, кинематограф, танцы, буфеты. Гвоздём программы была лотерея, в числе главных выигрышей – картина моря в роскошной раме. Насколько «усилились» средства Общества, неизвестно, но валовой доход гуляний получился солидным: 1500 рублей выручили за лотерейные, около 700 рублей – за входные билеты. Подобных благотворительных гуляний за теплое время года бывало до десятка.

В мае 1910 года разразился скандал, который тянулся десять месяцев и чуть не дошел до суда. Речь шла о том, кто имеет право распоряжаться городским садом. Дело в том, что горожане (их интересы представляла дума) желали отдыхать в саду спокойно, по семейному, а члены Общественного собрания (совершенно самостоятельная организация) «хотели превратить сад в заведение с крепкими напитками и нескромными зрелищами, чтобы под цыганский оркестр шмендефорить²¹ до зари, – негодовал корреспондент газеты «Эхо». – Общественное собрание – это кружок счастливых: платя большие членские взносы, они беззаботно проводят время, не думая о других».

В ходе споров выяснилось, что дума распоряжаться садом вообще не имеет права, потому что он был разбит на территории резиденции губернатора Амурской области и на «губернаторские» деньги, а позже часть сада, которая примыкала к улице Большой, была отдана

Общественному собранию навечно. На том и успокоились в 1910 году. Позже, видимо, город отсудил право на сад, потому что в дальнейшем решения по нему принимала всё-таки дума.

На протяжении нескольких лет арендатором и главным распорядителем в саду Общественного собрания был И.Э. Керкадзе. Первый раз он арендовал сад весной 1908 года. Уже в конце лета благовещенцы отмечали, что сад «развился и стал привлекать массу публики». Например, в воскресный день 10 августа по билетам (обычная цена за вход на гуляния – 30 копеек) в сад пришло 3000 человек! Безбилетников, которые прорывались через дыры в заборе, никто не считал.

В мае 1909 года «Торгово-промышленный листок объявлений» писал: «В этом сезоне общественный сад очень многим отличается. Перестроенный павильон, расширенная аллея совершенно изменили физиономию сада к лучшему. Публика охотно его посещает. Этому немало способствуют хорошие оркестры». Обычно в саду играло два оркестра, в особо торжественных случаях – три.

Летом 1909 года Керкадзе начал проводить в саду детские праздники с играми, танцами, конфетами и чаем. Больше всего нравились детям картины электробиографа. В 1911 году в саду открылась детская площадка, которую организовал преподаватель танцев мужской гимназии В.И. Кутайсов-Киртава. Это детское заведение не было благотворительным: площадку посещали дети состоятельных горожан. Работала она и зимой – в утеплённом и отапливаемом павильоне. Зимой у Проезжего переулкa устраивался каток. Он был очень популярен, потому что, в отличие от катка на льду Амура, был защищён от ветра.

На протяжении нескольких лет к И.Э. Керкадзе как арендатору городского сада не было претензий. Весной 1916 года ситуация была скандализирована, как выражались в то время. Тогда взять в аренду городской сад выразил желание Совет общества бесплатной читальни Народного дома, предполагая проводить мероприятия исключительно семейного, благотворительного, просветительского характера и не продавать на территории сада спиртных напитков.

Думе предстояло сделать выбор и вот что, не стесняясь в выражениях, написал об этом редактор газеты «Благовещенское утро» А.А. Матюшенский: «Дума рассмотрела ходатайство Народного дома и отдала сад кабатчику Керкадзе. Керкадзе предпочтён просветительскому учреждению. На этом настаивали гласные Матвеевко, Кондрашов, Якунцевич и др. Ружицкий заявляет: «То, что делает Керкадзе, многим нравится». С ним согласилось большинство думы, признавая тем, что нельзя стеснять любителей порнографии и пьянства в удовлетворении их наклонностей.

Но кроме этих ценителей есть масса населения, которая имеет право подышать в саду чистым воздухом, а Керкадзе лишает её этой возможности, назначая каждый праздник платные гуляния. Помните, если Керкадзе загородит вам дорогу в сад, это сделала городская дума!»

Летом 1911 года в саду случилось недоразумение: пристав Парневский составил протокол на арендатора сада Керкадзе. Нарушение общественного порядка состояло в том, что некая госпожа Севиль пела на эстраде павильона Общественного собрания без всякого разрешения и в шансонетном костюме.

Шансонетные певицы выступали в особых, неприлично коротких – чуть ниже колен – платьях. Публика видела щиколотки и икры ног! Дополнением откровенной нижней части костюма была такая же откровенная верхняя часть с огромным декольте.

Через несколько дней одна из местных газет напечатала заметку с разъяснениями: «Оказалось, госпожа Севиль выступала не в шансонетном костюме, протокол составлен не за характер костюма, а за выступление без разрешения на это городской администрации». Наверное, сведущие люди измерили длину наряда певицы, и она оказалась в пределах допустимого.

Самым громким во всех смыслах происшествием, случившимся в Общественном саду, был, конечно, взрыв 17 июня 1909 года. Вот как описывает это репортёр газеты «Эхо»: «Около 12 часов ночи при входе в Общественный сад у мещанина Анания Керкадзе взорвалась бутылка, начинённая каким-то взрывчатым веществом. Осколком он ранен в руку и в лицо, глаз вытек. Весь низ пиджака изорвало в клочья, кровь из рук и лица забрызгала стоящие около будки деревья. На месте валяется белая соломенная шляпа, пробитая в двух местах. Стены будки опалены».

Дело Анания Керкадзе рассматривалось в суде в марте 1910 года. Обвинялся он за хранение без разрешения взрывчатых веществ. Адвокат произнёс речь, из которой следовало, что Ананий – «человек молодой и очень легкомысленный, в своих шалостях не знал удержу, к тому же он уже наказан потерей глаза». «Взрывателя» оправдали. Имел ли он какое-то отношение к арендатору сада Керкадзе, выяснить не удалось.

«Вход в оранжерею» – такая надпись сделана на калитке общественного сада из Проезжего переулка, – писал корреспондент благовещенской газеты «Торгово-промышленный листок объявлений» в июле 1909 года. – Войти в эту калитку решается редкий человек, ибо ещё издали в нос бьёт запах гнили и ещё чего-то. Оказывается, около оранжереи приютился свинарник, зловоние от которого заглушает запах роз».

Свинарник в саду! Выгодное расположение, если учесть, что недалеко – в Общественном собрании – ресторан и буфет. Где общепит, там и отходы. Не пропадать же им.

Кроме неожиданных запахов были в городском саду и другие неприятности. Одна городская газета писала, к примеру: «В общественном саду клозеты вымазаны в целях гигиены смолой. Вчера П. зашел и вымазался весь в смоле. На П. была новая летняя пара». Не повезло.

Но это пустяки. Вот сторожа Мондрикова ранили из револьвера. Выполняя свои обязанности, он не пускал в сад хулигана-безбилетника, который лез через забор. Тот выстрелил и ранил сторожа.

Хулиганы сильно досаждали отдыхающим. «Однажды обрезали провода со столба и стянули его на аллею, – сообщал хроникёр. – Каждый проходящий, видя проволоку, думает отбросить её с дороги. Как только возьмётся за провод, его начинает трясти. Господин К. несколько секунд не мог выпустить провод из руки и едва не потерял сознание. Оборванные провода с дороги убрал Керкадзе».

«19 мая, – писала в 1910 году газета «Эхо», – в сад Общественного собрания явилась масса хулиганов, проникших через забор со стороны Губернаторского переулка. Часть публики ушла, часть прогуливалась только по главной аллее, не заходя в боковые, откуда слышались ругань, крики и брань. Патрули, бывшие в саду, пытавшиеся не допускать публику через заборы, встречались несколько раз кирпичами».

Хулиганы в те времена были очень буйными, опасными и почти всегда – вооруженными. Любимое развлечение – устроить свалку с мордобоем и убежать.

Сад туристов

На другом конце города, у слияния Зеи и Амура, было ещё одно место для гуляний, и оно отличалось от сада Общественного собрания: здесь проводили не только развлекательные мероприятия, но и спортивные соревнования. До 1915 года восточная часть территории была выделена Обществу туристов-велосипедистов, западная – Обществу велосипедистов (спорта). Когда последнее распалось, Обществу туристов передали и западную часть.

В 1899 году Общество спорта продавало горожанам (по рекомендации членов Общества) сезонные билеты, действующие всё лето, на посещение всех «увеселений». Семейство платило по 6 рублей, одинокие – по 3 рубля. За получением сезонных билетов следовало обращаться в контору «Кунста и Альберса» к казначею общества Г.И. Скрибановичу. В течение летнего сезона Общество спорта проводило в своём саду велогонки, матчи лаун-тенниса и футбола,

соревнования по манежной езде и фехтованию, детские праздники, танцы, цветочные парады. По воскресеньям в саду играла музыка. Все желающие могли гулять по саду, заплатив за вход 25 копеек. Члены Общества спорта от платы освобождались.

Одной из первых масштабных акций другой спортивной организации – Общества туристов – стал праздник древонасаждения в сентябре 1902 года. 22 сентября «Амурская газета» опубликовала отчёт с этого праздника: «Собрались в 12 часов на Чуринской площади и пошли по Большой улице с оркестром. Впереди командор Чернов с флагом. Шли духовная семинария, ремесленное, городское, женское двухклассное училища, Михаило-Архангельская, Троицкая, Иннокентьевская школы. Всего 2,5 тысячи учеников и столько же публики. В сторону сада двигались десятки извозчиков с публикой и велосипедисты. Во всех пунктах можно было встретить любителей -фотографов.

На празднике присутствовали военный губернатор Д.В. Путята, вице-губернатор С.Н. Таскин. Священник отец И. Коноплёв отслужил молебен. Член клуба туристов гласный И.Е. Молоденков сказал речь о значении леса.

Ямы для деревьев были вырыты заранее. Через час деревья были посажены в юго-западной части парка. Уставшие ребятишки спешили вымыть руки, выпить воды, побегать и отдохнуть. Всем им были розданы конфеты, орехи, бисквиты. Играла военная музыка. Праздник удался на славу». Через несколько дней та же «Амурская газета» напечатала такую заметку: «Комитет Общества велосипедистов-туристов выражает благодарность А.М. Клосс за пожертвованные им конфеты и поручикам Х.Е. Бутенко и Н.Н. Макееву за содействие при доставке деревьев в сад туристов во время праздника».

Каждую весну туристы публиковали в газетах план работы на лето. В программе 1909 года было шесть поездок на велосипедах по окрестностям Благовещенска (общая длина маршрутов больше 300 километров), пять гуляний в саду, четыре пароходные прогулки. В мае Общество провело торжественное открытие сада с кинематографом, оркестром военной музыки, электрическим освещением, буфетом и танцами (в 1912 году устроили ещё факельное шествие и фейерверки).

В июле обычно туристы организовывали цветочные праздники. Гвоздём программы 1909 года стало шествие украшенных цветами экипажей. «Большим эффектом отличалась древнегреческая колесница, запряженная четвёркой лошадей, – писал репортёр. – Она была красиво украшена цветами. В ней ехал Луйк, одетый цезарем (*ему достался первый приз*). Запомнилась американка, обвитая дубовыми листьями и цветами. Массу зрителей собрали велосипедные гонки. Почётная лента чемпиона Общества находилась у Е.И. Чепурина,

установившего рекорд – 5 верст за 9 минут 46 секунд. Оспаривали ленту Кузьминский, К. Фирстов и М. Забродин. Последний показал результат 9 минут 24 секунды. Чепурин, желая оставить ленту за собой, поехал один, но сделал 9 минут 30 секунд».

К огорчению публики, на праздник явилась масса хулиганов. Человек двадцать из них полиции удалось из сада выставить.

Общество туристов постоянно вкладывало средства в благоустройство сада. В 1909 году здесь построили раковину для оркестра, на следующий год напротив раковины устроили места для зрителей, провели электричество по двум главным аллеям. В 1911 году была организована площадка для игры в лаун-теннис, «для любителей развития мускулатуры» имелись гири и штанги. В 1912 году в саду открыли скэтинг-ринг. Две дюжины роликовых коньков были выписаны из Читы (сразу после открытия скэтинг-ринга магазин Чурина заказал для продажи 150 пар роликов). Члены Общества платили 25, остальные – 45 копеек за три часа пребывания на скэтинг-ринге; прокат коньков для всех стоил 20 копеек за час. Бедным новомодное развлечение было не по карману; обеспеченные обыватели считали плату умеренной, но предъявляли претензии к организации. «Вызывает большие недоразумения выдача билетов при входе в сад с правом кататься на скэтинге, – жаловался через газету один из недовольных посетителей. – Прислуга скэтинга часто эти билеты не признаёт и заставляет брать другие, непосредственно в кассе скэтинга. Плюс к этому часто публика поговаривает о дерзостях со стороны прислуги и кумовстве при соблюдении очередей на ролики».

Осенью того же года Общество выработало проект переделки скэтинг-ринга для зимнего катания.

Летний сезон заканчивался обычно в начале сентября праздничным закрытием сада. В 1908 году в программе последнего в сезоне мероприятия были велосипедные гонки, футбольный матч, танцы, блестящий фейерверк. Сад был иллюминирован. Весь вечер играл оркестр 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Музыка

Музыкальная жизнь города была богатой и разнообразной. Круглый год всевозможные общественные организации устраивали музыкальные вечера, концерты, утренники. Участвовали в них и любители, и профессионалы: музыкантов в Благовещенске было много.

Первые музыканты – военные – прошли по Амуру в 1854 году в составе первого Амурского сплава. Духовой оркестр сопровождал русскую делегацию при подписании Айгунского договора в 1858 году. И в последующем в каждом значительном празднике или гулянии непременно участвовали военные духовые оркестры казачьего полка Амурского казачьего войска, 10-й артиллерийской бригады, Сибирских стрелковых полков, Общества туристов, Общественного собрания, музыкальной школы, мужской гимназии, реального училища, пожарного обоза...

До окончания строительства Амурской железной дороги ни один гастрوليрующий коллектив не мог миновать Благовещенска – Амур был самым удобным путём с запада на восток и обратно. Самые разные оркестры подолгу задерживались в городе: сольный струнный оркестр мадемуазель Борковской, дамский венско-немецкий оркестр под управлением капельмейстера Длюгоша, бальный австрийский оркестр («Мягкость и изящество техники. Играют без капельмейстера, что довольно трудно»), великорусский оркестр балалаечников Бартена... Последний спешил в Хабаровск, но после первых концертов изменил намеченный график движения, задержался на несколько недель и выступал в Благовещенске с огромным успехом.

С весны до поздней осени 1909 года в ресторане Общественного собрания играл дамский струнный оркестр под управлением господина В.Г. Диппеля. Ему так приглянулся Благовещенск, что он сначала... дал прощальный концерт в Общественном собрании, а потом остался и несколько лет преподавал в музыкальной школе М.Ф. Кнауф-Каминской.

Летом 1910 года в Общественном собрании разразился «музыкальный» скандал: спектакль «Чёрные маски» никак не мог начаться, потому что оркестровая яма была пуста!

Обычно в саду Общественного собрания играло два оркестра – духовой и струнный. Никто из театральных гастролеров никогда не предъявлял претензий, а вот руководитель очередной труппы П.П. Гайдебуров запретил играть в саду духовому оркестру, потому что «Он мешает спектаклю!» Причём, запретил не лично, а через полицмейстера.

Одновременно Гайдебуров договорился с составом струнного оркестра, чтобы те сопровождали спектакль. Музыканты в театр явились вовремя. Но тут вмешался распорядитель сада И.Э. Керкадзе. Он решил, что гуляющую публику нельзя оставлять без оркестра, и увёл музыкантов струнного оркестра из театра в сад.

«Чёрные маски» были на грани провала. Но Гайдебуров принял меры, в конфликт вмешались «лица, облечённые властью». Они вынудили Керкадзе вернуть оркестр в театр. Спектакль был спасен...

Кто бы знал в 1910 году, что рядовой гастролер П.П. Гайдебуров станет народным артистом РСФСР, лауреатом Сталинской премии, а энциклопедии будут писать о нём: актёр, режиссёр и педагог.

В мае 1908 года в Общественном собрании проходил благотворительный концерт «в пользу Ефремова, который предполагает нынче ехать в Петербург для продолжения оперно-драматического образования» (Ефремов был выпускником Благовещенской музыкальной школы). Анонсируя предстоящий концерт, журналист газеты «Торгово-промышленный листок объявлений» писал: «Публика должна посетить этот концерт если не из чувства благодарности к Ефремову, который массу раз бескорыстно помогал своим участием в благотворительных спектаклях, то хотя бы потому, что концерт обещает быть интересным – привлечены лучшие силы нашего музыкального мира».

...Граммофон изобрели в 1877 году. К началу XX века он распространился по всему свету. Не миновал и Благовещенска, причем, граммофоны звучали не только в домах обывателей: «Продаётся граммофон играющий, поющий и рассказывающий. Справиться в доме Кривошеина. На Масленице можно выдать на катке»; «Смотритель тюрьмы Левашов устраивает для заключённых маленькие развлечения. В коридор выносят граммофон и при громкой тишине арестанты слушают музыку»; «Учащиеся Иннокентьевского училища благодарны попечителю училища А.А. Королёву за устройство ёлки и Н.Р. Смертину за бесплатно предоставленный граммофон».

Если верить рекламе 1908 года, самым большим складом граммофонов и пластинок в Благовещенске владел Н.Р. Смертин. В его магазине можно было купить «граммофоны первоклассных фабрик, новейших конструкций (лучшая модель – «Монарх»), пластинки исключительно бесшумные, свежих записей». Здесь же производился обмен заигранных пластинок на новые. В главном магазине Чурина выбор был не меньше: «Граммофоны, пластинки одно- и двусторонние, граммофонные рупоры деревянные, из папье-маше и другие части. Большой выбор заграничных граммофонов ценою от 20 рублей».

Разные музыкальные инструменты и граммофоны обыватели покупали и в магазине благовещенского мещанина А.И. Семинари-

стова. Александр Иванович – мастер по производству гармоник и балалаек. Его изделия были отмечены на Амурско-Приморской выставке 1899 года похвальным отзывом, а на Приамурской выставке 1913 года – бронзовой медалью. Граммофоны Александр Иванович рекламировал так: «Вместо концерта или театра одинаковое удовольствие доставит в домашней обстановке хороший граммофон».

«Торгово-промышленный листок объявлений» в 1908 году опубликовал шутку под названием «В защиту граммофона»: «В последнее время на граммофоны объявлен форменный поход. Называют его то казнью египетской, а то, чем похуже. Мы же находим много достоинств, во всяком случае, отдаём предпочтение граммофону перед роялем, потому что граммофон легче выбросить в окно».

Есть у граммофона некоторые достоинства.

Рупор, прилагаемый к граммофону, может служить воронкой для розлива пива, вина, керосина и других жидкостей.

Пластинка может служить вместо подставки для стаканов, графинов и других предметов, могущих запачкать скатерть.

Граммoфон можно применять и для воспитания детей. Наговорив на пластинку, родители могут заниматься приятными разговорами с гостями, изредка заводя граммофон и предоставляя ему делать замечания детям: «Не трогайте кота», «Не прыгайте», «Если будете шуметь, я вас выпорю».

Так как граммофон может перекричать любую тещу, заводите граммофон несколько раз в день. Этого ни одна теща не выдержит и быстро улетучится к другому зятю».

В июне 1910 года общество Красного Креста устроило лотерею-аллегри для сбора средств на расширение своей лечебницы (в 1911 году был надстроен второй этаж). Лотерейный билет стоил 25 копеек. Среди главных выигрышей были тележка упряжная, жеребёнок, телёнок, фотоаппарат, швейная машинка, серебряные вещи и граммофон новейшей конструкции.

В мае 1909 года на пароходе «Сормово» в Благовещенск прибыл поющий аппарат «Синефоро», который «побил рекорды всех существующих поющих аппаратов», с большим репертуаром опер, опереток, дуэтов, драм, комедий, феерий комических и научных. Привёз аппарат некто Алексеев. Он планировал дать восемь-десять сеансов по три часа каждый. Журналисты быстро разведали и сообщили публике, что «Синефоро» – это комбинация кинематографа и аппарата, воспроизводящего пение: зритель видит на экране певца и одновременно слышит его голос. Для установки прибора понадобилось несколько дней, поэтому, прибыв в Благовещенск в среду, первый сеанс «Синефоро» дал только в воскресенье.

Общественное собрание

Главным «клубом» и «Дворцом культуры» города было здание Общественного собрания, построенное в 1889 году. Собранием управлял совет старшин. В декабре 1908 года в этот совет вошли: Андриянов, Василевский, Бутакович, Александрович, Красильников, Мурашев. Кандидатами в члены совета стали: Камаринец, Николаев, Августовский, И. Ельцов. Председателем выбрали А.Л. Якунцевича.

Старшины – с большим или меньшим энтузиазмом – занимались всеми делами Собрания. Например, в том же 1908 году решили соорудить пристройку. Но, как заявил и. о. окружного инженера господин Лашенко, «без надлежащего разрешения». Он распорядился, во-первых, приостановить постройку, во-вторых, привлечь совет старшин «к выполнению недочётов в отношении пожарной безопасности».

Совет регулярно отчитывался перед членами Общественного собрания. Иногда приходилось и объясняться. В декабре 1912-го, например, заслушивая годовой отчёт, «в вину совету поставили слабые интересы об удобстве членов Собрания и их семейств». Всё потому, что совет старшин сдал в аренду почти три четверти помещений: театр с просторным фойе – антрепренёру Арнольдovu, три больших удобных комнаты – под ресторан Керкадзе. Собственно членам Собрания осталось только четыре небольших комнаты, из которых только одна – для игры в карты – имела необходимую мебель. Несмотря на серьёзные претензии, в состав нового совета вошли все прежние старшины.

У Общественного собрания был собственный буфет. Судя по всему, солидное заведение: трактирный сбор с него в 1910 году составлял 750 рублей (такие же суммы платили самые богатые рестораны города «Коммерческий» и «Медведь»). Здесь предлагали заграничные и русские вина лучших марок, выполнение всевозможных заказов, организацию любых застолий. Наверняка привлекало посетителей и объявление: «Просим официантам на чай не давать, так как они получают известный процент с торговли».

Ресторан при Общественном собрании (его держали арендаторы) был чем-то особенным. О нём писали: «Обстановка резко отличается от обыкновенного типа местных ресторанов». Открылся он в ноябре 1908 года. Назывался «Зимний сад». Ежедневно здесь играл струнный оркестр и демонстрировался «усовершенствованный кинематограф», а с 1909 года – новейший «электробиограф». Реклама уверяла, что новые, интересные картины, ранее не показывавшиеся в России, выписывали для «электробиографа» непосредственно из Парижа!

В те времена было принято уведомлять почтенную публику о ведущих сотрудниках заведений. О ресторане «Зимний сад» писали, что он «находится под распоряжением И.Р. Шарашидзе. Кухня

европейских и азиатских блюд под управлением трёх знаменитых шефов – Мирона, И. Казирия, Хоперия». Обед в «Зимнем саду» стоил 50 копеек (два блюда), 75 копеек (три блюда), 80 копеек (четыре блюда).

Где размещался ресторан? Наверное, там, где теперь буфет: «Вход отдельный, с Большой улицы, на левую сторону театра, против казачьего собрания». «На левую сторону», если стоять спиной к зданию Общественного собрания, наверное.

Главной статьёй доходов Общественного собрания была аренда. Главным объектом аренды были театральные зал и фойе. В январе каждого нового года совет старшин заключал договор с кем-то из антрепренёров на предстоящий театральный сезон. При этом дней двадцать старшины оставляли для проведения собственных «массовых» мероприятий. Это были утренники, маскарады, ёлки, выступления самодеятельных артистов Благовещенска. Очень популярны у жителей города были литературно-вокально-музыкальные вечера. Обычно после их окончания устраивались «танцы с военным оркестром музыки». Даже зимой танцы затягивались до 4-5 утра!

В большие праздники – на Рождество, Новый год, Пасху – в Собрании устраивали нечто необычное для нашего времени: «Взаимное поздравление вместо взаимных визитов».

Визиты – первая обязанность света – были нескольких родов: благодарственные (после бала, званого обеда, свадьбы, домашнего концерта или спектакля), прощальные (перед отъездом на длительное время или навсегда), для изъявления участия (во время болезни, после похорон), для свидания, деловые, поздравительные (в день именин или рождения, на Новый год, Пасху, Рождество).

«Взаимное поздравление вместо взаимных визитов», когда в одном месте (в Общественном собрании) в одно время можно было поздравить, если не всех, то многих, существенно сэкономило время. Но не деньги. Например, за участие во «взаимном поздравлении», которое в 1912 году в день Рождества Христова организовало благовещенское Собрание, мужчины платили по пять рублей. Дамы могли проходить бесплатно.

Трудно представить, но главное общественное здание города не отличалось чистотой и порядком. Вот как описывает обстановку Общественного собрания «Торгово-промышленный листок объявлений» в апреле 1909 года: «Помещение театрального зала и прилегающих к нему комнат содержатся очень неряшливо. Полы, по видимому, моются очень редко. Пыль покрывает стены, карнизы, кресла. Мебель в театре поломана и совсем не годится к употреблению. Кресла четвертого-пятого рядов – без ножек. Неосторожно севший в них рискует перевернуться. Во время танцев вечерние дамские костюмы терпят большое неудобство от грязных полов». Прав-

да, в газетных подшивках начала XX века такая заметка встретилась лишь однажды.

В 1911 году «театр Общественного собрания» претерпел некоторые изменения. Как сообщила газета «Эхо», «верхние ложи, за исключением средней, где стоит патефон, упразднены. Вместо них устроен балкон в три яруса».

В 1911 году в Благовещенске проживало около 60 000 человек, а Общественное собрание было единственным. В то же время в Харбине при 20 000 населения действовало десять таких Собраний.

В благовещенском Общественном собрании проходили все значительные общественные мероприятия, например, концерт, который «удостоил своим присутствием» цесаревич Николай Романов 4 июня 1891 года. До революции в Собрание допускалась только «чистая публика». После февральской революции 1917 года сюда пришел народ: были дни, когда в театральном зале митинги проходили с утра до позднего вечера. Галерея, балконы, партер, ложи и даже сцена заполнялись публикой, которой собиралось иногда до полутора тысяч!

Наверное, балконы и перила трещали, если 6 марта 1917 года архитектор Л.Н. Пашков, инженер Блюм в присутствии В.В. Захарова произвели осмотр зрительного зала Общественного собрания. В результате выяснилось, что «в виду безопасности на верхнюю галерею может быть допущено не более 200, в центре – 80 и по боковым балконам – по 60 человек». Вряд ли в пылу революционных событий кто-то соблюдал эти рекомендации.

После окончательного установления Советской власти бывшее Общественное собрание (оно уже называлось театром) стало постоянным местом проведения рядовых и торжественных заседаний, съездов, конференций, манифестаций, пленумов. 25 февраля 1923 года «Амурская правда» поместила отчет с торжественного митинга в честь пятой годовщины Красной Армии: «В театре прошел митинг. После окончания публика вышла на улицу и стала строиться в ряды, чтобы идти дальше. Возле театра море огней. Красиво звездилась в ночи электролампы разных цветов. Заливали своим светом Большую улицу зажженные факелы, покачиваясь в руках кавалеристов и бросая блики на каски последних. Лентой красных искр бороздили небо ракеты, рвались там, где-то высоко-высоко, и рассыпались разноцветными огоньками, потухая в вышине. Под звуки марша шествие двинулось по Большой к Садовой».

Это было не последнее шествие, которое стартовало от театра...

Маскарады

Одним из любимых развлечений благовещенской «чистой публики» были маскарады. Эти весёлые вечера с музыкой и танцами проводили только зимой: первые – в новогодние праздники, последние – в феврале. Начинались они не раньше восьми вечера, заканчивались под утро. На маскарады полагалось приходиться в костюмах, масках и для «маскированных» были скидки на входные билеты.

Залы, в которых устраивали маскарады, украшались «лампонами», зеленью, лентами и даже живыми цветами! В Благовещенске было не-

сколько садоводческих хозяйств, которые предлагали живые цветы круглый год. Сколько стоила такая роскошь зимой в нашем городе, узнать не удалось, но, к примеру, в Москве в дни встречи нового, 1911-го, года один цветок ландыша стоил 10 рублей.

Программа маскарадов была стандартной. Непременно «бой серпантина и конфетти», когда дамы и кавалеры (взрослые люди!) обсыпали друг друга импровизированным «снегом». Некоторые участницы маскарадов специально приносили с собой зонтики, чтоб укрываться от бумажной мишуры.

Непременно устраивалась «Летучая почта» – увлекательное развлечение. Каждому участнику маскарада выдавался листик бумаги с номером, который можно было прикрепить на костюм на видном месте. Те, кто хотели участвовать в «Летучей почте», покупали «у особо сидящей барышни» открытку, писали на ней какое-нибудь сообщение, например, «Вы похожи на молоденькую обезьяну в летний вечер на реке Ганг. Напишите, мадам, ваше имя. №15». На открытке указывали номер адресата, «почтальоны» из числа организаторов маскарада разыскивали, кого надо, и вручали послание. Иногда тому, кто получал больше всех писем, вручали приз. В 1912 году благовещенские телеграфисты на своём маскараде установили в обоих фойе Общественного собрания скородействующие аппараты Юза и развлекались передачей телеграмм друг другу.

Обязательными на каждом маскараде были конкурсы на лучший карнавальный костюм, лучшее исполнение вальса (мазурки, польки, венгерки и т. п.) с вручением призов победителям. Призы были очень приятными: золотые, серебряные, фарфоровые вещицы, фотоаппараты, часы, картины, патефоны и тому подобное. Недели за две до начала маскарадной лихорадки призы выставляли для всеобщего обозрения в витринах главных магазинов – Чурина, Кунста и Альберса, Гурикова (пока тот не сгорел).

Публика любила маскарады и посещала их охотно. Маскарад Общества туристов – «Залы переполнены»; маскарад Литературно-музыкально-драматического общества почтово-телеграфных чиновников – «Масса публики»; Общества охотников – «Наплыв публики громадный»; в театре Роганова – «Публики пришло так много, что не хватало вешалок и одежда поздних посетителей складывалась на особо приспособленных нарах»; Общества туристов – «Всё помещение Общественного собрания было настолько переполнено, что не только двигаться в толпе, но даже дышать было затруднительно».

Были всегда таи маскарадов, которые старались не пропустить ни одного и поучаствовать во всех конкурсах. А что делать, если в один день организаторы назначают сразу два маскарада? Разорвать-

ся? В январе 1912 года «маскарадная публика раскололась надвое»: одни пошли в театр Роганова (12 призов за костюмы), другие – на ситцевый бал в Общественном собрании (5 призов). «В материальном отношении результаты обоих маскарадов, кажется, не важны», – писал рецензент. Не удивительно, ведь был уже конец января. Устали, наскучило...

Успех каждого маскарада оценивали по массе собравшейся публики, по величине денежной выручки и по наличию оригинальных костюмов: «К маскараду Общества охотников готовится ряд злободневных костюмов, по слухам, будет фигурировать костюм «Министр в валенках»; «Маскарад общества туристов не блистал ни новизной, ни изяществом, ни оригинальностью костюмов». Считай, не удался.

Самым успешным с «художественной стороны» в январе 1912 года критики признали маскарад Общества фотографов: такого изобилия оригинальных и симпатичных костюмов не было ни на одном маскараде. Первый женский приз получила «Курочка с цыплятками», второй – «Фортуна», третий – «Юбилейный, 1912 год». Мужских костюмов почти не было, и призовой патефон вручили «господину, одетому в ситцевые рейтузы и такой же фрак».

Вообще то, что в начале XX века называли маскарадными костюмами или масками, трудно вообразить. Видимо, это были не просто наряды, но и жанровые сценки. На маскараде почтово-телеграфных чиновников первый приз за мужской костюм отдал маске «Труд почтовика». Выглядела «маска» так: на чиновнике без чина ехал верхом коллежский советник (*гражданский чин VI класса равный воинскому званию полковника*). Второй и третий призы получили костюмы «Труд почтовика, оплачиваемый копейкой», «Комитет старшин почтово-телеграфного общества едет в галоше на прогулку».

Приз за самый дешевый костюм однажды присудили маске, одетой в обыкновенный сюртук, на спине которого был вывешен аншлаг с надписью «Крадено». Весьма актуально: воровство всех масштабов было бедой Благовещенска.

Авторы некоторых костюмов были слишком вольнодумны. Например, на одном из маскарадов появилась маска «Современный редактор». Рот «редактора» был закрыт на висячий замок (*картонный*), на спине сидел огромный паук, охвативший всё туловище человека, на лапах паука – надписи «Штраф», «Запрещено», «Цензура» и тому подобные. Автора этой «маски» задержала полиция (*стражи порядка обязательно присутствовали на каждом маскараде*). Выпустили остряка только когда с его наряда были сняты все надписи.

Среди лучших костюмов маскарадов зимы 1911-1912 годов называли костюмы «Земля и воля», «Один с сошкой, семеро – с ложкой», «Думский прогресс», «Китайский республиканский флаг», «Мучной король» (восседал на мешке с зерном), «Ночной сторож у фонарного столба спит, проснулся и свистит», «Долой туберкулёз». На одном из маскарадов первый приз в 100 рублей (громдая сумма) жюри присудило «единой группе, которая изображала голодающих» (в 1911-1912 годах страшный голод разразился в западных губерниях России; благовещенцы за три месяца собрали им в помощь больше 4000 р.; возможно, победители конкурса пожертвовали и призовую сотню, как это сделали участники некоторых других маскарадов).

На каждом маскараде непременно устраивали конкурсы танцев. На «Ситцевом балу» 1912 года лучшими исполнителями вальса стали госпожа Пендзинская и господин Зайцев. По окончании конкурса измученных (танцевали целый час) победителей публика наградила шумными аплодисментами, а распорядитель вечера, артист балета господин Сойферт преподнёс даме золотой медальон, а первому танцю – золотую булавку в галстук.

На маскараде, который в январе 1912 года устроил антрепренёр Арнольдов, планировали выявить «лучшего мазуриста», но танцевать мазурку на приз никто из мужчин не пошел. Пришлось Сойферту (он был танцмейстером и здесь) выступать самому с госпожой Шабельской. Этой единственной паре и достались призы. Аракин и Динарова лучше всех протанцевали мазурку на маскараде литературного кружка. В танцевальном конкурсе на вечере почтово-телеграфных служащих участвовало восемь пар! По выражению газетного репортёра, «мазуристы долго и добросовестно трудились». Победителями вышел А.А. Попов и госпожа К. (дама не пожелала огласки в газете).

Завершил гуляния «чистой публики» в начале 1912 года маскарад Арнольдова в Общественном собрании. «По обилию инцидентов он побил всякие рекорды, – сообщает один из участников. – Сначала некто господин Перфилов мешал работе жюри, громко и неприлично выражаясь, а во время раздачи призов ни с того, ни с сего начал выкрикивать «Да здравствует господин полицмейстер и его супруга!».

Едва успели ликвидировать инцидент, как «молодой художник С. Огородников подошел к студенту Маршаду и, сказав что-то, нанёс ему оскорбление действием. Защищаясь, Маршад ответил тем же. На помощь поспешил стоявший тут же брат Маршада – врач. Началась свалка. Сбежавшейся публике с большим трудом удалось оттеснить живописную группу из танцевального зала в фойе. Вмешалась полиция, и инцидент был прекращен. Вскоре (во время следующего танца) зал огласился вначале нервным смехом, а затем рыданиями. Это

впала в истерику маска, одетая в платье из газетной бумаги. Её подхватили и вынесли, пригласив к ней находившегося в театре врача. Заключил серию инцидентов представитель адвокатуры Д.В. Дулетов, вступивший в крупный конфликт с дежурившим приставом пятого участка Гертманом». Такой маскарад запомнился надолго.

Зимние праздники

Новый год в начале XX века отмечали почти так же, как сегодня, но главным праздником было Рождество.

Рождество отмечали по юлианскому календарю – 25 декабря. До этой даты нужно было раздать долги; помириться с теми, с кем в ссоре; выбросить старую посуду; провести генеральную уборку в доме; сшить новые наряды. Всё это не просто так, а чтобы обеспечить в новом году счастье и достаток.

Ещё надо было заблаговременно отправить открытки (эта традиция появилась в России в 1897 году). На рождественских открытках изображали детей, ангелов, библейские сюжеты, животных. В Благовещенске разного рода открытки, в том числе и поздравительные, выпускала типография Бутряковых.

В канун праздников местное отделение Красного Креста продавало специальные конверты для отсылки в них визитных карточек взамен визитов. Белый конверт стоил 8 копеек, желтый с изображением звезды и еловой ветки – 12 копеек. Это было дорого, деньги шли на благотворительность.

Праздничные визиты были делом обязательным, но тяжелым, потому что в каждом доме визитёра обязательно угощали. «По рюмочке, да по две, а где так и стаканчик красненького или беленького, да коньячок без счёту, к вечеру образовались градусы высокие, – оставил воспоминания один из обывателей. – От шести различных поросят отведал, заливных, жареных, ветчины, икры сколько! Словом, приехал домой больной».

Тот, кто хотел избежать таких испытаний, отправлял по почте визитки или давал объявления в газетах: «Взамен новогодних визитов И.Ф. Фёдоров пожертвовал в пользу больных города Благовещенска 1 рубль»; «А.Н. Иванов взамен визитов жертвует в комитет Общества о подкинутых детях 1 рубль 25 копеек». В канун 1911 года точно так же больше 30 человек и три торговых дома Благовещенска передали деньги в пользу голодающих Европейской России.

На Рождество и Новый год горожане украшали не только ёлки в домах, но и дворы, ворота, еловые деревья перед домами. Уже с середины ноября магазины соблазняли покупателей: «Ёлочные украшения в винно-бакалейно-гастрономических магазинах братьев

Хлебниковых!»; «В торговом доме «Чурин и Ко» готовые наборы ёлочных украшений по цене от 5 рублей».

С огромным нетерпением ожидали новогодних праздников дети. Ещё бы: им дарили игрушки, угощали сладостями, с ними водили вокруг ёлки хороводы и не отправляли спать в девять вечера! В декабре 1911 года В.И. Кутайсов-Киртава устраивал ёлку в городском саду. «Желая доставить детям праздничное, вполне разумное и полезное развлечение, приглашаются родные для участия как в устройстве ёлки, так и всей программы, – сообщал балетмейстер через прессу. – Запись детей и переговоры ведутся с 10 до 12 часов». В том же декабре детскую ёлку устраивало Общество приказчиков: «Желающим вручить детям подарки: плата по 3 рубля (старший возраст), по 2 рубля (младший возраст)».

Каждый год в каждой школе для бедных, в каждом приюте в складчину, что называется, с миру по нитке, тоже устраивали ёлки с подарками от Деда Мороза. Как правило, руководство школ и приютов потом благодарило жертвователей через прессу. В январе 1911 года газета «Эхо» напечатала такой список жертвователей для ёлки приюта Лечебно-благотворительного общества: В.А. Левашев пожертвовал 10 рублей, конфеты и игрушки, Е.А. Боровик – 25 рублей, магазины «Кунст и Альберс», Хлебникова, Карпова, Ортнера, кондитерские Сергеева, «Французская», «Киевская» – игрушки, сладости, продукты. Подобных благодарностей – множество.

Рождество было принято праздновать в семейном кругу. Начинаясь праздник со всенощной службы в церкви. Продолжался днём общением с детьми, родственниками и... играми на улице. За стол в этот день садились только вечером: рождественский ужин начинался с первой звездой. На него было принято приглашать знакомых одиноких людей и даже незнакомых одиноких путников: считалось, что никто не должен быть на Рождество без приятной компании.

На праздничный стол выставляли не менее двенадцати блюд. Кроме закусок, студня, рыбы, гуся в яблоках, зайца в сметане, всевозможных пирогов и сладостей, непременно были блюда из свинины: фаршированная свиная голова, жареное мясо кусками, зажаренный поросёнок. На рынках Благовещенска поросята стоили достаточно дорого: по 1,5-3 рубля за штуку. И среди них попадались «дутые». Это были обычные, но не очень жирные поросята, которых после убоя действительно надували, потом замораживали и продавали как упитанных. На Благовещенской городской микроскопической станции таких поросят распознавали, тушки клеймили особым образом и сообщали об этом горожанам через газеты. Под Новый год на рынках появлялись «дутые» по той же схеме гуси и утки.

«После осады Благовещенска 1900 года в городе утвердился оригинальный обычай встречать новый год некоторым образом в «боевой обстановке», – писал в январе 1910 года корреспондент газеты «Эхо». – Наступивший год нисколько не уступил в этом отношении прошедшему. С половины двенадцатого ночи началась редкая ружейная и револьверная пальба, прогрессивно участвовавшая к полуночи и достигшая апогея примерно в половине первого часа, когда, можно сказать, весь город сотрясаясь от батального огня, а в воздухе свистели по всем направлениям пули и щелкали по крышам. Несчастных случаев, насколько нам известно, не зарегистрировано».

И оружия, и любителей пострелять в городе было очень много. Когда Общество охотников устраивало народные стрельбы, то есть не только для членов общества, а для всех желающих, в них участво-

вало по 400 человек! Почему бы не отметить дружными залпами наступление нового года?

Праздник фонарей в Сахалине

В те дни, когда в Благовещенске шумели последние маскарады, на другом берегу Амура тоже веселились: с 15 числа первой луны в Сахалине, как и во всем Китае, устраивали трёхдневный Шань-Ю-Ань – Праздник фонарей. На это время в каждом городе выбирали Дэн-Гуана – Господина фонарей. Он надевал старинную форму китайского администратора (только вместо шарика на головной убор прикрепляли маленькое красное яблочко), набирал себе дружину и в течение трёх дней «правил» городом. Дэн-Гуан со свитой объезжал улицы: днём следил за порядком, а вечером – за фонарями. Фонари должны были быть перед каждым домом и вечером обязательно светиться. Нарушителей наказывали штрафами.

За другие нарушения Дэн-Гуан мог провинившихся не только оштрафовать, но и отправить в тюрьму. Если знакомым или родственникам не удавалось «выхлопотать» посаженного до конца Шань-Ю-Аня, он должен был отсидеть в тюрьме до следующего Праздника фонарей, то есть целый год!

Корреспондент газеты «Эхо» (китаец) в феврале 1912 года прислал отчёт о народном гулянии: «Праздник фонарей в Сахалине прошел очень оживлённо. По улицам двигалось несколько процессий, символизировавших различные злобы китайского дня. Сожжено такое количество ракет, что вечером воздух в городке сделался очень неприятным для обоняния. Русских, пришедших посмотреть на китайский праздник, было сравнительно много».

Деньги, собранные в виде штрафов Дэн-Гуаном, шли в пользу Господина фонарей и его дружины. За три дня 1912 года они собрали громадную сумму: больше 800 рублей.

Синематограф

Разного рода кинотеатры появились в Благовещенске сразу после того, как начала действовать городская электростанция – в 1908 году. «Торгово-промышленный листок объявлений» сообщил 12 октября 1908 года: «Сегодня начали работать два кинематографа: один против магазина Шадрина, другой в театре Роганова».

Первый – это электротئاتр иллюзион «Декаданс» на Мастерской, между Набережной и Большой, в каменном здании. Действовал и в 1913 году, но на рекламу хозяева сильно не тратились, она выглядела так: «Декаданс». Перемена программы. Всё новое и интересное».

Второй – «Синема-кино» (масло масленое!) в театре Роганова (красивое двухэтажное здание на Амурской улице было построено

в 1899 году, сгорело в 1923-м). В «Синема-кино» сеансы новейших картин демонстрировались ежедневно в 4, 6, 8 часов вечера – обычные, а в 9.30 вечера – «парижский жанр» (пикантные картинки для взрослых; учеников на эти сеансы не пускали категорически). В 1909 году в театре Роганова фильмы показывал уже «Театр Гранд-Иллюзион». Затем здесь отметился владелец прокатной конторы и кинотеатра во Владивостоке Журинский, потом некто М.И. Лившиц. В общем, театр Роганова был «площадкой», которую сдавали в аренду.

В феврале 1909 года иркутский мещанин В.И. Токмаков подал в управу прошение разрешить ему выстроить на берегу Амура театр-иллюзион «в декоративно-венецианском или русском стиле, чтобы ласкал взор художественной отделкой» с названием «Синема» (он же «Синема-театр»). Разрешение получил, построил, в мае открыл «на бульваре около почтовой пристани», а осенью «перевёз» своё кино на угол Графской и Рёлочной (тогда это была улица) и сменил название на «Театр-иллюзион «Синема». Компаньоном В.И. Токмакова стал владелец аналогичного предприятия во Владивостоке Алексеев.

Однажды кто-то хотел поджечь «Синема». Злоумышленник положил у наружной стены иллюзиона опилки, полил их керосином, поджег и незаметно скрылся. Когда пламя охватило стену, бывшие возле иллюзиона ребятишки – продавцы газет – закричали: «Горит!». Стиравшая во дворе бельё баба моментально залила пламя. В июле 1912 года неизвестные украли из «Синема» разных кинематографических принадлежностей на 2128 рублей, пианино изломали. Скорее всего, действовали хулиганы, но, может быть, за ними стояли конкуренты...

В 1909 году на Мастерской в доме Азанова работал «Экспресс-театр». Цена местам в нём была от 30 копеек до 1 рубля; нижние чины и дети платили половину. Во время сеансов играло пианино.

Кинематограф в саду Общественного собрания в 1910 году назывался «Жарден д'Ивер». Он привлекал посетителей «роскошным репертуаром новинок и усовершенствованным аппаратом братьев Пате последнего выпуска, в каковом отсутствует малейшее мигание» (отсутствие мигания – главное преимущество показа; новейшие аппараты благовещенские предприниматели покупали в Америке).

Реклама «Жарден д'Ивер» сообщала: «Ввиду получения большой серии новых картин из разных фабрик, программа будет демонстрироваться в двойном размере против обыкновенного. Каждый сеанс займёт больше двух часов. В программу входят картины разнообразные по сюжету и редкостные по исполнению. По праздникам, с 12 до 4 часов дня, – специальные картины для детей. При театре буфет и тёплая уборная. Цена местам от 25 к. до 1 р., ученические – 15 к.».

Одним из пионеров благовещенского кинематографа был В.И. Гоголь. Уроженец Александровска-на-Сахалине, по профессии телеграфист, выйдя в отставку, поселился в Благовещенске и в 1908 году открыл здесь кинематограф «Мираж». Заведение размещалось сначала во временном помещении на Торговой площади, потом в тёплом помещении – на Чуринской. Первое время Виктор Иванович так обаял членов думы, что ему отдали Торговую площадь в монопольное владение. Когда там же захотел открыть кинотеатр Томаков, тому отказали. Но не все гласные были согласны с таким положением дел, через некоторое время монополию Гоголя ликвидировали, и он переместил «Мираж» на соседнюю, Чуринскую площадь.

С 1910 года дума стала сдавать в аренду ещё один участок под кинематограф там же, на Чуринской. С 1910 по 1912 год, а, может, и позже (нет сведений), торги на него выигрывала Марфа Исаевна Рудман, предлагая за аренду самую высокую цену: 3650 рублей, 4200 и 4253 рубля соответственно. Свой электро-театр Рудман называла «Художественный». Он открылся 11 июня 1910 года. Газета «Эхо» писала: «Здание роскошно отделано. Картины будут демонстрироваться самого последнего выпуска и самых выдающихся сюжетов. По примеру столичных театров дирекция, не жалея труда и затрат, заангажировала на несколько гастролей (*то есть на несколько выступлений*) артистов М.Т. Маньковскую и А.П. Аркадьина». Конкуренты действовали по соседству, и газетчики явно запутались, соединив названия двух кинотеатров в одно: «Художественный кинотеатр «Мираж». Но так было только однажды – в день открытия. Впоследствии «Художественный» и «Мираж» рекламировались по отдельности.

Сеансы в «Мираже» начинались в праздничные дни в 2, в будни – в 4 часа. В одном сеансе, как правило, показывалось шесть картин. Цены в рекламе обозначались такие: «Ложка – 4 рубля, сидеть от 30 копеек до 1 рубля, учащиеся в форме – 22 копейки, дети – вполтину».

В декабре 1911 года в электротeatре «Мираж» (владельцев было уже двое – В.И. Гоголь и А.Н. Георгокапуло) ежедневно играли инструментальное трио и оркестр 37-го Сибирского стрелкового полка под управлением А.З. Климовича. «Такой красивой и содержательной программы Благовещенск ещё не видел, – завлекала зрителей реклама. – Сегодня предлагаем убедиться, что благодаря верности данной эпохи, месту, обстановке, игре артистов экран «Миража» превратится в поразительный реализм».

«Мираж» и его хозяин со знаменитой фамилией постоянно упоминались в городской хронике. Особенно часто – в 1909 году.

В январе зрители пожаловались, что Гоголь своими окриками пугает детей и дам, а он пояснял, что таким образом просит публику

не спешить, когда зрителей слишком много, и не напираться, потому что «детей можно подавить».

В марте случился скандал с Максимом Хворовым (судовладелец), который недоплатил за билет две копейки благотворительного сбора (сбор, обязательный для всех кинотеатров России), сказав: «Хватит с вас! Вот открою иллюзион, буду пускать по 10 копеек», а потом с руганью ворвался в зал: «Раз продали билеты, не имеете права не пускать!» Закончилось всё, как было принято в то время, объяснениями через газету: каждый изложил свою версию, публика читала с интересом.

В мае «за злоупотребление с электрическим счётчиком» Гоголь был приговорён мировым судьей 1-го участка к трём месяцам тюрьмы (уплатил 200 рублей в возмещение убытков и оставлен на свободе), а в июле – к двум месяцам заключения за оскорбление своей служащей, госпожи Козловой, «контролёрши» (тоже обошлось уплатой штрафа).

В 1912 году Гоголь продал свою долю в бизнесе за 6500 рублей Рябкину, построил пароход, назвал его «Адмирал Корнилов» и до 1918 года работал на нём помощником командира. В начале Гражданской войны Виктор Иванович умудрился продать пароход, пытался заниматься торговлей, в 1921 году эмигрировал в Китай. До конца жизни он работал билетёром в одном из кинотеатров Харбина.

Кинотеатр «Мираж», как и вся частная собственность, после окончательного установления советской власти, был национализирован. В 1924 году он относился к «Амгубдеткомиссии» (Амурская губернская детская комиссия).

Кино в начале XX века было немым, и саунд-треки создавались прямо во время демонстрации. В «Гранд-иллюзионе» ежедневно играл духовой оркестр под управлением Ф.Ф. Бартона (Франц Францевич – учитель музыки Благоевщенской мужской гимназии), киносаунсы сопровождали (в разное время) пианист С.С. Спиридонов, квинтет под управлением Гобеля, пианист Н.И. Сухомлинов, хор (оркестр) балалаечников. Пианисты Я.С. Крейцберг, И.М. Абрамович, Ольшанецкий в разное время играли в электро-театре «Мираж».

Насколько напряженной была работа тапёра (так называлась эта исчезнувшая специальность), можно судить по такому примеру: в кино «Коллекционер почтовых марок» показ каждой марки того или иного государства сопровождался национальным гимном. Правда, публика была не очень осведомлена о том, у какой страны какой гимн, можно было импровизировать.

Когда демонстрировалась картина «Последние дни Моцарта», для полноты иллюзии в «Синема-театре» играл специально приглашенный скрипач. Летом 1910 года здесь показывали кино под ор-

кестр духовой музыки под управлением Циховского в 1911 году сеансы сопровождал пианист Ефимов.

Владельцы кинотеатров очень активно участвовали в благотворительных мероприятиях, которые проводились в городе: Дне белой ромашки, Дне колоса, сборе средств в помощь голодающим и тому подобных. «Мираж» и «Синема-театр» регулярно устраивали бесплатные (или с большой скидкой) сеансы для детей и учеников начальных школ, о чём охотно писали газетчики: «Ученики Толстовской и Тургеневской школ посетили «Синема-театр». Владельцы бесплатно продемонстрировали несколько хороших и доступных для понимания детей картин», а господин Магдебуров (один из владельцев «Синема») своими народными песнями и игрой на гармониках привёл детвору в восторг»; «Гоголь для учениц Ольгинской школы показал «Хижину дяди Тома» по 5 копеек за вход»; «Городская управа выражает благодарность владельцам иллюзиона «Мираж» за бесплатное представление восьми сеансов для учеников и учениц городских училищ».

«К иллюзионным новинкам публика очень чувствительна, – пишет газета «Эхо» 21 сентября 1910 года. – Стоит появиться интересной новинке, как иллюзионы трещат от переполнения публики. Так было в «Электро-театре», когда появилась электрическая голова (*аттракцион, гастролировавший по Амуру*), так было с приглашением хора балалаечников в «Гранд-иллюзионе», так случилось в «Синема» с появлением в программе картины «Коробейники» (грандиозная картина из русской крестьянской жизни по народной песне Некрасова): чтобы попасть внутрь, надо было ждать очередь».

Что предлагали кинотеатры Благовещенска в начале XX века? Это были фильмы самых разных жанров. Кроме названия лент, чтобы сориентировать публику, в афишах размещали ещё и пояснения о жанрах, сюжетах, содержании, продолжительности и красочности кинофильмов.

«Жизнь микробов». Перед глазами зрителей развёртывается жизнь в зараженной капле крови, где кровяные шарики и бактерии сонной болезни ведут между собой ожесточённую борьбу.

«Нефтяные промыслы в Баку». Русская большая научная интересная картина.

«В стране золота». Большая феерия.

«Новейшие скульптуры». Большая, маленьких картин не ставим, вся раскрашенная» (*в то время киноплёнку раскрашивали вручную анилиновыми красителями*).

«Ужасная тёща». Не смешивать с «Недоступной тёщей».

«Баранья нога». Легенда Востока, вся раскрашена.

«Мессина». Страшное землетрясение в Сицилии.

«Райт – человек-птица». Полёт превосходит по красоте и смелости таковой на аэростате графа Цеппелина.

«Призрак счастья, или Былые страсти не уснули». Драма.

«Похороны короля Эдуарда VII». Сенсационная новость.

«Наполеон в России в 1812 году». Исторические картины.

«Трэн г-жи Тарелкиной». Рекорд комизма (*трэн – шлейф женского платья*).

«Арест герцогини Дюбарри». Сильная драма.

«Смотри, что ты сделал со мной». Драма из жизни парижской куртизанки, красивый, интересный сюжет.

«Гибель подводной лодки», «Полёт Уточкина», «Похороны Комиссаржевской». Все последние новости из Москвы.

«Начальница почтовой конторы». Из современной жизни, потрясающая драма.

«Конкурс детской красоты». Чрезвычайно интересно для всех.

«В угаре страсти». Картина демонстрируется в 2-х отделениях, длиной 1000 аршин (*русская мера длины, равная 0,71 м*).

«Омут жизни». Картина Лондонского человеколюбивого королевского общества защиты женщин; имеет больше 1000 аршин, занимает весь сеанс.

«Тайна женской причёски». Научная.

«Генрих IV Наваррский». Шедевр необычайно крупной величины, историческая драма во всех красках.

«Праздник белого цветка в Иркутске». С натуры; ввиду того, что программа на 400 аршин больше обыкновенной и особой ценности, цена билетов увеличена на 25 к.

«Что содержит капля воды». Картина снята микрокинематографом и представляет из себя триумф научных испытаний; перед зрителями открывается жизнь обитателей банки с водой во всех её степенях развития. По поводу этой картины газета «Эхо» писала в сентябре 1909 года: «Демонстрируемая сейчас в «Гранд-Иллюзионе» картина «Что содержит капля воды», имеющая, безусловно, научное значение, смотрится с громадным интересом. Не мешало бы посмотреть её тем, в глазах которых разницы между сырой и кипяченой водой не существует. Жаль только, что перед появлением на экране каждого нового вида микроорганизмов, показывающий картину не объясняет их название, так как запомнить эти названия по программе трудно, следить же за программой во время показывания картины в тёмном зале невозможно».

...Известные в советское время кинопередвижные установки, которые колесили по сёлам, городским дворам и паркам, показывая кинохронику, несколько в ином виде существовали и до революции.

Например, на строительстве Амурской железной дороги. Летом 1911 года управление по постройке её средней части приобрело девять кинематографических аппаратов (по числу строительных участков), чтобы демонстрировать картины рабочим. «Управление аппаратами будет поручено кому-либо из линейных служащих за небольшое вознаграждение, – сообщала газета «Эхо». – Для их обучения управлением командированы два монтера. Аппараты приспособляются для работы на открытом воздухе и будут постоянно передвигаться по участкам. Картины частью приобретены в Петербурге, частью – в Благовещенске. После окончания массовых работ по постройке дороги аппараты предполагают передать железнодорожным школам».

Передвижными были и коммерческие установки. Аппарат «Синефоро», который одно время показывал картины в Общественном собрании Благовещенска, в 1909 году на время перевезли в Зею-Пристань – денежный городок с восторгом принимал интересных гастролеров. В ноябре 1912 года предприниматель Рудаков повёз синематографический аппарат с двенадцатью картинами в Сахалин. «Если синематограф будет иметь в Сахалине успех, – писала одна из благовещенских газет, – предприниматель, как говорят, намеревается выстроить там собственное здание».

В начале XX века в Благовещенске снимали и собственное кино. Одним из первых кинолюбителей был Георгий Михайлович Ёлкин, служащий торгового дома «И.Я. Чурин и Ко» (*в 1916 году он был избран председателем благовещенского Общества фотографов-любителей*).

Летом 1911 года во время увеселительной прогулки на заимку Биршерта Георгий Михайлович вёл съемки, а в декабре представил «кинематографическую картину». Корреспондент газеты «Эхо» присутствовал на «пробном демонстрировании» и написал затем отчёт: «Всего в картине около двадцати отдельных видов и сцен, тянущихся на протяжении целого отделения, главнейшие из них: отход парохода «Тамара» от Благовещенска, Амур у Благовещенска и вид на Сахалин, устье Зеи, Белогорье, прибытие на заимку Биршерта, высадка, отдых на лоне природы. Картины смотрятся с интересом».

Кинематографические снимки из местной жизни, сделанные Ёлкиным, постоянно демонстрировались в местных синематографах.

Летние путешествия

Очень популярными были прогулки за город пешком, на велосипедах, «моторах» (*автомобилях*), пароходах. Их устраивали оба городских спортивных общества, кружки и профсоюзы, частные лица.

Самым популярным местом поездок была заимка П.А. Биршерта (Пётр Александрович, землевладелец, акционер и представитель зо-

лотопромышленной компании). В 1902 году в «Амурской газете» было опубликовано объявление: «Продаётся или отдаётся в аренду имение в 30 верстах от Благовещенска на берегу реки Зеи. В имении до 500 десятин земли, хозяйственные постройки, мельница. За справками обращаться к Биршерту П.А.». Продал или нет своё хозяйство Петр Александрович, но заимка много лет называлась его именем.

Чаще всего к Биршерту добирались на пароходах: «10 июня Обществом спорта устраивается пароходная прогулка с музыкой на заимку Биршера. Если пароход достать не удастся, то взамен прогулки в 5 часов дня в саду Общества состоятся велосипедные и мотоциклетные гонки и игра в футбол»; «Пароходная прогулка на заимку Биршера. Ввиду новинки в программу вводится концертное отделение – хор балалаечников»; «17 мая на пароходе «Коммерсант» прогулка на заимку Биршера. Дамы платят рубль, кавалеры два рубля».

Впечатления участников прогулок, как обычно, были самыми разными: «Пароход был украшен флагами, играл оркестр. С музыкой прошли по Амуру, вошли в Зею, во втором часу прибыли на заимку. Многие мужчины были так взволнованны, что вынуждены были прибегнуть к успокоительному в виде «Зейских брызг». Вечером пароходу пришлось немало покричать, чтобы собрать разгулявшуюся публику. Пассажиры возвращались с большими охапками цветов. Команда украсила пароход молодыми берёзками»; «Общество туристов организовало прогулку на пароходе «Сибирь». Было продано около 800 билетов. Впечатление самое скверное. Теснота и дороговизна. Пароход четыре раза садился на мель. Ввиду большого крена пассажиров постоянно просили перейти с одного борта на другой. Вернулись в 10 с половиной часов. Вместо развлечения – утомление»; «Прошу напечатать моё впечатление от пароходной прогулки. Эта прогулка мне лично очень мало доставила удовольствия. Если выбросить 4-5 часов пребывания на горах Белогорья, останутся лишь муки и лишения всяких удобств. Будучи знаком с европейскими пароходными прогулками, меня удивило, поразило, когда узнал, что билет стоит 2 рубля не за место, которое свободно, а за палубу и 3-й грязный класс!».

Ездили на заимки и по грунтовой дороге: «В воскресенье 17 июня группой туристов была совершена обычная праздничная прогулка на заимку Буянова (14 верст от города). Участники в восторге от поездки. Рассказывают, что сделали много фотографических снимков окрестностей, устраивали игры, купания, тщательно осмот-

---

²¹Развлекаться.

рели буяновскую пасеку. Пасечник предложил участникам прогулки сетки, знакомил их с обстановкой пасеки, жизнью и привычками пчёл, устройством ульев, оборудованием зимовок. Туристы только жалуются, что было мало участников, что их прогулки, дающие много приятного и полезного, плохо прививаются»; «10 июня группа туристов в 22 человека совершила поездку на велосипедах, при участии одной мотоциклетки (*мотоцикл*), на заимку Биршерта»; «Общество туристов в воскресенье устраивает прогулку на заимку Биршерта. Старт в саду Общественного собрания в 6½ час. утра. В виду того, что в прошлых прогулках участвовали только частные лица, а не члены Общества, за исключением г-на Шоколо, просят отметить, что участие членов Общества очень желательно»; «Прогулка туристов на велосипедах, состоявшаяся 27 мая на заимку г. Шура, привлекла только 9 человек. Щур принял группу туристов охотно и познакомил гостей с ведением сельского хозяйства, подробно и наглядно продемонстрировал все способы и орудия производства».

Вообще направлений для прогулок и поездок было удивительно много: заимки Шадрина, Буянова, Шура, Биршерта, прииск Дмитриева, Владимировка, Будунда, Петропавловка, Черемховское, Березовка, Средне-Бельское, Ивановское, Большой и Малый Алим, Кани-Курган, Константиновская, Поярково, Большая Сазанка, Астраханка, Белогорье, Новинка, Натальино, Новотроицкое, Верхне-Благовещенская, Игнатьевский, Михайловка, Марково, Бибиковский, Покровская, по Зее – до самой Зеи-Пристани.

Путешествовали и по сопредельной территории: Сахалюну, Колушанам, Айгуну. Почти в каждом из этих населённых пунктов были представители Общества туристов! «В ближайшее воскресенье группа туристов под руководством Шоколо намеревается совершить поездку в Айгун. Проводником и переводчиком согласился ехать г. Беркович»; «Прогулка для всех желающих в Айгун с оркестром военной музыки»; «Кружок самообразования планирует экскурсии в окрестностях Благовещенска, в том числе – в Сахалюне. Некоторые наши старожилы ни разу не были в Сахалюне», – сообщала газета «Эхо».

Окрестности Белогорья были любимым местом отдыха жителей Благовещенска. Летом белогорьевцы сдавали под дачи всё, что можно, даже всякие конурки, за довольно приличную плату. С 1909 года в окрестностях села нарезали 76 участков под дачи горожан: их можно было купить. Два больших участка отвели под летние дачи – что-то вроде будущих пионерских лагерей – женской гимназии и реального училища.

Общество охотников Благовещенска имело в окрестностях Белогорья свои уголья. Здесь устраивали облавные охоты на зайцев и коз, иногда – с конными загонщиками. Развлечение для богатых людей.

Приезжали отдыхать в Белогорье на несколько дней, как отдельные жители, так и большие компании. По суше ехали на телегах, лёгких повозках – американках: с утра из города выезжали, к вечеру добирались до места. Тридцать пять верст между Благовещенском и деревней были живописны, но не очень комфортны и довольно опасны.

Сначала о красоте. Летом 1910 года Фёдор Чудаков с друзьями, съездив в Белогорье «отдохнуть от города», написал об этом длинный очерк и несколько стихотворных строк.

Было всё до тошноты красиво:
Тёмных сопок круглые сосцы,
Грязь дороги, сломанные ивы,
Водка в фляжках, хлеб и огурцы...

В прозе Фёдор Иванович описал «комфорт» белогорьевской дороги. «Проехав довольно порядочное болото с риском окончить в нём свои дни и подивившись искусству нашего возницы, осмотрелись. Позади – болото, впереди – болото, справа и слева – по болоту. Целое море болот...

Подумали и... выпили по второй, уже не слезая с телеги.

– Ничего, господа, не унывайте! – сказал Николай Гаврилович. – Ещё осталось только восемь вёрст.

– А сколько болот?

– Не больше сорока-сорока пяти.

– Суший пустяк, – авторитетно заявил я».

Друзья добрались до Белогорья благополучно, чего не скажешь о путниках, которые ехали здесь же в августе 1911 года. Вот как описывал это происшествие репортёр газеты «Эхо»: «Подрядчик А.Б. Орлов и контролёр И.Ф. Жемкевич заказали лошадей у благовещенского купца Купцова. Повёз их до Белогорья сын Купцова 16-ти лет. На 21-й версте от города, в двух верстах от корейской заимки, где дорога проходит топью, по проезжим с горки стреляли. Убили Орлова. Пуля попала в спину, прошла навывлет через сердце. Контролёр встал, оглянувшись, вторым выстрелом он был ранен в живот. Ямщик ударил по лошадям и, благодаря близкому повороту, скрылся из глаз. Жемкевич умер на следующий день». Как установило следствие, засада была в трёх местах. Через несколько дней по обвинению в убийстве были арестованы благовещенские жители Двоерядкин, Фёдор и Константин Серковы.

Об убийстве Родионова – доверенного Котельниковых – та же газета написала в сентябре 1912 года: «В злополучный день 15 сентября Родионов выехал из Благовещенска часов около 9 утра. Выехал один, в американке. Злоумышленники о поездке, очевидно, знали и поджидали его верстах в четырёх от Белогорья, в засаде. Первым выстрелом была ранена лошадь. Судя по следам, она пробежала саженьей 20 и пала. Родионов, соскочив с тележки, бросился бежать, но был ранен несколькими пулями и в 10 сажнях от лошади упал мёртвым. Ни числа убийц, ни личности их установить пока не удалось. У убитого, по показаниям знавших его, должно было быть с собой около 500 рублей денег, но ни денег, ни часов, ни серебряного порт-табак (*табакерка*), а также золотого кольца, которое покойный носил, на трупе не оказалось».

Подобные преступления в те времена не были редкостью и путешествия были реально опасными.

СПОРТ

*Наездники и наездницы – Конноспортивные хроники –
Велосипеды и велосипедисты – Гребцы и мотористы –
Воздухоплаватели и лётчики*

Спорт в начале XX века – занятие для тех, у кого есть достаточно времени, сил и средств, то есть для богатых и состоятельных. Хотя, в некоторых видах состязаний, например, лодочных гонках, бегах, стрельбах и скачках иногда участвовали и представители «простых» сословий.

Наездники и наездницы

В первое десятилетие XX века благовещенцы держали более 3000 лошадей, а соревнования конников были одними из самых популярных развлечений.

Состязания лошадей устраивали на двух ипподромах: стационарном и временном. Временный оборудовали зимой на льду Амура. 12 декабря 1909 года Амурское общество поощрения коннозаводства объявляло об открытии зимнего сезона «на вновь отстроенном зимнем ипподроме на льду Амура против триумфальной арки» и сообщало «цены местам»: на трибунах – 1 рубль 10 копеек, с правом хода наверх – 2 рубля, ложи – 10 рублей 40 копеек.

О стационарном ипподроме информация нашлась в «Амурской газете» 24 августа 1903 года. На заседании думы обсуждался вопрос об отводе земли под ипподром: первый вариант – за городом, между Астрахановской дорогой и кожевенным заводом – 240x160 саженьей, второй вариант – между Загородной и кирпичным заводом Мордина.

Прежде, чем отводить землю, выясняли, что Общество спорта (первоначально заявку на землю подало именно это Общества) будет там делать, какие будут возводиться постройки, какой будет доступ для интересующихся обывателей? Остановились на первом варианте размещения ипподрома и отдали участок за плату 10 рублей за квадратную десятину.

В 1909 году этот ипподром содержало уже Амурское общество поощрения коннозаводства, а землю в середине ипподрома сдавало в аренду китайским огородникам.

Каждая уважающая себя благовещенская газета писала о состязаниях на городских ипподромах, а некоторые, как «Торгово-промышленный листок объявлений», имели специальных обозревателей – авторитетных и уважаемых знатоков конного спорта. Отчёты предоставлялись публике регулярно.

12 ноября 1908 года. «Участвовало 27 лошадей. В гандикапе рысаков первой группы участвовали Борьба (3 место), Добродей остался без места, Сателлит (2 место). Герой – победитель. Удивительно, почему Борьбе отдали приз: она шла таким же плохим ходом, как в прошлое воскресенье на побитии рекорда. Должно быть, судьи смилостивились».

13 ноября 1908 года. «Постановление судей Амурского общества поощрения коннозаводства о лишении кровной лошади Борьба В.В. Лукина приза обжаловано в управлении коннозаводства. Лошадь будет отправлена в Петербург для экспертизы».

23 апреля 1909 года. «26 апреля Общество решило дать невиданное зрелище – заезд лошадей, которыми будут управлять дамы. Такой случай будет чуть ли не первым в России. В Петербурге есть единственная женщина-наездница В.В. Костенская, на Кочевом она несколько раз участвовала в заездах мужчин. Но это единичный случай. Здесь же предполагается заезд 6-7 лошадей, и на всех поедут дамы. Таким образом благовещенские дамы желают поставить все-российский, а, может быть, и всемирный конноспортивный рекорд. На проездах и прикидках наши дамы показывают полнейшее присутствие духа, а некоторые даже умение управлять довольно серьёзными лошадьми».

25 апреля 1909 года. «Недурно прошел Вик. Дама-наездница поражала своей твёрдой уверенной ездой и энергичными приёмами. Нельзя не заметить, что дамский костюм неудобен для резвой езды, стесняет наездницу и не даёт ей сосредоточиться на управлении лошастью. Головной убор заставляет держать голову в наклонном положении, чем лишает возможности видеть все движения лошади, мысль наездницы сосредоточена на боязни потерять шляпку, узко сшитый верх костюма стесняет движение рук, неудобство юбок го-

ворит само за себя. Наш совет дамам: на несколько минут оставить свой костюм, переменяв его на мужской. Возможно, мужской костюм портит фигуру, но надо с этим помириться».

29 апреля 1909 года. «Ипподром был полон. Наиболее интересным оказался дамский заезд. Шло шесть лошадей. Ручеёк ехала П.Ф. Каффка, Сателлит – В.Н. Белозёрова, Демон – Е.Н. Москвина, Раздобытый – М.М. Мастарова, Пересвет – А.Н. Белозёрова, Вий – А.Е. Исаева.

Публика волновалась, как бы не было какого несчастья, так как дорожка узкая, а были пущены сразу все шесть лошадей. Но всё обошлось благополучно благодаря искусству наездниц. Со старта первым пошел Ручеёк и, благодаря искусству наездницы, первым пришел к столбу в 2 минуты 27½ секунды, чего он никогда не делал у наездников. Но первого приза Ручеёк не получил, а от второго госпожа Каффка отказалась.

Первый приз получил Раздобытый, пришедший на 1½ секунды позже и сделавший проскачку в 20 скачков. Сателлит – третий приз, Вий – четвёртый, Демон – пятый, и – без места, пришедший галопом к стойлу Пересвет. Дамам, получившим призы, были выданы жетоны, а остальным брелки на память о бегах, также всем были преподнесены цветы».

Кроме дамских заездов (их стали проводить регулярно), особенно зрелищными были бега, в которых участвовали рысаки двух самых богатых конюшен Благовещенска – Тетюкова и Лукина. Вот как анонсировала очередные состязания газета «Эхо» в апреле 1909 года: «Лавры, которые получила Тетюковская конюшня на предыдущем беге (рысак Раздобытый), не дали спать конюшне Лукина. На сегодня ею записана Борьба, до сего времени непобедимая на нашем ипподроме. В противовес ей пойдёт Авант Тетюкова. Таким образом, сегодня мы будем любоваться одним из самых красивых заездов внеклассных рысаков. Публика запасается билетами. Ложи уже все разобраны».

Авант был местной знаменитостью. В Благовещенск его привезли в 1906 году из Петербурга. На его счету было множество побед и рекорд благовещенского ипподрома, который продержался несколько лет. В 1912 году Авант пал от тифа. Это была крупная потеря для ипподрома и для хозяина – в пересчёте на сегодняшние деньги жеребец оценивался дороже пяти миллионов рублей.

Конноспортивные хроники

(по материалам газет «Амурская газета», «Амурское эхо», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

«Весенний сезон бегов и скачек на местном ипподроме обещает быть очень оживлённым. Всего предполагается разыграть 117 при-

зов на сумму 11 030 р. Призы для рысаков, городских и скаковых лошадей. Принимать участие будут кровные скакуны господ офицеров Амурского казачьего полка. С первыми пароходами ожидаются рысаки из Владивостока, Хабаровска и Европейской России».

«На днях местный ипподром лишился одной из часто бегавших на нём рысистых лошадей: Вий Ф.П. Семерова во время пробежки был поражен солнечным ударом и тут же пал».

«17 октября в скачках участвовали дамы, были офицерские барьерные скачки, джигитовка казаков. Ездоки в основном владельцы. Они стараются показать возможно лучше свою лошадь, не считаясь с выгодой, с возможностью выиграть или проиграть приз, главное желание – хорошо проехать. Для спорта соревнуются, а не для наживы лошади В.П. Соколова, Н.И. Матвеево, В.М. Лукина.

Офицерскую барьерную скачку, где участвовало восемь чистокровных лошадей, выиграла Рыжая Паккерет хорунжего Москальцова. Казачью скачку выиграла маленькая буланая лошадка Птицына. Джигитовка казаков внесла весёлое настроение в публику».

«17 декабря, 12 градусов, без ветра, много публики. Первый заезд на одну версту (рысаки 1907 года) выиграл Дурман А.Е. Архипова, владелец – ездок. Жестокий Карачун Н.И. Матвеево (ездок – владелец) – на последнем месте. На приз для городских лошадей 5-9 классов (половина версты), стартовали Крылатый П.В. Аристархова, Задорная С.Г. Федченко, Намини И.С. Волосина, Пневматический Ф.П. Семерова, Збруя Е.С. Косицына. Первый приз взял Крылатый под управлением Н.В. Аристархова. Приз для рысаков 4 и 5 классов на полторы версты. Первым пришел Летун В.П. Соколова, он и управлял. Стартёром был известный коннозаводчик М.Л. Ясса-Квятковский».

«Редкая выдача на нашем тотализаторе. В последнем заезде на ипподроме 27 февраля шло 6 лошадей. Ставки делились между 5-ю лошадьми, за 6-ю – Мамай – была только одна ставка, случайная. Против всяких ожиданий в последнем заезде первым пришел Мамай. Выигрыш составил 423 рубля».

«17 апреля. Хорошая погода, разнообразная программа, скачки с препятствиями, джигитовка казаков привлекли на ипподром массу публики. Скачки прошли оживлённо.

Самое сильное впечатление произвели офицерские барьерные скачки. Шли четыре лошади. Из них Сильфида Вертопрахова, на которой ехал хорунжий Карашук, взяв два препятствия, сильно вырвалась вперёд, что чуть не стало роковым. Перелетев через барьер, лошадь слетела с ног и несколько раз перекувыркнулась по земле с ездом, остальные лошади в этот момент пронеслись мимо. Не потерявшийся ездок, моментально оправившись от падения, помог лоша-

ди встать, вскочил в седло, благополучно взял 4-е препятствие, обошел на последней четверти круга двух лошадей и пришел к столбу вторым!».

«18 сентября. 5-й день бегов и скачек. В числе других «Большой амурский трёхлетний приз» в 1000 рублей для рысаков 1908 года рождения в Амурской, Приморской и Забайкальской областях; приз Главного управления государственного коннозаводства 250 рублей».

«Второй добавочный день бегового зимнего сезона. Публики сравнительно много. Бега открываются заездом рысаков. Утрата Н.Е. Разгильдеева, Нежданый П.И. Игнатьева, Абрек поручика Студзинского, Тафын Жуйфочан Сишана, Горячка Ф.С. Свиридова, Скромный М.П. Кузнецова, Майка А.Е. Архипова, Прибылой Г.С. Федченко, Монгол К.Я. Мурынкина, Декорация В.П. Соколова, Воробей М.П. Кузнецова, Альфонс В.П. Рошина, Ветерок П.С. Филимонова, Дурман А.Е. Архипова, Дебютант И.П. Чепурина, Копчик Я.Г. Капустина. Тотализатор дал Обществу (*поощрения коннозаводства*) чистого дохода 800 рублей».

Велосипеды и велосипедисты

Благовещенское представительство Общества велосипедистов-туристов (туринг-клуб) в начале XX века было самым крупным в России: больше 500 членов! Второе по численности подобное объединение находилось во Владивостоке, третье – в Петербурге.

Каждый год до 1 апреля каждый владелец велосипеда должен был оплатить специальный сбор в один рубль 25 копеек за право езды по городу и ещё 35 копеек за номерной знак (его можно было передавать вместе с велосипедом другому лицу). За неуплату велосипедного сбора грозил штраф: 50% от суммы недоимки. Сбор не платили только за велосипеды, которые принадлежали казённым учреждениям и использовались «для казённой необходимости».

Каждый год управа выдавала новые номера. В 1909 году это были желто-коричневые буквы и чёрные цифры на белой жести, в 1910 году – цифры и буквы были красными. Это делалось для того, чтобы было видно должников, не оплативших сбор – они же ездили со старыми номерами. В мае 1910 года, например, номеров было взято только 265, а это лишь половина от имевшихся в городе велосипедов.

«Велосипедисты катаются массажи, – отмечал «Торгово-промышленный листок объявлений» в мае 1909 года. – Номеров не вешают, а кладут в карман. Городская управа обратилась в полицейское управление с просьбой принудить велосипедистов к обязательному выбору установленных ярлыков на право езды по городу».

Во все последующие годы всё повторялось вновь: номера не «выбирались», не оплачивались, некоторых ездоков штрафовали,

иногда – невпопад: «С меня взяли за велосипедный номер 1 рубль 60 копеек и ещё штраф 60 копеек, потому что сроки выборки номеров прошли. Но я только вчера купил велосипед! Послали разбираться к члену управы, того нет. Послали в полицейское управление – те требуют счёт на покупку. А я счёт не брал и вот – оказался должником», – жаловался через газету неизвестный бедолага.

Всё, что нужно для велосипедов и их ремонта, можно было заказать в Европейской России. Рекламу таких фирм публиковали благовещенские газеты: «Господа велосипедисты и мотористы! Сезон настал, просмотрите свои машины и закажите вовремя всё необходимое. Громаднейший по всей России склад принадлежностей для велосипедов, мотоциклов и автомобилей. Главные представители фабрик велосипедов и мотоциклов Вандерер и Марс»; «Электромеханическая слесарная мастерская А.Я. Рунгайн (Графская, между Большой и Зейской) имеет в продаже только что полученные шины, воздушники и другие велосипедные принадлежности».

По сравнению с современными моделями велосипеды начала века были примитивными, дороги – исключительно грунтовыми; не существовало современной спортивной одежды: мужчины ездили в пиджаках, брюках, сапогах, дамы – в длиннополых платьях и, наверное, в корсетах. Но никакие неудобства не останавливали энтузиастов велосипедной езды. Каждый год с мая по август они путешествовали по окрестностям. Общество туристов-велосипедистов в начале сезона публиковало программу мероприятий на тёплое время года. Например, 7 мая поездка на мельницу Буянова, 13 вёрст; 9 и 10 мая поездка в Ивановку, с ночевкой, 38 вёрст; 21 июня поездка в Новотроицкое, 23 версты; 5 июля поездка в Толстовку, 24 версты; 6 августа поездка в Верхне-Благовещенскую, 7 вёрст; 23 августа поездка в Гродеково, 14 вёрст.

«Велосипедная прогулка на стеклянный завод Лукина, состоявшаяся 6 августа, привлекла только шесть человек. Расстояние в 45 верст пройдено за 3 часа 45 минут. Туристы восторженно отзываются о живописной местности, где расположен завод». И это несмотря ни на какие неудобства и на возможность свернуть шею на ухабистых дорогах.

В городе нередко были разные происшествия с велосипедистами, о некоторых сообщали газеты: «15 мая около 8 часов вечера по Большой улице напротив женской гимназии (*старое здание на Чуринской площади*) произошло столкновение двух велосипедистов, причём у одного из них колесо перегнулось почти под прямым углом, а другой отделался только ушибом ноги»; «В субботу вечером на углу Торговой и Зейской какой-то велосипедист ехал во всю прыть. Впереди шла женщина. Он, не сворачивая и не давая звонка,

наехал на неё, отскочил назад от удара, затем наехал на неё во второй раз, сбив с ног, умчался». Хулиган! А, может быть, ооченел и плохо соображал, ведь дело было в декабре!

Вопрос об устройстве дорожек для велосипедистов обсуждался на заседании городской думы ещё в июне 1916 года!

А вот моя любимая велосипедная история: «В понедельник около 12 часов дня один велосипедист проезжал по Большой улице. Против Американского переулка на него набросились чьи-то собаки. Почему-то собаки Благовещенска всегда враждебно настроены против велосипедистов. Недолго думая, наездник выхватил револьвер и на полном ходу произвёл по собакам несколько выстрелов. К счастью, никого из людей он не поранил».

Велосипеды были дороги: самая простая модель стоила 70 рублей. Ясное дело – велосипеды часто воровали, об этом сообщали городские хроники: «С террасы Сойферта украли велосипед Бурлакова, стоящий 105 рублей. Чинами сыского отделения задержан Хмель, который сознался, что украд велосипед и продал его Губину, Губин продал Ширамникову, тот – Копинсову, от которого велосипед отобран и вручен Бурлакову»; «Со стоянки велосипедов служащих фирмы Чурина неизвестный угнал велосипед. Хозяин, обнаружив пропажу, вскочил на первый попавшийся велосипед и поехал разыскивать угонщика. Нашел его около Горбылёвки, погнался, но злодей бросил ворованное и убежал на своих двоих»; «На углу Амурской и Торговой городской задержал человека, который вёл велосипед, уверяя, что тот неисправен. Городовой стал осматривать велосипед, человек побежал, городской стрелял ему вслед, тому пришлось остановиться. На выстрелы прибежали люди, и один из них предъявил квитанцию городской управы на велосипед»; «На углу Американской и Набережной служащие электростанции задержали человека с велосипедным колесом. На квартире у него нашли весь велосипед, украденный два месяца назад у монтера электростанции Петрущенко»; «Крестьянин из ссыльнопоселенцев Белецкий увёл велосипед машиниста парохода «Забайкалец». Белецкий задержан, велосипед отобран».

Гонки велосипедистов были почти также популярны, как скачки. 5 сентября 1910 года проездом из Японии в Россию «только одну гастроль» (*одно выступление*) давал в Благовещенске всемирно знаменитый чудо-велосипедист, настоящий чемпион мира А.С. Бутылкин. Выступал он на треке в саду благовещенского Общества спорта. «Собравшаяся в три часа публика в ожидании гастроли, началом значительно запоздавшей, почти два часа неподвижно просидела на трибунах или простояла вокруг трека, – сообщал в отчёте корреспондент одной из городских газет. – Когда началось второе отделение

(фигурная езда), многие, не выдержав начавшегося холода, ушли по домам».

Хотя Бутылкин обещал только одну гастроль, в городе он задержался, а 19 сентября решил участвовать в больших велосипедных гонках на том же треке.

Заездов было несколько: любительский – 1,5 версты, чемпионат Благовещенска – 3 версты, дистанционный – 10 вёрст, «Почётная лента» – 5 вёрст, гит (*езда на определённую дистанцию*) – 1/3 версты. Участники гонок: А. Петерсен – чемпион Владивостока, Ф. Воиченко – чемпион Читы, Жан де Колон – чемпион Германии, А.С. Бутылкин – чемпион мира, а также лучшие местные велосипедисты: К. Фирстов, Е. Чепурин, Забродин, Гриднев, Гурьев, Варзаков, Матвеевко, Кувшинов, Шляпников, Соболев, Гуриков, Дурицын, Болотин, Ильенко, Булгаков и другие.

Хорошая погода собрала много публики. Программа была составлена интересно и разнообразно: велосипедисты-профессионалы чередовались с любителями, гонки чередовались с бегом. Публика смотрела с живым интересом, особенно одобрительно относилась к бегу.

Самым азартным был заезд на звание лучшего ездока Благовещенска 1910-1911 годов. Первым пришел Алексей Бутылкин, вторым – Евгений Чепурин. Неожиданно для всех в гите на 1/3 версты благовещенские любители побили чемпиона мира! Результаты были такими: Фирстов и Забродин – 29 с., Чепурин – 29 1/5 с., Бутылкин – 29 3/5 с., Петерсен – 31 1/5 с., Воиченко – 31 4/5 с., Жан де Колон – 34 1/5 с. Победителям была устроена шумная овация, по адресу чемпиона мира – шумное неодобрение и свист.

Результаты соревнований Бутылкина не удовлетворили, он обиделся и написал большое письмо, которое напечатала газета «Эхо». Это были не гонки, а побитие рекорда – никого не было впереди и сзади, никто никого не обгонял. Мне 34 года, я участвую в гонках 19 лет, 18 лет состою в звании чемпиона мира. Любой из моих благовещенских конкурентов был ещё ребёнком, когда я был уже чемпионом. Слыша безалаберное оранье и тютюканье, я обратился к публике со словами, что за 20 лет я не встречал подобных некорректных оскорблений и незаслуженного отношения подрастающей части публики. Объехав всю Европу и быв в нескольких городах Америки, работая перед негритянской публикой, я первый раз вижу подобную травлю, не имеющую ни смысла, ни места к конкуренту-гостю, который по совету старого и тоже опытного спортсмена имел неосторожность пробудить спортивную жизнь Благовещенска. А.С. Бутылкин». Некрасиво, в общем, вышло.

Гребцы и мотористы

Амурское окружное управление Императорского российского общества спасания на водах было организовано в 1899 году. Корреспондент «Амурской газеты» написал тогда по этому поводу: «Наш город, стоящий при слиянии двух больших рек, очень нуждается в этом Обществе, которому можно только от души пожелать наилучшего процветания и успешного выполнения своей задачи».

Судя по следующим публикациям в прессе, Общество не очень часто проводило какие-то мероприятия, зато были они масштабными.

В августе 1909 года Общество спасания на водах организовало гонки гребных и моторных лодок. Проходили они на Амуре, в 18-ти верстах выше Благовещенска. В «гоночное жюри» вошли: главный судья инспектор судоходства Управления водных путей Амурского бассейна В.Ф. Петрушевский, судьи: председатель Амурского окружного управления Императорского российского общества спасания на водах князь М.М. Долгоруков, директор Благовещенского отделения Русско-Азиатского банка П.П. Москвин, инженер-механик министерства путей сообщения В.Я. Накоренко, техник, компаньон товарищества «И.А. Брузинский и С-вья» К.И. Брузинский, К.Г. Смольников. Стартёр – господин Пельтонен.

Программа гонок была обширной. Соревновались лодки-одиночки (один гребец, без рулевого) на приз и звание первого гребца Благовещенска (7 лодок); двойки парные (2 гребца в 4 весла, рулевой, 7 лодок); двойки распашные (два весла, рулевой, 7 лодок); четвёрки распашные (4 гребца в 4 весла, рулевой, 6 лодок); двойки парные для нижних чинов воинских частей (8 лодок); двойки парные для господ офицеров Благовещенского гарнизона (4 лодки); лодки-одиночки речных сторожей (12 лодок); моторные лодки с гандикапом по числу сил мотора: А.И. Беляева (2 силы), Ф.С. Шадрин (5 сил), А.И. Брузинского (8 сил), А.И. Фридмана (8 сил), М.Р. Смертина (2 силы), лодка Амурской флотилии – (количество сил неизвестно); гандикапером моторных лодок был В.Я. Накоренко.

За право участвовать в гонках желающие состязаться платили по одному рублю с каждого весла, на моторных лодках – по одному рублю «с силы». Дистанций было две: для гребных лодок – 2,5 версты, для моторок – 7 вёрст.

Победители гонок получали призы. Члены охотничьих команд (подразделения в русской армии для выполнения отдельных поручений, соединенных с особой опасностью и требующих личной находчивости) за первое место – по 5 рублей каждому, за второе место – по 3 рубля. Лучший из речных сторожей получал 10 рублей, пришедший вторым – 5 рублей, пришедший третьим – 3 рубля. Приз за первое место в офицерских гонках – винчестер и 400 патронов. Призы в стартах остальных лодок – большие и малые серебряные бокалы.

Главный приз в состязании моторных лодок – серебряный жбан рулевому и 10 рублей машинисту – предоставила Амурская флотилия.

Это было грандиозное зрелище: в одном месте собралось больше пятидесяти плавсредств! Кроме участников соревнований присутствовали и зрители: публику к месту гонок доставляли пароходы и баржи «с оркестрами музыки» и буфетами. За доставку к месту соревнований мужчины платили два рубля, женщины – один рубль, дети и учащиеся – по 50 копеек. Состязания начались в час дня и продолжались до вечера.

Звание первого гребца Благовещенска 1909 года завоевал владелец ремонтной мастерской сельхозмашин Е.А. Стонога. Команда парохода «Благовещенск» победила в заезде распашных четвёрок. В гонках для нижних чинов воинских частей лучшей была охотничья команда 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Чемпионом среди речных сторожей стал сторож Нижне-Зейской дистанции Водопьянов.

Команда, которую составили чиновник Благовещенской телефонной станции Э.Я. Меднис, Т.И. Черных и Е.А. Стонога взяла первые места в двух гонках: двоек парных и двоек распашных. В такой же гонке среди господ офицеров всех обошли штабс-капитан Терлецкий, поручики Антонов и Нарышкин.

Рулевыми моторных лодок были служащий ТД «И.Я. Чурин и Ко» А.И. Беляев, купеческий сын Ф.С. Шадрин, сын владельца механического завода А.И. Брузинский, А.И. Фридман, М.Р. Смертин. Первое место занял экипаж лодки Амурской флотилии.

В конце лета 1909 года правление Амурского окружного управления Императорского российского общества спасения на водах отчиталось... за предыдущий год. Наверное, долго собирали сведения, но в итоге публика узнала, что за 1908 год было 13 случаев спасения на водах, а спасен 21 человек. В основном спасали не одиноких пловцов, а людей с тонущих лодок, пароходов и барж, поэтому такая разница в цифрах.

В 1912 году Амурское общество спасения на водах за спасение пассажиров, погибавших во время пожара на пароходе «Н.Н. Муравьев-Амурский», выдало денежную награду в 100 рублей сторожу Полярковской дистанции Боцманову. Он был также представлен к золотой шейной медали на Владимирской ленте.

Воздухоплаватели и лётчики

В начале двадцатого века авиация во всём мире только становилась на крыло. Самолёты были деревянными, высоты – невеликими, пилоты, как и сегодня, отважными, дерзкими. Главные события, связанные со становлением отечественной авиации, происходили в Ев-

ропейской России, но и на Амуре, бывало, бороздили «воздушный океан» – и в мечтах, и наяву.

Когда впервые в Благовещенске человек поднялся в воздух? Точно можно сказать, что в 1907 году, летал (более ранних сведений нет) воздухоплаватель Густав Глеклер. Вновь он поднялся в небо 11 мая 1908 года в день открытия сада Общества туристов. Вот как об этом писала газета «Торгово-промышленный листок объявлений»: «Благодаря безветренной погоде и увеличению объёма шара, Глеклер поднялся на значительную высоту и, отнесенный воздушным течением, упал в Амур недалеко от китайского берега. Быстро поданная лодка приняла воздухоплавателя к себе».

Следующий полёт Густав Глеклер совершил через десять дней, 21 мая, когда праздновали 50-летие Благовещенска. «Погода стояла тихая, – пишет очевидец. – Поднявшись на высоту двух вёрст, шар оставался почти без движения. Через некоторое время он стал опускаться и упал на Станичной улице во дворе Полуполтинного. При падении Глеклер, не желая очутиться под шаром, застрял на дереве, не причинив себе никакого вреда. Полуполтинный предполагает предъявить требование за убытки, причинённые падением шара в его огород».

Каким образом Густав Фридрихович Глеклер оказался в Благовещенске и чем занимался здесь, неизвестно. Нашлось единственное упоминание о нём в Сети: поручик Вооружённых сил Юга России расстрелян большевиками 23 ноября 1920 года в Симферополе.

Самые богатые газеты в те времена устраивали за свой счёт полёты на воздушных шарах. В полёте, который организовала газета «Одесские новости», участвовал писатель Александр Куприн. Весной 1910 года английская газета «Ежедневный оракул» запустила воздушный шар, в котором «с публицистическими и научной целью» летели шесть человек. Они намеревались пересечь Европу. «Шар может занести в Россию», – предупреждала газета.

В связи с тем, что воздухоплателей становилось всё больше и они могли действительно появиться в пределах Приамурья, в январе 1910 года Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер издал специальное распоряжение. Оно предписывало местным властям «на случай полёта или спуска на землю воздушных шаров обязать население без разрешения воздухоплателей не подходить к ним ближе, чем на 50 шагов; не курить и не разводить костров ближе, чем на 100 шагов от шаров; если шару грозит опасность от огня, огонь угасить и предупредить криками воздухоплателей; оказать воздухоплателям помощь при уборке шаров и доставить их и имущество на ближайшую почтовую или железнодорожную станцию».

Долетали ли до наших краёв какие-то воздухоплаватели на своих шарах, неизвестно, а самолёты – привозили.

Начиная с октября 1910 года в Москве, на Ходыньском поле, стали устраивать недели показательных полётов. Отчёты об этих полётах печатала вся Россия, в том числе благовещенские газеты: «Аэроафтика», как писали в то время, была постоянной рубрикой газет «Амурский край» и «Эхо». После окончания полётов в Москве многие летчики совершали турне по городам России.

В июне 1911 года на Благовещенском ипподроме (китайские огороды к тому времени, наверное, были ликвидированы) выступал известный авиатор Я.И. Седов. Он обещал показать полёт с пассажирами, высокие подъёмы и красивые спуски с остановленным мотором. Каждый желающий, уплатив рубль (дети и ученики – «вполовину»), мог с 11 утра до 7 вечера осматривать аэроплан «Фарман». Цены местам на ипподроме для наблюдений за полётами были высокими: ложи – 15 рублей, трибуны – от 2,5 до 1,25 рублей. Народные места – по 50 копеек, дети, ученики и солдаты платили половину. Уже первая «гастроль» Седова дал сбору около 2000 рублей.

В сентябре 1912 года в Благовещенске выступал авиатор А.А. Кузьминский (сын первоприсутствующего сенатора числился чиновником особых поручений при министерстве финансов, а сам гастролировал по России и миру). Репортёр газеты «Эхо» дал подробный отчёт о полётах Кузьминского в Благовещенске: «Холодно, небольшой ветер, пасмурно, грязные тучи тянутся по небу, кажется, вот-вот пойдёт дождь или снег. Но публику ничто не смущает. Вереницами тянется она по улицам к ипподрому. К пяти часам вечера заняты все трибуны, места по обе стороны от них, много публики толпится за дорожкой, перед трибунами. Не меньше, если не больше, собралось публики вокруг ипподрома, намеревающейся посмотреть на зрелище бесплатно. Крыши ближайших домов усеяны народом.

Аэроплан типа «Брелио» находится в середине ипподрома, окруженный толпой любопытных. Издали он кажется гигантской птицей, недвижимо лежащей на земле с распластанными крыльями. В 5 часов 15 минут Кузьминский садится на пилотское место, находящееся на спине в самой головной части аэроплана, пускает в действие мотор. «Птица» моментально оживает, дрожит и рвётся вперёд, частый непрерывный стук мотора кажется клёкотом гигантского орла.

Момент, и «птица» срывается с места. Быстро бежит она вперед, делая попытки подняться. Дующий в зад ветер, очевидно, мешает ей оторваться от земли. Не добежав немного до забора, аэроплан останавливается. Через 15 минут, обернутый в противоположную сторону, очищенную цепью солдат от публики, аэроплан опять оживает,

вновь бежит, уже против ветра, пробежав несколько сажень, плавно отрывается от земли и забирается всё выше и выше. В воздухе аэроплан кажется ещё больше похожим на птицу. Кажется, что этот гигант вот-вот взмахнёт крыльями и улетит прочь.

Но гигант не делает этого. Пролетев над ипподромом, медленно накренившись на левое крыло, поворачивает он назад и делает круг, затем ещё такой же. Через четыре минуты аэроплан спускается на то место, с которого взлетел, часть публики бросается навстречу. Аэроплан подвозят к трибунам. Кузьминский становится на пилотское место и читает перед публикой лекцию. По окончании лекции Кузьминский даёт ответы на вопросы из публики и демонстрирует действие мотора, рулей, крыльев и пропеллера.

Публика медленно расходится. Среди неё раздаются возгласы неудовольствия по поводу кратковременности полёта, сравнительно незначительной его высоты и так далее. Кстати сказать, Кузьминский, по его словам, сам не очень доволен этим полётом. Мешали низкие тучи и сильный ветер. На днях Кузьминский предполагает совершить ещё полет, на этот раз исключительно на побитие рекорда высоты. Кроме того, авиатором в Общественном собрании будет прочитана публичная лекция о воздухоплавании».

Лекция не состоялась «за отсутствием слушателей». Повторные полёты Кузьминского в Благовещенске были вполне удавшимися. Он два раза поднимался на значительную высоту (выше, чем Седов в 1911 году), описывал громадные круги над ипподромом и городом, спускался с остановленным мотором. В октябре он летал в Пекине.

Успехи авиации возбуждают повышенный интерес к воздухоплаванию по всей России и во всех слоях общества.

Осенью 1908 года в механических мастерских в Чигирях любопытствующие могли видеть модель летательного снаряда. Его «изобрёл и сработал» механик Огарёв. Очевидец оставил описание изобретения: «Снаряд на вид яйцеобразный. Внутри его – посередине – помещается выдающийся в верхней части мотор. С одной стороны яйца прикреплён винт. От снаряда вверх в разных направлениях идут крепления, к которым крепятся планирующие поверхности». Летательный снаряд стоял на полозьях, так как пробные запуски проходили зимой, на льду. Смогло ли яйцеобразное изобретение взлететь, неизвестно, а испытания прекратились «по недостатку средств».

Константин Чепурин на заводе своего отца тоже собирал самолёт. Сохранилась его фотография 1910 года на фоне летательного аппарата. В августе обещали испытательные полёты, но газеты ничего об этом не сообщали. Наверное, не полетел аэроплан.

Устроители благовещенских бесплатных курсов грамотности для взрослых решают включить воздухоплавание в программу

и ищут инженера, который «в двух-трёх лекциях рассказал бы тему». Дальневосточное отделение всероссийского воздухоплавательного аэроклуба во Владивостоке весной 1912 года планирует открыть авиационную школу. В августе того же года благовещенское отделение Императорского технического общества решило организовать воздухоплавательный отдел. «Запись принимается у секретаря Е.В. Степаненко в механическом отделе управления постройки средней части Амурской железной дороги (Набережная, дом Красного Креста), – сообщалось в объявлении. – Для открытия отдела воздухоплавания необходимо, чтобы в него записалось не менее 20 человек». Может быть, и создали, но сведений об этом нет.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

*Сторожа и охранники – Криминальные хроники –
«Весёлые дома»*

Благовещенск на рубеже веков был слишком вольным городом – редкий день обходился без стрельбы, а драки, кражи и даже убийства были, увы, делом обычным. Мирные обыватели защищались, как могли: огораживали усадьбы «заплотами», окна защищали ставнями, держали сторожевых собак, обзаводились огнестрельным оружием...

В 1910 году министерство юстиции опубликовало статистические данные о преступности в империи. Газета «Эхо» обнародовала некоторые данные из этого отчёта. Например, о том, что Приамурская область занимала четвёртое место из 12 наиболее преступных округов, так как здесь проживают в большом количестве каторжане, ссыльнопоселенцы, ссыльные крестьяне, орудуют банды хунхузов.

Сторожа и охранники

Не раз городское самоуправление обсуждало проблемы безопасности и пыталось предпринять что-то эффективное. В 1905 году предложили собрать деньги и нанять охрану или вместо денег ввести натуральную повинность, то есть горожане по очереди стали бы патрулировать городские улицы. В марте дума обсуждала этот вопрос, и гласные пришли к выводу, что рабочим натуральную повинности нести будет невозможно (они работают по 12 часов и устают), бедным нечем платить за наёмную караульную службу, у некоторых богатых есть свои караульщики, так зачем им платить или выходить самим караулить? Непонятно было, кому подчинить караульных: были случаи, когда наёмные караульные сами оказывались разбойниками, поэтому полиция не хотела брать за них ответственность, а больше – некому. Решили разбить город на участки, в каждом участке выбрать попечителя, а уже он сам должен будет организо-

вать охрану. Идея заранее была обречена на провал – дело-то добровольно-принудительное. Так и вышло.

В январе 1911 года исполняющий обязанности Приамурского генерал-губернатора Г.Л. Мартос издал обязательное постановление о введении в Благовещенске института дворников и ночной охраны. 14 октября того же года (через девять месяцев!) постановление было передано городской управе для «распубликования». 15 октября (невероятно оперативно!) для исполнения этого постановления было создано экстренное заседание думы.

Посоветовавшись, решили, что натуральная повинность тяжёлым бременем ляжет на горожан и её надо заменить денежной повинностью. Величину сбора предложили определить в 1/4 суммы оценочного сбора, что даст 38 000 рублей в год. Так как этой суммы недостаточно, добавить из городских доходов 12 000 рублей.

Для того, чтобы отказаться от натуральной повинности и перевести её в денежную, необходимо было согласие 2/3 домовладельцев. Супер оперативно провели опрос – к 20 ноября его результаты уже были известны. Из 592 опрошенных домовладельцев 546 согласились перейти на денежную повинность, 33 – не согласились, 13 отказались от охраны совсем. «Таким образом, большинство согласилось на налог в 1/4 оценочного сбора, – резюмировал итоги опроса журналист газеты «Эхо». – Но в семье не без урода. Таким «уродом» оказался 90-й квартал: из девяти, проживающих в нём домовладельцев, на денежную повинность согласился только один».

Несмотря на «согласие» домовладельцев, дело охраны тормозилось. В конце ноября дума опять обсуждала, какие меры принять против грабежей и разбоя. Городской голова обрадовал: военный губернатор области будет ходатайствовать о назначении патрулей от военных частей. Опыт такого патрулирования имелся: в 1906 году город платил по два рубля рядовым, по четыре рубля – унтер-офицерам в месяц за службу на городских постах. Предложение приняли, хотя некоторые гласные интересовались, нельзя ли военных пригласить бесплатно?

Пока прошение о военных патрулях ходило по инстанциям, город стал набирать желающих поступить в ночные сторожа, и к началу 1912 года таких оказалось уже 363 человека. Список был представлен на рассмотрение полицмейстера. В марте 100 ночных сторожей приступили к исполнению обязанностей. Они были вооружены железными тростями, снабжены свистками. Со временем предполагалось в более опасных местах вооружить караульных револьверами.

Насколько надёжной оказалась наёмная охрана, стало известно совсем скоро. При проверке ночных сторожей полицией в мае того же года сторож 41-го квартала В. Шабанов был найден мертвецки

пьяным, спавшим в грязи на своём посту на углу Садовой и Соборной; сторожа 35-го, 37-го, 51-го, 55-го кварталов В. Коломин, К. Морев, И. Денисов, П. Головкин на постах отсутствовали; ночной сторож №33 Д.П. Дураков, стоящий на Соборной, между Мастерской и Торговой, в ночь на 1 июля был в пьяном виде доставлен со своего поста в участок для вытрезвления. Эти «служаки» и другие такие же были со службы уволены. Остальные с разным усердием и эффектом продолжали нести службу. Они охраняли покой горожан по ночам, но разбойники орудовали и среди бела дня. Вот одно из происшествий из криминальной хроники газеты «Эхо» 1912 года.

«27 сентября около часу дня артельщик Сибирского банка Александр Тюнькин вместе с городовым А.Ф. Рыбаком на извозчике везли в отделение госбанка 49 730 рублей наличными и чеками 5270 рублей. Когда они проезжали по Большой улице мимо Управления водных путей, с бульвара выскочили трое неизвестных, которые сидели на лавочке и как будто кого-то ждали. Сначала они сделали несколько выстрелов в воздух, потом стреляли в артельщика и сопроводивших его.

Раненым оказался городской Рыбак тремя пулями в область живота. Артельщик вместе с извозчиком бросились с пролетки бежать. Тюнькин побежал по Чигиринской, крича «Держи!». Пробежав некоторое расстояние, вскочил на извозчика и помчался в полицию. Грабители, вскочив в освободившуюся пролётку, тоже свернули на Чигиринскую. Против дома Кувшинова их встретил околоточный надзиратель Шолохов и крикнул им «Стой!». Грабители ответили выстрелом, ранив его в ногу.

Поехали по Чигиринской, повернули на Зейскую, по Садовой помчались к базару, где один из них соскочил, побежал к Иркутской и скрылся в доме 36. Двое других продолжали ехать, пока их не заметил ломовой извозчик, которому был знаком владелец пролётки.

Ломовик подскочил к ним и крикнул: «Стой! Это лошадь моего знакомого! Почему едут чужие?» Преступники, бросив револьвер, соскочили с пролётки и спокойно пошли. У пролётки собралась публика, заметив мешок, хотели вскрыть, но воздержались.

В это время промчался автомобиль с Лукиным и городовым, которых публика звала, но те не обратили внимания на собравшихся, очевидно, преследуя преступников. Спустя полчаса с момента остановки к пролётке подошел городской с двумя солдатами, хотел отвести лошадь в жандармское управление, но публика запротестовала и выразила желание, чтобы были взяты понятия из присутствующих, что и было исполнено. По вскрытии мешка в нём оказался кожаный чемодан с деньгами, которые вёз артельщик.

Между тем за скрывшимся третьим преступником была устроена погоня жандармским ротмистром князем Кудашевым и несколькими городовыми. По Садовой, между Иркутской и Амурской, им указали на дом 36, принадлежащий Карпенко. Преступник, оказывается, забежал в соседний дом, перелез через забор, влез в открытое окно дома Карпенко, заявил, что он политический, за ним гонятся жандармы и спрятался под кроватью.

Князь Кудашев, поставив вокруг дома караул, с городовым Роговиковым вошел в дом и в комнату, где скрывался преступник. Из-под кровати вырвалось три безрезультатных выстрела. Князь Кудашев подошел к кровати, просунул под неё руку с револьвером и сделал два выстрела, из которых одним убил преступника наповал.

При убитом оказался револьвер с тремя пулями, запасная обойма и кошелёк с тремя рублями. Личность не выяснена. На место происшествия выезжали губернатор, полицмейстер и директор банка».

Криминальные хроники

(по материалам газет «Амурская газета», «Амурское эхо», «Благовещенское утро», «Торгово-промышленный листок объявлений», «Эхо» за 1902-1912 гг.)

«4 октября в квартиру китайцев, живущих в доме Кучкина, на углу Безымянной и Зейской, в 11 часов вечера ворвались десять вооруженных китайцев. Отобрав 206 рублей и 6 паспортов, скрылись. Китайцам Лю-Цай и Ян-Вен-Дзы нанесли раны кинжалами».

«Около 6 часов утра около магазина Гурикова со взломом замков у дверей похищено готового платья на сумму около 2000 рублей».

«25 апреля на Офицерской в доме Горелова украли всю пасхальную закуску и печение».

«На Никольской, между Зейской и Амурской, в доме Лиходеева, арендуемом Сокорером, китайским маляром по прозвищу Франц украдена декорация в 100 рублей. Китаец скрылся».

«Крестьянин Иван Загниборodin из Николаевска в Благовещенск на пароходе «Владимир Мономах» с доверенным С. Мачаршивили отправил 10 бочек рыбы, 4466 штук рыбы копченой. Когда сам приехал в Благовещенск, ничего не нашел».

«У Худякова украли дрова. Их нашли на дворе Ушмалькина. Они помечены синим карандашом. Ушмалькин говорит, что купил дрова у двух неизвестных».

«20 августа в 4 утра в магазине золотых и серебряных вещей Альстеда совершена кража на 1644 р. Около 4 часов утра прислуга постучала в комнату к хозяевам, мол, в магазине кто-то есть. Госпожа Альстед два раза выстрелила через дверь в магазин, а потом хозяева вошли внутрь. Окно и дверь, которые были закрыты на болт, ока-

зались открыты, а собака, бегаящая на воле, привязанной. Взлома нет. Странно, как могли воры проникнуть в магазин?»

«15 ноября на углу Семинарской и Большой в доме местного капиталиста П. Дубровского совершено зверское убийство шести человек, в т. ч. Дубровского и его жены. Рядом с домом винный склад Дмитриева. Семья Дмитриева давно знакома с семьей Дубровского, знают, что те встают в шесть утра, удивились, что долго не открывают ставни. Послали работника, он не достучался. Заявили в третий участок. Немедленно приехал помощник пристава Шуркатин. А во дворе обнаружили убитого караульного китайца. Выставили окно. У окна лежал убитый муж прислуги. Прислуга израненная, но живая.

Выяснилось, что вечером на дом напали шестеро русских – с фомкой, кинжалом и шашкой. Сам хозяин убит, видимо, фомкой – на месте лба яма. Здесь же жена его – тупым предметом по голове. Две дочери прислуги, 6 и 7 лет, также убиты. Комнатную собачку задушили. Видимо, нападавшие хорошо были знакомы с укладом жизни семьи, так как пришли раньше, чем были выпущены во двор большие свирепые собаки, которые никого чужого не допустили бы. В доме Дубровского всё разбито, много серебра и золотые часы пограблены, дорогое кольцо, бриллиантовые серьги и два кольца с убитой сняли.

Главарь и члены шайки, убившие Дубровских, скрывались по притонам в районе Торговой улицы. Был командирован городской для наблюдения за указанными лицами. Всего задержано около 10 человек».

«Вечером около 9 часов на шедшую по Чигиринской Литвинову напал китаец, вырвал ридикюль, в нём было 1500 рублей и документы. Бросился бежать. На крик выскочил из соседнего дома писарь штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии П. Косицын, ложившийся в это время спать и бывший в одном белье. Узнав, в чём дело, бросился за китайцем, нагнал его около электрической станции. Из станции выходил мужчина. По крику «Держи!» пытался удержать вора, но тот направил на него револьвер. Выскочивший скрылся за ворота. Китаец направил револьвер на Косицына, хотел выстрелить, но – осечка. Бросив револьвер в канаву, китаец бросился к берегу, но был пойман преследователем. Потасив пойманного на угол Большой, Косицын свалил его и продержал пока не подошла ограбленная. Здесь она получила обратно свой ридикюль, а китаец убежал».

«На днях с крыльца Нестеренко на углу Офицерской и Иркутской был украден принадлежащий китайцам самовар в тот момент, когда он кипел. Вор был задержан и доставлен в участок вместе с самоваром, который продолжал кипеть, издавая непривычный для участковой атмосферы шум».

«На барахолке Анна Ткачёва у торговца отобрала чёрную барна-ульскую шубу, похищенную у неё из квартиры 11 июля».

«Агенты сыскного отделения долго ловили банду, убившую семью Крикуновых. Была известна только кличка главаря – Сашка. На днях было получено известие, что похожий по приметам часто посещает ресторан «Дальний Восток». Организована была слежка и 21 ноября удалось захватить преступника в ресторане. Задержанный назвался крестьянином Сергеем Крыловым. В убийстве Крикуновых участвовало пять человек, четверо задержаны. Не задержан только участник, известный под кличкой Петька».

«10 ноября на проезжавшего по Бусевской улице управляющего кожевенным заводом ТД «Чурин и Ко» И.М. Борзакова напали неизвестные. Остановили лошадь и, пригрозив револьверами, потребовали выдать деньги. Борзаков отдал 950 рублей, которые вёз на завод для расплаты с рабочими. Забрав деньги и столкнув Борзакова и кучера с лошади, грабители завладели этой лошадьёю и ускакали по Кузнечной».

«Весёлые дома»

В России бордели (публичные дома) были узаконены в начале XIX века, чтобы хоть как-то сдерживать распространение венерических заболеваний. За деятельностью «весёлых домов» установили строгий врачебно-полицейский контроль: работавшие в них девицы обязаны были каждую неделю проходить медосмотр, доходы держателей облагались налогом, у заведений не было никаких вывесок, внутри разрешалось иметь только пианино (не граммофоны), запрещены были любые игры и категорически – наличие портретов царственных особ.

В конце XIX века в Благовещенске узаконенным местом размещения притонов была улица Офицерская, но были в городе и другие подобные «точки».

«За последнее время из переселенческих барачков сбежали 17 девиц 16-20 лет, – писал корреспондент газеты «Эхо» летом 1910 года. – Семеро были найдены в пивных залах, одиннадцать пока не разысканы». Почему девиц обнаружили в пивных? Там они могли заработать, торгуя собой. Нелегально. Куда могли подеваться остальные сбежавшие? Скорее всего, они оказались в «весёлых домах», где интимные услуги предлагались уже на законных основаниях.

Официально на работу в публичный дом можно было поступать девицам не моложе 21 года. Каждая обитательница такого дома должна была иметь специальное удостоверение – «жёлтый билет» – с фотографией и отметками о медосмотрах. До осени 1909 года в Благовещенске такие билеты выдавали заочно (!) – по просьбам

содержателей борделей. После нескольких громких скандалов, когда девиц и женщин удерживали насильно, врачебно-полицейский комитет решил выдавать «жёлтые билеты» только тем, кто решил добровольно поступить в дом терпимости, и только лично, а не через содержателей.

Однако, чаще всего в бордели заманивали обманом и против воли принуждали обслуживать клиентов. О некоторых случаях писали газеты в разделах «Местная хроника»: «29 апреля на Безымянной девица Б. выбежала на улицу, желая уйти из дома терпимости, но содержатель дома Кателенец не пускал и тащил её обратно. Девушка упиралась, звала на помощь. Её выручил проходивший мимо офицер»; «В четвёртое полицейское отделение явился крестьянин Василий Дмитриев Грищенко из Поярково, который заявил, что его дочь Наташу заманили, обещав нанять горничной, а привезли в бордель. Её насильно удерживают в доме Потылициной, угрожают ей расправой, заставляя говорить, что ей 22 года. Девушку освободили, содержательнице притона предъявлено обвинение».

По крайней мере с 1892 года, а, может, и раньше, жители улицы Офицерской – обычные обыватели – просили управу, думу, генерал-губернатора убрать «гнезда разврата» куда подальше. В мае 1899 года жители этой улицы и притч Покрово-Никольской церкви направили в думу ходатайство с просьбой перенести «весёлые дома» в другое место. Дума переадресовала ходатайство военному губернатору: не признает ли он возможным очистить улицу Офицерскую от «весёлых домов» и перенести их в другое, более изолированное место за городом, так как расположение этих заведений вблизи церкви, женского Никольского училища, казарм всех войск «очень вредно и нежелательно для населения»? В 1902 году просьбу обывателей удовлетворили. Согласно постановлению городской думы, все дома терпимости с Офицерской следовало до 1 июля перенести во вновь отведённый район между Вознесенской, Северной, Загородной и Безымянной улицами, вблизи китайского квартала (этот район не входил в городскую черту).

Ознакомившись с решением, русские хозяева «заведений» начали продавать дома и имущество, уезжать кто в Харбин, кто во Владивосток. Японцы, которые содержали на Офицерской несколько притонов, не унывали и готовились к переезду на новое место. Например, Тасику, Като и Тамачахи сразу же подали в думу заявки на «отдачу им в арендное содержание участка земли в 142-м квартале под №№ 3, 4, 5 для построения на них домов терпимости». Японцам в новых участках дума отказала, они не расстроились, как будто предвидели дальнейшее развитие событий.

Уже 2 июля Офицерская улица приняла вполне приличный вид: исчезли красные фонари, которые заменяли «весёлым домам» вывески, вечерами стало непривычно тихо и спокойно. Обыватели возрадовались, да рано. 6 ноября 1902 года «Амурская газета» разместила такую заметку: «В минувший понедельник особая комиссия при участии врача, полицмейстера и представителя от городской управы осмотрела заканчивающиеся постройкой на Безымянной улице новые специфические дома. Ровно четыре месяца со дня закрытия старых в городе не было притонов разгула, но содержатели этих доходных предприятий не дремали. Семь новых огромных учреждений выросли, как грибы, на Безымянной улице на смену уничтоженным. Ещё несколько дней, и на новом месте начнутся обычный разгул и безобразия к большому неудовольствию соседей-обывателей». Почему «дома» не переехали за город, а укоренились всего в одном квартале от Офицерской? Кто разрешил? Неизвестно.

Настало время писать жалобы жителям Безымянной. Писали годами. Одно из таких прошений было опубликовано в газете «Эхо» 31 января 1909 года: «Мы, жители соседних кварталов, боимся нос на улицу показать. Снова обращаемся через газету избавить нас и наших детей от тех безобразий, которые сопровождают «весёлые» учреждения. В Хабаровске, Николаевске они переведены на окраину города. Так же надо сделать и у нас. Благовещенский мещанин В. Соколов».

Нельзя сказать, что власти бездействовали. В марте того же года состоялось заседание врачебно-полицейского комитета (эта структура контролировала жриц любви) под председательством вице-губернатора Чаплинского. Обсуждался вопрос «относительно окончательного избрания места под устройство домов терпимости, так как избранное ранее место по Безымянной между Соборной и Северной ввиду близости к школам и переселенческим баракам (расстояние между ними менее 150 саженей) не может быть принято». Заседавшие создали новую комиссию, которая должна была найти новое место.

Симуляция бурной деятельности разных городских контор длилась долго и закончилась, по сути, ничем: в декабре 1910 года решили оставить дома на Безымянной, но передвинуть их на один квартал севернее. Жители опять остались недовольны. «Раньше под публичные дома был отведён один квартал Безымянной, а теперь уже три, да ещё разрешили их открывать по Соборной – до Загородной. Санитарно-полицейский комитет не пожалел даже школы (*Кольцовская начальная школа*) – теперь она со всех сторон будет окружена борделями! Предпочтение отдано содержателям домов перед судьбами наших подрастающих детей. Мы не можем понять, чем мы хуже дру-

гих жителей Благовещенска? Нам публичных домов не надобно. Если они кому-нибудь нужны, пусть бы устраивали около себя!»

Ходатайства и обращения обывателей были напрасны.

В 1909 году Благовещенск очень тяжело переживал отмену беспощинной торговли. Общий застой в делах отразился и на «киндустрии развлечений». В поисках дополнительных ресурсов содержатели «весёлых домов» в мае обратились в городскую думу с коллективной жалобой. Жаловались на то, что ежегодно платят 840 рублей на содержание двух городских и 1400 рублей – на содержание агента врачебно-полицейского комитета, который обязан следить в том числе за тайной проституцией. «От этих расходов пользы не усматриваем, так как агента большей частью не видим, а тайная проституция процветает везде», – возмущались владельцы притонов.

Агентом, на которого поступила жалоба, в то время был некто Айвазов. Наверняка от получил от начальства выговор, потому что резко активизировался и в июне отрапортовал: «За обнаружение тайной проституции» составлены протоколы на содержателей пивных и съестных лавок Ивана Педрика (дом Кротова на Офицерской, между Иркутской и Офицерской), Степана Ладыгина (дом Семина по Амурской, между Торговой и Мастерской), Семёна Потехина (дом Соколова по Амурской, между Станичной и Кузнечной), Абрама Рогова (дом Гурьева по Амурской, между Мастерской и Торговой). Позже мировой судья «выписал» каждому штрафов от 50 до 200 рублей.

В сентябре того же года на заседании врачебно-полицейского комитета по представлению Айвазова было решено закрыть ресторан «Деко» («ввиду обнаруженных там непотребств и безобразий»), дом терпимости Васильевой («по случаю обнаружения там нарушений правил о порядке содержания домов терпимости, а также насилий над проститутками»); содержательницам Потылицыной и Каменской, в первый раз нарушившим правила, сделать предупреждение. Тогда же «для пользы дела» надзор за домами терпимости и проститутками решили возложить на членов городской полиции, а должность агента комитета упразднить. Содержатели домов были несказанно рады: теперь они каждый год будут экономить 1400 рублей!

Вот почему члены городского самоуправления «отправляли в игнор» многолетние и обоснованные жалобы соседей домов с красными фонарями, а единственную жалобу владельцев заведений удовлетворили в кратчайшие сроки? А потому...

Осенью 1908 года, когда только начала работать городская электростанция, «Торгово-промышленный листок объявлений» ехидно подметил: «На Безымянной улице масса света. Зейская переправа и местность вокруг неё – в кромеишной тьме. Теперь, когда

темнеет в шестом часу, у переправы, в том месте, где скапливаются тысячи крестьян, свет едва ли не нужнее, чем на Безымянной».

Если верить статистике, в 1911 году в Благовещенске действовало только восемь зарегистрированных домов терпимости, в течение года в них числилось 90 девиц. Кроме того, под надзором врачебно-полицейского комитета находилось еще 154 индивидуалки. По подозрению в тайном оказании интимных услуг полицией было задержано 55 девиц.

В ночь на 12 октября 1912 года военный губернатор области А.М. Валуев в сопровождении врачебного инспектора К.К. Александровича (в качестве представителей прессы были привлечены редакторы газет «Амурский листок» и «Эхо») произвёл внезапный осмотр «весёлых домов» на Безымянной. «Появление начальника области произвело большой переполох. В каждом из домов военный губернатор «вызывал всех девиц и в отсутствии хозяев производил опрос об условиях жизни в заведении, причем, нигде не было заявлено жалоб. Обход продолжался больше часа», – написал в отчёте редактор газеты «Эхо».

Буквально через несколько дней то же «Эхо» поместило заметку под заголовком «Вампир»: «18 октября чинами сысского отделения в китайском квартале обнаружен притон разврата, содержимый китайкой Лау-Чан. В притоне найдена девушка 14 лет, китаянка. Рассказала, что их было две. Несколько дней назад вторая, ей 18 лет, сбежала в Сахалян. Хозяйка, если в течение суток получала от девушек меньше 15 рублей, начинала их бить. У задержанной девушки всё тело покрыто кровоподтёками и синяками. Для избияения хозяйка употребляла железный прут, обвитый ремнём. Лау-Чан до Благовещенска содержала притон и занималась куплей и продажей девушек во Владивостоке в течение 10 лет. Когда её оттуда выселили, переехала в Хабаровск, а по выселении оттуда обосновалась здесь». Какие меры были приняты против «вампириши», газета не сообщила.

В апреле 1911 года на Вознесенском кладбище отравились карболовой кислотой две девочки – Рязанцева и Тулупова (точный возраст не был указан). Тулупова умерла. Отец умершей подал в суд на содержателя увеселительного сада «Аркадия» М. Саракера. В ходе судебного разбирательства выяснилось следующее. Тулупова ушла из дома 2 апреля неизвестно куда. Родители сразу стали её искать, всех расспрашивать. Оказалось, кто-то пообещал их дочери, что ей подарят платье за 100 рублей (в молодости так хочется одеваться красиво и богато!), если она пробудет в «Аркадии» две недели. Туда она и пошла. Когда отец приехал, чтобы забрать дочь, Саракер велел ей спрятаться в грязном белье и заявил, что никакой Тулуповой у него нет. После разговора с отцом девочки, перепуганный Саракер

заявил обeim несовершеннолетним (Рязанцева к тому моменту про- жила в «Аркадии» уже две недели, и за ней тоже могли явиться ро- дители), чтобы они уходили из шантана, а то будет хуже. Куда идти? Решили отравиться.

Сад «Аркадия» располагался на Никольской улице, между Зей- ской и Амурской. Это был целый комплекс развлечений: «Шикарная архитектурная веранда, ресторан с концертным залом, кабинетами и закрытыми ложами; два хора, два оркестра, масса света, эффекта и удовольствий. Выписан из Европы прекрасный шеф-кулинар. Метр- дотель владеет иностранными языками». Летом 1911 года в «Аркадии» выступали «американские янки с танцами кек-у-ок».

Все в городе знали, что «Аркадия» – притон разврата и для чего туда принимают молоденьких смазливых дурочек (жалование 20 рублей в месяц при готовом содержании). Свидетельствовавший в суде господин Подпрятков подтвердил: «Рязанцева ни петь, ни тан- цевать не умеет, её за красивую наружность взяли». Но Саракера оправдал: это в публичном доме нельзя работать девицам моложе 21 года, а служить в увеселительном саду дозволяется!

«Разве можно надеяться, что «Аркадия» будет закрыта? – зада- вал риторический вопрос корреспондент газеты «Эхо» после вердик- та суда. – Завтра вместо неё появится другая. Шантан выбивает из горячих голов разные там идеи, значит, он полезен».

Летом 1912 года вступило в силу обязательное постановление городской думы «об изъятии Никольской улицы из мест, где разре- шена продажа крепких напитков». Содержатели сада «Аркадия» встревожились: «Закроют!». Но городская управа обратилась (такой был порядок) в полицию с просьбой закрыть... вход в сад с улицы Никольской. То есть самого заведения, в котором продавали в том числе и крепкие напитки, постановление не коснулось. А вход сдела- ли с Зейской.

Окончательно «весёлые дома» были ликвидированы только при советской власти.

ИЗВЕСТНЫЕ ЛИЧНОСТИ

*Н.В. Ельцов – Ф.И. Васильев – М.Д. Малярова – Н.В. Ершова –
А.П. Брунгоф – М.Ф. Кнауф-Каминская – И.М. Хоммер –
М.П. Чердынцев – А.П. Еремич – Н.В. Кирилов – Е.И. Чепурин –
Г.Г. Ксимилов – А.А. Сахаров – Ф.И. Чудаков – Ф.Ф. Коротаев*

В этой главе рассказы о самых разных людях, которые жили в Благовещенске годами или совсем недолго, останавливались здесь проездом или по делам, бывали в городе из любопытства или обрета-

лись на поселении. Люди очень разные, но каждый стал частицей истории Благовещенска.

Николай Васильевич Ельцов

В октябре 1909 года в Благовещенске хоронили «одного из пионеров Приамурского края» Н.В. Ельцова.

Потомственный почётный гражданин, купец, золотопромышленник (компания «Ельцов и Левашев» объединяла почти три десятка приисков), судовладелец (пять пароходов и три баржи) Николай Васильевич Ельцов был не только одним из богатейших жителей Благовещенска, но и активным общественным деятелем. В разные годы он – выборщик и гласный городской думы и член нескольких её комиссий; член по меньшей мере семи православных обществ – миссионерских, просветительских, благотворительных; жертвовал крупные суммы (только известные его взносы составили больше 10000 рублей) на постройку и убранство церквей в Благовещенске, в селах и станицах Амурской и Приморской областей.

Судя по всему, ещё больше средств Николай Васильевич жертвовал на нужды просвещения. Он состоял членом училищного совета Благовещенской епархии, почётным попечителем церковно-приходских школ Приморской области, членом попечительного совета благовещенской мужской гимназии. Обязанностей у членов попечительных советов было множество. Они должны были содействовать успешной учёбе, «изыскивая денежные и материальные средства, помогая бедным ученикам, определяя окончивших обучение к занятиям, соответствующим их подготовке»; следить за исправностью материальной части учебного заведения, ежегодно проверять наличие школьного имущества; рассматривать годовые сметы и финансовые отчёты, определять размеры жалования директору и прочим должностным лицам, определять размер платы за обучение в учебном заведении и так далее. И это – на общественных началах. Далеко не все попечители выполняли свои обязанности так добросовестно, как Н.В. Ельцов.

Будучи почётным попечителем Благовещенской мужской гимназии, Николай Васильевич из личных средств оказывал помощь неимущим выпускникам, которые желали получить высшее образование. Вот как написал об этом в некрологе Н.В. Ельцову благовещенский чиновник и общественный деятель И.С. Зубакин: «Часто молодые силы, встретясь лицом к лицу с нуждой, не выдерживают её натиска и отступают от намеченной цели идти вперёд – к свету и знаниям. Недостаточным воспитанникам благовещенской гимназии этого испытать не приходилось. Они знали, что есть в гимназии

почётный попечитель – Н.В. Ельцов, и шли к нему с просьбой помочь в их нужде. Отказа не было».

Николай Васильевич оплачивал своим подопечным дорогу в университетский город (это были Москва, Петербург, Казань, Киев, Томск), а затем в течение четырёх-пяти лет выплачивал стипендии, вполне достаточные для проживания и учёбы. Внезапная смерть Н.В. Ельцова стала настоящим ударом для тех, кого он опекал.

Что же случилось? Об этом 29 сентября 1909 года написала газета «Эхо»: «В воскресенье Н.В. Ельцов, пытаясь покончить счёты с жизнью, нанёс себе двумя выстрелами ранение живота. Несмотря на оказанную доктором Борманом помощь – промывание брюшной полости, зашивание пробитых кишок, к утру следующего дня он умер от заражения крови». Отчего преуспевающий предприниматель решился на такой трагический шаг, осталось неизвестным.

В день похорон гроб Николая Васильевича провожало очень много народа, учащиеся мужской и женской гимназий, реального училища, нескольких школ. На гроб было положено около 25 венков. Было сказано много надгробных речей. «Долго добрым словом будут вспоминать тебя многие, друг обездоленных», – завершалась одна из них.

Флорентий Иосифович Васильев

Среди учителей того времени, конечно, встречались разные деятели, но было среди них немало людей самоотверженных, истинных просветителей. Таким был Ф.И. Васильев – один из создателей системы учебных заведений Амурской области. «Благородный и открытый характер, любовь и преданность делу, отзывчивость и полная готовность послужить всему доброму и возвышенному, вообще высокие идейные стремления снискали Флорентию Иосифовичу сочувствие и любовь среди сослуживцев и питомцев семинарии и духовного училища, равно как и расположение и доверие от граждан, епархиального преосвященного и амурского губернатора», – так отзывались о нём современники.

5 ноября 1900 года в Ольгинской женской школе учителя и попечителя городских школ устроили скромное чествование Ф.И. Васильева, который оставлял пост инспектора народных училищ. «Старейший из народных учителей С.Н. Никитин прочитал прочувствованный адрес, – описывал чествование один из его участников. – Присутствующие провозгласили «Ура!» и пропели «Многая лета». Учителя устроили Ф.И. Васильеву и попечителям скромный завтрак. Беседы за столом велись весело, оживлённо, без принуждения и натянутости. Это было скромное торжество одной семьи народных учителей и учительниц».

Новый инспектор народных училищ И.К. Окунцов предложил основать учительскую библиотеку имени Ф.И. Васильева. Учителя с восторгом отнеслись к этому предложению. Попечители школ тоже одобрили идею, обещали материально поддержать библиотеку и тут же стали делать взносы: попечительница Ольгинской женской школы Е.В. Бабинцева, попечительница двухклассной женской школы М.И. Лукина, попечитель школы им. барона Корфа В.В. Лукин пожертвовали по 100 рублей, попечитель первого народного училища П.И. Мамонтов – 200 рублей...

Ф.И. Васильев – сын священника Смоленской губернии. Окончил Смоленскую духовную семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию, кандидат богословия. В 1871 году указом Синода был определён на должность преподавателя математики и физики Благовещенской духовной семинарии. Как сказал впоследствии один из учеников Флорентия Иосифовича, «он приехал на Амур, когда от Камы нужно было тащиться на лошадях, когда Амурскую область можно было сравнить по культуре с Абиссинией».

Семинария с духовным училищем в тот момент находились на стадии формирования, а потому молодой преподаватель «нёс обязанности и по многим другим предметам». С 1871 по 1877 год он преподавал Священное писание, географию, арифметику, логику, психологию, обзор философских учений, педагогику с дидактикой, основное Богословие.

По отношению губернатора в 1873 году Флорентий Иосифович взял на себя обязанности по созданию женской и ремесленной школ (с этого времени он служит так же и по ведомству Министерства народного просвещения). В 1877 году закончилось обязательное пятилетнее служение в семинарии. Флорентия Иосифовича назначают инспектором училищ Амурской области, одновременно – инспектором Благовещенской мужской классической прогимназии. На протяжении нескольких лет он является почётным мировым судьёй Благовещенского окружного суда, членом множества общественных организаций, с 1897 по 1900 год исполняет обязанности директора народных школ Амурской области. Несмотря на значительные должности, Флорентий Иосифович продолжает преподавать до 1901 года.

Летом 1892 года Ф.И. Васильев был командирован... для сопровождения каравана с золотом в Санкт-Петербург! Жаль, неизвестны подробности этого трудного и опасного путешествия.

Многолетняя и безупречная служба Ф.И. Васильева на ниве народного просвещения была отмечена орденами (Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст., Св. Владимира 3-й ст.); чином статского советника (5-й класс гражданских чинов соответствовал должностям вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты); значительными пенсиями (за службу в течение 20 лет – пенсия в размере полного оклада жалования в 1200 рублей в год, за службу в течение 25 лет – общегосударственная пенсия 900 рублей, в 1901 году – добавочная пенсия в 360 рублей).

В 63 года Ф.И. Васильев был уволен от службы «по прошению», то есть по собственному желанию, с правом ношения мундира директора гимназии. Бывшие ученики гимназии, сослуживцы, попечители учебных заведений, горожане чествовали Ф.И. Васильева, устроив в его честь торжественный обед.

Выпускник Благовещенской мужской гимназии, а впоследствии заслуженный деятель науки РСФСР, доктор экономических наук А.И. Буковецкий в 1970 году опубликовал воспоминания об учёбе в гимназии и о Ф.И. Васильеве, называя его Осиповичем, как, наверное, звали гимназисты. «Директором гимназии был Флорентий Осипович Васильев. Он напоминал – и внешне, и своим характером – классического литературного добряка мистера Пиквика. Маленький, круглый, всегда с добродушной улыбкой на лице, приветливым взглядом и очень тихим голосом, он легко располагал к себе собеседника, но умел несколькими фразами подчинить себе толпу мальчишек. Шум стихал, как только он начинал говорить. Мы любили его и верили ему. Даже сейчас, почти 80 лет спустя, я ощущаю обаяние этого человека.

С 4 по 8 класс он преподавал нам историю, излагая материал с удивительным подъёмом. Мы заслушивались его рассказами о государственном режиме в Спарте, о борьбе патрициев и плебеев в Риме, о походах Цезаря. Любимой же его темой была история русского государства, начиная с XVI века. В отличие от других преподавателей истории и в нарушение министерского указания, он читал нам курс вплоть до событий Русско-турецкой войны 1877-1879 годов. Он рассказывал нам, как Италия, добившись своего освобождения, пыталась подчинить себе маленькую Абиссинию. Уроки Васильева имели большое влияние на весь класс.

Ф.И. Васильев много делал для бедных учеников. Он мог по несколько раз ездить к какому-нибудь золотопромышленнику с прось-

бой установить для неимущего, но способного гимназиста, стипендию, но никогда об этом не распространялся. Многие гимназисты только много лет спустя узнали, на какие средства они получили образование».

Ф.И. Васильев скоропостижно скончался 28 апреля 1912 года. Расходы на похороны и устройство памятника первому директору Благовещенской мужской гимназии взял на себя город (городская дума единогласно ассигновала 1200 рублей).

Похоронили Ф.И. Васильева на Вознесенском кладбище. 1 мая 1912 года газета «Эхо» опубликовала отчёт о проводах Васильева: «Целый город был на его похоронах. Вокруг его гроба собрались представители по меньшей мере трёх поколений городских жителей: деды, отцы и дети всех сословий и состояний. Все они одинаково были проникнуты скорбью от утраты одного из тех, кого знал и чтит весь город, от мала до велика.

Около полувека работал на ниве народного просвещения незабвенный Флорентий Иосифович Васильев. Десятки лет стоял он на своём посту и ушел тогда, когда ослабевшие старческие силы уже давно требовали заслуженного покоя и отдыха. Он ушел вовремя.

Средняя школа вновь вступала в полосу упадка. Закончился небольшой светлый период её оживления и начинался опять возврат к тому же, против чего всю жизнь молча, но настойчиво, боролся наш покойник, – возврат к рутине, к бездушному, сухому формализму, к гонению на родительские комитеты, на всякое живое общественное веяние.

За всё время его директорства наша гимназия была согрета теплотой его неиссякаемой доброты, его благородной любви директоратца к своим детям-ученикам. Он был истинным пастырем добрым, душу свою полагавшим за овцы, а не наёмником, который «видит волка грядуща и оставляет стадо».

На гроб учителя было возложено больше двадцати венков от учеников, групп и общественных организаций. Тысячная толпа провожала Ф.И. Васильева на кладбище. Бесконечное количество остановок было сделано для совершения литий. Единодушным было мнение, что город потерял крупного общественного деятеля на почве народного просвещения и прекрасного доброго отзывчивого человека».

Уже накануне похорон среди коллег покойного явилась идея учредить стипендию его имени: за несколько дней было собрано около 500 рублей.

Мария Доментьевна Малярова

В сугубо мужском обществе руководителей разного рода казённых учреждений была одна женщина – начальница Алексеевской

женской гимназии М.Д. Маляров. Она окончила Николаевский сиротский институт – женское учебно-воспитательное заведение Ведомства учреждений императрицы Марии в Санкт-Петербурге. Исходя из того, что в институт принимали девочек-сирот и полусирот из семей малообеспеченных младших офицеров, чиновников военной и гражданской служб, а также дочерей лиц, имевших учёные степени, умерших на действительной службе, «не выслужив положенных пенсией лет», можно предположить, что родных у Марии Доментьевны не было, и ей приходилось рассчитывать только на собственные силы.

Воспитанницы Николаевского сиротского института получали начальное образование, обучались ремёслам, основам медицины и домоводству. Они выпускались из института в семьи, женские учебные заведения или в работницы на мелкие частные предприятия с женским персоналом; работали домашними учительницами, учительницами музыки, гимнастики и танцев, французского языка, фельдшерицами, учительницами сельских школ и народных училищ, воспитательницами детских садов. Мария Доментьевна после окончания института ещё два года занималась на педагогических курсах, окончила их с золотой медалью и некоторое время служила классной дамой в московском Екатерининском институте.

Кто и каким образом предложил М.Д. Маляровой занять должность начальницы Алексеевской женской гимназии, пока неизвестно, но для неё это был очень хороший вариант: пусть и на краю земли, зато солидная должность с хорошим жалованием при готовой квартире и даже с телефоном (квартира начальницы была там же, в гимназии). Приказом Приамурского генерал-губернатора от 12 ноября 1898 года М.Д. Малярова была утверждена в должности (с этого дня считалась на службе), в Благовещенск прибыла в марте 1899 года. Было ей 33 года.

В течение 22 лет Мария Доментьевна была начальницей Алексеевской женской гимназии. По её инициативе и благодаря её настойчивости при гимназии был построен пансионат, в нём жили иногородние ученицы – для девочек это гораздо лучше, чем жить на квартирах у чужих людей, как это было до открытия пансионата; при Марии Доментьевне строилось и оборудовалось прекрасное новое здание гимназии; гимназистки были непременно участницами самых разных торжеств, которые проходили в городе, а дорогим гостям – и цесаревичу Николаю Александровичу – хлеб-соль подносили на вышитых юными рукодельницами рушниках.

За все годы работы со стороны руководства к Марии Доментьевне не было нареканий, чего не скажешь об отношениях с родительским комитетом. Шутливая газета «Балаболка», которая время от

времени печаталась на страницах газеты «Эхо», в октябре 1909 года связывала: «Состоялось заседание родительского комитета женской гимназии. Редкое зрелище привлекло к зданию гимназии громадные толпы любопытных. Вызваны пулемёты». Вроде, журналисты намекали на то, что комитет собирается слишком редко, но, может быть, и на то, что он был очень боевым. Да и полномочия у комитета были обширными.

Обычно в апреле попечительский совет гимназии представлял в родительский комитет список учениц, которые не внесли плату и должны быть отчислены. В 1908 году вопрос решился без проблем: тем родителям, которые задерживали оплату, пригрозили исключением их дочерей, и они погасили долги в тот же день; в пользу беднейших гимназисток поставили концерт, выручили 975 рублей и «никто уволен не будет», – сообщила газета «Торгово-промышленный листок объявлений».

А через год такая же ситуация обернулась скандалом. Члены родительского комитета, ознакомившись с новым списком должников, через прессу сообщили всему городу, что за неуплату будут исключены 130 гимназисток, а общество вспомоществования недостаточным ученицам бездействует; в спешном порядке поставили спектакль при этом заявили, то начальница гимназии выступала против постановки.

Мария Доментьева вынуждена была объясняться с публикой, опубликовав 26 апреля письмо в газете «Эхо»: «Я не была против устройства спектакля. В среду через мою помощницу я оповестила всех, что в четверг все могут быть на спектакле, не спрашивая специального разрешения. Я разрешила взять некоторые предметы из гимназии, необходимые для спектакля. Ежегодно ставится два спектакля в пользу недостаточных учениц, все хлопоты по их устройству ложатся на меня. Я всегда охотно отдаю этому своё время, свой труд и считаю это не заслугой, а нравственной обязанностью. Общество вспомоществования возникло по моей инициативе в 1901 году. В его основу было положено 100 рублей моих трудовых денег. Общество не бездействует. В 1908 году им была внесена палат за 68 учениц, это 12% всех учащихся. Несколько выпускниц получают за счёт его высшее образование, две бедные ученицы получают ежемесячно пособие, многих общество снабжает одеждой, обувью, учебниками, медикаментами. Не было у меня враждебности по отношению к спектаклю».

В 1911 году газета «Эхо» опубликовала справку: за 10 лет существования Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Алексеевской гимназии оказало помощь 713 ученицам на 18 470

рублей 5 копеек платой за обучение, вещами, учебниками, медикаментами, пособиями на получение высшего образования.

Кроме очень хлопотливой и ответственной должности начальницы гимназии Мария Доментьевна активно участвовала в общественной жизни города: она действительный член Иоанно-Богословского братства, член Дамского комитета Красного Креста, член общества бесплатной детской библиотеки имени Л.Н. Толстого, участница организации самых разных мероприятий, например, грандиозного студенческого концерта, который проходил в январе 1912 года, где Мария Доментьевна отвечала за... приготовление и продажу кофе.

В феврале 1909 года, когда отмечали «юбилей госпожи начальницы женской гимназии М.Д. Маляровой, проработавшей на этом поприще 10 лет, родительский комитет преподнёс юбилярше адрес». Высочайшим приказом по гражданскому ведомству в мае 1912 года Мария Доментьевна была награждена серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на Владимирской ленте.

Советскую власть М.Д. Малярова не приняла. В 1920 году она выехала сначала в Харбин, потом в Шанхай, Нью-Йорк, ещё несколько раз возвращалась в Китай. Зарабатывала на жизнь преподаванием языков. В 1946 году она получила американское гражданство. Мария Дометьевна прожила 103 года! Похоронена в Лос-Анджелесе.²²

Надежда Владимировна Ершова

Гимназисток, которые решались получать высшее образование, было в разы меньше, чем гимназистов, тем удивительнее, что в начале XX века в парижском университете Сорбонна одновременно учились три девушки из Благовещенска: Клавдия Юшкевич, Ольга и Надежда Ершovy. Туда же поступил и выпускник благовещенской мужской гимназии Александр Никитин. Все они были знакомы с детских лет, а девицы были влюблены в Александра. Еще бы, герой! В юном возрасте – гимназистом седьмого класса – он участвовал в обороне Благовещенска в 1900 году и был награждён медалью «За поход в Китай».

Клавдия Юшкевич – дочь амурского капитана – рано лишилась отца. После его смерти семья осталась без средств, но не без помощи добрых людей. На учёбу в Париж Клавдию отправили на деньги бывшего народовольца, каторжанина и ссыльного, а впоследствии – главного управляющего Ниманскими золотыми приисками П.Д. Баллода, проживавшего в Благовещенске. Материально помог семье Юшкевич и В.П. Ершов – преподаватель мужской и женской гимназий Благо-

вещенска (сын автора знаменитой сказки «Конёк-Горбунок»). Сёстры Ершovy – его дочери.

Наверное, Надежда и Ольга Ершovy пролили немало слез, когда стало ясно, что из троих подружек Александр Никитин выбрал Клавдию Юшкевич. Они поженились и остались в Европе.

Ольга Ершова после парижского университета продолжила учёбу на физико-математическом факультете высших женских курсов при Киевском университете. Она сорок с лишним лет проработала учительницей в сельских школах Черкасской и Киевской областей. Скончалась в 1964 году. Детей у неё не было.

Надежда Ершова, после учёбы и путешествий по Европе, в 1909 году вернулась в Благовещенск. Здесь она прожила долгие годы. Замуж не вышла, но была в её судьбе романтическая история: сотрудники культурного центра П.П. Ершова в Ишиме утверждают, что дочь Владимира Ершова Надежда была официальной невестой Льва Синегуба. Может быть, хотя Лев был на шесть лет младше.

Лев и Надежда были знакомы с детства: их родители дружили семьями. Отец Льва Сергей Синегуб – революционер-народник из семьи небогатого помещика, мать – Лариса Синегуб (в девичестве Чемоданова) – из семьи сельского священника. В 1872 году они заключили фиктивный брак (у народовольцев это было одной из форм служения идее – уstraивать фиктивные браки, приданое невест пускать на революционные цели). Лариса разделяла взгляды Сергея. Когда в 1878 году его осудили на девять лет каторжных работ, она добровольно последовала за ним «во глубину сибирских руд» и далее – везде: брак из фиктивного стал реальным. Несколько лет Синегубы жили в Благовещенске.

Семейная история Синегубов легла в основу фильма «Нас венчали не в церкви». Прекрасный романс для этой кинокартины «Две верных подруги – любовь и разлука...» написал Булат Окуджава.

Жизнь была, конечно, не столь романтична, как в кино, но брак, заключённый в интересах революции, оказался на редкость крепким. В семье Синегубов росло пять сыновей и пять дочерей, но супругам суждено было пережить смерть пятерых: Сашенька умерла в младенчестве, 17-летний Сергей и 15-летняя Наталья в разное время застрелились, в Русско-японскую войну погиб Анатолий. Младший сын Лев (экстерном окончил Благовещенскую мужскую гимназию) по некоторым данным – студент Петербургского университета, был казнён как член Северного летучего боевого отряда партии эсэров («родоначальник русского экспрессионизма» Леонид Андреев под впечатлением той казни написал «Рассказ о семи повешенных»).

Из Европы в Россию Надежда Ершова вернулась в 1908 году, и сначала она направилась в Петербург. Наверняка после стольких

лет разлуки захотела увидеть друга детских лет. А, может быть, не только друга, но и первую любовь. Но была ли эта встреча? Арест, суд и казнь Льва Синегуба по времени совпали с приездом Надежды.

В 1909 году она приехала в Благовещенск и прожила здесь до самой смерти – почти сорок лет. В Алексеевской гимназии, которую в своё время окончила, затем во второй женской гимназии, в советское время – в школах, Надежда Владимировна преподавала русский язык и литературу, французский язык, вела литературные кружки, ставила с учениками спектакли. Ученики Надежды Владимировны отмечали её суровый характер, но при этом все считали её уникальным учителем, так много она знала и так прекрасно преподносила свои знания. Многолетний добросовестный труд Н.В. Ершовой был отмечен очень высокой наградой – орденом Трудового Красного знамени.

Своей семьи у Н.В. Ершовой не было. Все силы она отдавала работе и заботе о двоюродных братьях и сёстрах (их отец, родной дядя Надежды Владимировны, был учителем казачьей школы в станице Сгибневской Амурской области, умер в 1911 году). Малолетние Варвара и Пётр жили на попечении Надежды Владимировны, старших – Софью и Елену – она устроила в пансион Алексеевской женской гимназии «на казённый счёт».

Многие годы Надежда Владимировна жила в доме №39 на улице им. 50-летия Октября (на месте дома теперь торговый центр). В её единственной комнате со скромной обстановкой стояли два больших сундука с книгами: их собирали три поколения семьи Ершовых. После смерти Надежды Владимировны 9 апреля 1951 года эти книги пропали.

Агния Павловна Брунгоф

Обычно путешественники посещают Благовещенск мимоходом – по дороге на запад или на восток. Из тех редких любителей приключений, что отправлялись в путь из нашего города, самый известный – казак Дмитрий Пешков. В конце прошлого века французы даже сняли фильм о его путешествии из Благовещенска в Петербург на коне Серко. Беспрецедентный переход завершился благополучно и был засчитан Пешкову как командировка с оплатой всех расходов. Это было зимой 1889-1890 годов.

Спустя двадцать лет тот же путь намеревалась пройти женщина. Причём, пешком и без копейки денег!

Её звали Агния Павловна Брунгоф. Сестра милосердия, она приехала в Амурский край из Петербурга с надеждой устроиться на службу. Работы не нашла, некоторое время состояла «волонтеркой евангелической общины в переселенческой больнице», то есть трудилась за пропитание и крышу над головой. В мае 1910 года она ре-

шила вернуться в Петербург. Денег на дорогу не было, потому пошла пешком. Сначала по берегу Амура до Сретенска. «Она надеется, что, захвативши несколько перевязочных средств и оказывая помощь больным в дороге, получит средства на путешествие», – сообщила 16 мая 1910 года благовещенская газета «Амурский край». Другая – «Эхо», 20 мая написала: «На указание всей опасности такого пути госпожа Брунгоф заявила, что именно эта опасность и прельщает её. Для самозащиты в пути она желала бы запастись собакой и револьвером, на которые у неё, к сожалению, нет средств. Если бы нашлись желающие снабдить её тем и другим, сообщите об этом в редакцию».

Револьвера путешественнице никто не дал, а вот собаку «для охранения» любезно предоставил некто Х. Кличка у собаки была знатная – Амур. Надо полагать, благовещенское общество было по крайней мере удивлено таким решением Брунгоф и с интересом следило за её путешествием по публикациям в газетах.

В путь Агния Павловна вышла 23 мая. 10 июня в редакции газеты «Эхо» получили от неё первое письмо: «Первая остановка у меня была назавтра (24 мая) в Верхне-Благовещенской. Здесь я переночевала и утром двинулась дальше. 26-го в деревне Марковской была в обед, к вечеру – в Екатериновке, где меня уже ждали. В Михайловке задержали пить чай.

Пошел сильный дождь, промокла до нитки и в Новопокровке хозяйева, к которым я попросилась на ночлег, сейчас же отправили меня в баню. 27-го пришла в Бибиково. Упала в речку, вымокла, хотела возвращаться, но у меня с собой не было ни провизии, ни хлеба. Пошла вперёд. Встретились пятеро мужчин, которые шли на заработки. Дали поест и предложили идти вместе. В Корсаковке нас ночевать никто не пустил. Ночевали в тайге. Остановилась дня на два в Симоновке. Ноги мои порядочно распухли и все в крови, но теперь совсем почти прошло. 3 июня тронулась дальше.

Прошу передать мою благодарность господину Х. за Амура. Он телохранитель на славу. Ко мне привык и чужого не подпускает. Поклон всем знакомым».

В Новопокровке произошел курьёзный случай, который описала газета «Амурский край»: «Как известно, Брунгоф отправилась в путь в мужском костюме. Придя в Новопокровку, она отправилась в баню с тамошними женщинами. Мужчины, думая, что с их женами пошел мужчина, окружили баню, и их едва удалось разубедить».

29 июня «Эхо» публикует второе письмо Агнии Петровны: «Из Симоновки я пришла в Кумару. Здесь меня захватил такой дождь, что 2-3 дня нельзя было и помышлять о дальнейшей дороге. Симоновский атаман приехал и просил вернуться к больной женщине.

Я вернулась из Кумары в Симоновку. Кое-как поставила на ноги больную и дальше пошла. 12-го опять дождь. Вышла к станции Александровке 14-го и здесь потеряла дорогу. Пришлось идти по горам и по чащам. Дошла до какой-то заимки, напилась чаю и пошла дальше. Недалеко от Александровки меня догнали ушаковские казаки, предложили поехать на телеге. Доехали до Александровки. Со мной случилась лёгкая лихорадка и я провалялась на этом хуторе неделю. В Воскресеновке я пришла 19-го июня».

Третью часть записок путешественницы «Эхо» опубликовало 30 июля: «Черняево – Бекетово (410-528 вёрст от Благовещенска). Насколько я боялась амурских казаков, настолько теперь я смотрю на них как на людей гостеприимных, смелых и неопасных, всегда готовых защитить меня и сделать всё, чтобы моё путешествие было приятней». Агния Павловна описывает, как в Черняеве атаман снабдил её всем необходимым, как её угощали на Соколовской заимке, где живёт вдова с пятью детьми, а в становище Ваганова новосёлы приняли её за японца.

«В Толбузино Настасья Ивановна Потехина приняла меня очень радушно. Смотритель А.П. Холмский (не указано, в каком именно селении) оказался человеком очень гуманным, как и его семья. Они готовы были отдать мне всё. Я взяла новые крепкие с голенищами сапоги, портянки, тёплую рубашку, нижнее бельё, одним словом, всё необходимое. Отсюда я пошла на Пашкову».

Читаешь заметки и удивляешься, сколько сёл, станиц, заимок в тех местах было, сколько людей ходило таёжными тропами! По пути в станицу Пашково Агния Петровна догнал «господин Попов». Он предложил понести её котомку и ушел вперед. Они встретились только в станице Бекетовой, при этом Попов котомку оставил на одной из заимок, думая, что Брунгоф тоже придёт туда. Разминулись. Прощай, котомка? Нет, через пять дней её доставили фонарщики, те, что зажигали на Амуре сигнальные фонари для пароходов.

Поразительно как устойчиво работало в глухой тайге сарафанное радио! Этот феномен объяснил Н.Г. Гарин-Михайловский, русский инженер, писатель и путешественник, который побывал в наших краях в 1898 году.²³ Вот как он описывает своё отплытие из Благовещенска вниз по Амуру: «Мы выехали из Благовещенска 19-го августа. Пароход наполнен пассажирами, которых раньше мы обогнали на лошадях (в пути до Сретенска). Теперь они удовлетворённо посматривают на нас, что, дескать, обогнали? Мы в роли побеждённых покорно сносим и приветливо смотрим на всех и вся. Впрочем, редко видим их – заняты каждый своим делом. Редко видим, но знаем друг о дружке уже всё. Кто об этом говорит нам? Воздух, вероятно, пустота Сибири, где далеко всё и всех видно. Это общее свойство

здешней Сибири: народу мало, интересов ещё меньше, и все всё знают друг о друге».

20 октября в газете «Эхо» появилась заметка под названием «Неудачное путешествие»: «На днях из Джалинды в Благовещенск доставлена на пароходе больная А.П. Брунгоф, та самая, которая решила отправиться без копейки денег пешком в Петербург. На пути она оказывала помощь больным, а в одном из казачьих посёлков, где свирепствовал тиф, ей пришлось пробыть больше месяца, ухаживая за больными.

По пути А.П. простудилась и в Джалинду пришла совсем больная. Благодаря участию железнодорожного врача, её приняли в местную больницу, где она и была излечена. В Благовещенске её поместили в Красный Крест (*больница общины Красного Креста*), где ей была сделана серьёзная операция. Несмотря на все затруднения, встречавшиеся в пути, Брунгоф предполагает по выздоровлении снова продолжить путь до Петербурга пешком».

Планам Агнии Павловны не суждено было осуществиться: в первых числах ноября она скончалась.

«Одна и безоружная, в сопровождении только верной собаки, шла она от деревни к деревне, без денег, без всяких средств к существованию, – пишет корреспондент газеты «Эхо». – Прошла Агния Павловна только 600 верст с небольшим. Она останавливалась в тех сёлах, где были труднобольные и ухаживала за ними. За это получала ночлег и пищу. Не один десяток амурцев отзывается с сердечной теплотой о её ранней смерти и пожеланием мира праху её!»

Вот и всё, что удалось узнать о сестре милосердия Брунгоф из старых благовещенских газет. Но, может быть, что-то подскажет интернет? Да. На 75 странице «Алфавитного указателя жителей Санкт-Петербурга» за 1913 год читаем: Брунгоф Елизавета Павловна, сестра милосердия, Брунгоф Наталья Павловна. Фамилия довольно редкая, отчества и род занятий одинаковые. Вполне может быть, что это родственницы, скорее всего, сёстры Агнии Павловны. Проживали Брунгоф в доходном доме купца Г.А. Шульце – шикарном пятиэтажном здании в стиле модерн, по улице Большой Дворянской, 22 – район богатых особняков. Хотя, вполне может быть, что обитали в какой-нибудь каморке.

В завершение ещё несколько строк из газеты «Эхо» за 1910 год: «Трудно сказать, что двинуло Агнию Павловну на этот подвиг. Короткой цели тут не было: она шла не на пари, она не настолько владела русским языком, чтобы читать по дороге лекции о своём путешествии, она не проектировала никакого издания с описанием своего 8000-вёрстного пути. И не выносливость женщины хотела она показать. Может быть, в жизни госпожи Брунгоф была какая-нибудь дра-

ма, и она пустилась в путь ради забвения её? Трудно сказать. Ответ она унесла с собой в могилу».

Мария Фёдоровна Кнауф-Каминская

Одной из самых известных личностей Благовещенска начала XX века была М.Ф. Кнауф-Каминская – основательница благовещенской музыкальной школы.

Её отец был капельмейстером, одно время даже руководил собственным оркестром. После окончания гимназии Марию приняли вольнослушательницей в Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано. Однажды она рассказала о себе: «Я была ученицей петербургских знаменитостей – Теодора Лещетицкого, Луи Брассена и Антона Рубинштейна. 11 марта 1892 года я даю концерт в зале Петербургской городской думы, а 13 марта выезжаю в неведомое место, далекие уголки, где так мало нас и где мы тем полезней». Ей 22 года, и она отправляется в Сибирь (понятие «Дальний Восток» тогда ещё не было общеупотребительным).

Вместе с Марией решились гастролировать несколько артистов. Сама руководительница небольшой труппы называет сестру Анну и В.В. Тальзатти–Чиколлини – оперных певцов. В.Ф. Духовская, жена Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, упоминает тенора Васильева, баритона Тальзатти, сопрано Станиславскую и меццо-сопрано Морелли. Возможно, кто-то из артистов присоединился в пути, возможно, кто-то выступал под псевдонимом...

«В то время в Сибири железной дороги не было, приходилось ехать и на плотах, и на волах, и на лошадах, – спустя двадцать лет после того путешествия вспоминала Мария Фёдоровна. – Путь был тяжёл, полон приключений и опасностей, но это не пугало нас. Заезжая чуть не в каждую весь,²⁴ мы давали маленькие концерты, ставили отрывки из лучших опер».

Группа под руководством М.Ф. Кнауф-Каминской стала первым профессиональным коллективом, который провёл полный зимний сезон 1894-1895 годов в Хабаровске. Воспоминания о выступлениях труппы оставила в своих записках В.Ф. Духовская.

«В 1894 году приехала в наши отдалённые края оперная труппа, совершающая турне по Сибири. Импресарио – госпожа Кнауф-Каминская. Пианистка. Заменяет своей игрой оркестр. Желая ознакомиться со своими артистами публику сначала в концерте, она была у нас (*в резиденции генерал-губернатора*) с просьбой посетить устраиваемый ею в Военном собрании музыкальный вечер. Дали они затем на сцене Общественного собрания по одному акту из «Фауста» и «Фаворитки» и целую оперетку. Каминская в ужасном горе, что

дорогой у Мефистофеля испортилось трико, а нового в богобоязненном граде Хабаровске добыть нельзя.

Я первый раз за два года была в театре, на бенефисе Станиславской и Васильева. Давали оперу «Галька». Публики было очень много, записываться на билеты нужно было за неделю, некоторым пришлось даже стоять вдоль стен».

Приезд оперной труппы преподнёс приятный сюрприз. «Баритон Тальзатти ещё и рояли умеет настраивать, – пишет Варвара Фёдоровна. – Несколько дней сряду он занимался этим у нас» (*обычно настройщик роялей приезжал в Хабаровск один раз в год из Благовещенска. За работу брал 20 рублей*).

В 1895 году труппа М.Ф. Кнауф-Каминской выступала во Владивостоке, на следующий год – в Благовещенске.

Отважиться на такие гастроли, да и вообще самой зарабатывать на жизнь в те времена могла только очень смелая и уверенная женщина. Мария Фёдоровна всегда умела наладить отношения с сильными мира сего. В 1894 году в Хабаровске она познакомилась с генерал-губернатором С.М. Духовским, по его приглашению труппа осталась в городе на зиму. Когда в 1910 году военным губернатором Амурской области был назначен А.М. Валуев, Мария Фёдоровна первой из руководителей учебных заведений Благовещенска предложила ему стать попечителем её музыкальной школы, на что он любезно согласился. В годы Гражданской войны её называли «подругой Мухина» – первого председателя областного Совета народных депутатов. Но судьбу Марии Фёдоровны определило не покровительство разного ранга и рода руководителей, а её честный и самоотверженный труд.

По словам Марии Фёдоровны, возвратившись в 1896 году в Петербург, она не могла забыть Дальний Восток: «Всё манило туда с какой-то стихийной силой». В 1904 году она, уже совершенно одна, даёт концерты в Иркутске, испрашивает у главного начальника тыла разрешение и едет в Маньчжурию, чтобы дать несколько концертов в пользу комитета по оказанию помощи семьям уечных и раненых нижних чинов (*идёт Русско-японская война*). Новые гастроли прервала внезапная болезнь дочери. Мария Фёдоровна вернулась в Петербург. «В 1905 году меня ничто больше не связывало со столицей (*дочь скончалась*) и на этот раз я окончательно решила навсегда унести свои знания и силы в те захолустные уголки России, где облагораживающая музыка редко блеснёт, как случайный, живительный луч солнца», – высказалась Мария Фёдоровна.

Она выбрала Благовещенск и открыла здесь классы фортепианной игры «по методике Санкт-Петербургской консерватории». Сестра Анна, последовавшая за Марией, вела уроки пения и «чёрную ра-

боту внутреннего распорядка» – занималась организационными вопросами.

В первый год в классах занималось 32 ученика и очень скоро они подготовили оперу «Гензель и Гретель», выдержавшую два представления при полных сборах. На следующий год учеников было уже больше сорока. «Среди питомцев я нахожу положительно талантливых, – говорила Мария Фёдоровна. – Я вижу, как хорошо относится общество к моей школе. Это меня вознаграждает за весь труд, и я рада случаю работать, работать и работать».

Подтверждением слов Марии Фёдоровны может служить дополнение к уставу школы, которое было утверждено в октябре 1910 года. В этом дополнении говорится, что «школа, желая способствовать распространению среди местного населения музыкального развития, устраивает бесплатные музыкальные вечера, концерты и оперно-драматические спектакли». Причем, не время от времени, а каждое воскресенье! «Начало в 6 часов вечера, – сообщала через газету Мария Фёдоровна. – Желających участвовать прошу обращаться ежедневно ко мне. Директриса».

Музыкальная школа была главным делом и смыслом жизни Марии Фёдоровны. Неведомым образом в амурской глуши она находила преподавателей, причём, отличных, и через несколько лет в школе обучали игре на фортепиано, струнных, духовых инструментах, органе и фисгармонии, сольному и хоровому пению, драматическому искусству, итальянскому языку (певцов и певиц), ансамблевой игре, изучали композицию, теорию и историю музыки, историю искусств, эстетику.

Экзамены были публичными. «9 мая 1910 года в аудитории Народного дома прошли ежегодные проверочные экзамены учащихся музыкальной школы Кнауф-Каминской, – писал журналист газеты «Эхо». – Экзаменовалось до тридцати учеников – взрослых и детей. Номера были исполнены с успехом».

В 1911 году учащиеся Благовещенской музыкальной школы выезжали с концертами в Хабаровск. «Ученические гастроли» – уникальный случай в музыкальной истории региона.

Сёстры Кнауф-Каминские были самыми активными организаторами разного рода музыкальных мероприятий в Благовещенске. Для примера можно взять заметки благовещенских газет за 1911 год.

Апрель. «Глинковский концерт в Народном доме устроила М.Ф. Кнауф-Каминская. Концерту предшествовал реферат о жизни Глинки, затем – произведения. Организаторы концерта стремятся дать нечто цельное, познакомить широкую публику с великим творцом национальной музыки». «Музыкальная школа поставила оперу

«Красная шапочка», в которой участвовали ученики и ученицы А.Ф. Кнауф-Каминской).

Май. «Концерт-спектакль в пользу ученицы благовещенской музыкальной школы Л.В. Вебер».

Июль. «24 июля в Общественном собрании спектакль, гуляние, лотерея-аллегри. Половина выручки пойдёт на усиление средств школы Кнауф-Каминской, половина – на благотворительность – будет передана губернатору».

Август. «В Общественном собрании вечер Кнауф-Каминской в пользу недостающих учеников школы».

Сентябрь. «Концерт Н.Ф. Любимовой в Общественном собрании. Нельзя не отметить той заботливости, какой госпожа Кнауф-Каминская окружает первые артистические шаги своих бывших учеников и учениц, не прекращая этой заботы даже когда они встают на ноги. Концерт 4 сентября был апофеозом материнского попечительства. Почти все 114 (!) номеров программы были исполнены при участии Кнауф-Каминской в качестве исполнительницы и аккомпаниатора».

Каким непростым делом было устройство благотворительного концерта или спектакля, можно судить по отчёту о расходах и доходах по опере «Красная шапочка», опубликованному в мае 1911 года.

Приход был получен от продажи шампанского, цветов, чая, конфет, серпантина, билетов (они стоили от 1 до 12 рублей, а также по 50 и 40 копеек). Были пожертвования. Всего приход составил 842 рубля 90 копеек. Расход был значительным и разнообразным: аренда театрального зала – 50, плата двум оркестрам (10-й Амурской артиллерийской бригады и 38-го Сибирского стрелкового полка) – 50, рабочим сцены, сценариусу, суфлеру, авторские – по 10, электротехнику – 8, за печать афиш, программы, билетов, анонсов – 33, за цветы – 15 рублей (продали за 45), за серпантин и конфеты – 6,5 рублей (продали за 9), кассирше – 5, билетёрам – 6, Стернину – 4, реквизитору – 18, за расписку хоровых партий – 4, рабочему Петру Крылову – 6, парикмахеру – 12, покупка нот – 4, марки для рассылки по почте – 3, марочный сбор на билеты – 27, извозчики – 14, новые костюмы – 34, чай, сахар, печенье во время хоровых спевков – 14 рублей, самовар из буфета Общественного собрания для участников репетиций и на спектакль, ужин музыкантам и 4 бутылки шампанского для продажи – 31,90 рублей (шампанское продали за 100). Итого 462 рубля 90 копеек.

Чистый сбор 380 рублей, из них 190 сданы генерал-губернатору на благотворительные цели, 190 оставлены «на усиление музыкальной школы».

М.Ф. Кнауф-Каминская успевала заниматься не только собственной школой. Она – постоянный организатор и участник спектаклей, концертов, литературно-музыкальных утренников, которые проводили самые разные городские общества и организации в помощь нуждающимся студентам, учителям, ученикам, «на усиление средств» бесплатной читальни, курсов грамотности для взрослых, кружка самообразования, в помощь пострадавшим от голода, от землетрясений, пожаров и т. д. В 1912 году психиатр Н.И. Старокотлицкий обратился к благовещенцам с просьбой организовать развлече-

ния для пациентов психиатрического отделения городской больницы, энтузиасты откликнулись и раз в неделю выступали в больнице с концертами. Среди них была и Мария Фёдоровна – консерваторка и директриса.

Когда в январе 1912 года Мария Фёдоровна попала в ДТП, искренне переживал весь город. «20 января директриса благовещенской музыкальной школы, проезжая на извозчике по Иркутской улице, была вышиблена из саней испугавшейся чего-то лошадей и получила вывих плечевого сустава левой руки и надлом плечевой кости, – писал репортёр газеты «Эхо». – По доставлении домой ей была оказана помощь вызванным доктором Борманом. Благодаря этому несчастному случаю целый ряд предстоящих концертов, в которых принимает видное участие местная артистка, зависит теперь от её выздоровления. От души желаем ей скорейшего возвращения к полной работоспособности».

В начале февраля газета успокоила и обнадежила публику: «Лечение идёт успешно по пути к выздоровлению. Через неделю Мария Фёдоровна, вероятно, уже будет способна выступать в концертах и литературно-музыкальных утрах».

Мария Фёдоровна выступала как исполнительница и как аккомпаниатор, а ещё она предоставляла для мероприятий собственный рояль. Не всегда благополучно. В августе 1910 года произошла такая история. Амурское общество изучения Сибири и улучшения её быта давало концерт в пользу городского музея. Играли на рояле Марии Фёдоровны. Он был совершенно новым и дорогим (*хороший инструмент стоил больше 500 рублей*).

Когда на другой день надо было перевозить рояль из театра Роганова на квартиру Марии Фёдоровны, шёл дождь, он мог повредить инструмент. Отложили до понедельника. Никому в голову не могло прийти, что в закрытом помещении может что-то произойти. «Когда в понедельник явились за роялем, он был неузнаваем, – описывает случившееся очевидец. – Какому-то негодяю пришлось в голову оцарапать его кругом каким-то острым предметом, вырезать от крышки кусок дерева, сломать винт от педали. Хотели открыть крышку рояля, но замок не поддался. Кому и для чего понадобилось это нелепое разрушение?» Вопрос остался без ответа.

В феврале 1918 года в Благовещенске к власти пришли большевики. Тысячи горожан тогда бежали в Сахалин и Харбин. Мария Фёдоровна осталась и «продолжала вести свою культурную работу». В августе того же года власть перешла к японским интервентам, на время восстановились прежние порядки, многие благовещенцы вернулись из-за границы. Старые знакомые кидали в лицо Марии Фёдоровне злобное: «Большевичка». Её исключили из числа преподавате-

лей Алексеевской женской гимназии и обвиняли в знакомстве с Ф.Н. Мухиным.

Через несколько месяцев после освобождения от японской оккупации, в ноябре 1920 года (Гражданская война продлится ещё два года) в Благовещенске открылась... музыкальная школа управления образования. Руководила ею М.Ф. Кнауф-Каминская (именно в это время в благовещенской школе занималась будущая звезда советской оперной сцены Вера Александровна Давыдова – солистка Кировского оперного театра, примадонна Большого театра, народная артистка РСФСР, лауреат трёх Сталинских премий).

Потрясения революционных лет, невероятно напряжённая работа – и при старой, и при новой власти – подкосили здоровье Марии Фёдоровны. 5 февраля 1921 года она скончалась от кровоизлияния в мозг. В «Амурской правде» был напечатан большой некролог: «Смерть Марии Фёдоровны – огромная утрата для всех трудящихся, для рабочих организаций в их трудной культурно-просветительской работе. Она давала в день по пять концертов и всё же шла навстречу запросам трудящихся. Она была не только общественным деятелем, но и крупным талантом, как пианистка она стояла на недосягаемой высоте. 15 лет назад она начала в Благовещенске преподавать музыку. Позже открыла школу. Теперь мы имеем работников в культурно-просветительских секциях при наших рабочих организациях, которые были учениками Марии Фёдоровны».

В апреле того же 1921 года в клубах и школах города прошли концерты памяти М.Ф. Кнауф-Каминской. Вот как оповещала об этом читателей «Амурская правда»: «Симфонический концерт памяти М.Ф. Кнауф-Каминской назначен на 13 апреля в художественном театре. Концерт организуют комиссия школьного совета Благовещенской музыкальной школы управления образования, политотдел отдела культпросвета союзов просвещения и социалистической культуры и деятелей сцены, музыки и кино, симфонический оркестр и артисты художественного театра. На концерте будет сообщение краткого биографического очерка М.Ф. Кнауф-Каминской. В ближайшее время концерты будут организованы и даны в гарнизонном собрании, в классах им. Мухина, в народных рабочих клубах, для участников музыкальной школы и школы третьей ступени.

Биографический очерк сообщит преподаватель музыкальной школы В.В. Павлов. Цены местам повышены. Весь сбор пойдёт на украшение и благоустройство могилы М.Ф. Кнауф-Каминской».

Как сообщила та же «Амурская правда» 1 апреля 1922 года, «музыкальную школу назвали именем Кнауф-Каминской».

С годами подвижническая деятельность Марии Фёдоровны забылась, в 2019 году сгорел деревянный дом на углу Калинина и Зей-

ской, в котором когда-то размещалась знаменитая музыкальная школа. Благодаря усилиям и настойчивости руководства Центральной детской школы искусств Благовещенска в 2020 году школе было возвращено имя М.Ф. Кнауф-Каминской.

Илья Маркович Хоммер

Организатор первой на Дальнем Востоке акушерской школы И.М. Хоммер родился в Иркутске, в семье сапожника. Там же окончил гимназию. Учился «на медные деньги»: с третьего класса подрабатывал, давая уроки. В 1898 году Илья окончил медицинский факультет Томского университета, до 1900 года работал врачом на Ленских приисках. Очевидно, скопив какой-то капитал для оплаты обучения и проживания в столице, в течение двух лет совершенствовался по акушерству и гинекологии в петербургском институте профессора Д.О. Отта.

С 1902 года И.М. Хоммер трудился в Благовещенске. Скорее всего, он прибыл в город по приглашению управы: в городе с многотысячным населением не было ни одного лечебного акушерско-гинекологического учреждения, остро необходим был специалист-гинеколог на городской службе. Вполне возможно, Илья Маркович приехал с заранее продуманной программой, которую планомерно осуществлял на протяжении более чем двадцати лет. Благодаря усилиям Хоммера, в 1903 году открылось первое медицинское учреждение родовспоможения – приют при Лечебно-благотворительном обществе, затем – первая на Дальнем Востоке акушерская школа (за первые десять лет здесь подготовили 127 повивальных бабок). Это были, конечно, не «бабки», а молодые женщины, в основном крестьянки и казачки, которых отправляли на учёбу «всем миром». После учёбы они возвращались в свои сёла и станицы (некоторые уезжали в Петербург, на высшие курсы). Подготовленные Хоммером акушерки несли свои знания, навыки и принципы санитарии в самые отдалённые уголки Приамурья.

И.М. Хоммер открыл курсы по оспопрививанию: с 1907 по 1915 год на них было подготовлено 106 оспопрививательниц и оспопрививателей. Эти специалисты внесли большой вклад в борьбу с оспой в Приамурье.

Без малого десять лет добивался Хоммер открытия в Благовещенске приюта для подкидышей, систематически выступая на эту тему в прессе, в Обществе врачей, на заседаниях городской думы. Когда в 1912 году приют наконец-то начала действовать, Илья Маркович первым попал под критику общества: смертность младенцев была очень высокой (больше 83%), приют называли «фабрикой ангелов». Вот что Хоммер ответил на обвинения через одну из благове-

щенских газет: «Все погибшие дети явились обычной жертвой летнего детского поноса, от которого в Благовещенске, да и почти повсеместно в России, гибнет от 50 до 70% детей до первой половины года жизни, так что приют для подкидышей не исключение. Болезнь эта свивает мрачное гнездо там, где санитарные условия находятся в возмутительном состоянии. Загрязнения воды и почвы – вот те два условия, которые порождают большинство инфекционных страданий, в частности, летний детский понос. И в этом смысле «фабрикой ангелов» является город. За последнее время целое озеро чернил изведено о необходимости водопровода и очищения почв, но нас хватает только на то, чтобы охать, ахать да злорадствовать по адресу врачей».

Приют был создан на «грошовые пожертвования», ютился в одной комнате – больные и здоровые вместе, при одной няньке, не было собственной коровы. Хоммер был настолько убедителен и энергичен, что достучался (или взял измором) до членов городской думы и горожан. Через год приют переехал в просторный дом, штат пополнился поваром, прачкой, акушеркой и тремя сиделками, позже к ним добавились кормилицы. Созданное по инициативе Хоммера Общество попечительства о приюте приобрело корову и специальный аппарат для стерилизации молока. Благодаря лучшим условиям и лучшему уходу смертность среди подкидышей снизилась в два раза; некоторых детей усыновляли сердобольные горожане, почти половину забирали родные матери.

После революции вплоть до середины 1920-х годов Илья Маркович заведовал благовещенскими курсами сестёр милосердия военного времени, работал врачом второй областной больницы, старшим врачом губернского родильного покоя. Он вроде бы вписался в новые жизненные обстоятельства, вроде бы был городу полезен при новом общественном строе. Но почему-то уехал на родину, в Иркутск. Там он скончался в 1926 году.

Михаил Петрович Чердынцев

До середины XIX века специализация врачей в сегодняшнем понимании отсутствовала. Уездный лекарь был одновременно терапевтом, «оператором» (хирургом), эпидемиологом, санитарным врачом, судебно-медицинским экспертом и администратором. Тем более в таких отдалённых местах, как Приамурье, где врачей было очень мало. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно познакомиться с послужным списком М.П. Чердынцева. Родился 28 октября 1863 года. По окончании Императорского Московского университета в 1892 году служил врачом

на Сахалине, с 1897 года – «на материке»: окружным врачом Амурской области и городским врачом Благовещенска. Через год к этим должностям добавились обязанности врачебного инспектора, заведующего санитарной частью военно-конского запаса в Благовещенске и врача благовещенского тюремного замка.

Вместе с другими врачами Благовещенска Михаил Петрович самым активным образом участвует в борьбе с разными эпидемическими заболеваниями. В 1902 году он в составе врачебных комиссий обследует заболевших, заведует отрядом дезинфекторов и холерным обозом, наравне со всеми дежурит (ночью и днём) при врачебном управлении и в горбольнице, выезжает в командировки в амурские сёла. На местах оказывает врачебную помощь, проводит разъяснительную работу, в результате которой население – крестьяне, казаки, корейцы – «готовы в случае появления холеры за свой счёт нанимать санитаров и снабжать больных провизией».

Последний факт – свидетельство того, что Михаил Петрович не только профессионально действовал в очаге заражения, но умел разъяснить местным жителям необходимость принимаемых мер, более того – убедить их в том, что врачам и дезинфекторам надо верить и помогать. Санитарному врачу необходимо быть твёрдым и решительным, но не менее важно уметь налаживать хорошие отношения с населением.

М.П. Чердынцев был человеком чутким к чужому горю и страданию. Яркий пример – его выступление на заседании Благовещенской городской думы 5 ноября 1904 года.²⁵ Обсуждался случай, когда в городскую больницу приняли женщину без квитанции больничного сбора. Она должна была уплатить за лечение 30 рублей, но уплатила только больничный сбор (он составлял 1 рубль в год), причём, уже после того, как её лечение закончилось. Это было нарушением закона, а поступить так пациентке посоветовал врач. По этому поводу попечительский совет городских лечебных заведений постановил «просить врачей при приёме больных руководствоваться законом, требовать уплаты денег за лечение вперёд за месяц (30 руб.), если у них нет квитанций больничного сбора; не брать этих квитанций во время лечения или после выхода из больницы, так как это наносит громадный ущерб городу».

К ответу кроме других врачей призвали и М.П. Чердынцева (видимо, он и был тем врачом, который подсказал женщине выход из ситуации). Вот что сказал Михаил Петрович в ответ на претензии членов попечительского совета: «...Оказать помощь своему ближнему, особенно, когда он изнемогает от страданий, приютить и накормить его едва ли кто откажется, если в нём сохранилась хоть капля сострадания и человеколюбия. Это нравственная обязанность всех.

А что же рекомендует нам, врачам, попечительский совет? Этим несчастных больных, голодных, промёрзших в своих лохмотьях, часто ищущих в больницах последнего пристанища в своих странствиях, совет рекомендует гнать, если они не представили квитанции или не внесли авансом 30 рублей. Легко подобные вопросы решать за стаканом чая в хорошо освещённой тёплой комнате, но каково нам, практическим врачам, выполнять эти суровые решения?

И большую собаку человек приютит, а мы, врачи, должны гнать из больницы бедных страдальцев только потому, что они не могут внести установленной платы за лечение. Если бы кто-нибудь из решающих подобные вопросы одним взмахом пера увидел бы хоть одну больничную сцену, когда какой-нибудь голодный, измученный физическими и нравственными страданиями голяк, еле дотащившийся до больницы, где мечтал найти себе приют, вдруг получает отказ, я думаю, у самого жестокосердного человека сердце сжалось бы от жалости при одном виде подобного бедняка, со слезами на глазах удаляющегося от больницы. Что ждёт его впереди? Часто нет у него ни родных, ни знакомых, ни тёплого угла, ни куска хлеба. Одно остаётся ему – умереть где-нибудь под забором или прямо замёрзнуть на улице. А затем труп поднимет полиция, составит протокол, и все будут спокойны. И в городской кассе останется несколько рублей. Но если какой-нибудь беспокойный человек, узнав подобную историю, возбудит дело? Кто будет виноват? Врач ли, отказавшийся принять в больницу больного, или те, кто отдал врачу подобное приказание? Дума, управа, попечительский совет как коллективные лица в ответе не будут. Привлекут к ответственности врача. Подобные примеры были в Благовещенске. Мало того, что врач пойдёт под суд, его, кроме того, осудят общество и печать, не входящие в обсуждение разных канцелярских постановлений. А с точки зрения врачебной этики, что должен делать врач в подобных случаях? Без всякого сомнения игнорировать всякие постановления и поступать согласно совести и личным убеждениям. Материальная сторона в таких случаях должна быть поставлена на самый задний план. Да и эта материальная сторона совершенно не касается врача, призванного лечить, а не ощупывать предварительно карманы больного».

«Объяснения Чердынцева, – вспоминал участник того заседания, – выслушали в думе весьма внимательно». Правда, впоследствии ещё не раз напоминали врачам об установленных правилах.

М.П. Чердынцев активно участвовал в деятельности отделения Всероссийского общества туристов-велосипедистов. В 1903 году члены туринаг-клуба решили совместно с Обществом приказчиков образовать кружок любителей атлетики и гимнастики. Через короткое время после основания в кружке занималось около пятидесяти человек. Занятия проходили два раза в неделю в зале Собрания при-

казчиков. Гимнастику преподавали Н.Н. Макеев и В.А. Шрёдер, атлетику – К.В. Перлов, врачом кружка был М.П. Чердынцев. Перед началом занятий он проводил медицинский осмотр атлетов, осуществлял медицинский контроль во время тренировок.

Перед революцией – в 1914-1916 годах Михаил Петрович жил в Томске, где имел частную практику. В Благовещенске он оставил о себе добрую память.

Александр Порфирьевич Еремич

Доктор А.П. Еремич прожил до обидного короткую, но невероятно насыщенную жизнь. Наполнявшие её неординарные поступки и яркие события при банальном перечислении теряют нерв и напряжение. Сгруппированные «по темам», если можно так выразиться, они дают представление о времени, в котором жил Александр Порфирьевич, и о его личности – одарённой, страстной и целеустремленной.

«Прочитывая» жизнь замечательного доктора, надо внимательно следить за датами: они теснятся, накладываются друг на друга и сначала ты глазам не веришь, потому что невозможно одновременно оперировать в Петербурге и бороться с холерой на Урале, быть лечащим врачом императорской семьи в столице и руководить военным госпиталем в Галиции... Невозможно, но так и было: Александр Порфирьевич часто совмещал должности, как это делают доктора и в наше время, а «на войну» и на борьбу с заразными болезнями уезжал, когда учился – во время каникул, когда работал – во время отпусков.

Детство. Родился Саша Еремич 31 июля 1876 года в Минской губернии. Потомственный почётный гражданин, православный. Сирота, воспитывался у тёток.

Учёба. Александр Еремич учился в Санкт-Петербургском университете, затем на медицинском факультете Московского университета и в Императорской военно-медицинской академии. В январе 1906 года он сдаёт экзамены и выпускается со званием «Лекарь с отличием». В 1908 году лекарь Еремич прослушал полный курс практической бактериологии в Институте экспериментальной медицины; с февраля по июль 1911 года стажировался в Берлинском раковом институте.

Практическая работа. Ещё студентом, на каникулах, Александр работает фельдшером в Николаевской земской больнице Самарской губернии и в Саратовской губернской земской больнице (1900-1903). После окончания учёбы в Военно-медицинской академии он заведует больницей на 80 коек на Ленских приисках в Иркутской области (1906-1907); на строительстве Волго-Бугульминской железной дороги организует мероприятия по борьбе с холерой (1908); заведует отрядом по борьбе с чумой и холерой в Виленском

округе и в Уральской области (1910); работает главным врачом Еленинской больницы для женщин, страдающих злокачественными опухолями, в Петербурге (1911-1918).

Здесь необходимо сделать отступление и пояснить. В феврале 1911 года А.П. Еремича пригласили на должность главного врача Еленинской больницы. Официально она называлась «Еленинская бесплатная больница А.Г. и Е.И. Елисеевых для бедных женщин, страдающих злокачественными опухолями». Основал больницу А.Г. Елисеев – внук основателя торгового дома «Братья Елисеевы», назвал её в честь своей жены Елены. Пригласив Еремича на работу, А.Г. Елисеев отправил его сначала на стажировку в Берлинский раковый институт, а затем, опять же в Германию, для закупки оборудования и материалов для Еленинской больницы.

Первоначально больница была рассчитана на 25 кроватей. Через год был открыт третий этаж, количество кроватей увеличилось до 60. В больницу принимали только неизлечимых больных и лечили бесплатно, на высоком европейском уровне.

Заведая больницей для бедных, А.П. Еремич пять лет посещал Зимний дворец: по поручениям лейб-хирурга императорского двора профессора С.П. Фёдорова в его отсутствие Александр Порфирьевич лечил семью императора России (1912-1917).

Продолжим знакомство с биографией замечательного доктора. Он заведует отделениями в госпитале Красного Креста на 750 коек при Политехническом институте в Петрограде (1914-1918); в 1917 году – главный врач этого госпиталя); работает хирургом в Центральной железнодорожной больнице КВЖД в Харбине (1918); совмещает должности главного врача и хирурга городской больницы Благовещенска (1918-1920).

Организационная работа. А.П. Еремич – организатор и участник первого съезда российских хирургов по борьбе с раковыми заболеваниями (1914).

Участие в военных действиях. За полтора месяца до выпускных экзаменов в Императорской военно-медицинской академии Александр Порфирьевич уезжает на Русско-японскую войну, работает младшим врачом 4-го подвижного лазарета Красного Креста (1904); взяв отпуск, уезжает на театр военных действий в Галицию, заведует передовым отрядом Красного Креста Государственной Думы на юго-западном фронте при 9-й армии (1916).

Научная работа. В клинике профессора С.П. Фёдорова в Санкт-Петербурге Еремич занимается научной работой по внутривенному гедоналовому наркозу (1907-1910); в Императорской военно-медицинской академии впервые в мире проводит внутривенный гедоналовый наркоз (1909); защищает докторскую диссертацию

«О внутривенном гедоналовом наркозе», удостоен звания доктора медицины (1910).

Первую внутривенную гедоналовую анестезию Александр Порфирьевич выполнил 7 декабря 1909 года при удалении стопы 57-летнему мужчине по поводу злокачественного поражения стопы. Операцию проводил профессор С.П. Фёдоров. Она длилась 13 минут. Анестезия, которую проводил А.П. Еремич, длилась 43 минуты. Это была первая в мире анестезия, выполненная препаратом для внутривенного введения, предварительно хорошо изученным в эксперименте. В последующем, с 7 декабря 1909 по 6 апреля 1910 года, Александр Порфирьевич выполнил 64 успешные анестезии гедоналом, вёл этих больных в послеоперационном периоде. Гедоналовый наркоз использовался до 1926 года, когда гедонал заменили авертином. В зарубежной литературе гедоналовый наркоз называют «русским внутривенным наркозом».

Семейная жизнь. Главным житейским подвигом Александра Порфирьевича (и его жены) стало спасение семьи. Он женился в тридцать лет на Ангелине Павловне Васюкович (1906). В семье родилось четверо детей: Клавдия (1907), Павел и Надежда (1909), Анна (1913).

В 1918 году Еленинская больница, которой руководил А.П. Еремич, закрылась. В Петрограде начался голод. Александр Порфирьевич решает уехать на Дальний Восток. Он недолго работает в Харбине, в октябре 1918 года принимает приглашение на должность главного врача горбольницы Благовещенска. Семья – жена и четверо детей, её сестра с двумя детьми и тёща – три месяца в кошмаре Гражданской войны добираются до относительно тихой гавани, каким тогда был Благовещенск.

Сведений о жизни и работе А.П. Еремича в нашем городе удалось найти немного. Это объявление, которое печаталось в газете «Амурское эхо» в течение 1919 года: «Доктор медицины А.П. Еремич. Хирургические и внутренние болезни. Ежедневно, кроме праздников, от 2½ до 3½ часов. Городская больница. Квартира главного врача. Телефон №158».

Две хроникальные заметки в газете «Амурское слово» за сентябрь 1919 года. Первая. Очень тревожная. «11 сентября. В понедельник главным врачом городской больницы А.П. Еремичем производилась в тюремной больнице гнилостная операция китайцу-арестанту. Во время операции доктор был случайно ранен ассистентом в руку. Рана воспалилась, и к концу первых суток воспалительный процесс распространился на всю руку. По-видимому, доктору Еремичу предстоит операция». Вторая заметка. Обнадёживающая. «14 сентября. Доктору Еремичу сделана операция. Она сошла благополуч-

но». Александр Порфирьевич – человек долга, врачевал всюду и всех, кто нуждался в его помощи, без различия званий и наличия денег.

25 апреля 1920 года он проводил очередную операцию. Довел её до конца и потерял сознание. Диагноз: воспаление легких. Через неделю Александр Порфирьевич скончался.

27 апреля 1920 года «Амурская правда» опубликовала сообщение о смерти А.П. Еремича, 28 апреля – некролог. «Опытный и умелый хирург, доктор Еремич, борясь неустанно с враждебными человечеству силами природы, принёс много пользы трудовому населению города и области.

Покойный не принадлежал к числу прямых друзей и сторонников рабоче-крестьянской революции, по направлению своих общественных убеждений он иногда выступал нашим идейным противником, но мы, идеологи рабочего класса, умеем честно, без ненужной злобы и пристрастия относиться и к своим идейным противникам. Рабоче-крестьянская «Амурская правда» считает долгом сказать, что трудовые классы, провожая ушедшего в вечность А.П. Еремича, должны сохранить светлую память о враче, отдавшем все силы и самую жизнь на служение интересам трудящихся.

Мне известны многочисленные факты, когда, рискуя ответственностью и неприятностями, он принимал в больницу бесплатно неимущих бедняков, известна сцена, когда выписываемый ребёнок-сирота со слезами заявлял об отсутствии крова, и врач, волнуясь перед безвыходностью положения, разводя руками, решил на свой страх и риск оставить ребёнка временно при больнице. Я знаю, как, увидев помятого лошадьёю какого-то мальчика из среды городской бедноты, сам схватил его на руки, хлопотал и ухаживал за ним с нежностью и приветливостью. Я знаю, как, узнав о заболевании ребёнка одной из фельдшерниц больницы, старший врач побегал пешком, едва накинув пальто, чтобы оказать помощь.

А.П. Еремич был одним из последних могикан лучшего периода трудовой интеллигенции России. В скверное, черное время, когда дух наживы и спекуляции охватил и демократическую интеллигенцию, когда значительная часть её во главу угла поставила шкурные интересы, доктор Еремич оставался бескорыстным работником, почти не занимаясь выгодной частной практикой, отдавая все силы на служение делу и интересам трудового населения.

Выражая свою искреннюю печаль по поводу погибшего, мы призываем почтить светлую память одного из сынов трудовой семьи». Подпись: Марксист (П. Караваяев).

После смерти Александра Порфирьевича его семья жила в Благовещенске до 1933 года. Все четверо детей прожили долгую, хоть

и трудную жизнь. Правнуки замечательного доктора создали сайт, посвящённый прадеду.

Николай Васильевич Кирилов

Известный на рубеже XIX-XX веков общественный деятель Забайкалья и Дальнего Востока Н.В. Кирилов²⁶ родился в 1860 году. Сын военного фельдшера, в 1883 году (на год раньше А.П. Чехова) он окончил медицинский факультет Московского университета. В то время на факультете преподавали такие выдающиеся учёные, как гистолог А.И. Бабухин, терапевт Г. А. Захарьин, анатом Д.Н. Зернов, гигиенист Ф.Ф. Эрисман и другие светила русской медицины.

Окончив учебу, в 1884 году Н.В. Кирилов приезжает в Забайкалье и работает здесь в Верхнеудинске, Петровском Заводе, Чите и Нерчинске. Помимо врачебной практики, Н.В. Кирилов занимается изучением краевой патологии, тибетской медицины, лекарственных растений и их использовании в народной медицине, ведёт метеорологические наблюдения, этнографические исследования, составляет коллекции археологических находок, чучел птиц и зверей.

Н.В. Кирилов – один из организаторов Забайкальского общества врачей, Забайкальского отделения Русского географического общества, общедоступной библиотеки (передал ей 254 тома) и Забайкальского краеведческого музея (передал в фонды музея свои этнографические, зоологические и ботанические коллекции – больше 1100 единиц хранения).

Летом 1890 года недалеко от Верхнеудинска Н.В. Кирилов увиделся с А.П. Чеховым. Встреча была мимолетной: писатель Чехов торопился в Сретенск, на пароход, который отправлялся в Благовещенск, доктор Кирилов спешил в одно из забайкальских сел – «на эпидемию», с которой ему предстояло бороться, как всегда, в этих глухих местах, в одиночку.

Когда в 1895 году вышла в свет книга «Остров Сахалин», Н.В. Кирилов, как он писал затем в одной из своих статей в газете «Восточное обозрение», «с особенным вниманием проштудировал систематический очерк А. Чехова о Сахалине и, взвесив свои силы, проверив своё настроение, убедился, что способен...». В 1896 году он едет на Сахалин в качестве доктора. А дальше...

Последующую подвижническую жизнь Н.В. Кирилова надо описывать или в большой книге, или в телеграфном стиле: заведующий лечебницей Корсаковского округа на Сахалине; врач военного госпиталя во Владивостоке; врач в с. Осиновка Никольск-Уссурийского уезда Приморской области и делегат областного крестьянского съезда в декабре 1905 года (за участие в организации и работе этого съезда Н.В. Кирилова в 1907 году осудили на полтора

года заключения во Владивостокской крепости); организатор и участник съездов врачей в Петербурге, Москве, Хабаровске, Иркутске, Южно-Уссурийске; участник ликвидации эпидемии чумы в Маньчжурии, эпидемии оспы – в Иманском уезде Уссурийского края в 1911 году; врач в п. Ольга Приморской области (по его настоянию здесь построена уездная больница); санитарный врач и заведующий лепрозорием в Николаевске-на-Амуре. Куда бы ни заносила судьба, Н.В. Кирилов всюду был неутомимым и разносторонним исследователем, но в первую очередь оставался врачом: уездным, участковым, окружным, городским.

В 1917 году доктор Н.В. Кирилов получает в Благовещенске должность старшего врача управления водных путей Амурского бассейна.

Очень беспокойная должность, особенно в годы смуты и войны: амурский речной флот насчитывает около 500 пароходов и барж (более мощный речной флот только на Волге) и каждое судно требует санитарного контроля; приграничное положение требует особого внимания по давней и хорошо известной Кирилову причине возможного заноса инфекционных заболеваний из Китая; революция и гражданская война, а с ними голод, антисанитария, отсутствие квалифицированной медицинской помощи, перемещение массы беженцев и военных способствуют вспышкам и распространению заразных болезней. Несмотря ни на какие обстоятельства (с 1917 по май 1920 года власть

в Амурской области менялась четыре раза), Н.В. Кирилов не оставлял свой пост и, как всегда, добросовестно трудился.

В своих многочисленных статьях, докладах, брошюрах, посвященных проблемам здравоохранения, Н.В. Кирилов подчеркивал, что коренные улучшения санитарного режима и оздоровления населения невозможны без социальных преобразований. И вот они произошли: в феврале 1920 года в Амурской области была окончательно установлена власть Советов. Доктор Кирилов принял её всей душой и, несмотря на солидный возраст (60 лет), самым активным образом включился в строительство нового государства, в обустройство новой жизни. «Жизнь – борьба красочная, особенно в наше интересное время», – пишет он дочери.

Уже 27 марта 1920 года в Благовещенске состоялся VIII съезд трудящихся области. Н.В. Кирилов – делегат съезда от медицинской общественности. На медицинской секции он выступает с докладами о состоянии медицинского обслуживания и о санитарно-эпидемической обстановке в области.

Давно убежденный в том, что «наука должна выйти из тайников ученых кабинетов, быть желанной и понятной массам...», доктор Кирилов организует народный университет и выступает в нем с лекциями. Кроме того, ведет курс физики и естествознания в речном училище и в одной из школ Благовещенска – педагогов также мало, как и докторов.

Жизнь Николая Васильевича оборвалась внезапно: в феврале 1921 года на одной из благовещенских улиц его сбил автомобиль. Он скончался, не приходя в сознание. 20 февраля в «Амурской правде» было опубликовано траурное извещение о кончине «уважаемого лектора, доктора Николая Васильевича Кирилова».

Хорошо знавший Н.В. Кирилова исследователь Дальнего Востока и писатель В.К. Арсеньев откликнулся на его смерть такими словами: «Он обладал громадной эрудицией, большой памятью и имел поразительные энциклопедические познания. Это был учёный и врач, вечно деятельный, вечно занятый, не унывающий, отзывчивый и верящий в светлое будущее человечества».

Евгений Иванович Чепурин

До ноября 2020 года в краеведческих изданиях о двух старших братьях Чепуриных (всего у владельца заводов И.П. Чепурина было три дочери и четверо сыновей) писали так: Константин – инженер, Евгений – спортсмен. О Константине было известно, что учился в политехническом институте в Бельгии, работал главным инженером на заводе отца, собрал первый на Дальнем Востоке автомобиль,

строил самолёт. Евгений представлялся таким мажором: гонял на велосипеде и мотоцикле, участвовал в скачках и гребных гонках, стал лётчиком и погиб, разбившись в самолёте. Других сведений о нём не было.

В ноябре 2020 года члены группы #Амурские отголоски опубликовали открытку, отправленную в 1910 году из Благовещенска в Бельгию. Преподаватель французского языка БГПУ О.Н. Кухаренко перевела её текст: «Мои дорогие товарищи! Спасибо, Монжарден, мне приятно было получить ваше письмо. Признаться, я не ожидал такого искреннего проявления дружбы. Вы настоящие друзья, хоть вы и так далеко, у черта на куличках! У меня все хорошо, до настоящего момента, пока я не разбил свою физиономию. Я закончил ремонт мотора и, чтобы испытать его, поместил его на свой гидросамолет. К несчастью, я потерял алюминиевый винт, он упал в воду, потому что сломалась ось. Надеюсь, что у вас, как обычно, дела обстоят чудесным образом. У меня идет всё, как по маслу. С супругой живём в любви и согласии. Она передаёт вам дружеский привет. Жду момента, когда буду иметь удовольствие вновь увидеть вас. А пока сердечно жму всем руки. Е. Чепурин (Апчхи)».

Под текстом четкая подпись: «Евгений Чепурин». Теперь можно, если не утверждать, то с большой долей вероятности предположить, что Евгений, как и его брат Константин, учился в политехническом институте в Бельгии (иначе откуда бельгийские друзья, к которым он адресуется?), что был он инженером (косвенное подтверждение – чёткий почерк, каким оформляются чертежи), что, как и брат Константин, занимался конструированием, и, оказывается, был женат.

Евгений Чепурин был участником, кажется, всех соревнований на скорость, какие устраивались в городе: неоднократный рекордсмен благовещенского велосипедного трека, а в 1908 году – лучший велосипедист Благовещенска (официальное звание и почётная лента), неоднократный победитель и призёр лодочных гонок на Амуре (выступал на лодках-одиночках), участник скачек на ипподроме, он же – первый мотоциклист Благовещенска и первый авиатор.

С началом Первой мировой войны Евгений Чепурин, как и ещё один из братьев, Николай, был призван в армию. В октябре 1914 года он прапорщик перевязочного отряда 10-й Стрелковой дивизии. За отличия в делах против германцев награждён орденом Св. Анны 3-й степени. Ровно через год, в октябре 1915-го, Евгений Чепурин, как сказано в приказе командующего войсками Второй армии (Западный фронт), «призванный из запаса армейской пехоты в 37-й Сибирский стрелковый полк», за отличие в делах против неприятеля награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В 1917 году Евгений Чепурин – офицер Гатчинской авиационной школы под Петербургом. Очень может быть, что попасть в число авиаторов помог брат Николай, который к тому времени уже штабс-капитан и начальник автошколы в Гатчине. Но одной протекции родственника было недостаточно, чтобы летать на фанерных самолетах. Лучший свидетель тому – писатель Александр Куприн.

Он часто бывал на Гатчинском аэродроме, был знаком и дружил с лётчиками, не раз поднимался с ними в воздух, написал несколько душевных рассказов о воздухоплавании и воздухоплателях: «Люди-птицы», «Мой полёт», «Волшебный ковёр», «Сны», «Сергей Уточкин», «Сашка и Яшка». И вот что Александр Куприн писал о первых авиаторах XX века в рассказе «Потерянное сердце».

«В то время, незадолго до войны, и в первые годы войны чрезвычайно, даже чрезмерно многие молодые люди жадно стремились попасть в военную авиацию. Поводов было много: красивая форма, хорошее жалование, исключительное положение, отблеск героизма, ласковые взгляды женщин, служба, казавшаяся издали необременительной и очень весёлой, и лёгкой. Реже других попадали в авиационные школы люди настоящего призвания, прирожденные люди-птицы, восторженно мечтающие о терпких и сладких радостях летания в воздухе, те люди, о которых Пушкин говорил:

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
Бессмертья, может быть, залог!

Но надо сказать, что эти разверзатели пространств, эти летуны милостью божиею удивительно редко встречаются в природе, и к тому же они совсем лишены великих даров назойливости, попрошайничества и втирательства через протекции. Но и протекции всё равно не помогали. Новичков принимали в авиационную школу, протискивая их через густое сито. Будущий лётчик должен был обладать: совершенным и несокрушимым здоровьем; большой ёмкостью легких; способностью быстро ориентироваться как на земле, так и в воздухе; верным умением находить и держать равновесие; острым зрением, без намека на дальтонизм; безукоризненным слухом, физической силой и, наконец, сердцем, работающим при всяких положениях с холодной, неизменной точностью астрономического хронометра. Про храбрость, смелость, отвагу, дерзость, неустрашимость и про прочие сверхчеловеческие душевные качества лётчика в этом летающем мире никогда или почти никогда не говорилось. Да

и зачем? Разве эти, столь редкие ныне, качества не входили сами по себе в долг и обиход военного авиатора?»

Евгений Чепурин был одним из таких одержимых полётом людей. Участвовал ли он в боевых действиях как летчик, ещё предстоит выяснить, а летом 1917 года он в числе тех, кто выступает на «авиационной неделе» в Одессе. Так называли соревнования авиаторов на скорость, дальность, высоту, сложность полётов. Их проводили и аэроклубы, и сами летчики, чтобы пропагандировать воздухоплавание, испытывать новые конструкции самолётов, пробовать новые фигуры пилотажа, зарабатывать на жизнь и себя показывать.

Сохранилось (частично) письмо, которое Евгений отправил из Одессы в Благовещенск 10 июля 1917 года. Судя по описанию некоторых технических деталей, письмо адресовано брату Константину. Судя по количеству трагических случаев, которые упоминаются в письме, катастрофы на «авианеделях» было делом обычным.

«...Напишу по поводу того, что было за это время. Страшно не везёт в «лётном» смысле. Разбился у нас инструктор, некий Цапенко, на «Моране», перешел на посадке в штопор и разбился на другой день ученик, а на третий – сдатчик аппаратов француз Робинэ с механиком.

Предполагалась авиационная неделя (*полёты*) 8 и 9 июля, которая и была в субботу, а в воскресенье, 9-го, был дождь, полёты отменили. Робинэ стал готовиться утром 8 июля к состязанию. На мертвой петле аппарат, крылья у которого сложились, не выдержал нагрузки, и Робинэ с 1700 метров с одним фюзеляжем полетел вниз. Благодаря мотору в 100 сил и высоте, получился такой удар, что мотор вскочил весь в землю, а лётчики попали во фруктовый сад. Из Робинэ, сидевшего впереди, стала отбивная котлета, даже сердце выскочило из внутренностей, а убитый механик за минуты падения стал совершенно седой.

Ну, публики была масса. Я участвовал, как герой дня, довольно смело. Бурные аплодисменты гремели с трибун, наполненных массой публики. Это не то, что в Благовещенске. Но серьёзные №№ отложили на 9-е, которое хорошо, что не состоялось.

Надо было выполнить два гробовых №№ – планирование и фигурный полёт на спине и потом самый опасный, хотя аппарат мною укреплен достаточно хорошо, это полёт выющейся змейкой. Так это трудно понять. Вначале надо набрать большую высоту, выключить мотор и лететь обыкновенно, затем пикировать, идти на спине, затем опять нормально, потом опять на спине и т. д. Ну, в общем, [я] рад, что полёт не состоялся... И то пустили слух, что Чепурин погиб на авиационной неделе.

Это дело было так. Снимала меня фотографическим аппаратом одна одесская фирма, и на взлёте, угол которого был 45° при ветре 12 метров в секунду (не каждый полетит), знаешь, что случилось? Опустился проводничок, вернее, отломился от сотрясения мотора.

При таком угле подъёма я потерял скорость и сразу перешел в штопор. Это была самая гибельная штука, так как была маленькая высота – около 30 метров. Я уже читал «Отче наш» и приготовился к удару. Ну, думаю, сейчас раздастся удар: раз! Но аппарат набрал скорость и рули начали действовать. Я сел с колоссальной скоростью. Спасся благодаря тому, что имел большую практику и не расстрелялся. Попал в огород, в картошку, но сел хорошо...»

Это было, вероятно, последнее письмо Евгения: 7 августа того же года он погиб на аэродроме в Гатчине.

Евгений Чепурин был одним из немногих, кто умел летать, но не единственным. Однако чем-то он выделялся, раз трагические строки его некролога написал сам Александр Куприн.

«На днях на Гатчинском кладбище, в том уголке, где над могилами высятся в виде надгробных памятников деревянные винты аэропланов, опустили в землю разбитое тело прапорщика Е.И. Чепурина, погибшего на своём последнем показательном полёте.

Покойный принадлежал к избранному числу самых замечательных лётчиков России, если не всего мира. Он владел в высшей степени благородным, тонким и опасным искусством высшего пилотажа. Когда-то, ещё до войны, эта отважная отрасль воздушного спорта была далеко не в почёте у главного авиационного начальства, надменно глядевшего на неё, как на праздное и несомнительное с офицерским достоинством щегольство виртуозности полёта. Достаточно сказать, что бессменный в истории русской авиации покойный Нестеров, одновременно с Пегу додумавшийся сделать мёртвую петлю (поразительно, как часто повторяются совпадения открытий!) и проделавший её однажды вопреки запрещению, на свой риск, подвергся строгому выговору. Однако техника современной воздушной войны доказала не только пригодность подобных дерзновенных приёмов, но и необходимость их тщательного изучения. В этой сложной и многочисленной науке Чепурин мало знал себе равных. Отличительными свойствами его полётов были удивительная точность, продуманность и уверенность, а вместе с ними – лёгкость, гибкость и красивая законченность всех воздушных движений. У него было большое сердце, в котором счастливо совмещались расчёт с бесстрашием и самолюбие с упорным трудом. Делал он свои пробные опыты почти самоучкою, с нагляда и путём догадок, не пройдя ученического стажа у французских лётчиков, которые, по справедливости, считаются мастерами высшего пилотажа. Каждое новое рискованное

движение Чепурин сначала вынашивал и взвешивал в уме, проверял на бумаге, справлялся о деталях у техников-специалистов, но, приступая к его выполнению, разрешал задачу так просто, грациозно и смело, как будто для него вообще не существовало трудностей.

9 августа Чепурин собирался ехать на фронт, а 8-го, в понедельник, в 6 час. вечера начал на Гатчинском аэродроме свой блестящий прощальный полёт в присутствии почти всех офицеров школы. Между прочим, он ещё днём сказал своему технику, что в этот вечер он попробует сделать то, что не отваживался до него ни один человек в мире. Садясь в гондолу, он обратился к своему товарищу, поручику П., со странной просьбой: «В случае чего, возьми у капитана К. мои две тысячи и перешли, ты знаешь, куда». И когда поручик П., уверенный в обычном хладнокровии, находчивости и осторожности Чепурина ответил на эту просьбу дружеской успокоительной шуткой, Евгений Иванович возразил в том же лёгком тоне: «А всё-таки ты перешли. В нашем деле всё возможно». Кто-то заметил ему, что он забыл надеть кожаный шлем, Чепурин ответил спокойно: «Если мне придётся нынче упасть, то никакой шлем не поможет».

В этот вечер он летал довольно долго, показывая в каком-то особом вдохновенном блеске все трудные приёмы своего высокого искусства. Он скользил на крыло и на хвост, делал одну за другой головокружительные мертвые петли и повороты через крыло, круто бросался вниз в планирующем спуске. Последний номер был для него роковым. На высоте около двухсот метров он склонил аппарат головой вниз до того, что его гондола приняла вертикальное положение, и, выключив мотор, стал быстро спускаться книзу спиралеобразным движением, вращая в то же время аппарат вокруг его продольной оси. Это было то, что называется на образном языке летчиков штопором – номер очень трудный, всегда рискованный и требующий как верного глазомера, так и громадного самообладания от исполнителя. И зрители насчитали уже около девяти оборотов спирали, как вдруг произошло что-то непонятное и ужасное. Аппарат, внезапно и беспорядочно усилив вращение, стремительно упал с высоты приблизительно 50 метров и врезался носом в землю.

Когда к искверканному аэроплану подбежали люди, Чепурин наглухо привязанный ремнями к своему сиденью, был ещё жив, но уже потерял сознание. Он разбил себе голову о перекладину. Его бережно положили в автомобиль, чтобы отвезти в госпиталь. По дороге он скончался, не приходя в себя.

Героическая смерть ожидала его тогда, когда ему было только 25 лет, в расцвете молодости, здоровья, красоты, отваги и удачи. В нём очень много потеряла русская военная авиация. Достаточно указать на то, что больше 30 летчиков, учившихся под его руковод-

ством, в настоящее время летают на истребителях в сфере неприя- тельского огня и многие из них уже сбили по несколько неприятель- ских аэропланов.

Чему приписать его неудачное падение? Люди, близко знавшие Чепурина, полагают, что причина лежала в необыкновенной трудно- сти поставленной им задачи. Обыкновенно для того, чтобы сесть со штопора на землю, переводят аппарат на значительной высоте в плоское падение, а потом уже выравнивают его наклонно. Чепури- ну однажды в Одессе совершенно случайно, но счастливо удалось сесть непосредственно из прямого штопора. Он сам рассказывал, что, проделав этот неожиданный *tour de force*, он в момент, когда аэроплан дал свечу, закрыл глаза, ожидая верной смерти. Но спуск вопреки ожиданий вышел безупречным. Тогда Чепурин рассудил: если мне удалось это сделать случайно, то почему бы не добиться этого умышленно? И твёрдо решил рано или поздно добиться разре- шения этого необыкновенного приёма. Но или он не рассчитал высо- ты, начав выравниваться слишком поздно, или, что ещё вероятнее, проволочные стяжки аппарата, растянутые предварительно усилен- ной работой, ослабли и стали непослушны управлению. Надо, впро- чем, сказать, что аэроплан («Ньюпорт» №21) был отлично отрегули- рован, и сам Чепурин не раз проверял его полный порядок.

За дерзновенное искание он поплатился жизнью. Вот ещё одна самоотверженная жертва на том пути, где человек, побеждая суро- вые законы природы, завоевывает время, вес и пространство».

Александр Куприн писал некролог сразу же после гибели Евге- ния и, видимо, в спешке, допустил неточность: Чепурин родился в 1885 году и в момент гибели ему было 32 года. Куприн упомянул, что лётчика похоронили на Гатчинском кладбище, но родители ре- шили иначе, и останки Евгения перевезли в Благовещенск. В газете «Амурское эхо» 17 сентября 1917 года было опубликовано сообще- ние: «Тело погибшего военного лётчика Евгения Ивановича Чепури- на прибывает 18 сентября. Вынос из квартиры при заводе Чепурина 19 сентября в 9 часов утра в кафедральный собор, о чём родные с глубокой скорбью извещают родных и знакомых». Похоронили первого благовещенского лётчика на Вознесенском кладбище.

...В августе 1920 года в саду Амурского общества спорта и ту- ризма проходили соревнования велосипедистов. Среди призов, за которые боролись спортсмены, один – особенный: «Приз имени гон- щика, лётчика Евгения Чепурина».

Р.С. Документы, касающиеся наград, обстоятельств гибели и похорон Евгения Чепурина, обнаружил благовещенский краевед Алексей Михайлович Горлач.

Георгий Георгиевич Ксимилов

Автор одного из первых исследований японской литературы жил в начале века в Благовещенске. Его звали Г.Г. Ксимилов. В 1909-1910 годы он занимал должность драгомана пограничного комиссара Амурской области. «Обзор истории современной японской литературы: 1868-1906. (По японским источникам)», который Ксимилов издал в Хабаровске в 1909 году, и сегодня упоминают и цитируют академические издания и электронные ресурсы.

Георгий Ксимилов, сын священника из села Ираки Тифлисской (Тбилиси тогда назывался Тифлисом) губернии, в 1895 году окончил Тифлисское духовное училище, в 1903-м – Тифлисскую духовную семинарию, в том же году поступил в... Восточный институт во Владивостоке. Что заставило юношу уехать в такую даль и изучать восточные языки, неизвестно.

Интенсивное хозяйственное освоение российского Дальнего Востока, сложные международные и политические процессы в сопредельных государствах, необходимость налаживания торгово-экономических связей, в то же время возможность военных столкновений – всё это требовало подготовки специалистов-востоковедов. Восточный институт был основан в 1899 году во Владивостоке по распоряжению императора Николая II. За счёт государственного финансирования и крупных пожертвований частных лиц была создана прекрасная материально-техническая база Восточного института: построены капитальное здание учебных корпусов и общежитие, созданы этнографический музей и библиотека восточной литературы (более 60 000 томов), оборудована типография с полным набором восточных шрифтов. В первом вузе Дальнего Востока обучали специалистов по китайскому, корейскому, маньчжурскому, японскому, монгольскому, тибетскому языкам.

Первый выпуск в Восточном институте состоялся в 1903 году. Тогда же студентом японско-китайского отделения стал Георгий Ксимилов (вместе с ним на китайско-монгольское отделение поступил и однокашник по Тифлисской семинарии Василий Лиадзе; после окончания учёбы он занял должность крестьянского начальника в Иркутской губернии).

Курс обучения длился четыре года. Почему Ксимилов и его земляк окончили институт только в 1908, а не в 1907 году? Помешала Русско-японская война, которая началась в январе 1904-го. Студенты 3 и 4 курсов отправились «на театр военных действий». Лучшие студенты второго курса, среди них, вероятно, и Ксимилов, сначала были привлечены к переводу перехваченных японских телеграмм, а к маю 1905 года они тоже были на маньчжурском фронте. Студенты были переводчиками при допросах пленных, переводили и анализировали

трофейные документы, вели разведку. Они заслужили самые лестные отзывы командования. Война закончилась 23 сентября 1905 года, занятия возобновились.

В изучении языков в Восточном институте упор делался на практическое применение знаний и на совмещение учёбы с научной деятельностью в виде подготовки докладов, сообщений, проведения самостоятельных исследований. Каждое лето студенты проходили практику в стране изучаемого языка. Финансировались поездки Восточным институтом; министерство путей сообщения обеспечивало студентам бесплатный проезд по Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железным дорогам, Амуру и Сунгари; Добровольный флот предоставлял тридцатипроцентную скидку для проезда на его судах из Владивостока в Японию и Шанхай. Практиканты проводили в восточных странах по несколько летних месяцев, совершенствовались в разговорном языке, собирали материал для отчётной работы.

Через год после окончания войны поездки студентов возобновились. Георгий Ксимилов провёл в Японии несколько месяцев 1906 года. Итогом его студенческой практики стал тот самый «Обзор истории современной японской литературы: 1868-1906. (По японским источникам)» – первый в русской японистике.

В 1908 году Георгий, окончив с золотой медалью японо-китайское отделение Восточного института, поступил на службу исполняющим дела переводчика китайского языка при канцелярии Приамурского генерал-губернатора в Хабаровске. Через восемь месяцев, в ноябре 1909 года, Георгий Ксимилов был переведён на должность драгомана японского языка при управлении пограничного комиссара Амурской области.

*Пограничный комиссар – это специальное уполномоченное лицо, назначаемое на определённые участки государственной границы для разрешения вопросов соблюдения соответствующего режима и урегулирования пограничных инцидентов. Драгоман (от арабского *tarjuman* – переводчик) – официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представителями. Должность предполагала как переводческие, так и дипломатические функции.*

В это время значительно активизировалась японская разведка в районе строящейся Амурской железной дороги. «В Джалинде большой наплыв японцев – от прачек до докторов. Говорят, больше всего

---

²²Емельянов С.В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2019. С.290

они интересуются строительством железной дороги», – писали в газетах. В Благовещенске в это время живёт «с целью изучения русского языка» майор японского генерального штаба Масухо Сакабэ и ещё около 200 его соотечественников, в большинстве – шпионов.

Деятельность японцев была настолько активной, что 7 июня 1909 года был высочайше утверждён закон об усилении штата управления пограничного комиссара Амурской области. В числе прочих мер усиления была учреждена новая должность – драгомана японского языка (он же – чиновник особых поручений при пограничном комиссаре) с окладом 2400 рублей в год. На эту должность и перевели Георгия Ксимидова. 1 декабря 1909 года он приступил к исполнению обязанностей.

Молодому чиновнику предстояло много потрудиться на благо России, но... «После долгой тяжёлой болезни скончался драгоман при управлении пограничного комиссара Амурской области Ксимидов Г.Г., автор труда «История современной японской литературы...» и чиновник особых поручений», – сообщила 11 марта 1910 года благовещенская газета «Амурский край». На отпевании присутствовали военный губернатор, вице-губернатор, пограничный комиссар, правитель канцелярии губернатора, другие чины. С чего бы вдруг тяжело заболел молодой человек, проживший к тому времени довольно долго на Дальнем Востоке, вполне адаптировавшийся к здешнему климату? Могли его целенаправленно отравить? Вполне. В течение нескольких лет драгоманов японского при управлении пограничного комиссара Амурской области не было.

...Брошюру Г.Г. Ксимидова читал Максим Горький. Писатель внимательно следил за событиями, происходившими в странах Дальнего Востока, был знаком и состоял в переписке с литераторами и общественными деятелями Японии. 18 декабря 1909 года он, находясь на Капри, обращается с просьбой к сотруднику издательства «Знание» С.П. Боголюбову: «Дорогой Семён Павлович! Будьте добреньки – пошлите купить книжки по прилагаемым объявлениям... И не найдётся ли книга: Ксимидов – Очерк истории японской литерат. Издана в Благовещенске, но продаётся и в Питере». В комментариях к этому письму написано: «КСИМИДОВ Г.Г., профессор Хабаровского университета, историк литературы; автор книги “Обзор истории современной японской литературы: (По японским источникам)”».

Георгий Ксимидов мог бы стать профессором. Но скончался очень рано – ему было только 23 года. Отпевали Георгия Ксимидова в благовещенской Никольской церкви.

Алексей Александрович Сахаров

В 2008 году в рамках издательского проекта Амурской ярмарки «Приамурье. Из века в век» вышла книга «Военные события в Приамурье. 1900-1902». В издании освещаются события, происходившие на территории российского Приамурья и Китая во время «боксёрского» (ихэтуаньского) восстания. В книге опубликованы свидетельства, воспоминания, научные статьи, документы, фотографии, посвящённые тем событиям, приводится обширный справочный материал. На обложке книги – репродукция картины А.А. Сахарова «Оборона Благовещенска в 1900 году». Она была написана по заказу Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова.

Николай Иванович – герой среднеазиатских походов русской армии во второй половине XIX века, опытный администратор, известный военный писатель. В 1898 году он был назначен Приамурским генерал-губернатором, командующим войсками Приамурского военного округа и войсковым наказным атаманом Приамурских казачьих войск. В 1899 году в Цинской империи вспыхнуло «боксёрское» (ихэтуаньское) восстание. Н.И. Гродекову было приказано усмирить волнения в Северной Маньчжурии. На это понадобилось два года: только в 1901 году было полностью восстановлено движение судов по Амуру и работа Китайско-Восточной железной дороги. Н.И. Гродекову была пожалована золотая, украшенная бриллиантами, шашка с надписью: «За победы в Северной Маньчжурии. 1900 г.».

В августе 1902 года Николай Иванович отбывал к месту нового назначения – в Среднюю Азию. На прощание он решил сделать нашему городу подарок – живописное полотно «Оборона Благовещенска в 1900 году». Заказ получил художник Сахаров. Почему он? Вероятно, Гродеков и Сахаров были знакомы ещё с Туркестана, где Николай Иванович служил с 1873 по 1893 год, и куда Александр Алексеевич приезжал на этюды.

Приезд художника Сахарова стал для Благовещенска заметным событием. Первая заметка под заголовком «Картина взятия Сахалина» была напечатана в «Амурской газете» 7 июня 1902 года: «На днях в Благовещенск прибыл командированный Приамурским генерал-губернатором художник Сахаров для собрания сведений и составления эскизов для картины взятия Сахалина (*так название селения написано в оригинале*) 20 июля 1900 г., которую Сахарову поручено написать. Таким образом, этот немаловажный в истории Амура факт будет увековечен, хотя в виду низменного характера берегов и растянутости линии военных действий (до 10 верст), по нашему мнению, очень трудно скомпоновать достаточно близко к истинной картине вид этого достопамятного дня».

События июля 1900 года в Благовещенске стали новостью мирового масштаба, ведь «со времени Севастопольской компании ни

один русский город не подверглся бомбардировке, а это было 44 года тому назад», – писал участник тех событий редактор «Амурской газеты» А.В. Кирхнер.

Так случилось, что в момент начала бомбардировки (2 июля) в городе почти не было войск, которые могли бы его защитить. Началось формирование дружины и к 4 июля в неё записалось около 1000 человек: представители всех сословий – от дворян до ссыльно-поселенцев. Вооружение самое разное: винтовки, охотничьи ружья, револьверы; патронов было у кого пять штук, у кого – 100. С 5 июля Благовещенск находился на военном положении. 14 июля к городу начали подходить русские войска. В ночь на 20 июля они переправились через Амур и разгромили китайцев на их территории. Осада Благовещенска была снята. Военные действия продолжились уже в Маньчжурии...

9 июля 1902 года «Амурская газета» написала о том, что господин Сахаров с балкона дома Шадрина сделал несколько эскизов для картины: Семён Саввич – бесценный консультант для художника, так как сам был участником ополчения в 1900 году.

К назначенному сроку картина была готова. 20 июля, в день годовщины освобождения города от осады китайцами, в Николаевском храме отслужили литургию, после состоялся крестный ход до Чуринской площади, там отслужили торжественный благодарственный молебен. По окончании молебствия в зале городской управы состоялась торжественная передача городскому самоуправлению картины. В сопроводительном послании генерал-губернатор Н.И. Гродеков написал: «...Преклоняясь пред заслугами граждан Благовещенска в тяжелые дни осады, я желал запечатлеть этот подвиг доблестных граждан. Препровождаемая при сём картина предназначена мною в дар общественному самоуправлению Благовещенска. Пусть свидетельствует это изображение будущим поколениям, как надо стоять за родину».

Картину в дорогой золочёной раме выставили в зале заседаний Благовещенской городской думы. Каждый желающий («в приличном платье», т. е. не оборванец, не в грязной одежде) мог видеть полотно, «разумеется, бесплатно».

28 июля «Амурская газета» вновь пишет о подарке генерал-губернатора, на этот раз подробнее. «В целом картина производит на зрителя яркое и эффектное впечатление. Она изображает тот момент боя 20 июля 1900 года, когда пароход «Селенга» спускался по Амуру вдоль китайских ложементов и завязал с ними перестрелку с тем, чтобы отвлечь внимание китайцев от проходившей в это время переправы русских войск в Верхне-Благовещенской станице (*в восьми километрах выше по течению Амура*). В это время поддерживалась

самая энергичная канонада и перестрелка. На первом плане картины изображены ложементы (*окопы*), в которых расположилась группа добровольцев-защитников. На зелёном пригорке расположились орудия батареи. По всей линии ложементов виден ружейный дым. Сахалин уже горит. Густой дым поднимается над Амуром, отражаясь в зеркальной реке. В общем, очень сильно, эффектно и весьма близко к истине».

Автор процитированных заметок А.В. Кирхнер в 1900 году был ополченцем первого участка: «Глядя на картину, невольно переживаешь и вновь перечувствуешь минувшие тяжелые дни обороны города... Через десятки лет наши дети и внуки будут, глядя на неё, вспоминать о знаменательном событии обороны города безоружными жителями, и картина навсегда останется памятником этого события».

Кирхнер был прав, называя картину памятником, но на протяжении нескольких десятилетий горожане её не видели: где находилось полотно после 1917 года, неизвестно. В 1941 году работники городского коммунального хозяйства передали его в Амурский областной краеведческий музей. Много лет картина хранилась в запасниках. В 2008 году она была отреставрирована, а затем заняла почётное место в одном из залов музея. «Оборона Благовещенска в 1900 году» – самое значительное произведение А.А. Сахарова.

Личность А.А. Сахарова (после 1902 года он ещё несколько раз бывал в Благовещенске, выполняя заказы, организуя выставки), интересна тем, что он был знаком с выдающимися людьми своего времени: учился у И.К. Айвазовского, путешествовал в команде полярного исследователя Б.А. Вилькицкого, приятельствовал с вице-адмиралом М.Ф. Шульцем, сам был участником и свидетелем важных исторических событий на рубеже XIX-XX веков – туркестанских походов русской армии, Русско-японской войны 1904-1905 годов.

Сахаров был знаком с А.П. Чеховым и даже собирался ехать с ним на Сахалин. 11 апреля 1890 года в письме Суворину Чехов рассказывает о приготовлениях к путешествию, а в конце делает приписку: «Сейчас сидит у меня Е.К. Маркова, которая когда-то жила у Вас. Она вышла замуж за художника Сахарова, очень милого, но нудного человека, который во что бы то ни стало хочет ехать со мной на Сахалин рисовать. Отказать ему в своем обществе у меня не хватает духа, а ехать с ним – это сплошная тоска. На днях он едет в Петерб<ург> продавать свою картину и по просьбе своей супруги пойдет к Вам просить совета. Жена по сему случаю пришла просить у меня рекомендательного письма к Вам. Будьте благодетелем, скажите Сахарову, что я пьяница, мошенник, нигилист, буян, и что со мной ехать нельзя, и что поездка его в моем обществе испортит ему кровь и больше ничего. Скажите, что время его пропадёт зря. Мне, конечно,

было бы приятно иллюстрировать свою книгу, но когда я узнал, что Сахаров за это надеется получить не менее тысячи рублей, то у меня пропал всякий аппетит к иллюстрации. Голубчик, отсоветуйте!!! Почему ему понадобился именно Ваш совет, чёрт его знает».

Тысячи километров в обществе мужа бывшей близкой подруги (*Елизаветы Марковой*)! Врагу не пожелаешь. Наверное, Суворин выполнил просьбу Чехова и напугал-таки Сахарова: Антон Павлович был рад, что отправился в путь один. Александр Алексеевич через несколько лет самостоятельно приехал на Дальний Восток и стал здесь первым маринистом.

Фёдор Иванович Чудаков, Фёдор Филиппович Коротаев

Два Фёдора – Чудаков и Коротаев – жили в Благовещенске в начале прошлого века. Первый – сын сапожника, беглый ссыльно-поселенец и «пролетарий умственного труда» – журналист, живущий на зарплату. Второй – купеческий сын, сам купец и домовладелец, гласный городской думы, член комиссии по заведованию городской электростанцией Благовещенска.

Первый Фёдор «лохмат до безобразия», обычно носил подобную блину замасленную кепку. Второй Фёдор всегда «как денди лондонский одет», с идеальной прической, бородкой-эспаньолкой.

Фёдор Чудаков в 1908 году объявился в Благовещенске настоящим босяком – с паспортом на чужое имя, без копейки денег. Фёдор Коротаев из большого молоканского рода Коротаевых, успешный предприниматель: руководил фирмой «Коротаев с С-ми», имел пароход.

Такие разные два Фёдора неуловимо похожи: оба деятельные, независимые, с характером и оба писали стихи. Гораздо больше известно о Фёдоре Чудакове.

Он родился в городе Чембар, что в пятистах километрах на юг от Москвы. Окончил городское училище, недолго работал писцом в полицейском управлении. В 1905 году – первая русская революция! – вступил в партию эсэров и занялся пропагандой. За это его несколько раз арестовывали, в конце концов судили и отправили на три года в ссылку в Енисейскую губернию. Как добирались ссыльные до места назначения за 6000 вёрст? Немного – по железной дороге, по рекам – на скотовозных баржах, но в основном шли пешком.

В 1908 году Чудаков из ссылки бежал на плоту по Ангаре и по Енисею. Добрался до Красноярска, а потом – до Благовещенска. За

---

²³«История Благовещенска. 1856-1917». Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2009. Т.2, С.160-162.

побег из ссылки он отсидел в местной тюрьме две недели и в документах значился как ссыльнопоселенец. Других последствий не было. Устроился работать в газету «Эхо».

Фёдор Чудаков сразу активно включился в общественную жизнь. Он член Общества рабочих печатного дела, кружка самообразования, Общества изучения Сибири и улучшения её быта. В 1916 году это Общество решило пополнить коллекцию городского музея. Планировалось, что школьники под руководством учителей соберут коллекции насекомых и растений, члены благовещенского Общества охотников предоставят экземпляры птиц и зверей, а господину Чудакову (он был отличным рыболовом) поручили «собрание рыб». Как знать, возможно, в коллекции Амурского областного краеведческого музея сохранились экземпляры, пойманные лично известным сатириком.

В 1909 году Чудаков выпустил сразу два сборника стихов – «Пережитое» и «Шпильки». Полиция нашла в них крамолу и оба издания конфисковала. Чудакова отправили за них в тюрьму.

Удивительно, но в тюрьме было не так плохо, как в ссылке. Вот как вспоминал это время Чудаков в журнале «Дятел, беспартийный»: «В 1909 году политические благовещенской тюрьмы помещались в особом маленьком домике, во дворе. Сидеть было сносно. Камеры были открыты весь день. «Передача» поступала обильная. Почта была налажена прекрасно и приходила раза два в неделю. Книги пропускали почти беспрепятственно».

В тюрьме Чудаков организовал выпуск рукописного журнала «Арестант». Это был парадоксальный опыт: один из идеалов всех революционеров – свободу – Чудаков обрёл в заключении! «Вспоминаю и кажется мне, что никогда и нигде в мире не существовало такой совершенной, такой абсолютной свободы печати, как в благовещенской тюрьме в январе 1909 года. Мы тогда не знали никаких ограничений. Нас не страшили ни штрафы, ни конфискации. Мы не боялись ни прокурора, ни полицмейстера. Поистине, это были лучшие времена моей публицистической жизни».

Пример политических заразил уголовных. Они тоже стали издавать журнал. Старостой у уголовных был Ф.Н. Мухин (его бюст стоит в сквере на площади Ленина).

Чудакова за журнал «Арестант» наказали. Его выгнали из тюрьмы! Поместили в арестантский дом при полиции на углу Иркутской и Благовещенской. Условия там были намного хуже, чем в тюрьме. После освобождения «лохматый студент», как его звали в городе, стал серьёзнее. Женился на Варваре Ипполитовне Протопоповой, она работала учительницей в забурхановской школе имени Гоголя. В 1911 году у супругов родилась дочь Наташа. Сначала молодая се-

мья снимали углы за Бурхановкой, со временем перебралась в город и снимала уже квартиру на Торговой улице.

Судьба Фёдора Коротаева – полная противоположность. Окончил Благовещенскую гимназию, руководил торговым домом «Ф.Ф. Коротаев с С-ми», был гласным городской думы. Будучи коммерсантом, публиковал в местных газетах стихи, очерки, фельетоны, а одно время даже редактировал газету «Благовещенск» (издавалась с 1907 по 1912 год). В 1912 году выпустил сборник стихов. Позже, чем Чудаков, зато в Москве – он был богат и мог себе это позволить.

Оба наших героя – поэты. Чудаков – писал легко и красиво. Вот, к примеру, «Деревенский роман».

У Егорки для вечёрки
Есть смазные сапоги.
Сердце бедное Федорки,
От соблазна убеги!
У Егорки для вечёрки
Приналажена гармонь.
Сердце бедное Федорки –
Ты пылаешь, как огонь!
Спинжачек на нём по мерке,
Три-шесть гривен заплачон!
Небольшой комочек серки
Для Федорки припасен.
...
Ой, не плачь, не плачь, Федорка,
Слёз горючих пожалей.
Что дался тебе Егорка,
Стрикулист и дуралей?
Ураган бушует в хате!
Жарь, вали, ходи, мочи!
Кверху прыгают полати
И на печке кирпичи!

Познавший голод, нищету, одиночество и отчаяние Фёдор Чудаков был оптимистом.

Фёдор Коротаев жил благополучно, но характер его был мрачным, может быть потому, что очень рано потерял мать? Стихи он

---

²⁴Весь – устаревшее обозначение деревни.

писал не совсем складно, назидательно и заунывно. Вот одно из его сочинений. Называется «Басня».

К больному старому Пахому
На двор соседи забежали.
Они рассорилися дома
И дракой ссору порешали.
Сосед Иван, побитый Фокой,
Во двор от Фоки отступал.
Хвативши по лбу камнем Фоку
К Пахому в баню забежал.
Недолго думая, наш Фока
Схватил оглобли и теперь
Всё выбил стекла он и рамы,
И дверь на щепы расколол.
Иван-сосед, себя спасая,
Все бочки, печку изломал,
Соседа Фоку отбивая,
Он кирпичи в него кидал...
И оба добрые соседи
В пылу старанья не видали,
Что друга старого Пахома
Они безвинно разоряли.

Драка – действие динамичное, а коротаевский стихотворный рассказ о ней – пресный, повествовательно-созерцательный. Писал, как умел. В свободное от забот время.

Чудаков стихами зарабатывал. Почти в каждом номере газет, в которых он работал («Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело»), печатались его стихи. Обо всём. Например, «О рыбалке».

Лежу на гальке, смотрю на небо,
А дед упрямо твердит одно:
– Эге, сазанов ловити трэба
На хлиб из маслом! Ото воно!
Сазанов? Как же! Но адски жарко...
А как приятно лежать в тени.
Сиди, беззубый, сазанья парка, –
А я бастую, уж извини.
Я так обласкан царевной-ленью
И так безумно в неё влюблен,
Что променяю икру тайменью,
Налимью печень на сладкий сон!

Коротаев и Чудаков были знакомы, друг другу не симпатизировали, потому что представляли разные классы, разные социальные слои – богатых и бедных, домовладельцев и ссыльнопоселенцев. К тому же задиристый Чудаков в печати иронизировал над творчеством Коротаева. И поэтами они были разного уровня: Чудаков на три головы выше Коротаева. Но по большому счёту делить им было нечего – жизнь спокойно шла своим чередом. До революции.

В 1917 году общество раскололось. Одни были за Учредительное собрание – оно пришло на смену самодержавию, другие – за диктатуру пролетариата. С ноября 1917 года вооруженная борьба за власть идёт по всей России и на Дальнем Востоке – тоже. В Хабаровске и Владивостоке власть к Советам перешла почти безболезненно ещё осенью 1917 года. В Благовещенске вооруженный захват власти произошел только в марте 1918 года. Это были самые трагичные дни в истории города. Они известны под названием «Гамовский мятеж». На самом деле, это была гражданская война. Так и называли современники две недели боёв, убийств, грабежей, две недели ужаса.

...Накануне тех трагических событий оба Фёдора были заняты по горло: Коротаев делал всё возможное для сохранения бизнеса, Чудаков в одиночку издавал антибольшевистский журнал «Дятел, беспартийный». Вот что он писал в своём журнале. «Если могут законодательствовать ослы и мулы, то почему не сказать своего слова и мне?», – заявляет «Дятел». Пародируя распоряжения новой власти (Советской), он предлагает «Декрет об отмене погоды» («Повсеместно погода отменяется»), «Декрет о национализации блох» («По наследству блох передавать запрещается»), «Декрет о здравом смысле» («Здравый смысл отменяется. Навсегда»). Или вот «Дятел, беспартийный» печатает якобы официальное сообщение: «Доводим до сведения населения, что позавчера состоялся митинг кобелей Соборной улицы, на коем решено: упразднить ошейники, ношение хвостов допустить только крюкообразное с небольшим уклоном в левую сторону, старую систему обноживания заменить на новую, более демократичную. Председатель Полкан. Секретарь – Максимка» (Максимка – кличка собаки Чудакова).

Накануне мартовских событий 1918 года Чудаков и Коротаев – оба – оказались врагами новой власти: Коротаев, потому что был буржуем, Чудаков, потому что был эсэром.

После февральской революции 1917 года Благовещенском руководило выборное городское самоуправление. По сути – такое же, как до революции, по составу – иное. Капиталистов в нём не было. В основном интеллигенция и представители профессиональных организаций печатников, врачей, речников, приказчиков, телеграфистов и

так далее. Самоуправление работало успешно, отдавать власть Советам не собиралось. Чтобы установить эту власть силой, в феврале 1918 года в город прибыли большевистские комиссары, а затем из Хабаровска, Владивостока, Усурийска, Читы по железной дороге сюда перебросили по одним данным 12, по другим – 15 тысяч так называемых красногвардейцев. На самом деле не было в то время ещё ни Красной гвардии, ни даже Красной армии.

Кто эти 12–15 тысяч? Это солдаты Первой мировой войны. Их распустили по домам, а дома их были далеко на западе, и не было у демобилизованных солдат никаких средств к существованию. Это масса безработных – год уже не работают в полную силу предприятия. Это сезонные рабочие, которых всегда было много в области, и они тоже «без занятий». Настоящая орда. Этой орде сказали – город богатый, делайте, что хотите, вот вам оружие, и снабдили винтовками, пулемётами, пушками.

Горожане встали на защиту собственных домов, собственной мирной жизни. Их было всего около трёх тысяч. Домовладельцы, гимназисты, небольшой отряд русских офицеров, небольшой отряд японцев (один из них – японский шпион Исимицу написал об этих событиях книгу, её несколько раз издавали в Японии). Китайцы держали нейтралитет (позже, в Сахалине (*современный Хэйхэ*) и Харбине, они много помогали русским беженцам). Казаки отказались участвовать в братоубийстве и ушли в Сахалин ещё до начала гражданской войны в Благовещенске.

Бои в городе шли две недели. Самые ожесточенные – у духовной семинарии, железнодорожного вокзала, переселенческого управления. Итог неравного сражения страшный. Удалось установить только около тысячи имён убитых и раненых. На самом деле жертв было гораздо больше, потому что на льду Амура и Зеи людей расстреливали из пулеметов и могилой им были полыньи. Больше 3000 беженцев (это только те, чьи имена удалось установить) – бежали по льду Амура в Сахалин.

Имена погибших и раненых установили члены издательской группы АО «Амурская ярмарка», подготовившие к столетию событий книгу «Благовещенск. Март 1918» (2018).

Благовещенск был разграблен. Власть Советов была установлена. Оба поэта – Чудаков и Коротаев – в марте 1918 года погибли. Коротаева убили на улице. Ему было 35 лет. До этого он успел вывезти в Сахалин жену, дочь и сына.

Чудаков, ему было 29 лет, застрелился. Он не был трусом, он не был слабым. Он верил в народ и жизнь посвятил борьбе за народное дело. Но он не хотел участвовать в гражданской войне. Для себя Фёдор не видел другого выхода, кроме самоубийства. Но, уйдя добро-

вольно из жизни, он оставил бы без защиты жену и дочь. Спасая их от неизбежных страданий, Фёдор застрелил обоих. Взял на душу страшный грех, но посчитал себя правым.

Коротаева похоронили тайком. Гроб с телом везли на простой телеге, а жена – ей дали знать, она пришла из Сахалина – почти бежала за телегой на расстоянии. Если бы узнали, кого хоронят и кто идёт за гробом, её могли бы убить на месте. В те дни расстреливали даже похоронные процессии.

Несмотря на реальную опасность погибнуть от шальной пули или от рук мародёров, проводить в последний путь семью Чудаковых пришло без малого тысяча человек.

Чудаковы и Коротаев были похоронены на Вознесенском кладбище. Коротаева быстро забыли – он был классовым врагом и его вычеркнули из истории. Чудакова помнили почитатели его таланта, друзья и знакомые: при жизни он был невероятно популярен от Иркутска до Владивостока. В Благовещенске ему хотели поставить памятник. Деньги собирали вплоть до 1932 года, даже в эмиграции в Харбине. Не собрали. Хотели издать книгу стихов. Тоже не получилось. Если бы издали, в неё наверняка вошло бы это стихотворение.

Блестящим бисером осыпаны березы,
Как девушки, одетые к венцу,
Они стоят. Задумчивые позы
И зимние одежды им к лицу.
Им шепчут сказки буйные морозы,
Бродящие по снежному дворцу...
И снятся им живительные грозы,
Ковры цветов, жемчужные стрекозы...
Напевы струй, плескание волны...
Весенний сон, бурлящий хмель весны!

НА АМУРЕ (Вместо послесловия)

*Зима: «ледовое побоище», А.П. Чехов и контрабандисты – Весна: невозможные тарифы, переправа «таском», апрельская авария –
Лето: паромщики, купальни, А.П. Чехов на Амуре, самодурство командиров, пассажиры и А.П. Чехов – Осень: ранний лёд, как сгорели пароход и пристань, и опять – с риском для жизни*

Рассказывая о Благовещенске, нельзя не рассказать об Амуре. Одна из великих рек России в начале XX века была ещё и символом новой жизни, воли, надежды: сотни тысяч людей, жаждущих счастья, богатства или хотя бы заработка, стремились именно «на Амур». Вплоть до 1913 года, когда началось регулярное железнодорожное сообщение, река была главной транспортной магистралью региона, а жизнь Благовещенска целиком подчинялась её природным циклам.

Зима: «ледовое побоище», А.П. Чехов и контрабандисты

Что делать зимой на Амуре? Сто с лишним лет назад такой вопрос удивил бы жителя Благовещенска: на льду пограничной реки в те времена было очень оживлённо.

Напротив Триумфальной арки устраивали каток, действовал зимний ипподром, прачки в теплушках полоскали бельё. На Амуре заготавливали лёд для набивки ледников. Лёд нарезали большими параллелепипедами – их называли «кабанами». «Кабанов» из воды вытаскивали лошади, запряженные в сани. Работа была опасной: глыба льда могла утащить в прорубь недостаточно сильную лошадь,

мог утонуть в ней неосторожный заготовщик, бывало, «кабаны» срывались с верёвок при погрузке-перевозке и калечили людей. Но заработать на заготовке льда можно было неплохо. Например, городской больнице на эти нужды отпускалось 65 рублей.

По замёрзшему Амуру интенсивно передвигались конные и пешие: кто вдоль берегов – на восток или на запад, кто – поперёк, в Сахалин и обратно. Чтобы перейти на правый берег, нужно было заплатить за пропуск. Благодаря последнему обстоятельству сохранились данные о том, сколько человек переходило границу, например, с 1 по 4 декабря 1909 года полиция выдала 917 пропусков, с 1 января по 1 июля 1910 года – 13 758.

Переправлялись пешком, верхом, в санях, в «дилижане» – крытой повозке на несколько человек, типа автобуса на конной тяге. Фёдор Чудаков живописал зимнюю переправу в стихотворном фельетоне «В Сахалине зимой».

Человек стоит у будки
В сапогах больших, как дудки.
Он билетики даёт,
Громким голосом зовёт:
«Эй, кто хочет в Сахалин,
Пусть садится в дилижан».
Желтый ящик «дилижан»
Чуть плетётся в Сахалин.
Белых, желтых он везёт,
Кучер-ходюшка поёт:
«Хо-хо! Сахалин.
Пу-хо! Дилижан».

Многие ходили в Сахалин пешком. Правда, по определённым правилам: «К сведению публики. Переходить на ту сторону Амура, хоть бы и по билетам (*таможенный сбор*), можно исключительно против рогатки (*заграждение типа козлов для пилки дров*). Все лица, переходящие в других местах, будут штрафоваться в размере от 50 копеек до 15 рублей каждый». Через рогатку – здесь был таможенный досмотр – ходила публика приличная. Контрабандисты шныряли через реку в других местах.

Главным предметом контрабанды была китайская водка, потому что стоила копейки. Ее называли «харбинкой» (о том, кто не в меру выпил, говорили «нахарбинился»). Крупные контрабандисты переправляли водку через границу возами, иногда обозами по 10-15 саней с вооруженной охраной, мелкие таскали банками, особыми тро-

пами, ночами. Но был в январе один день, когда дешевую водку несли из-за Амура среди бела дня.

Крещение в начале XX века праздновали 6 января. Иордань устраивали на Амуре. Обычно всё начиналось чинно-благородно: с молебном, крестным ходом, водосвятием. Православные собирались со всего города и, конечно, все с посудой, чтобы набрать крещенской воды.

Пользуясь стечением народа в этот день все, кто хотел, бежали по льду в Сахалин, покупали «харбинку», возвращались будто бы с водой из иордани, продавали водку и отправлялись за новой партией. Так происходило из года в год. «Движение от берега до берега бывает так велико, – писал корреспондент газеты «Эхо», – что таможенными чиновникам не представляется никакой возможности уследить за контрабандой». В 1911 году терпение таможенных чиновников лопнуло, и накануне Крещения они для наведения порядка «выхлопотали себе роту солдат».

6 января толпа начала собираться на берегу с семи утра, солдаты должны были прибыть только к девяти. Какое-то время таможенным удавалось сдерживать жаждущих, но к 8 утра народу собралось очень много. «Против действий таможни начались протесты, потом угрозы, потом полетели льдины, камни, – написал в отчёте о происшествии корреспондент газеты «Торгово-промышленный листок объявлений». – Таможенные вынуждены были отступить, и толпа хлынула за Амур».

В назначенное время прибыли солдаты, с ними – городовые. Они выставили цепь и не пропускали без досмотра тех, кто возвращался из Сахалина. «Толпа пошла на штурм и некоторые сумели прорваться, – пишет корреспондент. – Тогда конные таможенные досмотрщики во главе с таможенным чиновником бросились на помощь солдатам и полицейским. Дружным натиском они отбросили толпу к китайскому берегу. В пылу «сражения» какой-то солдат задел штыком одного мальчика, тот упал. Кто-то крикнул: «Таможенный мальчика убил, бей их!» В таможенников, солдат и городских полетели льдины, камни, пустые и полные банки и чайники. Почти все пострадали в этой канонаде. Таможенные были вынуждены покинуть поле сражения. Мальчик Роскопин ранен не опасно, он в городской больнице (вместе с мальчиком в больнице оказались избитые городовые Парновский, Кондюрёв, Нефедовский).

Как вообще мальчик оказался среди контрабандистов? Дело в том, что дети носили «харбинку» из-за Амура наравне со взрослыми, с разрешения родителей, а иногда и по их приказу. В январе 1910 года, например, газета «Эхо» сообщала, что таможенники задержали на Амуре двенадцать детей 9-14 лет. При них было 30 банок водки. Это почти 90 литров!

Та же газета описывает такой случай. Мальчик лет двенадцати нёс куль с двумя банками водки. Какой-то прохожий остановил его, заявил, что он таможенник, и отобрал куль. Мальчик поднял крик, собралась толпа и... встала на его защиту. «Какой ты таможенный, у тебя оружия нет!» – кричали обыватели самозванцу, отобрали у него куль с водкой и отдали мальчику. Тот пошел своей дорогой, а толпа улюлюкала в след лжетаможеннику.

Через месяц после «январского побоища», 11 февраля, газета «Эхо» напечатала письмо, присланное из таможенного управления. В.А. Орликов, управляющий Благовещенской таможней, разъяснял, как всё было на самом деле 6 января: «В действительности конные досмотрщики, оттеснив толпу, напиравшую на цепь солдат с китайской стороны, заняли фланги и позиции этой не оставили до конца водосвятия. Уехали с Амура только когда на льду не осталось ни одного человека».

Но всё же надо признать, что для таможенных тот день был неудачным: они смогли задержать только 28 контрабандистов. А на Амуре их было не меньше тысячи.

...В письме Суворину, написанном 27 июня 1890 года в Благовещенске, А.П. Чехов пишет: «Беседовать и обедать с золотыми контрабандистами – это ли не интересно?». Эти нарушители таможенного законодательства были знакомы Антону Павловичу с детства, ведь он вырос в портовом Таганроге, где были свои «прославленные контрабандисты». Конечно, Чехову было интересно пообщаться с амурскими флибустьерами. Расположить их к себе не составило труда: общительность и обаяние Антона Павловича – факты общеизвестные.

Амурские контрабандисты носили и возили из-за границы главным образом «харбинку», а за границу переправляли золото – там его можно было продать в два раза дороже, чем в Благовещенске. Потому Антон Павлович и называет своих собеседников «золотыми».

В книге «Остров Сахалин» Чехов пишет: «На пути от Хабаровки до Николаевска мне приходилось встречать немало контрабандистов; здесь они не скрывают своей профессии. Один из них, показывавший мне золотой песок и пару понтов (*очевидно, речь идёт об оленьих рогах пánтах*), сказал мне с гордостью: «И мой отец был контрабандист!». Спустя несколько лет после путешествия Чехов не вспомнил, что контрабандисты встретились ему в Благовещенске, на границе с Китаем, а не на Нижнем Амуре, где ни границы, ни контрабандистов уже не было.

**Весна: невозможные тарифы, переправа «таском»,
апрельская авария**

Для тех, кому нужно было перевезти груз, перегнать скот или, например, отдохнуть в Сахалине, зима была лучшим временем года. Проблемы с переправой через Амур (и Зею) начинались весной. Сообщения с переправы читаются, как сводки из района чрезвычайной ситуации. Вот, к примеру, апрель 1912 года в газетной хронике.

8 апреля. «Переправа через Амур становится небезопасной. 6 апреля при прогоне партии скота из Сахалина в Благовещенск один бык провалился и утонул, вскоре после этого едва не утонул какой-то господин, проезжавший на американке, которая провалилась обоими колёсами. Господин не искупался благодаря тому, что оказался хорошим гимнастом. Около берегов много воды. Подвозка грузов, как в Сахалин, так и из него, прекратилась».

9 апреля. «Дорога через Амур за последние несколько тёплых дней сильно испортилась. Около берегов большие наледи, движение возов значительно затруднено, бывали случаи, когда они проваливались и перевёртывались. Пешеходы вынуждены от берега до непокрытого водой льда переправляться на лодках».

12 апреля. «Прошедший дождь значительно повредил лёд и наделал много полыней. Несмотря на то, что дорога по Амуру разрушена во многих местах, 11 апреля нашлось пять смельчаков-китайцев, благополучно перебравшихся при помощи выстукиваний и гигантских прыжков на русскую территорию».

17 апреля. «Около четырёх часов дня около перевоза лодочники, перевозящие на ту сторону, заспорили между собой об очереди. Спор перешел в ссору и результатом явился один раненый ножом в бок. Пострадавший отправлен в Красный Крест. Рана признана опасной».

20 апреля. «Несколько китайских лодочников держат перевоз, взимая с каждого пассажира по 60 копеек, а китайская администрация, не желая оставаться при пиковом интересе, не замедлила обложить каждую лодку данью в 8 рублей в сутки. Существуют и некоторые ограничения для перевозчиков. Так, русские содержатели лодок должны перевозить пассажиров только с левого берега Амура, а китайские – только с правого, и каждый не имеет права брать пассажиров не своей стороны».

28 апреля. «Несмотря на сплошной ледоход, сообщение с Сахалином не прекращается. Перевозчики с опасностью для жизни берутся доставлять пассажиров в Сахалин и обратно, беря за это до двух рублей с человека (*летом за переправу на пароходе платили*

---

²⁵Копия протокола хранится в архиве Н.Г. Новикова-Даурского в ГААО.

10 копеек, на барже, с меньшим комфортом, – 5 копеек). От таможенной рогатки лодки лямкой и при помощи шестов отводят выше по течению более, чем на версту, и только тогда пускаются в плавание. Несколько лодок затёрло льдом, благодаря чему пассажиры были высажены не в Сахалине, а в устье Зеи. 26 апреля перевоз совершался таким же образом».

Самый оригинальный способ переправы весной, ещё до начала ледохода, назывался «гаском»: лодки с пассажирами перетаскивали по льдинам от одного участка чистой воды до другого. Чтобы лодки лучше скользили, их днища обивали листовым железом. Наверное, это было не против правил, ведь судоходная инспекция каждую весну проверяла лодки, которые будут работать в ледоход.

Особенно тяжело доставалась переправа тем, кто прибывал издалека. В семь вечера 9 апреля 1910 года на берегу Амура, у мола (примерно там, где сейчас стоит ротонда), собралось много публики: наблюдали, как переправлялся транспорт из Цицикара (транспортом называли караван из нескольких телег или саней). С грехом пополам они выбрались на лёд от китайского берега. Прошли по льду, хотя во многих местах он был размыт. С купальни подали лодку, телегу протянули вплавь верёвкой. Переправлялись с полудня до половины девятого вечера и вот что рассказали, выбравшись на берег: «От Цицикара перешли тридцать речек, три дня голодали. Деньги давно вышли, а без них через границу китайцы не пропускали. Когда решили перейти самовольно, китайцы стали стрелять, ранили одну лошадь. Задержали одного из путников, забрали документы и десять лошадей». В довершение несчастий, у сопровождававших остатки транспорта украли два ружья. Уже на нашей стороне.

...Пароход «Петербург» шёл вниз по Амуру в самом начале навигации 1910 года, 28 апреля. О том, что произошло, оставил заметки участник тех событий.

«По реке тянулись ряды льдин. Подошли к заимке Нехорошева, на восьмой версте ниже Бекетовой. Администрация решила остановиться на ночь, так как впереди был туман. Когда повернули к берегу, какая-то шальная льдина ударила пароход в борт, тот рванул вперёд и получил пробоину второго борта. В трюм хлынула вода. В самое короткое время были залиты топки, погасло освещение, пароход стал тонуть. Спустили шлюпки, пассажиры стали высаживаться на остров, а пароход под напором шуги продолжал плыть. Матросы сумели завести концы и остановить его.

Было страшно холодно, но среди пассажиров было много мужчин. Вскоре на острове застучали топоры, повалились деревья, запылали костры, разбивались палатки, из веток мастерились постели.

Забрезжило утро. Пароход стоял в воде по среднюю палубу. На его крыше ютились пассажиры, которые не смогли перебраться на берег, и капитан. Несколько раз они пытались покинуть пароход уже при свете дня, но мешала густая шуга. К шести часам вечера вода начала спадать. С парохода спустили шлюпку с пятью пассажирами и отправили в виде депутации на стоявший в 12-ти верстах ниже пароход «Москва». Через несколько часов «Москва» пришла, пассажиры вздохнули с облегчением. Погрузились, поехали.

Команда «Петербург» осталась на реке. Своими силами поднять пароход не было никакой возможности. 4 мая в 8 утра на помощь пришел присланный судоводной инспекцией пароход «Благовещенск». В 10 часов мимо проходил пароход «Онон». Командир «Благовещенска» господин Кушнарченко тревожным свистком остановил его и попросил принять участие в подъёме. Пробоины «Петербург» завалили изнутри лесом. Под руководством командира Кушнарченко работа была дружной и усиленной, и пароход был поднят...»

Через десять дней в газете «Эхо» было размещено следующее объявление: «Пароход «Петербург» после вытерпленной аварии вновь отремонтирован и имеет выйти в Сретенск 17 или 18 мая».

Лето: паромщики, купальни, А.П. Чехов на Амуре, самодурство командиров, пассажиры и А.П. Чехов

Задолго до старта навигации начинались переговоры между пароходчиками, желавшими арендовать переправу через Амур, и управы Благовещенска и Сахалина. Право приставать к берегу продавалось и с нашей, и с китайской стороны. Сколько и чьих интересов сталкивалось вокруг переправы, можно только догадываться.

В 1908 году в гордому Благовещенска обратился распорядитель Селемджинского пароходного товарищества (Селемджа была судоводной рекой) Н.К. Грядасов с просьбой отдать ему перевоз через Амур в аренду на шесть лет за 500 рублей в год, к концу срока плата вырастет до 1000 рублей (по самым скромным подсчётам аренда перевоза приносила 10 000 рублей дохода за сезон). Дума дала добро только на один год, за 500 рублей. А Грядасов договорился с китайцами, и они дали ему разрешение держать перевоз на двадцать лет! Так предприимчивый пароходчик стал хозяином-монополистом переправы. Летом 1910 года газета «Амурский край» писала: «Амурский перевоз находится в руках настоящего дельца. Грядасов решил, что всё движение грузов и пассажиров должно производиться только через его перевоз и обложил всё, что перевозится на лодках, данью по одной копейке с пуда и по пяти копеек – с человека. Когда пароход на переправе прекращает дневную работу, Грядасов

предлагает пассажирам шаланду за 10-15 копеек с человека. Особенно от Грядасова страждут китайцы. На днях один привез 2500 пудов негашеной извести. Администрация перевоза потребовала заплатить 25 рублей, он отказался, у него забрали три брезента, оставив известь открытой. Что с нею произошло от проливного дождя, который прошел ночью, каждому понятно. Поступила жалоба, городским приставом составлен протокол».

В 1911 году Грядасов с семьёй выбыл из купеческого сословия, тогда же оставил и переправу. Её отдали в аренду благовещенскому мещанину Д.М. Кузнецову. Почему-то без ведома китайских властей. Последние, видимо, выказали недовольство. Проблему пришлось «разруливать» пограничному комиссару, военному губернатору, айгунскому дао-таю.

Кузнецов поставил на перевоз пароход «Заря», баржу «Луна», начал зарабатывать, но... не торопился платить за аренду. Думе пришлось подавать на него в суд – сначала в 1911, потом в 1912 году. Кузнецов постоянно жаловался на то, что дела идут плохо, просил отсрочки, скидки. Дума была готова пойти ему навстречу, а дотошная газета «Эхо» взяла данные таможни и подсчитала, что только за сентябрь 1912 года через перевоз прошло около 1000 китайских шаланд, они перевезли 174 586 пудов разного груза. «Кузнецов берёт по одной копейке с каждого пуда, за месяц выручает 1745 рублей, – упражнялись в арифметике журналисты. – Это сумма, вырученная без участия его парохода, баржи, служащих, не сожжено ни одного полена дров, в работе принимали участие только арендатор да его кожаная сумка, в которую складывались копейки и рубли. Гласным думы прежде, чем принимать то или иное решение, необходимо выяснить, на самом ли деле дело обстоит так плохо с перевозом».

В доказательство того, что аренда переправы очень выгодное дело, можно сказать, что в том же 1912 году «компаньон» амурского перевоза китаец Сидо начал строительство большого двухэтажного каменного дома возле пристани в Сахалине. Деньги были!

В начале апреля 1916 года право приставать к китайскому берегу приобрела благовещенская мещанка и пароходовладелица И.И. Фисенко. Она предложила благовещенской городской думе за аренду перевоза 3800 рублей. Дума согласилась. В июне того же года Ирина Ивановна купила у П.В. Эповой паровой винтовой катер «Кречет» за 2000 рублей, переименовала его в «Тубус». Катер тоже работал на маршруте Благовещенск–Сахалин.

Летом перевоз работал интенсивно. Вот, к примеру, 2 июня 1911 года привезли из Сахалина 30 возов сена, 30 быков, пять коров, одного телёнка, 20 возов угля древесного, семь возов соломы, четыре воза сушеной редьки, 20 пудов свежей рыбы, 600 ободьев; из Благове-

щенска отправили пять ящиков яиц, 70 пудов муки, 15 пудов арбузных семечек, 105 пудов гороха, 30 бутылок пива, 15 пудов железа. Всего перевоз сделал 13 рейсов, перевёз в обе стороны 1262 пассажира и 102 конные подводы.

Расписание? Оно как бы было, но как бы не совсем. В начале навигации арендатор сообщал, например, что перевоз будет работать с шести утра до восьми вечера. К середине лета благовещенцы жаловались: «У амурского перевоза нет расписания, неизвестно, когда у него последний рейс и часто приходится возвращаться на лодках, за что приходится платить значительно больше».

Об удобствах пассажиров перевозчики особо не заботились: ехали вместе кони, люди, телеги... 5 июня 1912 года люди написали жалобу: «На барже, перевозящей пассажиров на китайскую сторону, нет скамеек. Вследствие этого люди и лошади страшно теснятся. Не мешало бы по бортам баржи устроить скамейки, не мешающие установке телег». Как перевозчики на жалобу отреагировали, неизвестно.

В 1916 году газета «Благовещенское утро» сообщила сенсационную новость. «Ввиду того, что на китайской стороне летом перевозу не разрешают причаливать к берегу, городская управа решила устроить переправу на аэроплане, который уже пришел в Благовещенск, и сегодня ему будет сделано первое испытание. Первый полёт от рогатки будет совершен в час дня. Желающие будут переправляться бесплатно и без пропусков. Пилотами приглашены И.Ф. Палагин и Я.И. Матвеевко. Первый будет летать до 3 часов дня, второй – с 3 до 6 часов вечера».

Те, кто поверил сообщению, были разочарованы: никаких полётов не случилось ни в означенный день, ни в другие. Обывателей Благовещенска разыграл редактор-издатель газеты А.И. Матюшенский, и сделал он это 1 апреля.

Пилотами аэроплана Матюшенский «назначил» двух гласных городской думы: Илью Фёдоровича Палагина – благовещенского мещанина, домовладельца, и Якова Ивановича Матвеевко – благовещенского купца 2-й гильдии, компаньона и распорядителя товарищества «Братья Матвеевко», члена попечительного совета Алексеевской женской гимназии, домовладельца. Чем-то не нравились эти депутаты редактору-издателю «Благовещенского утра», раз он решил именно их выставить на посмешище. А.И. Матюшенский был известным насмешником.

...Весь берег Амура у Благовещенска был поделён на участки, которые город сдавал в аренду для «пристачи» пароходов и барж. Это был очень существенный источник пополнения городского бюджета. Но, «удовлетворяя купальные нужды города», Дума выделила

место и для двух купален – одна принадлежала местному отделению Общества спасания на водах, другая – предпринимателю Бояджиеву.

Купальни, которые тогда устраивали на морях, реках и озёрах, – это плавучие сооружения, отдалённо напоминающие современные бассейны: по периметру – помещения для переодевания (с крышей, полом и дверями), по центру – место для купания, естественно, без крыши и без пола. Купальни посещали те, кто мог платить за ком-форт. В 1908 году в Благовещенске побывал сибирский ботаник, ученый и путешественник В.Ф. Семёнов. В своём дневнике он записал: «Купался в приличной купальне. В общей – 5 копеек, номера по 20 копеек. Вода в Амуре цвета мутного чая, густого».

У кого не было лишних денег, купались с берега – «около про-виантских магазинов» на Амуре, с плотов – на Зее. И дети, и взрос-лые открывали купальный сезон довольно рано – в первых числах июня. «Несмотря на сравнительно низкую температуру воды, в пер-вый день купания, второго июня, в частной купальне было около 100 человек купающихся», – сообщала одна из газет.

Обе купальни зимовали там же, у Графского взвоза, и обе страдали от весенних ледоходов. В 1909 году «Торгово-промышленный листок объявлений» сокрушался: «Ледоходом повреждены обе купальни: одна выброшена на берег, а частная частично разбита совсем».

Летом 1910 года пароход «Петербург» зацепил и порвал якор-ную цепь купальни Бояджиева, её сорвало с причальных канатов и понесло по течению, причем, в это время в ней были люди. Ку-пальня налетела на мол, повредила несколько лодок и небольшой плот. В районе городского бульвара плотовики пытались её остано-вить, но не удалось.

В погоню за купальной сразу же отправился заведующий мини-стерской пристанью Варфоломеев на паровом катере. С помощью канатов её затормозить не получалось. Тогда Варфоломеев заехал с реки, упёрся катером в середину купальни и пустил мотор полным ходом. Таким образом, ему удалось – уже в районе сада велосипеди-стов – довести купальню до берега. Там её задержали. Купальщики в таком «путешествии», конечно, страху натерпелись. По счастью, никто не пострадал: людей из купальни вывезли на шлюпках.

О купальне Бояджиева остались хорошие отзывы. В начале лета 1911 года газета «Эхо» писала: «Открывшаяся купальня заслуживает быть отмеченной: общие купальни настолько обширны, что в них можно плавать, не мешая другим. Всюду чистота, лестница, по кото-рой спускаются в воду, покрыта ковриками. Для каждого купающе-гося отдельное отгороженное место для раздевания».

Тем же летом городская управа решила закрыть купальню Бо-яджиева. Официально – за «невзнос» арендной платы, но всем было

известно, что делается это по просьбе паромщиков: мест для «пристачи» паромов не хватает (огромный вал грузов шел на строительство Амурской железной дороги). Публика протестовала и на год отвоевала «единственную приличную купальню». Летом 1912 года, «несмотря на протесты гласных и местной прессы», дума утвердила постановление о купальне Бояджиева: убрать сооружение с занимаемого места. При этом другого места для неё у амурского берега в черте города не было. Возмущенная публика подала в думу письменный мотивированный протест. Пресса, в частности, газета «Эхо», публику поддержала собственной публикацией: «Купальню Общества спасания на водах решено спустить к молу, на место частной, владельцу же последней предоставить право... найти другое место. Если трудно возражать против первой части этого решения, то вторая часть не может не привести в изумление всякого... не паромовладельца. Потрудились ли гласные подумать, где может быть то, «другое», место, которое они так великодушно предоставили владельцу частной купальни? По-видимому, нет, так как в противном случае они увидели бы, что от мола до Благовещенской улицы весь берег сплошь занят паромными пристанями и приткнуться есть место разве что для курицы.

Быть может, имелось что-нибудь выше почтовой пристани? Едва ли. Чем-чем, а наивностью наши гласные дельцы грешны меньше всего и, конечно, не могли подумать, что найдутся такие неумные предприниматели, которые согласились бы поставить купальню где-то у чёрта на куличках, куда и бесплатно никого не затащишь купаться. Не думают же паромовладельцы, больше других настаивавшие в думе на переводе частной купальни, что расстояние от участков выше почтовой пристани короче, если его измерять ногами горожан. По крайней мере, сами они, когда им предлагается приставать там со своими паромными, всякий раз ворчат о дальности расстояния.

Таким образом, фактически одна из двух существующих купален упраздняется и интересы всего населения приносятся в жертву интересам горсточки паромовладельцев. Я говорю о горсточке потому, что освободившийся от купальни участок причальной линии может быть использован лишь незначительной частью паромов.

Впрочем, могут возразить, что интересы горожан не нарушены, так как одна купальня вполне обслужит всех купающихся. Но так может думать только тот, кто вполне удовлетворяется душем из соб-

---

²⁶Востриков Л.А. Светя другим. Хабаровск, 1974.

ственного пота, кто в купальнях никогда не бывал, кто не видел, как зачастую, особенно в жаркие душные дни, обе купальни бывают переполнены».

Протесты возымели действие: купальню оставили, и она проработала всё лето, а в конце августа – несчастное плавучее сооружение! – прибывшей водой её сорвало и унесло. На поимку купальни был послан пароход «Благовещенск». Удержать её он не смог: при каждой попытке подвести к берегу, зацепив канатом, купальня рвалась на части и после четырёх попыток оказалась почти совсем разрушенной. Вместе с купальней унесло водой больше десяти лодок, сданных разными лицами на хранение сторожу.

Купальню Общества спасания на водах «пропечатывали» в газетах много раз и никогда – с положительной стороны, одна только критика: «Места для переодевания в общем мужском отделении настолько тесны, что раздеваться и одеваться в них очень трудно, вешать платье некуда, так как вешалок нет, почти нет вешалок и в номерах. В прошлом году номера были отделены друг от друга не только перегородками, но и полотном, так что излюбленное некоторыми господами наблюдение за соседками было невозможно. Нынче же нет не только полотна, но даже перегородки на четверть приподняты от пола и, купаясь в одном номере, свободно можно наблюдать за соседями из других номеров»; «Пол в одной части купальни Общества спасания в общем мужском отделении несколько покот. От постоянной мокроты удержаться на нём очень трудно. Утром 15 июня за полчаса растянулось три купальщика. Один из них так ударился головой о брус, что встал только с посторонней помощью»; «В мужском отделении нередко допускаются разные безобразия со стороны хулиганов: площадная брань, обливание одевающихся или раздевающихся водой, которой обычно залит весь пол и т. д. Никакого надзора за купающимися со стороны Общества»; «В женской купальне чувствуется недостаток большого зеркала. Перед одним маленьким зеркалом толпятся несколько дам и многие, не дождавшись очереди, уходят непричесанными. Неужто для администрации купальни этот расход не под силу?»; «Число купающихся с наступлением жарких дней растёт. Купальню Общества спасания посещает около 800 человек в сутки. По вечерам общая купальня набита битком, чтобы попасть в номер, приходится ждать часами очередь».

Одна оставшаяся купальня «удовлетворить купальные нужды города» не могла. Ранней весной 1915 года городская дума решала, что же делать? Постройка новой купальни обойдется в 1200 рублей, доложил городской архитектор. Прибыли будет не больше 3000 рублей в год, доложил председатель финансовой комиссии. Решили

«постройку собственной купальни признать неосуществимой, вызвать частных предпринимателей, а кто вызовется, аренду с него не брать». Похоже, желающих не нашлось, потому что в 1916 году городское самоуправление снова вернулось к тому же «глобальному» вопросу.

...Антон Павлович Чехов очень любил купаться. Особенно в Чёрном море. По пути на Сахалин летом 1890 года он хотел окунуться в Байкал, но первым в воду тогда бросился ехавший вместе с Чеховым поручик фон Шмидт, выскочил, как ошпаренный, и отговорил своих попутчиков от эксперимента – вода в озере всегда очень холодная.

За всё путешествие на Сахалин и обратно (больше 30 000 км) в открытом водоёме в России (с Сахалина он возвращался южными морями) Чехов искупался только один раз. И случилось это в Благовещенске. Скорее всего, в день приезда, 26 июня. Антону Павловичу настолько понравилось, что в письме знакомому он дважды повторяет фразу «Купаюсь в Амуре!».

...Навигация на Амуре была короткой. Обычно – с мая по октябрь. Чего только ни случалось на реке за эти шесть месяцев! С открытием навигации благовещенские газеты начинали получать и печатать письма пассажиров амурских пароходов. Читаешь и диву даёшься.

Из станицы Игнашиной редакцией «Амурского края» получено такое письмо. «Загадка: в какой стране высаживают пассажиров с парохода в воду? Если Амурское общество пароходства и торговли и особенно командир парохода Бубнов разгадают эту загадку, то выплачу премию. Ар. Мыльников». Для редакции автор письма сделал пояснение: «Возмутительно! Командир командует матросам: «В воду их, пассажиров, выталкивай!»

Вот ещё несколько писем возмущённых пассажиров. «Позвольте через вашу газету спросить, почему господа командиры пароходов останавливаются в Константиновке не у пристани, а выше её, где берег покрыт непроходимой чащей и совершенно неудобен для посадки и высадки пассажиров? При посадке и высадке в таком неудобном месте нередко пассажиры остаются с рваными костюмами и исцарапанными лицами. Позвольте напомнить, что не население существует для пароходов, а пароходы для населения. Ф. Номоконов, В. Победин».

«Пароход «Хинган» пошел в рейс до Сретенска, но пристал в Сахалине у винного склада. Сутки ждали каких-то запчастей, которые везли из Благовещенска. За это время кто хотел – напился, некоторые – до чёртиков. Отремонтировали пароход, дошли до Верхне-Благовещенской и... снова вернулись в Сахалин, опять к винному складу. Только на следующий день «Хинган» вернулся в Благове-

щенск. Со скандалом пассажирам возвратили деньги за билеты, и они пересели на другой пароход. Пассажиров было больше трёхсот!»

«На частных пароходах плату за проезд берут, как вздумается: «Муравьёв-Амурский» за 44 версты от Благовещенска до Марково берёт 5 рублей, а «Москва» – 1 рубль»».

«Выпивший господин при посадке по ошибке зашел на пароход «Муром» и показал командиру билет на пароход «Сибирь». Командир рассвирепел и так толкнул пассажира, что тот кубарем полетел со схода. Мало того, командир подбежал к упавшему и толкнул его в воду со словами: «Ездишь на «Сибири», так похлебай воды».

К услугам пассажиров амурских пароходов было три класса размещения: третий класс – в трюмах или на палубах, второй класс – в общем помещении с отдельными койками, первый класс – в каютах по одному-два человека. Первым классом пользовались господа, и по прибытии в Благовещенск их фамилии, должности, принадлежность к тому или иному сословию печатались в газетах: «На пароходе «Порт-Артур» прибыли иркутский купец М.И. Поляков, доктор М.М. Переломов, купец Юй-Цзю-Линь, инженер Г.В. Горошко»; «На пароходе «Москва» прибыли Л. Бандалье, доктор Прошьян с женой, дети золотопромышленника А. и А. Сенотрусовы»; «На пароходе «Князь Суворов» прибыли товарищ прокурора Я.В. Комаринец, врач клиники Томского университета Л.Ф. Мациевский»; «На пароходе «Сибирь» прибыли старший землемер К.А. Козельский, студент-медик К. Слезин, студент-технолог Е. Краке, гражданский архитектор Р.И. Блюм, редактор и издатель газеты Хикопчи Матояма».

О путешественнике А.П. Чехове благовещенские газеты не писали, так как местных газет здесь тогда ещё не было. Остались письма Антона Павловича: «Проехал я благополучно, как дай бог всякому... Из массы вещей, которые при мне, потерял только перочинный нож, ремень от чемодана и баночку с карболовой мазью. Проехать так тысячи вёрст (*от Москвы до Сретенска*) редко кому удаётся». Эти строки Чехов написал 20 июня, недалеко от Сретенска, на борту парохода «Ермак». Впереди было ещё почти три тысячи вёрст плавания по Шилке и Амуру. Антону Павловичу неизвестно, что и в дальнейшем пути ему невероятно повезёт: он не застрянет на мели на восемь суток, как Н.Г. Гарин-Михайловский в 1898 году, не отравится едой из пароходного буфета, как В.Л. Дедлов/Кигн в 1900-м, у него ничего не украдут, его не ограбят и не застрелят, как это часто случалось с путниками именно на Амуре, где жизнь отличалась большой вольностью со всеми её последствиями.

Первое, что невероятно обрадовало Антона Павловича на борту парохода, – комфорт. «Наконец-таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потертые штаны и лоснящуюся от пыли и пота синюю руба-

ху, могу умыться и одеться по-человечески. Я уже не в тарантасе сижу, а в каюте I класса амурского парохода «Ермак»; «Путешествие моё на лошадях кончилось; большие сапоги заключены под спуд,²⁵ рожа вымыта, бельё переменено, и московский жулик преобразился в барина».

Попутчик Антона Павловича от Томска до Хабаровки офицер русской армии И.Я. фон Шмидт в своих воспоминаниях уверял, что на пароходе «Ермак» Чехов предстал настоящим франтом. «На другое утро (21 июня), встретясь с Чеховым на палубе, я почти не узнал его. Свежий и бодрый, он одет был в щегольскую коричневую пижаму с шелковыми отворотами и обшлагами. К завтраку он вышел в элегантном костюме из белой фланели и в модном сиреновом галстуке. К обеду – в смокинге. На следующий день новая трансформация». Антон Павлович знал толк в одежде, всю жизнь сам занимался своим гардеробом. «Адски нарядный литератор», – называла его актриса К.А. Каратыгина. Кстати, Чехов сам умел шить – в юности окончил курсы шитья.

В 1890 году, в предвкушении путешествия на Сахалин, Антон Павлович писал своим корреспондентам, что будет есть стерлядей на Амуре и устриц на берегу Тихого океана. Ценитель и знаток хорошей кухни, чем будет питаться в дальней дороге, он представлял смутно. Поездка по Сибири оказалась большим гастрономическим приключением, главное впечатление от которого Антон Павлович описал одной фразой: «Голодал, как собака». Всё наладилось после того, как закончилась сухопутная часть путешествия и началась речная. «Классные» (не палубные) пассажиры амурских пароходов питались в буфете, за отдельную плату. Утром и в четыре часа дня обычно подавали чай с лимоном и сахаром, белый хлеб; на обед привычные нам первое, второе, третье, на десерт – мороженое. Ужин состоял из одного мясного блюда и неизменного чая. Желающие могли не придерживаться общего меню. «Вчера же в моей каюте обедал золотопромышленник с лицом Пети Полеваева; за обедом он вместо воды пил шампанское и угощал им нас», – сообщает Чехов в письме родным.

Кроме пароходного буфета пассажиры могли рассчитывать на продукты, которые продавали жители прибрежных деревень. Как вспоминал американец Ф.Э. Кларк, путешествовавший от Владивостока до Лондона через десять лет после Чехова, в 1900 году, купить можно было молоко, сливочное масло, яйца, сметану, хлеб, домашнюю птицу: «Пассажиры собирались на верхней палубе, многие с пустыми бутылками в руках, чтобы на берегу обменять их, приплатив 10 копеек, на полные» (молока). Пассажиры третьего класса готовили еду на кострах, которые разводили на берегу во время стоянок.

На страницах 139-141 «Справочной книжки Амурской области на 1890 год» напечатана «Такса Товарищества амурского пароходства на перевозку пассажиров, багажа и грузов, казённых и частных, от Сретенска до Николаевска по течению». Судя по этой таксе, Антон Павлович заплатил за проезд (2956 ½ версты) 88 рублей 69 копеек. Дорого это или нет, может подсказать французский путешественник Эдмон Котто, который побывал в России в 1881 году: «Билет в первом классе (от Сретенска) до Хабаровки мне стоил 60½ рубля. Эти цены нельзя назвать чрезмерными, однако они в три раза выше, чем цены на пароходах на Оби». Через девять лет после плавания Котто стоимость билетов, наверное, выросла, но соотношение, скорее всего, осталось таким же: на западе многое дешевле и сейчас.

Провоз багажа в 1890 году оплачивался по 3 копейки за пуд. Во что обошлась эта услуга Антону Павловичу, подсчитать невозможно, потому что мы не знаем, каким на тот момент был его багаж (по возвращении в Москву 10 декабря 1890 года багаж Чехова был таким огромным, что для его перевозки пришлось нанять трое парных саней).

Как ни удобно было речное плавание по сравнению с ездой в тарантасе, а пароходы нарушили писательские планы Антона Павловича. Он ещё в Москве планировал, что в комфортабельных условиях кают будет писать путевые очерки для газеты «Новое время», но смог написать лишь несколько писем родным и знакомым: «Сим извещаю вас, что пароход «Ермак» дрожит, как в лихорадке, и что поэтому нет никакой возможности писать. Благодаря такой чепухе все мои надежды, которые я возлагал на пароходное путешествие, рухнули. Остаётся теперь только спать да есть». Пароход «Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский», на котором Чехов шел от Благовещенска до Николаевска, тоже неизменно трясло. По таким вот «техническим» причинам остались ненаписанными путевые очерки «С Байкала», «Из Забайкалья» и «С Амура»: сначала Чехову мешала тряска пароходов, а потом всё заслонил Сахалин.

Осень: ранний лёд, как сгорели пароход и пристань, и опять – с риском для жизни

Природа «готовилась ко сну», а на Амуре осенью начиналась настоящая лихорадка: до окончания навигации владельцам пароходов нужно было успеть перевезти массу грузов, а пассажирам – добраться до «большой земли», то есть Сретенска, чтобы не застрять в Приамурье на всю зиму.

Катастрофическим для всего Амурского бассейна было внезапное раннее окончание навигации 1912 года. 5 октября – на две недели раньше обычного – в Сретенске выпал снег, на Шилке появилось сало. «Благодаря быстро наступившим холодам и сильному ледохо-

ду, застигнутые в пути пароходы навряд ли доберутся до городов, и им придётся зимовать там, где их заморозит», – сообщила газета «Эхо» 7 октября. 9 октября лёд уже шёл сплошной массой.

В тот год реки и озёра Амурского бассейна замерзли не постепенно, а как-то разом. 11 октября из Николаевска пришло известие: «Шторм, буря, бухта покрыта льдом. Вмёрзли 16 катеров, 4 шхуны, 12 баржей, 10 рыбниц, 189 других мелких судов. Необыкновенно быстрое пришествие зимы причинило громадные убытки судоходству: мелкие суда зимой, наверное, будут вырублены и доставлены в надёжные места, большие суда и баржи, скорее всего, весной со льдом уплывут в море, если не будут приняты какие-либо меры».

Оперативно собрав сведения о «замороженных» пароходах и баржах, судоходный надзор 13 октября опубликовал их список в газете «Эхо»: «Атаман» с баржей «Гриф» зазимовал около Кузнецовой, груз керосина и муки 26 000 пудов, пассажиров нет; «Иртыш» – в двух верстах от Кумары, груза и пассажиров нет; «Василий Алексеев» – в Касаткиной, пассажиров 20 классных, 50 палубных, 18 000 пудов груза; «Линевич» с баржами «Дия», «Беркут», «Кумара» – в Пашковой, груза 57 000 пудов пшеницы; «Бородино» с баржей «Тырма», груза 20 000 пудов рыбы солёной, без пассажиров; «Борис» с баржей «Слон» – в Михайло-Семёновской с 50 000 пудов железнодорожного груза; «Адмирал Невельской» с баржами «Лев» и «Сокол» – в Пашковой, 90 000 пудов железнодорожного груза; «Семён Дежнёв» с баржами «Боярыня» и «Чибис» – в Пашковой, без груза, с 800 человек железнодорожных рабочих; «Финляндец» – в Ломах, без груза и пассажиров; баржа «Переселенческая №2» – на Власинском перекате с 14 000 пудов рыбы; «Александр Бубнов» и «Ковалевский» с баржей «Виктория» – в Горбице, 12 000 пудов рыбы; «Адмирал Посьет» и «Митрополит Иннокентий» с баржами «Варшава», «Фемида», «Баклан» – в Покровке, 36790 пудов груза и 25 голов рогатого скота; «Михаил Корсаков» с баржами «Тула» и «Копчик» – в Ушаковой, без груза и пассажиров; «Сергей Витте» – в Сагибовой, сведений о грузе и пассажирах нет; «Адмирал Казакевич» с баржами «Нью-Йорк», «Бурятка», «Чебак» – в Сагибовой, 47 445 пудов груза; «Джон Коккериль» – выше Радде в 4 верстах, 1180 пудов груза и 250 пассажиров, там же «Сергей Духовской» с баржами «Калуга», «Шилка», «Албазин», «Монголка», «Ялта» и грузом в 300 пудов; баржа «Камчатка» – ниже Забеловских сопок, 25 000 пудов хлеба и груза; баржи «Орёл», «Минерва», «Китайка», «Сан-Франциско», «Паллада», «Селемджа», «Буряя», «Диана», «Ситха», «Вятка», «Кострома» и «Веста» – около Хабаровска на противоположной стороне Амура; баржи «Аляска», «Переселенческая №5», «Русалка» – в 65 верстах ниже Хабаровска, 76 837 пудов солёной

рыбы; «Силач» с баржами «Филадельфия» – в Троицком, 21 634 пуда рыбы; «Геркулес» с баржей «Екатерина» – в Воскресеновке; баржи «Нева» – в Черняевой, «Тамара» – в Михайло-Семёновской; «Север» с баржей «Полус» – в Константиновке; «Одесса» неизвестно где; «Негидалец» 7 октября вышел из Екатерино-Никольской, где остановился – неизвестно; баржи «Цапля» и «Волга» – в Ново-Воскресеновской, 33 000 пудов муки; «Купец» – в Михайло-Семёновской, 20 000 пудов груза, «Слава» там же, 10 000 пудов груза; «Свобода» с баржей «Волна» там же, 18 000 пудов груза; «Восток» – в Пашковой; «Эммануил» с баржей «Чикаго» – в Нижне-Тамбовском, 150 пассажиров и 2687 пудов рыбы; «Цесаревич» с полным комплектом пассажиров – в Николаевске; «Барон Корф» – в Вятском с полным комплектом пассажиров; «Адмирал Макаров» – в 7 верстах ниже Горбицы, 400 пассажиров; «Амур» – в Поярковой; «Воевода Толбузин» с баржами «Крохаль» и «Журавль» – между Хабаровском и Николаевском, о грузе и пассажирах точных сведений нет; «Ретвизан» с баржей «Зея» – в Каникургане, без груза и пассажиров; «Петропавловск» с баржами «Лена» и «Полезная» – в Пашковой, 78 000 пудов железнодорожного груза; «Самара» – в Покровке; «Комета» 8 октября прошла Молчановский перекат, других сведений нет; «Лебедь» – в Малой Сазанке; «Смелый» с баржей «Смелая» – в Поярково, 8000 пудов железнодорожного груза и 25 пассажиров; «Запорожец» – в 25 верстах ниже Благовещенска, 25 пассажиров; «Нерчуган» – с баржей «Ульма» – в Ольгино, 15 000 пудов муки; «Благовещенск» – в Поворотной, сведений о грузе и пассажирах нет; «Сибирь» – в Фирсово; «Павел» с баржами «Ангара» и «Невель» – в Михайло-Семёновской; «Алексеевск» – выше Суражевки; «Тамбов» – в 6 верстах ниже Тароя, 200 пассажиров и 7000 пудов груза; «Зея» – ниже Усть-Кары; «Сибиряк» – в Джалинде; «Вена» – в Кумаре; «Любимец» – в 10 верстах ниже Константиновки; «Вершинник» – в 20 верстах ниже Поярковой; «Товарищ» с баржей «Надежда» – в протоке выше деревни Ново-Покровской, баржа пробита и затонула на глубине 2 футов; «Якут» – в Бардагоне; «Якутёнок» – в Астрахановке». Общая картина катастрофическая.

Проблем возникла масса. Грузы из-за границы (например, «Негидалец» из Харбина, остановившийся в Иннокентьевской, вёз 252 бочки и 212 ящиков спирту, 20 ящиков наливки, 10 ящиков коньяку; на барже «Шилка» – 7721 пуд соли; на барже «Маньчжурка» – 3880 пудов чая, ананасы, бобовое масло, ободья, яйца) было невозможно доставить в Благовещенск без таможенного досмотра, их нельзя было выгружать там, где лёд застал пароходы, а для охраны от бандитов у экипажей не было сил. Опасность была более чем реальной. «В конце сентября в хуторе Бейтоновском на торговую

баржу Александрова явилось восемь неизвестных грабителей, – сообщила всезнающая газета «Эхо». – Пригрозив бывшим на барже людям оружием, забрали 2300 деньгами, кое-что из товара и скрылись». А ведь зимовка только начиналась, грузы были желанной добычей и для настоящих бандитов, и для местных хулиганов.

Страшна была участь людей на «замороженных» пароходах и баржах. По сведениям, которые поступали в Благовещенск со всех концов, среди пассажиров оказалось много «недостаточных»: без денег, без тёплой одежды. Им не на что было жить там, где вынужденно зазимовали пароходы и баржи, им не на что и не на чем было уехать. Военный губернатор Амурской области А.М. Валуев отдал распоряжение станичным атаманам принять меры, чтобы в местах скопления пассажиров и на пути их следования население бесплатно предоставляло им жильё, чтобы «цены на жизненные продукты не вздувались», а самых бедных перевозили на междудворных лошадях бесплатно. Для организации перевозок и питания пассажиров в места их скопления командировали крестьянских начальников и одного пристава. Последнему было поручено собрать в окрестных селениях обывательских лошадей и тёплую одежду для детей и тех, кто её не имеет. На «расходы по этому делу» военный губернатор выделил 1000 рублей, по телеграфу ходатайствовал перед генерал-губернатором Приамурья об отпуске ещё 2000 рублей, а перед почтовым ведомством о том, чтобы по почтовому тракту между Благовещенском и Хабаровском был немедленно организован «полный зимний комплект почтовых лошадей, чтобы дать возможность пассажирам со средствами добираться до городов». Водное управление, управление строительства Амурской железной дороги отправляли застрявшим продукты, помогали с жильём, организовывали, где возможно, вывоз людей. Пароходы и баржи довольно оперативно освободили от пассажиров. Грузы развозили до мест назначения на телегах, потом на санях и это было очень дорого.

В декабре 1912 года газета «Эхо» поместила заметку: «Грузооборот Амурского бассейна за истекшую навигацию по приблизительным подсчётам (без Сунгари) составил около 62 млн пудов, из которых 44 млн – частные грузы, 17,5 млн – железнодорожные грузы, 0,5 – казённые. Грузооборот 1911 года (с Сунгари) – 81 060 млн пудов».

...13 сентября 1902 года у благовещенской пристани транспортной конторы Курбатова на Амуре случился грандиозный пожар, который подробно описал корреспондент «Амурской газеты». Пожар начался около восьми вечера в кухонном отделении парохода нерчинского купца Рифа «Князь Хилков» и в две-три минуты охватил пламенем всё судно. Бороться с огнём было невозможно. Коман-

да (пассажиrow на борту не было) едва успела спастись, выскочив на пристань. Не взяли вещей, не догадались открыть клапаны, чтобы предупредить взрыв котлов. От парохода загорелась пристань. Скоро прибыли пожарные части и администрация, набежала масса народу.

Судоходный инспектор К.К. Пасынков был на пароходе «Семён Дежнёв». Он командовал подойти к горящему пароходу и поливать его водой из парового насоса. Пароход «Князь Хилков» отвели на некоторое расстояние от пристани, но она уже горела изнутри. Потом горящий пароход почему-то снова подвели вплотную к пристани. На нём раздалась хлопки, похожие на выстрелы, мачты начали качаться, закачались раскалённые трубы. Его превосходительство военный губернатор Д.В. Путята, лично распоряжавшийся на пожаре, командовал очистить баржу от народа. Едва очистили, как трубы «Князя Хилкова» с грохотом упали на палубу, на которой ещё находилось несколько человек, в том числе помощник полицмейстера Попов. Они «сгруппировались на носу и этим избегли гибели».

По приказанию военного губернатора в носовой части горящего парохода проделали большую брешь, в которую хлынула вода. Тот же «Дежнёв» отбуксировал «Князя» ближе к фарватеру, где у всех на глазах пылающий пароход пошёл ко дну. Взрыва котлов не последовало.

К тому времени пристань Курбатова несколько отошла от берега, продолжая гореть. Пожарные и добровольцы пытались тушить её, но безуспешно. Вновь подошел «Дежнёв» и затушил огонь паровым насосом. Через некоторое время затонула и пристань.

На пароходе и на пристани было значительное количество товара, убытки оказались громадны: пароход «Хилков» не был застрахован, в командирской рубке сгорело документов тысяч на двадцать, а на Курбатовской пристани огонь уничтожил новый роскошный роуль.

...Когда на Амуре начинался ледоход, паром прекращал работу, пассажиров через реку перевозили на лодках. Цены были невозможные и повышались каждый день. В октябре 1912 года, например, они выросли с одного до четырёх рублей с человека. За перевозку пяти лошадей – каждую везли отдельно – лодочники взяли 80 рублей. На следующий день за перевозку четырёх лошадей с подводами они запросили уже 250 рублей. Ни о какой скидке не желали разговаривать. Благовещенцы жаловались в городскую управу, требовали установить какую-то определённую таксу на перевоз. Управа отвечала: невозможно таксировать труд, при котором люди каждый день рискуют жизнью.

Чуть только устанавливался лёд, пусть самый ненадежный, по Амuru начиналось движение: первыми рисковали ходить спиртоносы, а проезжать – арбы с сеном, потому как «лёгкие».

Годовой круговорот продолжался...

ПЕРЕИМЕНОВАННЫЕ УЛИЦЫ БЛАГОВЕЩЕНСКА

Амурская, Кооперативная – Амурская.
Безьянная – Новая.
Благовещенская – Пионерская.
Большая (Офицерская, Суворовская) – Ленина.
Бурхановская – Пушкина.
Бусевская, Буденновская – Шимановского.
Вознесенская, Крестьянская – Красноармейская.
Вокзальная-2 – Тенистая.
Вокзальная-3 – Тополиная.
Графская – Калинина.
Зейская, 1905 года или Краснопресненского восстания – Зейская.
Иркутская, Кудряковская – Горького.
Казачья – Партизанская.
Кожевенная – Чехова.
Коммерческая – Ломоносова.
Корсаковская, Каменевская – Лазо.
Мастерская – Шевченко.
Муравьевская – Фрунзе.
Набережная – Краснофлотская.
Невельская – Первомайская.
Никольская – Комсомольская.
Офицерская – Мухина.
Американский, Интернациональный переулок –
переулок Святителя Иннокентия.
Почтамтский переулок – переулок Уралова.
Проезжий переулок – не сохранился.
Рёлочная улица – Рёлочный переулок.
Ремесленная – Чайковского.
Садовая, Красноармейская – 50-лет Октября.
Семинарская – Политехническая.
Соборная – Октябрьская.
Станичная – Трудовая.
Съестная – не сохранилась.
Торговая – Б. Хмельницкого.
Училищный переулок – не сохранился.
Чигиринская – Островского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абеленцев В.Н. Амурские губернаторы. 1856-1917. Сборник документов и материалов. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2011.
2. Абеленцев В.Н., Гаршин А.А. Благовещенцы. 1856-1920 гг. Именной и биографический справочник-указатель «Благовещенцы. 1858-1920 гг.». Бла-

говещенск: АО «Амурская ярмарка», 2014. [Электронный ресурс]: <http://museumamur.org/spravochnick-blagoveshenci>.

3.Абеленцев В.Н., Гаршин А.А. Господа офицеры. Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854-1922. Биографический справочник. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2016.

4.Амурская газета. Газета. Благовещенск. 1902.

5.Амурский земледелец. Журнал. Благовещенск. 1912-1917.

6.Амурский край. Газета. Благовещенск. 1900, 1905, 1908.

7.Амурская правда. Газета. Благовещенск. 1920, 1921, 1924.

8.Амурские казаки. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. В 2-х т. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2008.

9.Амурские сезоны. Первый литературный портал. [Электронный ресурс]: <http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/>.

10.Амурский календарь на 1902 год. Сост. Н.З. Голубцов. Благовещенск, 1902. [Электронный ресурс]: <http://www.libamur.ru/bookcolectionelectron/2760.html>.

11.Амурское эхо. Газета. Благовещенск. 1915.

12.Антон Павлович Чехов. [Электронный ресурс]: <http://chegov.niv.ru/>.

13.Афанасьев П.Ю. Люди золота. К истории золотодобычи на юге российского Дальнего Востока. Благовещенск: РИА, 2006.

14.Благовещенск. Март 1918. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка». 2018.

15.Благовещенск. Газета. Благовещенск. 1908.

16.Благовещенские епархиальные ведомости. Газета. Благовещенск. 1899-1917.

17.Благовещенское утро. Газета. Благовещенск. 1915, 1916.

18.Библиографический указатель газет и журналов, выходивших на русском Дальнем Востоке до 1922 г. и хранящихся в библиотеках и архивах региона. Владивосток, 2010.

19.Военные события в Приамурье. 1900-1902. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2008.

20.Востриков Л.А. Светя другим. Хабаровск, 1974.

21.ГААО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 41. Архив Г.С. Новикова-Даурского.

22.ГААО. Ф. Р-1036. Оп. 1. д. 21. Отчёт о деятельности Амурской бактериологической станции с 1 апреля по 1 июля 1920 г. заведующего бактериологической станцией В.А. Смолича.

23.Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Сост. А.В. Кириллов. Благовещенск, 1894.

24.Горький М. ПСС. Письма в 24-х т. Т.7. [Электронный ресурс]: https://imwerden.de/pdf/gorky_pss_pisma_v_24t_tom07_2001_ocr.pdf.

25.Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.). В 2-х т. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2013.

26.Дедлов/Кигн В.Л. Панорама Сибири, 1900. [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/k/kigndedlow_w_1/text_0010.shtml.

27.Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.

28. Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. М.: Захаров, 2019.
29. Доклад о научной командировке в Европейскую Россию и за границу ординатора городской больницы д-ра А.К. Перлина. Благовещенск, 1912 (фотокопия).
30. Дятел, беспартийный. Журнал. Благовещенск. 1918.
31. Емельянов С.В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2019.
32. Записки любителя. Журнал. Благовещенск. 1916.
33. История Благовещенска. 1856-1917. В 2-х т. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2009.
34. Камчатские епархиальные ведомости. Газета. Благовещенск. 1894-1899.
35. Кириллов В.Е., Афанасьев П.Ю. На золотых промыслах Дальней России. К истории золотодобычи на юге российского Дальнего Востока. Благовещенск: РИО, 2003.
36. Кларк Э.Ф. Великая сибирская железная дорога. Что я увидел во время поездки. Владивосток: Изд-во «Валентин», 2016.
37. Культурное наследие Хабаровского края. Николаевск-на-Амуре. [Электронный ресурс]: <http://khabkrai-nasledie.ru/nikolaevsk-na-amure/str.6/>.
38. Культурный центр П.П. Ершова. [Электронный ресурс]: <http://www.ershov.ishimkultura.ru/>
39. Куприн А.И. Собрание сочинений. [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/.
40. Морев В.А. Первые проекты и начало проведения электрического телеграфа через Сибирь на Дальний Восток (1850-1870-е годы) // Новый исторический вестник. №3. 2015. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-proekty-i-nachalo-provedeniya-elektricheskogo-telegrafa-cherез-sibir-i-dalний-vostok-1850-1870-e-gody>.
41. Народное дело. Газета. Благовещенск. 1917.
42. Обзоры Амурской области. 1871-1914. ГПИБ. [Электронный ресурс]: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/27926-obzor-amurskoj-oblasti-po-godam-blagoveschensk-1871-1915>.
43. Отчёт по Хирургическому отделению Благовещенской городской больницы д-ра В.Л. Бормана. Благовещенск. 1912 (фотокопия).
44. Первые телеграфисты Дальнего Востока и Сахалина. [Электронный ресурс]: <https://sakhalin-war.livejournal.com/15894.html>.
45. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России с подробным дорожником. Сост. В.А. Долгоруков. Томск, 1895. [Электронный ресурс]. <https://elib.tomsk.ru/purl/1-4182/>.
46. Русское географическое общество. [Электронный ресурс]: www.rgo.ru/.
47. Санкт-Петербург. Энциклопедия. [Электронный ресурс]: <http://www.encyspb.ru/>.
48. Скибина О.М. В.Л. Кигн-Дедлов и А.П. Чехов: история литературных связей // Вестник Брянского государственного университета. №2, 2014. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-l-kign-dedlov-i-a-p-chehov-istoriya-literaturnyh-svyazey>.

49.Справочная книжка Амурской области на 1890 год. Сост. А.И. Соколов. Благовещенск, 1890. [Электронный ресурс]: <http://library.kazachiy-hutor.ru/biblioteka/zabaykalskie-kazaki/spravochnaya-knizhka-amurskoy-oblasti-n/>.

50.Торгово-промышленный листок объявлений. Газета. Благовещенск. 1908.

51.Триумфальная арка. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2006.

52.Троицкая Н.А. О дневнике амурского казака Дмитрия Пешкова. [Электронный ресурс]. <https://scibook.net/istoriya-rossii/troitskaya-dnevnik-amurskogo-kazaka-dmitriya-33822.html>.

53.Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890-1891. В 2-х т. Санкт-Петербург; Лейпциг, 1893-1897.

54.Холкина Т.А., Чаюн Л.А. Архитектурное наследие Благовещенска. Благовещенск: АО «Амурская ярмарка», 2006.

55.Энциклопедия Забайкалья. [Электронный ресурс]: <http://encycl.chita.ru>.

56.Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. Общ. ред. А.В. Урманов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

57.Эхо. Газета. Благовещенск. 1908-1912.

СОДЕРЖАНИЕ

Издательский проект «Благовещенск. Из века в век»

Идея и руководство: к. филос. н. А.В. Телюк

Валентина Кобзарь

165 историй Благовещенска (конец XIX – начало XX вв.)

Документально-публицистическое повествование

Ответственный редактор — Т.Н. Телюк

Обложка — В.Г. Ларионов

Верстка — М.И. Гнускова

Автор выражает благодарность коллективам Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск), Государственной публичной исторической библиотеки (Москва), Дальневосточной государственной научной библиотеки (Хабаровск), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владивосток); особая признательность – коллективам Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьёва-Амурского

(и.о. директора О.С. Праскова) и Государственного архива Амурской области (директор В.В. Емельянов).

Издатели: АО «Амурская ярмарка»,
Кобзарь В.П., Благовещенск-на-Амуре, 2021 г.
Адреса для электронной корреспонденции:
acpress@mail.ru; @valentinairon;
info@amurfair.ru; www.amurfair.ru

Подписано в печать 29.04.2021. Формат 60*84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. листов 24,88. Заказ № 2349. Тираж 200 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Типография»
675000, г. Благовещенск, ул. Политехническая д. 55.
тел. 21-40-83

ИЗДАНИЯ АМУРСКОЙ ЯРМАРКИ

серии «Благовещенск. Из века в век» и «Приамурье. Из века в век»

- Албазино.** Поэма-летопись. Разгоняев В.И.
Амурские казаки. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Т. 1-2
Амурская святыня. Книга об иконе Албазинской Божией Матери «Слово Плоть Бысть». Иеромонах Игнатий (Чигвинцев)
Амурские губернаторы. 1856-1917. Сборник документов и материалов. Абеленцев В.Н.
Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века. Емельянов С.В.
Архитектурное наследие Благовещенска. Холкина Т.А., Чаюн Л.А.
Благовещенск. Атлас.
Благовещенскъ. До востребования... Счастливое путешествие Антона Чехова на Дальний Восток в 1890 году. Кобзарь В.П.
Благовещенск. Март 1918 года.
Великий амурский заплыв. Хроника события. Воспоминания участников, организаторов и спонсоров. Свидетельства СМИ. Кобзарь В.П.
Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851-1920-е.
Военные события в Приамурье. 1900-1902.
Волшебный Благовещенск (сказки и картинки). Кобзарь В.П.
Городской романс. Книга стихов. Левченко Н.Р.
Георгиевские кавалеры Приамурья. 1854-1917. Историко-краеведческие очерки. Списки и материалы к биографиям Георгиевских кавалеров. Абеленцев В.Н., Гаршин А.А.
Господа офицеры. Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854-1922. Биографи-

ческий справочник. Абеленцев В.Н., Гаршин А.А.

Деловой мир Приамурья (середина XIX - начало XX вв.). Т. 1-2

Забайкальские казаки. Исторический очерк. Т. 1-3. Васильев А.П.

И вознесутся к небу купола... Из истории храма «Всех скорбящих Радость». Тур О.Г.

История Благовещенска. 1856-1907. Очерки, документы, материалы. Шиндялов Н.А. и др.

История Благовещенска. 1856-1917. Т. 1-2

Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX вв.). Коваленко А.И.

Любви благая весть. Стихи и песни о Благовещенске.

Н.И. Уралов и его ученики. (Записки актера). Бровкин Е.А.

Основатели Благовещенска. Очерки, документы, материалы. Шиндялов Н.А., Ермацанс И.А.

Острое чувство. (Амурские рассказы). Маликов А.В.

Память сердца. Шенквец Н.П.

Первый дом города Благовещенска — Свято-Никольская церковь.

Православие в Китае. Селивановский В.В.

Приамурье: люди, судьбы, память. Исторические очерки. Рудковский Н.П.

Приветъ съ Амура. Каталог почтовых карточек Амурской области начала XX века. Автор-составитель Абеленцев В.Н.

Сам себе волк (роман в 2-х частях). Маликов А.В.

Свято-Никольская церковь — первый дом Благовещенска. 1857-2010.

Становление. Очерки о предпринимателях города Благовещенска.

Там, где Зeya с Амуром сплелись меж собой... Фотоальбом произведений Н. Савченко и С. Борзуновой.

Триумфальная арка. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания.

Физкультура и спорт в Благовещенске (конец XIX — начало XX вв.). Кашуба С.А.

Чародей, бродяга и романтик... (Записки театрального завлита). Дьякова Н.Н.

Электронные издания:

Благовещенцы. 1856-1920-е гг. Именной и биографический справочник-указатель. Составители: Абеленцев В.Н., Гаршин А.А.

Георгиевские кавалеры Приамурья. 1854-1917. Историко-краеведческие очерки. Списки и материалы к биографиям Георгиевских кавалеров. (Издание 2-е, дополненное и исправленное). Абеленцев В.Н., Гаршин А.А.

Издания, переведенные на иностранные языки:

Амурская святыня. Книга об иконе Албазинской Божией Матери «Слово Плоть Бысть». Иеромонах Игнатий (Чигвинцев). (КНР, 2013)

Архитектурное наследие Благовещенска. Холкина Т.А., Чаюн Л.А. (КНР, 2016)

Благовещенск. Атлас (на англ.яз., 1997)

История Благовещенска. 1856-1907. Очерки, документы, материалы. Шиндялов Н.А. и др. (КНР, 2010)

Основатели Благовещенска. Очерки, документы, материалы. Шиндялов Н.А., Ермацанс И.А. (КНР, 2012)

Православие в Китае. Селивановский В.В. (КНР — электронная версия, 2014), (США, 2015)

---

²⁵По-старославянски «спуд» – то же, что наше «сосуд». Держать под спудом – прятать под опрокинутым сосудом.

ОТ АВТОРА	3
БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПРЕССА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	6
(Вместо предисловия)	
БЛАГОВЕЩЕНСК	13
Усть-Зейский пост – Усть-Зейская станица – Станица Благовещенская – Город Благовещенск – Местные и пришлые	
ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	17
Сухопутный маршрут – По Амуру – В Приамурье – «Целинники»	
ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ	23
О нуждах города – Самоуправление – Праздники – Думские хроники	
ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	47
Пыль, лужи, навоз – Шоссировка улиц и мосты – Ассенизация – Водопровод – Новые кварталы – Пожарный обоз и пожары – Пожар в Сахалине – Пожарные хроники	
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС	74
Телеграф – Телефон – Телефонные хроники – Электричество – «Электрические» хроники – Трамвай – Автотранспорт	
НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	96
Всеобщее начальное – Алексеевская женская гимназия – Вторая женская гимназия – Мужская гимназия – Реальное училище – Ремесленное училище – Городские начальные училища – Церковно-приходские школы – Благотворители – Стипендии – Школьные экскурсии – Хроники школьных экскурсий – Народные учителя – Курсы для взрослых – Библиотеки	
НАРОДНОЕ ЗДРАВЬЕ	145
А.П. Чехов лечил мальчика – Городская больница – Врачебный персонал – Эпидемия холеры 1902 года – Аптеки – Больничные и аптечные хроники	

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ	172
Помощь нуждающимся – Шадринский собор – День белого цветка	
ТОРГОВЛЯ	183
Базары – Базарные хроники – Вразвоз и вразнос – Магазины Архимовича, Гурикова, «Чурин и Ко», «Кунст и Альберс» – Дешевка – Покупатели – Магазинные хроники	
БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ	208
Гостиницы – Гостиничные хроники – Бани – Парикмахерские – Фотоателье – Прачечные – Пошивочные – Портновские хроники – Реклама и объявления	
ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ	228
Заведения – Меню – Ресторанные хроники – Где столовался А.П. Чехов	
ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО	238
Хозяева и квартиранты – Квартирные хроники – Прислуга – Живность: лошади, крупный рогатый скот, свиньи, верблюды, собаки, канарейки – «Животные» хроники	
РАБОЧИЕ	256
Заработки – «Вахта» – Профсоюзы – Грузчики – Первоймай – Безработица	
ЖЕНЩИНЫ	266
Избалованные и независимые – Телеграфистки – Политехнички – Казачка и работница – Шляпы – Шаровары – Дамские хроники	
ДЕТИ	273
Переселенец Гриша – Мальчики-ученики – Работник Тоушкин – Гимназистка Евдокия – Брошенные – Люди добрые – Пропавшие – «Зацеперы» – Детские праздники	
ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ	279
Друг семьи – Самоотверженная жена – Жадный муж – Неистовый ревнивец – Роковая страсть	

РАЗВЛЕЧЕНИЯ	284
Бульвары – Городской сад – Сад туристов – Музыка – Общественное собрание – Маскарады – Зимние праздники – Праздник фонарей в Сахалине – Синематограф – Летние путешествия	
СПОРТ	316
Наездники и наездницы – Конноспортивные хроники – Велосипеды и велосипедисты – Гребцы и мотористы – Воздухоплаватели и лётчики	
ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	331
Сторожа и охранники – Криминальные хроники – «Весёлые дома»	
ИЗВЕСТНЫЕ ЛИЧНОСТИ	343
Н.В. Ельцов – Ф.И. Васильев – М.Д. Малярова – Н.В. Ершова – А.П. Брунгоф – М.Ф. Кнауф-Каминская – И.М. Хоммер – М.П. Чердынцев – А.П. Еремич – Н.В. Кирилов – Е.И. Чепурин – Г.Г. Ксимидов – А.А. Сахаров – Ф.И. Чудаков – Ф.Ф. Коротаяев	
НА АМУРЕ	397
(Вместо послесловия)	
Зима: «ледовое побоище», А.П. Чехов и контрабандисты – Весна: невозможные тарифы, переправа «таском», апрельская авария – Лето: паромщики, купальни, А.П. Чехов на Амуре, самодурство командиров, пассажиры и А.П. Чехов – Осень: ранний лёд, как сгорели пароход и пристань, и опять – с риском для жизни	
ПЕРЕИМЕНОВАННЫЕ УЛИЦЫ БЛАГОВЕЩЕНСКА	419
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	420

